

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

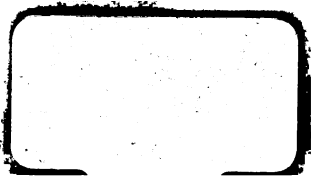
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07854613 6

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Man kann, was man will —
Man will, was man kann. . . .

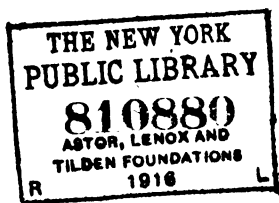
Оксенштирпъ.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

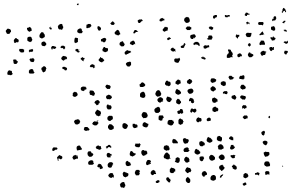
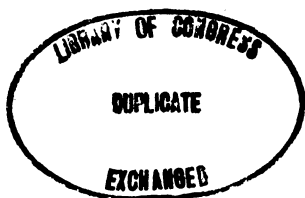
МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1 8 2 7.

Печатать дозволяется, съ тѣмъ, чптобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Мая 5 го дня, 1827 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Советникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.*

**МОСКОВСКІЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.**

Ч А С Т Ъ XV.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

II. КРИТИКА.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Гёте и Шиллеръ ().*

Громкія имена сіи принадлежатъ двумъ мужамъ знаменистымъ, копорыхъ возвеличилъ одинъ вѣкъ, образовала разная сила генія, копорые лучшую часть своей жизни дышали однимъ воздухомъ, вли хлѣбъ-соль за трапезой одного повелителя, оба вмѣстѣ достигли высочайшей сщени

(*) Изъ письма, напечатаннаго въ No 4 Телеграфа, читатели видѣли, что какой-то духъ недоброедѣлательства возникаетъ противъ Гёте, въ заднихъ рядахъ Германской Литтературы. Сообщаемъ здѣсь доказательство сему извѣстію, почерпнутое изъ Нѣмецкой газеты. Просвѣщенные и безпристрастные люди различатъ въ семъ приговорѣ истину отъ предубѣжденія, указанія заслуживающія диванія, отъ указаній внушенныхъ криводушіемъ. Характеристика Гёте, начертанная нашимъ соотечественникомъ, въ письмѣ его, проливаещъ, кажется, яркій свѣтъ на рѣшеніе запроса о существенномъ достоинствѣ Германскаго Протеста. Журналъ долженъ быть зеркаломъ современныхъ мнѣній, отражатъ въ себѣ свѣтъ и тѣни, истины и заблужденія современной эпохи, но отражатъ ихъ только съ честнымъ и несомнительнымъ направленіемъ. *Изд.*

Ч. XV. No 9.

А

славы, оставивъ ниже себя всѣхъ другихъ Германскихъ поэтовъ, если не во всѣхъ родахъ, по крайней мѣрѣ, разнообразіемъ и полнотою своихъ талантовъ въ нѣкоторыхъ. Гёте и Шиллеръ, первые представляются взорамъ наблюдателя, когда онъ вступаетъ въ Пантеонъ Германскихъ поэтовъ; въ библіотекахъ они всегда являются и будутъ являться рядомъ. Покровительство, оказанное одною благомыслящею, великодушною Принцессою Ияцинымъ Искусивамъ, соединило ихъ въ одинъ кругъ, и отсюда-же лучи славы ихъ, подобно сіянію созвѣздія Близнецовъ, всегда вмѣстѣ озаряли образованную Германскую публику; но публика едва-ли чувствовала, какія враждебныя, по внутреннимъ свойствамъ одно другому противоположныя свѣтила называла она Діоскурами.

Вниманіе къ людямъ великимъ никогда не протыываетъ, и упомянутая противоположность, которая всѣ, или почти всѣ сочиненія ихъ легко и удобно объяснить можетъ, доселѣ мало была определена, а потому, почитаемъ не излишнимъ изобразить здѣсь въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ сравненіе Гёте съ Шиллеромъ.

Въ стихотворномъ гениі оба несравненны. Гёте болѣе владѣлъ своимъ талантомъ, болѣе игралъ имъ, не рѣдко даже съ пренебреженіемъ, и вообще обходился съ талантомъ своимъ, какъ роскошный, при-

хотливый Сапраць съ покорной одалискою гарема , къ которой нѣга чувствъ невольно влекла его. Шиллеръ своимъ талантомъ не могъ такъ играть : онъ хотѣлъ выражать онымъ безконечныя идеи , до высоты коихъ часто самъ не могъ достигнуть , хотѣлъ выражать глубокую грусть души своей , не мнимую , но дѣйствительную , и отъ того , можетъ быть , слишкомъ жертвовалъ строгой испанѣ красотою Поэзіи. Геній поэтическихъ думъ казался ему высокою прагическою богинею , которую любилъ онъ съ благоговѣніемъ и скорбію.

Гёте никогда не чувствовалъ другой грусти , кромѣ обиженной суетности ; душа Шиллера вся была проникнута меланхоліею : и могло-ли бытъ иначе ? Бѣдствія цѣлаго человечества въ ней отзывались.

Гёте воспѣвалъ болѣе веселую , ясную сторону жизни ; Шиллеръ болѣе унылую , мрачную . Вотъ единственное достоинство Гёте , и единственный недостатокъ Шиллера.

Гёте хотѣлъ , во что-бы то ни стало , заслужить названіе всеобъемлющаго генія , и вмѣстѣ сдѣлаться поэтомъ-деспотомъ , съ намѣреніемъ хотѣлъ присвоить себѣ императорскую монополію во всей Германіи ; Шиллеръ желалъ изображать и возвышать человечество . Добродѣтель была прекрасная цѣль , къ которой онъ постоянно стремился .

Гёте искалъ и нашель свое величїе, единственнo въ удовлетворенїи всякой модной, временной прихоти Германской публики, помощїю быстраго таланта своего выспавляя себя первымъ жрецомъ моднаго вкуса, и стараясь такимъ образомъ всѣ похвалы, всѣ выгодныя мнѣнія, приписываемыя вкусу вообще, обратилъ исключительно на себя. Онъ мало заботился, хороша ли склонность времени или дурна, нравились-ли ему самому или нѣтъ, достойна его таланта или недостойна, возвысить или уничтожить благіе обычаи и чистые нравы въ публикѣ. Лишь-бы сочиненїя его читали, осыпали похвалами, превозносили до небесъ, лишь-бы поль-вѣка называлось его именемъ: вопль всѣхъ цѣль его, вопль все, чего онъ искалъ! Но публика пошла еще гораздо далѣе, и облекла Гёте славою, какою едва-ли пользовался другой поэтъ. Забывая всѣ психологическія несообразности, она сдѣлала Гёте, съ его безчисленными и споль часто одно другому противорѣчащими стремленїями, предметомъ благоговѣйнаго удивленїя, какъ будто-бы актеръ, который сегодня носитъ корону, завтра шлемъ, потомъ дурацкую шапку, потомъ спальный колпакъ, можешь достигнуть совершенства хотя въ одной роли, не говорю уже во всѣхъ. Неистовое ослѣпленїе, возможное только въ Германїи, объяло цѣлую націю. Явились услужливые кри-

пики, которые, къ величайшему удовольствію самого Поэта, съ важнымъ Нѣмецкимъ видомъ, назвали многоспорность его чудомъ, небеснымъ вдохновеніемъ, а самого Гёте центральнымъ духомъ поэтическаго столѣтія, который, творчески повелѣвая въ средопочіи, изъ себя развивалъ для современниковъ и потомства всѣ разнообразныя вкусы и наклонности. Гёте явно былъ слѣдствіемъ времени, а между тѣмъ рѣшительно утверждали, что онъ создалъ вѣкъ свой. Мнѣнія вѣка обнаруживались, отражались въ его мнѣніяхъ; между тѣмъ всѣ думали, что вѣкъ сообразуется съ его мыслями. Онъ угождалъ всѣмъ приходамъ публики, а публика думала, что она покоряется ему. Необыкновенный талантъ его, удивительное умѣнье приоровляться ко всякому господствующему тону, поселили въ людяхъ близорукость, ни себя, ни времени своего не понимающихъ, слѣпый предразсудокъ, будто Гёте, по произволу давалъ умамъ такое направленіе, какое хотѣлъ. Нелѣпость этого мнѣнія легко доказать и психологически и исторически. Противорѣчія, встречаемыя въ сочиненіяхъ Гёте, не могутъ назваться чистымъ проявленіемъ духа самостоятельнаго, который творитъ и дѣйствуетъ отъ внутренняго побужденія, по собственнымъ законамъ и кладетъ неизгладимую печать на цѣлое человечество. Сіи противорѣчія, напротивъ того,

кажутся, выражающъ духъ совершенно не-самоспѣяпелый, подобно воску поддающійся всякому прикосновенію, облакающій всякую форму. Это будетъ еще яснѣе, когда бросимъ взглядъ на историческій ходъ его литературныхъ произведеній. Молодая лѣта Гётевы пролегли въ санпименпальномъ періодѣ, ознаменованномъ идилліями Геснера, безчисленнымъ множествомъ пастушескихъ романовъ, повѣстей, драмъ: желая угодишь публикѣ, сосредоточилъ разсѣянную наклонность времени и увѣнчалъ себя славою вѣка, Гёте написалъ *Вертера*. Теперь весь эпошъ періодъ называется *Вертеровымъ*. Сколь мало дорожилъ Гёте симъ произведеніемъ, доказываетъ вся жизнь его, доказываетъ насмѣшка, копору онъ сразилъ первое дитя свое. Чувства изнѣженныя должны были необходимо уступать испинно-суровымъ и доблестнымъ, какъ естественной своей противоположности. Поэзія среднихъ временъ ожила у Швейцаровъ. Спрасшь къ доблести рыцарской взяла рѣшительный перевѣсъ. Гёте топчасъ издалъ превосходнаго своего *Гёца Берлихингена*, и трагедія его снова спала вѣвѣскою времени. Тогда начали кипѣшь мяшежи. Въ Сѣверной Америкѣ раздался голось дополь неслыханный, и задолго до Нидерландской и Французской революціи, призраки ея мелькали въ литературномъ мірѣ, подоб-

но вихрямъ передъ грозою; Гёте сочинилъ *Демонта* и прослылъ поборникомъ новыхъ мнѣній. Гёцъ нѣкоторымъ образомъ также относился къ этому періоду. Въ Германіи громко заговорили о пайныхъ обществахъ, мистицизмѣ; Гёте не оспался празднымъ и всѣмъ извѣстная *Исповѣдь прекрасной души*, въ томъ порука. Германская публика приспраспилась къ театральному искусству; Гёте, въ качествѣ драматическаго писателя, могъ-ли здѣсь равнодушно промолчать? Конечно нѣтъ, а доказательство — *Вильгельмъ Мейстеръ*. Но это твореніе во всѣхъ частяхъ своихъ согрѣшо у него какимъ-то непришворнымъ жаромъ сердца полного, и проникнуто далекими видами ума. Въсплѣ съ республиканскими мыслями родилась любовь къ древности и преимущественно къ Грецизму. Кого живѣе Гёте воспламенилъ духъ древнихъ, кто лучше его подражалъ оному? Безирравственность, перешедшая, къ несчастію, весьма рано изъ Франціи въ Германію, ославленная революціею, произвела нечислую липпературу соблазнительныхъ семейственныхъ романовъ, гдѣ всѣ благіе обычаи старины, особенно взаимныя, общесвенныя отношенія обоихъ половъ между собою, были испровергнушы и осмѣяны. Тогда Гёте съ удовольствіемъ написалъ *Mitschuldigen, Wahlverwandtschaften, Стеллу*, и чрезъ то объ-

явилъ себя первымъ поборникомъ шалоспей.

Какъ Греки, такъ и Англичане, Испанцы, Французы, имѣли честь везти на себя триумфальную колесницу Гёте. Не было рода поэзіи, не было любимаго нарѣчія въ Германіи, которыхъ-бы Гёте не употребилъ съ успѣхомъ, выставляя себя начальникомъ и покровителемъ каждаго нововведенія. Все, что онъ, много-ли, мало-ли, произвелъ, какъ переводчикъ, описатель путешествій, автобіографъ, знапокъ и законодатель Изыщныхъ Искусствъ, физикъ, правоучитель, богословъ, театральнѣй директоръ, придворный стихотворецъ, человекъ общеслвенный, министръ и ш. д., все служило только къ распроспрашенію молвы о всеобъемлемости его генія, и если бы, по несчастію паланша Гётева, дворъ не принялъ его въ такую-же мядоспъ, какъ и публика, если-бы онъ не сдѣлался слишкомъ рано славенъ, гордъ и безпеченъ, то опъ него еще многого-бы ожидать должно.

Нѣкоторыя сочиненія писалъ онъ не для публики, а для двора; другія, по крайней мѣрѣ написаны въ совершенномъ духѣ придворнаго и дышашъ лестью. Сюда относятся *Tassѣ*, собственная его придворная исповѣдь; сюда относятся пошлыя, низкія шутки, которыми спарается онъ набросить смѣшную тѣнь на мрачное величіе современныхъ событій; сюда при-

надлежать. безчисленные заказы драмы и оды, которыя онъ въ качествѣ придворнаго епихошворца весьма часто принужденъ былъ писать, и въ числѣ послѣднихъ весьма замѣчательны похвальные гимны, писанные, смотря пошому, куда новвелъ полипическій въперъ, сперва въ честь Наполеона, потомъ въ честь Фельд-маршала Блюхера.

Гёте произвелъ собственно только два сочиненія, о которыхъ можно сказать рѣшительно, что они невольно создались въ душѣ его, безъ всякаго желанія подражать, въ которыхъ онъ слѣдовалъ единственно внутреннему побужденію, между тѣмъ, какъ всѣ его другія сочиненія имѣють условія внѣшнія. Это *Фаустъ* и *Вильгельмъ Мейстеръ*. Въ *Фаустѣ* выразилъ Гёте грусть свою о недоспапкахъ собственнаго генія, въ стремленіи сдѣлаться геніемъ всеобщимъ; въ *Вильгельмѣ Мейстерѣ* высказываетъ онъ новое правило жизни, которому оспался вѣрять во все продолженіе своей. Это правило, которое Гёте сдѣлалъ для себя талисманомъ бытія вполне удовлетвореннаго, а міру завѣщаль, какъ высочайшій законъ практической философіи, есть слѣдующее: *внутреннее достоинство, добродѣтели и таланта — утѣшеніе нищаго, годное только для толпы, костыль хромага. Верховнаго блага должно искать во внѣшней*

угасти. Вельможи, конхъ происхожденіе и сосояніе обыкновенно возносятъ выше народа, показывающъ ему прекрасную, свѣплую, заманчивую сторону жизни; между швѣмъ, какъ другимъ сосояніямъ, большею частію, падающъ въ удѣль одни труды и заботы. Высшая цѣль, копорую предполагаешъ себѣ самая добродѣшель, по мнѣнію Гёте, ни что иное можешъ быть, какъ завидная доля пользоваться лестными правами знашнаго чина. И такъ хорошо зналъ онъ Германскую публику, что осмѣлился рѣшительно и открыто проповѣдывать свое ученіе, рожденное въ періодъ исторіи нашей, запечатлѣнномъ всеобщемо испорченностью нравовъ, проповѣдывать, разумѣвешя съ такимъ видомъ, который истину выдаешъ за иронію, иронію за истину, чтобы всякій могъ по своему переполковать мысль его.

Вошъ ключъ почти ко всему, что писалъ Гёте. Кто безъ предубѣжденія вникнешъ въ рѣзкую правду сего простаго и крапкаго обзора, шошъ не оцупью будешъ ходить по лабириншу мнѣній Гётевыхъ, не смотря на густой шуманъ, который многіе должностные эстетими щедро разливающъ около себя на каедрахъ или въ полстмыхъ сочиненіяхъ, и въ особенности замѣчанія наши могушъ служишъ Аріадниной нитью сквозъ душный

жертвенный эмигрантъ Г. Шубарта и компаніи (*).

Шиллеръ никогда не искалъ себя, своей славы, счастья, благосклонности публики; онъ хотѣлъ возвысить человѣчество, и почти всегда говорилъ какъ гнѣвный, карающій пророкъ. Высокія идеи любви, дружбы, нравственной свободы, чести, опечесства, постоянно одушевляли его и никогда въ сочиненіяхъ Шиллера низкій напѣвъ не мѣшался съ гармоніей небесною. Кто не знаетъ, что всѣ величавыя, вдохновенныя стихотворенія его носятъ на себѣ печать благородныхъ, нѣжныхъ, сильныхъ чувствъ его, хотя, впрочемъ, часто обнаруживаютъ геній менѣе образованный, менѣе гибкій, нежели геній Гёте. Если нѣкоторыя сочиненія Шиллера показываютъ иногда стремленіе, его духу несвойственное, если иногда опъывается въ нихъ какое-то принужденіе, то мы не должны забывать, что онъ находился въ придворной службѣ.

Гёте плылъ всегда по теченію, и всегда сверху, подобно легкому челну. Духъ его былъ всегда въ шѣсномъ согласіи съ духомъ времени. Онъ славилъ добродѣтель, когда она была въ модѣ, и безуміе, когда оно явилось на сцену большаго свѣта. Онъ воспевалъ прошивъ наукъ совершенно сухихъ, давно служившихъ

(*) Шубартъ, извѣстный Германскій писатель, превозносившій Гёте до *non plus ultra*. *Сог.*

предметомъ для сатиры, прошивъ людей, которые уже сами собою были смѣшны и всегда осматривался сперва, на его-ли спонъ толпа насмѣшниковъ.

Шиллеръ во всю свою жизнь плылъ прошивъ печенія. Его духъ былъ выше духа времени. Ему издалека свѣтили идеалы, давно забытые на землѣ, и вдохновенному пѣвцу оставалось только изображать пламенными буквами небесныя шайны, чгобы толпа невольно оглянулась на нихъ. Во всѣхъ его стихотвореніяхъ замѣшенъ дуализмъ: борьба добраго и злаго, благороднаго и низкаго, изящнаго и неизящнаго, и проч.

Гёте при Дворѣ находился въ своей родной стихіи. Тамъ улыбнулось ему счастье, тамъ получилъ онъ доходныя должности, чины, ордена, и тамъ пропекла долгая жизнь его. Шиллеру было душно въ придворной атмосферѣ: въ чертогахъ царедворскихъ посяпили его печали, неудовольствія, и рано унесли съ поприща добродѣтели и славы.

Гёте съ удивительнымъ искусствомъ употреблялъ талантъ свой для выгоды личныхъ; высокій духъ Шиллера презиралъ богатства, и онъ не зналъ даже, что заслужилъ упрекъ, отчасти справедливый, оставивъ семейство свое въ крайней бѣдности, и между тѣмъ сдѣлавъ огромное состояніе своему книгопродавцу.

(Сб Нѣмецкаго, P^{***}).

Мысли объ *Изящныхъ Искусствахъ.*

1. Было некогда иначе и лучше. Небесные цвѣты любви, посяи, надежды, произрастають не изъ сей суровой почвы; изъ лучшей спраны простирають они свои вѣтви въ сію тѣсную, пуспую, хладную жизнь, и оплодотворяють ее своимъ высокимъ вліяніемъ, дабы не вѣчно продолжалось владычество тмы и ея силъ.

2. Становись какъ хочешь, ты все думаешь быть зрящимъ. Человѣкъ имѣеть сновидѣнія, можетъ быть для того только, чтобы не переставать зрѣть. Возможно, что внутренній свѣтъ изъ насъ когда нибудь выспушитъ, шакъ, что не будемъ имѣть нужды въ другомъ.

3. Мы питаемся еще плодами лучшихъ вѣковъ.

4. Кажется, что народъ прекрасный и народъ великій, должны были исчезнуть съ лица земли, дабы языки ихъ приобрѣли вѣчную жизнь.

5. Высшее знаніе есть только догадка, вѣрность которой повѣрить можно, опять только догадкою-же, но высшею.

6. Человѣка образовавъ не мѣзя; человекъ самъ себя образуешь.

7. Толкуй что хочешь: книгу, картину, музыку, природу, человекъ и пр.; ты толкуешь или букву, или смыслъ, или духъ. Буква: все внѣшнее, наружное, тѣ-

ло, чрезъ которое духъ вступаешь въ міръ явленій; смыслъ: внутреннее свойство часней, въ отношеніи къ цѣлому, предвѣспникъ духа, и какъ-бы первая заря свѣта. Духъ, высшее безусловное единство буквы и смысла, самый свѣтъ, истинная жизнь.

8. Произведеніе Поэзіи есть плодъ нравственной свободы и высшаго инстинкта, который можно назвать небеснымъ, ибо кому онъ не данъ, тотъ производитъ только автоматовъ, не имѣющихъ ни жизни, ни души. Онъ, сей инстинктъ, сіе небесное безпокойство и движеніе духа, онъ порождаетъ дивныя творенія Поэзіи и вдыхаетъ въ нихъ жизнь вѣчную.

9. Поэзія, собственно ни слово, ни искусство. Она не слово, потому что совершенство ея пребудетъ такта, пѣнія, плѣдженій и мимики; она не искусство, потому что вся основана на природѣ, которая поступаетъ по правиламъ или законамъ собственно своимъ, а не искусства, и пребываетъ истиннымъ выраженіемъ возвышеннаго духа, неимѣющимъ никакой цѣли. Краснорѣчіе, напрорывъ, въ собственномъ смыслѣ, есть слово и искусство; оно основано на ясномъ, средственно возвышающемся словѣ, и есть искусство во всякомъ смыслѣ, преслѣдующее свою цѣль и припворяющееся отъ начала до конца.

10. Поэзія не имѣетъ никакой внѣшней цѣли. Всякое лирическое твореніе

есть необходимое произведение природы, а посему и органическое цѣлое, жизнь.

11. Поэзія сама по себѣ совершенна и каждое произведение ея есть нѣчто цѣлое, имѣющее душу и тѣло, существо ограниченное и безконечное, живое и животворящее, которому не лзя дать ни другой души, ни другаго тѣла, есть отдѣльный органической міръ идей и созерцаній. Истинно типическое произведение есть гениальное, вмѣстѣ съ гениемъ рожденное, гениемъ, высшимъ духомъ, по подобію своему порожденное, не временное, но вѣчное. Науки, напрошивъ, подлежатъ безконечному усовершенствованію, и всѣ ихъ произведенія суть только средства, средства временныя, остающіяся въ употребленіи, пока нѣтъ лучшихъ. Занимающійся наукою опирается всегда на предшественниковъ своихъ; поэтъ творитъ независимо, и только въ Поэзіи бываетъ *геній*, духъ творческой.

12. Природа для человѣка находится въ вѣчномъ антропоморфизмѣ, и все зависитъ отъ того, какою она одушевляется душою, душою Терсипа или душою Гомера.

13. Одушевленіе есть внутренній огонь, прозябающій всѣ цвѣты духа.

14. Гений, не только образъ, но часть творческаго духа природы, и дѣйствуя сообразно ея законамъ, имѣетъ въ искусствѣ свою автономію.

15. Великому поѣшу извѣстны все народы, все времена, все состоянія; природа для него открыта, и онъ видитъ не только ея сокровища, но постигаетъ и душу всякаго явленія; твореніи его напоминаютъ намъ долголѣтнюю его метемпсихозу.

16. Не имѣющій внутренней музыки, въ чудеснѣйшихъ произведеніяхъ Искусства и Поэзіи ничего не видитъ.

17. Эпическая Поэзія представляетъ минувшее настоящимъ, спокойно и ясно предъ глазами нашими совершающимся въ постепенномъ развитіи, объемлетъ, подобно природѣ, и великое и малое, не ограничиваясь временемъ; представляетъ одно только дѣйствіе, во всемъ его многообразіи, коего центромъ одно главное лицо, какъ высокое явленіе эпического міра, замиравующее все прочее, но состоящее, какъ чадо природы, подъ законами вселенной, не вступающее въ борьбу съ судьбою, но повинующееся волѣ боговъ, несомое вихремъ времени и колеблемое бурей происшествій, но твердо стоящее на незыблемомъ основаніи своего благородства, и ощущающее шествіе Божества по землѣ.

18. Трагедія есть представленіе цѣлаго и полнаго дѣйствія, ни прошедшаго, ни будущаго, но настоящаго, совершающагося чрезъ слово и дѣло, въ которомъ свобода и самостоятельность чловѣка являющиеся въ борьбѣ съ судьбою.

19. Покрыпъ чшо нибудь шипическимъ блескомъ , не значить еще сдѣлать спихотвореніе. Дидактическая Поэзія.

20. О шипическомъ произведеніи должно-бы судить , какъ мы судимъ о пріятномъ или непріятномъ вкусѣ яблока , не спрашивая на какомъ оно выросло деревѣ.

21. *Романсб* (Romance) значитъ шже , чшо lingua volgare , новѣйшій языкъ народа , которій образовался изъ смѣшенія варварскаго съ ученымъ и классическимъ , такъ какъ вообще изъ сего хаоса прошивоборствовавшихъ себѣ стихій произошелъ романшическій видъ средняго языка. *Романсб*, родъ спихотвореній , естѣ романшическое представленіе , въ народномъ вкусѣ или тонѣ. Изъ сего , въ то время , когда одно чтеніе уже сославляло ученое образование , долженствовало слѣдовать само собою назначеніе онаго для легкаго пѣнія , равно краткость въ ошдѣлкѣ и простота повѣствуемыхъ происшествій , для удобнѣйшаго удержанія въ памяти. Такъ Романсы ошдѣлялись отъ объятнѣйшихъ Романовъ , которые первоначально были рыцарскими книгами , въ послѣдствіи , переложенные въ прозу , сдѣлались народными. Разумѣется , чшо для сего не избираемы были чужіе и неизвѣстные предметы ; но такіе , которые , хотя и совершенно въ области фантазіи находились , однако не высшунали изъ горизонта возможныхъ созерцаній : Романсы , по содержанію и отечествен-

нымъ акцентамъ и звукамъ своимъ, были національные Рыцарство, въ тѣхъ земляхъ гдѣ оно господствовало, сославляло общую національность, и что къ оному относится, вездѣ кажется поже, опличаясь только нѣжными оппѣнками. Впрочемъ, въ старыхъ народныхъ пѣсняхъ напечатлѣны опличительныя черты всего образа мысленія и чувствованія каждаго народа, часто слышны съ неизгладимыми и характеръ опредѣляющими воспоминаніями. Такъ опзывались въ нѣкопрыхъ Испанскихъ романсахъ сцены изъ послѣдней войны противъ Мавровъ, съ такою прогательною силою, что запретили ихъ пѣшь, потому что всѣ слушатели впадали въ неодолимое уныніе. Въ другихъ горитъ шихая и пламенная любовь, опважная ревнивость, фантасмическая вѣжливость Каспидянца, подъ Маврскимъ именемъ и въ шелковомъ великолѣпнѣ двора Гернадскаго. Достопримѣчательно, что въ сихъ южныхъ спихотвореніяхъ нѣтъ ни привидѣній, ни другихъ спрашилищъ фантасиза, между тѣмъ, какъ въ сѣверныхъ баладахъ, особливо Англійскихъ, Шотландскихъ и Датскихъ, мѣръ духовъ, хладнымъ и лихимъ дуновеніемъ переселяещъ свои ужасы въ жизнь. Слогъ въ древнихъ романсахъ вообще крапкій и опривистый; иногда упоминающся дѣянія и имена, какъ въ хроникѣ, но чудесное никогда не приговоряещся, и развище побудительныхъ

причинъ ему чуждо. Ошь сего, поелику ничего не изобрѣшено по волю ума, но все ограничено въ чистѣйшемъ, невиннѣйшемъ созерцаніи, ошь сего и происходитъ не-связность, преисполняющая догадокъ и предчувствія, и удерживающая насъ очаровательною силою. Нѣшь никакой риторики въ выраженіи спраспей, при коихъ, почти робкомъ, указаніи, живое дѣйствіе шѣмъ сильнѣе является. Вообще, въ описаніи предметовъ, нѣшь преувеличенія, дѣло само собою говоритъ просто и безъ намѣренія произвести эффектъ. Черезъ все сіе древніе романсы, въ смѣлости благоразумны, въ поковъ прогашельны, въ странномъ и фантасмическомъ еще натуральны и просты, а что кажется дѣпскимъ, имѣеть чрезвычайную глубину и высокое благородство. Безпечно-творящему побужденію удалось, къ чему только образованнѣйшій спихопворецъ возвращается: простѣйшими средствами произвести величайшее. Просвѣщенный вѣкъ разсматриваетъ сія естесственныя произведенія съ удовольствіемъ, каковое знапокамъ живописи доставляють легкіе эскизы и очерченныя мысли, представляющія въ немногихъ удачныхъ очеркахъ, какъ-бы основное созерцаніе великаго и богатаго творенія. Требуешся исполненіе воображенія. Разумѣеться, что сказанное относится только къ древнѣйшимъ и собственно первоначальнымъ романсамъ; позднѣйшіе,

хотя и въ духѣ оныхъ, имѣютъ однако правильнѣйшую подробность. Испанскій романсъ въ послѣдствіи составилъ весьма многообразный и искусственный родъ стихотворенія. Англійскія баллады напротивъ сохранили свое назначеніе для народа, но приходили въ большой упадокъ: многія, до Шекспирова вѣка существовавшія, уже очень поверхностны, пространны, украшены прозаическими воззваціями къ соучастію и нравоученіями, такъ какъ и переложенія старыхъ любимыхъ романсовъ въ новый языкъ, нигуда негодятся. Рѣдко слышенъ былъ тогда истинно романтическій звукъ. Что стихотворцы, какъ Shenstone, Collins, Mallet, Goldsmith и др., выдавали за баллады, когда онѣ вошли опять въ моду, есть ни иное что, какъ сантиментальное приемыщаніе, безъ малѣйшей искры духа древнихъ. Въ сравненіи съ слабостью и превратностью сихъ опытовъ, у націи, которая образцовыми произведеніями сего рода, съ древнѣйшихъ временъ сохранившимися, гораздо богаче нежели Германская, заслуги Бюргера о возстановленіи истиннаго романа чрезвычайно велики. Что Англія, удивленная, воздала его Ленорѣ безконечную похвалу, весьма справедливо.

22. Новѣйшая Германская Словесность у насъ почти вовсе не извѣстна. Сущности оной и не лзя видѣть въ одномъ какомъ-либо авторѣ. Она не имѣетъ ни

опредѣленной кришки, ни столицы, ни Академіи; разнородныя явленія авторовъ и сочиненій, и безконечный расколъ мнѣній и характеровъ, разсматривая оныя съ высшей точки зрѣнія, соединяются въ одну все сокрушающую силу.

И. Кромбергъ.

(Будетъ продолженіе.)

Историческое обозрѣніе Мифологіи Сѣверныхъ народовъ Европы.

(О к о н ч а н і е .)

У Цельшовъ, сего древнѣйшаго, таинственнаго поколѣнія, тщательнаго должно отличать ученіе жреческое отъ Мифологіи народной; все, что о сихъ предметахъ говорятъ древніе писатели, относится только къ внѣшности жреческихъ учрежденій и народной Мифологіи. Мифы Галліи основаны были на трехъ великихъ идеяхъ: ученіи о мірѣ, о Богѣ и одушѣ. Съ ученіемъ о сотвореніи и о мірѣ, въ тѣсномъ соединеніи находилась религіозная Астрономія; къ ней присоединялось религіозное ученіе о времени, коего годъ міра (Weltjahr) получалъ значеніе только въ переселеніи душъ (метемпсихозѣ), такъ какъ оба получали значеніе отъ всеобщаго сожженія міра, ко-

порое Галлы приняли, и кошорое (что изъ сказаннаго выше извѣстно уже намъ) было основаніемъ Скандинавской и Нѣмецкой религіи, сльдственнно, было вѣрою народною. Изъ Друидской психологіи, въ народную вѣру было принято одно положеніе, именно, ученіе о другомъ мірѣ, кошорое опяшь основано было на трехъ важныхъ идеяхъ: *переселеніи, оживленіи и безсмертіи* души. По удивленію, съ какимъ древніе приводятъ сіе мнимо-Пифагорово ученіе, должно уже заключить, что въ семь отношеніи Цельшо-Нѣмецкая народная вѣра была гораздо выше Римской и Греческой. Галлы, пакже какъ и Нѣмцы, вѣрили продолженію жизненныхъ отношеній въ другомъ мірѣ и обязанности, кошорая не прекращается съ смертію. Опъ того у нихъ заповѣдь о презрѣннн смерти (какъ и у Нѣмцовъ) и ученіе о безсмертіи, хотя и имѣли величайшее вліяніе на воинскую храбрость, но не для нее были составлены. У нихъ былъ, такъ называвшійся, *садъ души*, заключавшій въ себѣ время переходовъ души чрезъ другія шѣла; только послѣ сего, очищенная душа, по мнѣнію ихъ, входила въ безсмертіе. Сожиганіе умершихъ было въ Галліи прообразованіемъ сожженія міра.

Краткія извѣстія Цезаря о Галльскихъ божествахъ соспоахъ въ отрывкахъ изъ планетной народной вѣры. Они достойны замѣчанія еще въ другомъ отношеніи, ибо

изкошорыя изъ нихъ приняты были въ Римскую государственную религію въ Галліи, а другія не приняты. Римляне, какъ ижеся, не признали важныхъ пуземныхъ боговъ; по неизвѣстнымъ причинамъ слили полько меньшихъ съ своими. То, что Римляне называли Меркуріемъ, у Галловъ именовалось *Теутатъ*, и въ Опцѣ Дасъ сдѣлалось поколѣннымъ героемъ народа, безъ всякаго сомнѣнія, весьма близкое имя сродство съ Нѣмецкимъ *Тіуско*, а можеть бысть, составляя съ нимъ одно и поже. Но изображеніе сею бога въ шройспвенномъ видѣ, какъ *изобрѣтателя* всѣхъ искусствъ, *защитника* на всѣхъ дорогахъ и *охранителя* денегъ и торговли, должно конечно приписать Галламъ. Аполлонъ назывался по Галльски *Белецъ* или *Белицъ*; по сему имени онъ очень сходенъ съ Сѣвернымъ Бальдеромъ, что доказывается шакже особеннымъ почитаніемъ его какъ врача (споишь вспомнишь полько о распеніи Бальдеріанъ (*Valeriana offic.*) и о многозначительной Сагъ распеній при смерти Бальдера). Белленъ вообще былъ почитаемъ во всѣхъ родовыхъ жилищахъ Галловъ. Марсъ у нихъ назывался *Гесъ* или *Аесъ*; въ немъ не намѣренъ я искашь ни Эпрусскаго Аезара, ни Скандинавскаго Аза, ни Нѣмецкаго Ганзена, хотя имя и существо его въ сродствѣ съ обвими послѣдними, но указываю полько на древне-Ирландскаго *Аозара* (имя сіе значить

Богъ). Впрочемъ, онъ у Галловъ, кажется, былъ точно тѣмъ-же, чѣмъ Воданъ у Нѣмцовъ; а Юпитерь, съ его собственнымъ именемъ *Таранъ* и *Таранъ укиъ*, есть во всемъ Сѣверѣ извѣстный Торъ, и напоминаетъ (впрочемъ, можетъ быть, только по созвучности) предпочтительно Финнскія божества: *Тара* и *Укко*. Галльское названіе Минервы мнѣ не извѣстно. Беленъ и Таранъ включены были въ государственную религію Римлянъ, а другіе боги оставлены; всѣ они почитались богами планетъ.

Главное мѣстопробываніе Цельтской вѣры было на островахъ Британскихъ, гдѣ долго поддерживавшееся учрежденіе Бардовъ сохранило множество Друидскихъ преданій. Съ ними случилось поже, что съ Скандинавскими Сагами. Изъ любви къ опечествленному, имъ придавали болѣе достоинства, нежели сколько они дѣйствительно имѣли, а изъ суемудрія пренебрегли ихъ. Если-бы ошь Цельтовъ остался даже одинъ Оссіанъ, а ошь Скандинавовъ только одна *Велуспа* (*Wöluspå*), то и тогда можно бы предполагать многое. Къ сему мнѣнію принуждаютъ насъ какъ извѣстія древнихъ, такъ и недавняя находка монетъ на островѣ Жерзеѣ. Справедливо, что въ Ирландіи Барды были чрезвычайно образованы, и что въ цѣсняхъ Валлискихъ Бардовъ сохранилось множество извѣстій изъ Друидскаго уче-

вія. Было при рода Ирландской музыки и семь классов стихотворцовъ, которые, вообще назывались *Олламгаинд-ре-данб* или *Филлидэ*, составляли орденъ столь-же опдальный, какъ орденъ Друидовъ, и имѣла множество значительныхъ Сагъ о своемъ происхожденіи и дальнѣйшемъ образованіи. Валлисскіе Барды разлили самый яркій свѣтъ на ученіе о вѣрѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что только изъ ихъ преданій можемъ мы изслѣдовать Цельтическую вѣру въ томъ видѣ, какъ она была образована въ Монѣ.

Въ Британскомъ ученіи Друидовъ произошли многія измѣненія, какъ о томъ говорятъ ихъ Саги; въ немъ замѣтны многія иностранныя примѣси, и потому можно сказать, что ученіе сіе состоитъ изъ разнородныхъ частей и ограничивается кругомъ извѣстнаго числа боговъ, которые всѣ относятся къ ученію о водѣ; но, такъ какъ символика въ именахъ, знакахъ, числахъ и п. д. неограничена, то они и являющя въ разнообразныхъ и многочисленныхъ соединеніяхъ и отношеніяхъ. Сага творенія, кажется, затемнена была баснею Цельповъ о попомѣ, который весьма естественнo оказываетъ опечесственный колоритъ. Озеро Лліонъ, говорили Цельпы, выступало изъ береговъ и наводняло весь міръ; всѣ люди погнули; только Двиванъ и Двивахъ спасены въ челнокѣ и населили Британію. Тогда сдѣланъ

былъ корабль Невиддъ - Навъ : Нейвіонъ (ковчегъ) и волю Гу - Гадарна выпасили ящикъ (Avanc) на землю, для того, чтобы озеро болѣе не разливалось. Сей Гу составляетъ одно изъ значительнѣйшихъ существъ въ ученіи Друидовъ; онъ мужъ воды, творецъ въ волю, обладатель земли и моря, всеобщій отецъ, душа міра и создатель всего міра; болѣе человѣчески понимаемый, онъ солнце, отецъ людей и князь неба, волю и благодѣтель, а въ понятіи отечественномъ, онъ владыка Брипанскихъ острововъ и богъ Монь. Во всей Брипаніи имѣлъ онъ свои священные острова, озера и луга, гдѣ ходилъ и гдѣ являлся своимъ поклонникамъ. Потому существо сіе, въ основаніи обнимающее творческую цѣлостъ, по неограниченной дѣятельности своей, имѣетъ безчисленные имена и символы. Оно представляло собою мужескую силу; но въ Мифологіи Цельтовъ находилась и первородная жена (Церидвенъ). Она имѣла разительное сходство съ Церерою, и также какъ Церера у Грековъ, служила поводомъ большей части тѣяньствъ. Солнцу, Гу, противопоставляется она какъ луна; всемірному отцу, какъ мать земли. Ея копель и корабль съ парусами принадлежатъ озеру Лліонъ и воламъ Гу. Къ сравненію съ Церерою, въ ней конечно не подходитъ то, что она въ видѣ зеленщицы представляется охранительницею хлѣбныхъ овень, что она яв-

ляется какъ образовательница юнаго поколѣнія, также, какъ правительница и учредительница Бардовъ; даѣе, что она является пищею, исполнскою женщиною и бѣснующеюся, и что служеніе ея бывало иногда бурно и необузданно; впрочемъ сравненіе и не нужно, ибо необыкновенныя качества и символы Церидвены можно объяснить изъ Британской Мифологіи. Церидвена имѣла, также какъ Гу, множество именъ и встрѣчается подъ весьма многоразличными видами, а потому оба сіи существа, по причинѣ безконечно-обширнаго своего значенія, составляли основаніе Друндскаго многобожія и тайнаго ученія.

Сколь ни обработано кажется Финское ученіе о числахъ, но должно согласишься, что Цельмское было еще значительнѣе. И здѣсь число *три*, равно какъ у Финновъ, составляетъ основное число, но соединенія и значенія онаго необозримы. Менѣе всего можно ихъ исчерпать скудными планетными и Естественной Исторіи указаніями, хотя и сіи указанія въ нихъ заключаются.

Окончаніе спашы Г-на Моне заключаетъ въ себѣ мысли о томъ, какимъ образомъ въ послѣдствіи, во многихъ государствахъ, къ истинамъ Божественной религіи примѣшивалось язычество. Если не предположить сей примѣсы, то не лзя объяснить, какъ

въ христіанствѣ Сѣверныхъ народовъ являлись многія мѣткія, повѣрья и обряды, по всему замѣтно, не принадлежащія къ священнымъ обрядамъ христіанской религіи. Обративъ взоръ на одну Россію, мы находимъ въ старинномъ бытѣ простаго народа слѣды ворожбы, шаманства, понятія о числахъ, смѣшенія Библейскихъ понятій о діаволѣ съ мѣткими языческими о духахъ и полубогахъ (лѣшіе, домовые, русалки, полевые); находимъ языческія названія христіанскимъ праздникамъ (Семикъ, Русальная недѣля, Купало, Радуница, Бабье лѣтцо) и даже языческія жертвоприношенія (хворосты, блины, сочни, жженіе соли, бросаніе въ воду вѣсковъ). Г-нъ Монте говоритъ о земляхъ, гдѣ дѣйствовали Католики, что «Католическіе обращатели язычниковъ не имѣли никакихъ познаній о внутренней сторонѣ Сѣверной Мифологіи и ученіи оной, а потому всѣ запрещенія ихъ обращены были только на явное языческое идолослуженіе и на то, что съ нимъ ближе всего было соединено. Отъ сего, въ духѣ народа, язычество оставалось въ большой силѣ при христіанской вѣрѣ. Обращателямъ казалось достаточнымъ, когда они уничтожали идолослуженіе, не зная, что есть еще внутренняя сторона, и поелику обращеніе производилось вездѣ почти безъ всякаго предварительнаго наставленія въ истинахъ христіанской вѣры, то *ученіе* язычества, составлявшее *главное* въ Сѣверной Мифологіи, и не было совершенно уничтожено, ибо для сего потребно было новобращеннымъ язычикамъ внушить на убѣжденіи основанное истинно-христіанское благоговѣніе, но сего нигдѣ не могло быть, тѣмъ болѣе, что Папское утѣсненіе и соединенныя съ Католи-

дѣломъ папѣ духовенству были первымъ и отвращавшимъ язычниковъ дѣломъ, шакъ что въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи, и другихъ земель, язычники почитали обращеніе только гражданскою необходимостію и принимали его для избѣжанія совершенной погибели, а не почитали себя обязанными слѣдовать святой Вѣрѣ и соображать съ нею жизнь свою. Отъ того видимъ безпрестанно въ прежніе вѣка повторяемыя запрещенія противъ тайнаго язычества, которыя не были-бы нужны послѣ обращенія, основаннаго на убѣжденіи сердца и ума. Свѣтскіе вѣстелины, обратившіеся въ христіанство, рѣдко издавали законы противъ язычества (сего требовала политика); потомки ихъ, воспитанные уже совершенно въ христіанскомъ ученіи, не знали языческихъ основаній, тайныхъ въ душѣ народа. Училищъ не было никакихъ, кромѣ монастырскихъ, и тѣ заведены были только для послушниковъ, почему ученіе народа ограничивалось нѣкоторыми только догматами христіанства. Такъ новое поколѣніе возрастало съ языческими мыслями и воззрѣніями и не произвольно передавало ихъ своимъ потомкамъ, а когда иностранные обращители вымерли и монастыри стали брать монаховъ изъ самыхъ природныхъ жителей, то сіи взрослые совершенно съ мѣтніями своего народа, въ смѣшеніи истинной вѣры съ ложною, никогда не могли совершенно отстать отъ него. Вотъ почему въ ученіи народномъ, въ вѣрѣ народной, по незнанію, сливалось христіанское съ языческимъ. Истинный Богъ во многихъ случаяхъ называемъ былъ такими именами и отличаемъ такими качествами, которыхъ не лзя было ни объяснить, ни оправдать

Ч. XV. No 9.

В

Священнымъ Писаніемъ, и позднѣйшее попомство твердо вѣрило, что исполняемые имъ языческіе обряды и уважаемыя мѣстныя были мѣстными и обрядами христіанскими. Еще менѣе христіанскіе учители думали объ истребленіи народныхъ Сагъ, почитая ихъ сказками или исторією и не зная, что въ нихъ, подъ историческими событіями, крылись догматы язычества. Сообразивъ вышеобъясненныя обстоятельства, по коимъ бытъ сѣверныхъ христіанъ долженъ былъ смѣшаться съ прежнимъ языческимъ образованіемъ, мы видимъ, отъ чего донинѣ сохранилась для насъ большая часть исторіи Мифологическаго образованія Сѣверныхъ народовъ.»

Хотя мысли Г-на М. не могутъ быть совершенно приложены къ Россіи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, изыскатели Мифологіи нашихъ предковъ, могутъ съ успѣхомъ пользоваться, какъ самымъ изложеніемъ Сѣверной Мифологіи, Г-мъ Моне сосланнымъ, такъ и предположеніемъ его о необходимомъ по обстоятельствамъ смѣшеніи нѣкоторыхъ языческихъ мѣстныя и повѣрью съ догматами и обрядами христіанскими. Нынѣ такое смѣшеніе совершенно почти прекратилось и Божественная Религія христіанская является намъ въ свѣтлой чистотѣ.

II. КРИТИКА.

Натальныя основанія Химіи, Александра Іовскаго, часть первая. О простыхъ Химическихъ веществахъ. Изданіе второе, совершенно вновь переработанное. Москва 1827. in 8. 162 стр.

(Письмо къ Издателю Телеграфа.)

Въ вашемъ Журналѣ было когда-то сказано, что на Русскомъ языкѣ нѣтъ *полнаго курса Химіи*, сообразно нынѣшнему состоянію сей науки написаннаго. Это совершенно справедливо, ибо первое изданіе *Химіи*, Г-на Іовскаго, не могло быть почтено сочиненіемъ современнымъ. Новое, второе изданіе есть *совершенно переработанное*, какъ называетъ его Авпоръ, и не должно никакъ быть смѣшиваемо съ *первымъ*, о которомъ мы и не упомянули-бы здѣсь, если-бъ самъ Г-нъ Іовскій не ссылался на многія мѣста онаго. Пополнить-ли въ нашей Литтературѣ недостатокъ курса Химіи сіе новое сочиненіе Г-на Іовскаго, увидимъ, когда будутъ изданы въ свѣтъ остальные части. Въ вышедшей первой части помѣщено описаніе *однихъ простыхъ наталъ*.

Что касается до новостей, то мы находимъ здѣсь многія свѣдѣнія, какія не были еще внесены въ наши курсы, и много такого, чего на нашемъ языкѣ не было еще говорено. Любопытно прочесть о *Вроміи*, о *превращеніи газовъ въ жидкости*, о *Гальванической цѣпи Лондонской*; впрочемъ каждый судія по своимъ свѣдѣніямъ, можетъ находить болѣе

или менѣе новаго; посему объ эшомъ распространяться много и вѣчего. Довольно если сказать, что въ сочиненіи Г-на І. собрано въ одно мѣсто многое изъ того, что разсыяно въ разныхъ сочиненіяхъ. Въ томъ, что мы сказали здѣсь, осмѣливаемся думать, и заключается достоинство *Химіи Г. Іовскаго*, для читателей, прибавимъ, начальныхъ основаній, а не полного курса. Система и планъ самой книги не улучшены противъ тѣхъ, какія у насъ уже извѣстны. Посему намъ слѣдуетъ замѣтить о томъ, что-бы могло послужить къ улучшенію книги. Г. Іовскій въ предисловіи говоритъ: «Дабы не увлечься односторонностію, я всегда готовъ принять со всею моею благодарностію здравое сужденіе другихъ о семъ важномъ предметѣ. *Omnia possumus omnes.*» Не знаю, покажутся-ли *здравыми* мои сужденія Г-ну Автору, или нѣтъ: во всякомъ случаѣ прошу васъ, Г-нъ Издатель Московскаго Телеграфа, дать мѣсто моимъ замѣчаніямъ въ вашемъ Журналѣ. Я написалъ ихъ потому, что успѣхи отечественнаго просвѣщенія почипаю предметомъ для себя близкимъ.

У васъ въ Москвѣ *новѣйшая Химія* издана Г-мъ Іовскимъ; а здѣсь въ Петербургѣ *новѣйшая Физика* издана Г-мъ Щегловымъ. Сообразивъ оба сочиненія, не лзя понять ясно изъ оныхъ, что есть Химія и что такое Физика. Теплоту, свѣтъ, электричество, магнитность, Г-нъ Щегловъ почитаетъ собственностію своей *гастной Физики*; а Г-нъ Іовскій описываетъ ихъ въ своей Химіи, и гораздо подробнѣе чѣмъ другія вещества. Но Г-нъ Щегловъ по крайней мѣрѣ сказалъ кратко, но ясно (см. *Основанія общей Физики*, стр. XXVIII),

что въ гасной Физикѣ разсматриваются свойства невзвѣшиваемыхъ, тончайшихъ и повсѣдственно на природу вліяніе имѣющихъ дѣйствительностей, каковы: теплотворная, свѣтотворная и электрическая матерія. Г-нь Ювскій, не отличивъ Физики отъ Химіи предварительно, изъясняетъ гальванизмъ въ Химіи, а строеніе и дѣйствіе гальванической колдны — говоритъ онъ — обширно объясняются въ Физикѣ (28 стр.); рѣшеніе вопроса: какъ производится электричество? принадлежатъ Физикѣ; а вопрошь: какія явленія обнаруживаетъ электричество? рѣшается въ Химіи (23 стр.).

Прочитавъ (на стр. 1 и 2) различіе Химіи на теоретическую и практическую, не лзя опредѣлить: Химія Г. Ювскаго теоретическая или практическая? . . .

„Хозяйственная Химія раздѣляется на 1) Сельскую, 2) домашнюю или Технологическую.“ По опредѣленію, данному первой, ее должно-бы назвать земледѣльскою. Домашняя и Технологическая едва-ли одно и тоже.

Излагая исторію Химіи, Г-нь Ювскій говоритъ: *Находятся сочиненія, изъ коихъ видѣть можно, что названіе Химіи еще прежде потопа извѣстно было.* Надобно было сказать, какія это сочиненія, безъ чего не всякій повѣритъ. Если рѣчь идетъ о Фовелѣ, то ковать вовсе не есть дѣло Химіи. Здѣсь замѣтимъ кспати, что подробное описаніе способа сгущать газы, само по себѣ весьма интересное, въ краткомъ изложеніи исторіи Химіи неумѣстно и мѣшаетъ *точности изложенія.* Точность и порядокъ должны бытъ наблюдаемы

строго въ изложеніи наукъ , а особливо въ сокращенномъ курсѣ: все должно быть (если можно такъ выразиться) взвѣшено на аптекарскихъ вѣскахъ: должно ограничиться существеннѣйшимъ , всему дать надлежащее мѣсто въ порядкѣ обдуманномъ , определенномъ. Тогда читатель удержитъ удобнѣе все въ памяти , а въ случаѣ нужды будетъ знать , гдѣ чего искать должно. Такой стройности размѣренной и порядка , необходимыхъ качествъ науки , Химія Г. Ювскаго не имѣетъ: въ ней все какъ будто набросано на скорую руку. Примѣръ: на стр. 80. сказано *для удобнѣйшаго обозрѣнія мы подраздѣляемъ оныя (образуемая вещества) на три степени* описаны-жь оныя совсѣмъ не такъ подраздѣленными. Въ исторіи сказано было объ алхимикахъ и обруганъ Парацельсъ: довольно-бы! Но въ спашь о металлахъ находимъ сверхъ чаянія вторичное распространеніе сего предмета. Съ великимъ пыломъ понося Алхімію , Авторъ опять нападаетъ на покойника главу ихъ : *буйный, говоришь , и развращенный Парацельсъ, тщеславящійся имѣть такое сверхъ-естественное лекарство , погибъ предъ глазами ихъ смертѣю столь-же гнусною , какова была жизнь его.* Къ чему такія выходки? За чѣмъ касаться личной нравственности, жизни и смерти , и тревожить прахъ людей, когда говоримъ объ ихъ заслугахъ въ ученомъ мѣрѣ? И развѣ мало доспалось алхимикамъ? Приятно видѣть пламень , какимъ Г-нь Ювскій пожигаетъ прошивное истинной наукѣ : это показываетъ его сильную любовь къ ней. Но онъ говоритъ объ Алхіміи , словно объ ученіи господствующемъ въ наше время. Не на тѣхъ ли нападаетъ онъ Химиковъ , кои изо всего хотящъ извле-

кашь одно золото? Не для того-ли онъ, говоря *Па-рацельсъ тщеславящійся*, употребляетъ насъпящее время вмѣсто прошедшаго? . . .

Кстати объ языкъ: Г-нъ Ювскій составилъ нѣкоторые термины, кои ему казались ни мало не *противными свойству нашего языка, столь гибкаго въ измѣненіяхъ своихъ*. Правда, что языкъ нашъ довольно гибокъ; но сіе свойство есть условное понятіе и имѣетъ свои степени. Иной предметъ погнешь слишкомъ, онъ переломится; а иной опять выпрямится: желательнo, чтобы нашъ языкъ съ симъ вторымъ свойствомъ вышелъ изъ Химіи Г-на Ювскаго. Русскій языкъ при всей гибкости разборчивѣе Французскаго, въ которой можно вводитьъ всѣ термины Греческіе, Латинскіе, и брюзгливѣе Нѣмецкаго, который такъ способенъ для составныхъ словъ.

Г-нъ Ювскій принялъ за правило иногда называть предметы именами, выражающими качество, производя ихъ отъ прилагательныхъ именъ. Такъ въ Русскомъ языкѣ производися, отъ слова *Alcali* — *щелочь*, прилагательное *alcalinus* — *щелочный*, а отсюда существительное имя выражающее качество — *щелочность* — *alcalitas*. У Г. Ювскаго же извѣстныя металлы называются *кремнистность, глинистность, известковость*. . . . Такимъ же образомъ у него есть слова: *плавиковость, остренность, обиденность* и проч. Это совершенно противно свойству языка. По этому должно назвать кислотворъ — *кислотностію*, селитроворъ — *селитренностію*, солевворъ — *вольностію*? Но самъ Г.

Ювскій, переводя Суаногеніумъ, называлъ его не синильностью, но синетворомъ; иногда принималъ имена иностранныхъ безъ перевода: на прим. іодій, еромій, потассій, содіи и проч.; иногда не принималъ иностранныхъ названій и не переводилъ ихъ: Strontium—основаніе стронціаны, Barium—основаніе бариты. Если онъ въ наименованіяхъ не слѣдовалъ опредѣленнымъ правиламъ, тогда-бы не должно говорить: реактивы. Слово *göche*, которое въ первомъ изданіи Химіи выражалъ Авторъ неправильно словомъ *матка*, не должно-бы называться *оскальностью* и ш. д.—Г-нъ Ювскій, кажется, слишкомъ много приписываетъ гибкости языку, когда употребляетъ слова неправильно и неопредѣлительно, пишетъ: *допускалъ* вмѣсто *допускалъ*; *влієть* — вмѣсто *имѣть* или *оказываетъ вліяніе*; *удѣльная тяжесть* (128) — вмѣсто *удѣльный вѣсъ*; *окрашиваніе* и *раскрашиваніе* — вмѣсто *разокрашиваніе*; *individuum* иногда выражаетъ словомъ *медлливое*, иногда-же *особенностію* (на пр. *минеральныя особенності*); иногда фразы у Г-на Ювскаго сложены несвойственно Русскому языку, а особливо гдѣ находятся дѣепричастія. Вотъ одинъ образчикъ: *Но разсмотрѣвъ со вниманіемъ свойства сихъ основаній, много же достаетъ, чтобы точно принять ихъ за металлы* (стр. 128) Подобныя мѣста иногда затемняютъ рѣчь, а ясностью всего болѣе выиграетъ Авторъ. Къ неясности другаго рода можно отнести слѣдующее мѣсто, на стр. 119: *«Къ симъ-же произведеніямъ (Алхиміи и Астрологіи) должно отнести такъ названную Философію Природы — худож.*

извороченное ученіе браминовъ. Стасливы мы (*), то мраки сего ученія были столь мгновенны въ нашемъ отечествѣ? Чшо разуметь здѣсь Авторъ? Невпоянъ называлъ свою Физику *Естественною Философією*; у Англичашъ и теперь сіе слово въ употребленіи. Да, вотъ и Г-нъ Щегловъ (см. *Общ. Физ.* стр. II) Естествопознаніе раздѣляетъ на Естеств. Исторію и *Ест. Философію*; Ест. Философію раздѣляетъ на двѣ части: на Физику вообще и Физиологію; Физику вообще на Физику въ тѣсномъ смыслѣ и Химію. И такъ, по мнѣнію Г-на Іовскаго, Физика Г-на Щеглова будетъ *четвертая часть извороченнаго ученія браминовъ*? Поелику-же, какъ мы видѣли выше, половина Физики, т. е. Частная Физика Щеглова зашла спородною въ Химію Г-на Іовскаго, да сама Химія, по мнѣнію Г-на Щеглова есть четвертая часть Естественной Философіи; слѣд. Химія Г-на Іовскаго = $(\frac{1}{4} + \frac{1}{8} =)$ $\frac{3}{8}$ частіямъ извороченнаго ученія браминовъ. Почему Г-нъ І. желаетъ, чшобы такіе мраки у насъ были мгновенны? . . . Настраницѣ 22-й говоритъ Авторъ: „Для легчайшаго обозрѣнія мы раздѣлимъ оныя на вещества простыя невѣсомыя и на вещества простыя вѣсомыя.“ Тѣ, кои свѣтъ, теплошворъ, элекшрич., принимаюптъ за *вещества*, обыкновенно раздѣляютъ вещества на вѣсомыя и невѣсомыя. Г-нъ Іовскій раздѣляя вещества простыя на *простыя невѣсомыя* и *простыя вѣсомыя*, противорѣчитъ самъ себѣ: свѣтъ, по его мнѣнію, состоитъ изъ многихъ лучей, слѣд. онъ не есть *простое невѣсомое вещество*, а потому и не долженъ быть описываемъ въ первой частіи.

(*) Выражаа словомъ *мы*, не объ себѣ ли я здѣсь говорю Авторъ?

На стр. 59. Все сіи вещества, какъ мы замѣтили еще въ первомъ изданіи сей книги (см. стр. 40-50), по видимому сунъ измѣненіе одного и того-же вещества. Предположеніе совершенно справедливое и даже необходимое; но только эпо не Г-нъ Іовскій замѣтилъ: на Русскомъ языкѣ дѣшъ двадцать уже эпо сказано. —

Такъ Г-нъ Іовскій принимаетъ видъ, будто ему принадлежитъ предположеніе, что *гальванизмъ есть особенный слугай электричества*, когда говоря о семъ, ссылается на первое изданіе Химін. Онъ говоритъ далѣе: *явленіе электромагнитныхъ тетеній подало* (стр. 32) намъ поводъ къ сему замѣтанію (т. е. о тожеснствѣ магнитности и электричества). Это замѣчено было, кажется, прежде Г-на Іовскаго. Тутъ-же дѣлаетъ онъ предположеніе, что свѣтъ и теплота *вѣроятнo сунъ измѣненія самаго электричества*: это вовсе не вѣроятнo, ибо свѣтъ есть первоначальное явленіе физическаго міра и кругъ дѣйствія его въ природѣ обширнѣйшій.

Изъ теоріи Г-на Іовскаго замѣтимъ еще одно мѣсто: это непонятное ученіе о жизни природы (стр. 55). „Третьею причиною теплоты можетъ почестся *всеобщая жизнь природы*. Все живетъ; и въ самомъ измѣненіи и въ самомъ видимомъ разрушеніи является новая жизнь. Такъ называемая неорудная природа, которую неправильно опредѣляютъ на вѣчную мертвенность, не исключена изъ законовъ всеобщей жизни. Следовательно и въ ней развивается теплота также, какъ развивается она въ животныхъ и въ челоѣкѣ. Опытъ и наблюденія подтверждаютъ эпо ясно, растенія производятъ

теплоту уже ошущительнѣе; животныя одарены оною уже въ высшей степени.“ Съ симъ кто не согласится; даѣе: „но человекъ — въ немъ сосредоточивается пламя Божественное. Онъ дышетъ огнемъ; всякое его движеніе распространяетъ теплоту. . . .“ Говорятъ, что только однѣ Саламандры могутъ жить въ огнѣ и слѣд. дышать имъ; но и шо сказка, а это — воля Автора! это въ самомъ дѣлѣ *нѣкто браминское!* Сказанная выше истина о жизни природы не совсѣмъ, видно, понята Авторомъ, когда онъ продолжаетъ: „четвертою причиною теплоты могутъ почестъся всѣ явленія химическихъ соединеній. Всякое преобразование въ соспавѣ вещества сопровождается болѣе или менѣе ошущительною теплотою.“ Эта причина не есть ли предыдущая? Жизнь неорганической природы не состоитъ-ли въ одномъ преобразованіи вещества, въ явленіи *химическомъ*? Да и самое разрушеніе и возстановленіе вещества въ тѣлахъ органическихъ, особливо въ отношеніи къ произведенію теплоты, не есть-ли химизмъ?

Первою *причиною* теплоты полагается огонь: *pater ex filio!*

Послѣднее замѣчаніе: при концѣ исчислены наименованія простыхъ веществъ, Лашинскія съ Русскимъ переводомъ. Между прочимъ исчисленіе *кѣтсомыхъ* веществъ оканчивается такъ:

Materia lucis	—————	свѣтотворъ.
Polarisatio lucis	—————	поляризація свѣта.
Materia caloris	—————	теплотворъ.

Какимъ-же образомъ *поляризація свѣта* (свойство его) числится какъ *особое вещество*?

Вотъ, М. Г., замѣчая мною сдѣланныя по прочтеніи сочиненія Г. Ювскаго. Если они *здравы*, то желаю, чтобы послужили Г. Автору къ большей обработанности и выгоднѣйшему изложенію богатства его свѣдѣній. Можешь быть, увлекся я односпорностию, въ такомъ случаѣ по разувѣреніи пришлю къ вамъ *отрегеніе*; теперь-же увѣрень въ томъ что писалъ, а писалъ то, что казалось истиннымъ. Надѣюсь видѣть письмо сіе, въ Кришикѣ вашего Журнала напечатаннымъ. Имѣю честь быть и проч.

— *говѣ*

С. Петербургъ.

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская Литтература 1826 года.

196. *Россійско-Латинскій Словарь*, съ присоединеніемъ Латинскихъ синонимъ (синонимовъ?) и *фразовъ* (фразъ?), составленный Николомокренскія церкви Священникомъ Андреемъ Ивановымъ Лебедевымъ. 4 Части. М. 1825 и 1826 гг. in 8, 155, 173, 208 и 187 стр.

Не лзя не удивляться, что донынѣ не было у насъ *никакого* Словаря для употребленія при переводахъ съ *Русскаго* языка на *Латинскій*. Говоримъ: *никакого*, ибо Русско-Латинскаго Целларія, по его недостаточеству, а другихъ давно всварину изданныхъ (впрочемъ, *весьма немногихъ*) Словарей, начиная съ Поликарповскаго (Москва 1704 г.), сдѣлавшихся нынѣ библиографическою рѣдкостію, не

лъзя уже считатъ книгами, находящимися въ употребленіи. Самъ собою представляется вопросъ: какъ-же обходятся безъ Словаря при переводахъ съ Русскаго на Латинскій? Мы знаемъ, что Латинскій языкъ, въ учебныхъ заведеніяхъ (и особенно духовныхъ) *официально* употребляется; но у насъ обходятся безъ Словаря (накже, какъ и многое дѣлается въ нашей Литтературѣ) кое-какъ, пробиваясь сначала изустными уроками, а потомъ принимаясь за Словари иностранные. Чему приписать нерадѣніе нашихъ Латинистовъ? Не тому-ли, что никто изъ нихъ не рѣшается посвятить много времени на трудъ тяжелый и не могущій блестяще вознаградить трудящагося ни въ какомъ отношеніи, ибо Латинскій языкъ доннѣ считается у насъ *школьною необходимостію*: ему учится молодежь, зная что безъ него не лъзя войти въ казенное училище (свѣтское и духовное), учится небрежно, считаетъ его случайною обязанностію и забываетъ, какъ скоро нѣтъ уже необходимости знать Латинскіе вокабулы. При совершенномъ забвеніи Латинскаго языка и Латинской Словесности разумѣется, ни современной славы, ни вознагражденія за трудъ не можешь ожидать *Русско-Латинскій* лексикографъ, и не должно уже удивляться, что у насъ почти совсѣмъ не появляются обширныя учебныя пособія для Латинскаго языка и что хорошіи Латинисты почищаются въ Россіи рѣдкостью. Нѣмцы, Французы, Англичане и Поляки (у которыхъ Латинская Словесность полагается въ числѣ первыхъ основаній ученаго образованія) часто смѣются, читая *нѣкоторые* изъ сочиненій, издаваемыхъ въ Россіи на какомъ-то странномъ языкѣ, который сочинители на-

зываютъ Латинскимъ, и отъ котораго Цицероны и Квинтилианы содрогнулись-бы.

При такомъ невыгодномъ литературномъ отношеніи къ Латини, по нашему мнѣнію, великую благодарность заслуживаетъ Сочинитель Русско-Латинскаго Словаря, о которомъ извѣщаемъ нашихъ читателей. Строго разсматривая вновь издаваемые въ Россіи Словари Нѣмецкіе и Французскіе, мы не должны простираеть сей строгости на трудъ Русско-Латинскаго Лексикографа: здѣсь совсѣмъ другое дѣло. Послѣ трудовъ Гейма и Татищевыхъ мы въ правѣ требовать большаго совершенства отъ слѣдующаго за ними сочинителя Словаря Нѣмецкаго или Французскаго; но Сочинитель Русско-Латинск. Словаря не можетъ опираться на трудъ предшественника, почти все вновь долженъ дѣлать, и ждать снисхожденія большаго имѣеть всѣ права.

Охотно желаемъ, чтобы трудъ Г-на Лебедева получилъ свое вознагражденіе, и въ надеждѣ только на то, что оный, хотя и не скоро, можетъ достигнуть *второго* изданія, скажемъ, что извиняя нынѣ всѣ недостатки *перваго* опыта, мы хотѣли-бы видѣть *второе* изданіе его Словаря въ лучшемъ и исправнѣйшемъ видѣ. Для этого предложимъ мы нѣсколько критическихъ замѣчаній, полезныхъ въ будущемъ.

Намъ кажется, что въ каждомъ Словарѣ должно имѣть въ виду изъясненіе того языка, для перевода съ котораго Словарь предполагается руководствомъ. Такъ при составленіи Словаря Русско-Латинскаго, Сочинитель долженъ былъ имѣть въ виду *Русскій* языкъ, т. е. стараться объяснить всѣ

Русскія слова, извороты, разнообразіе, идиотизмы; Латинскій языкъ здѣсь уже посредствующій предметъ. Въ Словарѣ Г-на Л. этого мы не замѣчаемъ, и разсматривая Словарь его скорѣе можно подумать, что Русскій языкъ былъ у него рамкою для Латинскаго, что онъ слова Русскія приравливалъ къ Латинскимъ, слѣдуя какому нибудь Латинско-Русскому Словарю, а не обратно. Отъ того фразеологія его, почти вся, чисто Латинская, а не Русская. Кто говоритъ по Русски: *Схвативши за уши кого цѣловать* — *отъ сего мѣста и имя свое ведетъ* — *въ первый ясный день, мы оставимъ пристань?* Видимъ, въ первомъ примѣрѣ, стараніе выразишь Плавтову фразу: *prehendere auriculas*; во 2-мъ и 3-мъ переводы Латинскихъ фразъ: *ex illo loco nomen ducit (trahit)* — *ex portu solvam prima segeta die*. Латинскія слова, поставленныя при Русскихъ: *Корень* и *Нѣсколько*, еще болѣе доказываютъ вашу догадку: тутъ первую ролю играетъ Латинскій, а не Русскій языкъ; не говоримъ о доказательствахъ дальнѣйшихъ.

Другіе недостатки сего Словаря можно раздѣлить на общіе и частныя. Къ первымъ отнесемъ: поставленіе глаголовъ въ 1-мъ лицѣ единственнаго числа, настоящаго времени, изъявительнаго наклоненія, а не въ неопредѣленномъ наклоненіи, при чемъ гораздо удобѣе развивается изъясненіе всѣхъ частныхъ глагола; отдѣленіе именъ уменьшительныхъ отъ простыхъ именъ, женскихъ окончаній отъ мужскаго и проч.; введеніе многихъ неупотребительныхъ словъ (*хитроватенькій, хитростца, озорь, именоващій, триумерскій, трифель, едидитель, осла, молонѣ, etc.*); недостаткомъ

множества словъ Русскихъ; помѣщеніе ботаническихъ, географическихъ и другихъ техническихъ словъ и именъ собственныхъ, не въ отдѣльныхъ разделахъ, а прямо въ Словарь, и великій припомъ недоспатовъ оныхъ; неправильный переводъ многихъ словъ. Вошь недоспатовки общія!

Дабы подтвердить общія, а въспѣ и показати частныя погрѣшности, мы наудачу, развернемъ какую вибудь страницу: намъ выпала 88-я въ IV-мъ томѣ; рассмотримъ ее. Въ ней находится слова ошь СТРОГ до СТЯС.

1. Здѣсь совсѣмъ упущены слова: *стрѣльба*, *стрѣха*, *стропота* (и производныя его: *строптивый*, *стропотный*, и проч.), *струить* и *струиться*, *стрѣлокъ*, *строусь*, *строфа*, *строгить* и производныя его (*строжка*, *строженіе*).

2. При словахъ: *строй*, *строка*, *стругъ*, *струпъ*, *струна*, *стряпня*, *струя*, *страсать* упущены: *строевой*, *строгный*, *струйный*, *струйчатый*, *струнный*, *стругистый*, *стружковатый*, *стружковый*, *стряпущая*, *стряпугая*.

3. При словѣ: *строитель*, пропущено значеніе: *строитель міра*, *судебъ*; при словѣ: *строю*, значенія его: *строить тудеса*, *проказы*; *строить войско*; при словѣ: *стрѣляніе*, значеніе *стрѣлянія*, какъ *болѣзни*; при словѣ: *стрѣлка*, значеніе его: *стрѣлка на вѣсахъ*, *на тулкахъ*, *на рѣкѣ*; *настѣкомое*.

4. При словахъ: *строеніе*, *строка*, *стругъ*, *струна*, *strupъ*, опущены уменьшительныя ещепени; при нѣкоторыхъ другихъ, окончанія въ множ.

числа; *Струкъ* переведено: *Siliqua* и *Структекъ* *Siliqua*.

5. *Струбъ*, напечатано по - Русски неправильно; должно бы *срубъ*; *стружу* должно-бы замѣнить словомъ: *стругаю*, какъ болѣе употребительнымъ, и поставитъ *стружу*, послѣ *стругаю*, (*строгаю*), вмѣсто: *сртѣненіе*, [должно писать: *сртѣненіе*.

Такія замѣчанія можно сдѣлать на каждую страницу. Сочинитель конечно не оскорбится послѣ сего, если извинитъ Словарь его, само по себѣ разумеется, не бесполезный учащемуся юношеству для *перваго* случая, мы скажемъ, что при *второмъ* изданіи онъ долженъ быть рѣшительно и совершенно передѣланъ; иначе, не смотря на полезную цѣль, плохо замѣнить онъ у насъ недоспашокъ Словаря Русско - Латинскаго.

Св. I. Гр. ●

197. *Фантазія* или Россійско - Римскій Словарь, то есть: собраніе Славянскихъ и Римскихъ словъ, одни корни имѣющихъ. Спб. 1826 г. in 8, 96 стр.

Мысль о сродствѣ языковъ для многихъ ученыхъ этимологовъ составляла страшное мученіе. Кромѣ самыхъ забавныхъ системъ, которыми доказывали намъ, что именно тѣмъ или другимъ изъ извѣстныхъ языковъ говорили первобытные люди до потопа, и самый Адамъ, было много системъ, заводившихъ изыскателей въ не-менѣе странныя предположенія. Нашъ Тредьяковскій въ шрехъ своихъ

Ч. XV. No 9.

Г

Разсужденія о Славянскихъ древностяхъ, достаточный примѣръ этого ().*

Должно намъ рѣшительно бросить безплодное стараніе изъ *созвучныхъ словъ* выводить то или будь о *сродствѣ языковъ*. Есть правила Лингвистической этимологии, по коимъ можно добираться до истинъ, не упоминаемыхъ нашими Исторіями, но эти правила совсѣмъ не тѣ, какими подчивающъ насъ искатели созвучій. Правила сіи состоятъ въ философическихъ разсмотрѣніяхъ законовъ того или другого языка. Сродство Санскритскаго языка съ Славянскимъ доказываеся однообразіемъ внутреннихъ законовъ въ обоихъ языкахъ. Если къ этому присовокупляется еще въ нихъ и созвучіе, хорошо; но на *одномъ созвугіи* основывать систему, все равно что строить зданіе на пескѣ и изъ песку. Еще страннѣе, что въ такомъ случаѣ этимологи забываютъ всѣ законы аналогіи звуковъ, не разсматриваютъ историческаго происхожденія словъ; въ жару своемъ, какъ говорилъ Шлецеръ, *подымаютъ слово на этимологическую дыбу и сткуютъ его, пока издастъ оно звукъ, какой имъ угодно.*

Фантазія, о коей хотимъ мы говорить, есть доказательство, что люди, какъ ни учись, а все старые предрасудки будутъ въ нихъ проскакивать. Сколько забавлялись донинѣ надъ подобными этимологическими предпріятіями, во вездѣ ошъ време-

(*) Онъ увѣрялъ, что Адамъ назывался не Адамъ, а *Мижга*, ш. е. *Мужъ*, а Ева не Ева, но *Мижма*, ш. е. *мужма жема*; что всѣ земли Европы были заселены Славянами и получили имена свои ошъ Славянъ, какъ-то: *Иналія*, есть *Удалія* (земля удалыхъ); *Иберія*, *Уперія*, ш. е. земля *упершихся* въ горы Пиренейскія, etc.

ни до времени, во Франціи, Англии, Германіи, они появляются. У насъ рѣже другихъ, но много-ли у насъ и всего-то въ Литтературѣ *появляется!*

Фантазія издана Г-мъ Руссовымъ, которому обязаны мы, за прекрасное *Исслѣдованіе о догерлахъ Ярославъ*. Въ другихъ трудахъ его видна оригинальность мнѣній, хотя ни одно уже, кромѣ упомянутого Исслѣдованія, не носитъ на себѣ признака ученой достовѣрности, ученаго труда. Впрочемъ, не Г. Руссовъ сочинитель *Фантазій*: она есть произведеніе (какъ видимъ изъ предсловія) какого-то *трудолюбца*, приславшаго къ Г-ну Р. большую тетрадь, изъ коей онъ *большую половину вымаралъ и достальное совѣтовалъ было Автору уничтожить*, но Авторъ изъ уваженія къ трудамъ своимъ просилъ напечатать. Трудъ всегда почтенъ; но здѣсь — къ чему гибель сія бысть? Авторъ принялъ на себя *отвѣтъ на мѣгушія быть критики*; очень хорошо. Спрашиваемъ Автора:

1. Чтѣо хочетъ онъ доказать? Чтѣо Славянскій языкъ происходитъ отъ Латинскаго и Греческаго, или обратно? Изъ книги его ничего не видимъ. Онъ ставитъ слово Русское впереди; къ нему прибавляетъ Латинское или Греческое, которое *кажется* ему, по звуку и по смыслу, сходственно съ Русскимъ; какое-жъ изъ этого слѣдствіе? Кшо у кого бралъ? Чтѣо во всѣхъ языкахъ найдемъ слова, выражающія звукъ грома, шумъ воды, крикъ птицъ, сходными, это доказываетъ только, что человекъ вездѣ одинаково поражаетъ былъ слышимыми звуками; но какое сродство мы выведемъ между Латинскимъ и Русскимъ языкомъ, когда можно доказать

законами сихъ языковъ , что они совершенно разлитныхъ поколѣній.

2. Авторъ ставитъ слова не-Славянскія , а нынѣ употребляемая Русскія , безъ разбора откуда дошли они въ Русскій языкъ : отъ Татаръ-ли , Нердмановъ-ли , или приняты въ новѣйшее время. У Автора находимъ слова : *абуза* , *артель* , *бауль* , *баранъ* , *халатъ* , *каланга* : это Татарскія ! Находя сходство сихъ словъ съ Латинскими , надобно доказывать , что *Татары родня Римлянамъ*. Слова : *бобръ* , *бокаль* , *сасате* , *каналля* , *канапе* , *каштанъ* , *кедръ* , *келья* , *кивотъ* , *клиръ* , *линя* , *маргаритъ* , *тюльпанъ* , развѣ Славянскія? Довольно странно имъ доказывать близость Русскаго языка къ Латинскому или Греческому !

3. Между *Икаю* и *Ниско* (*зѣваю*) , какъ разъ и *Сгаз* (завтра) , *Колдунья* и *Caldonia* (банщица) , *Каль* и *Каул* (пворогъ) , *Квась* и *Quassus* (разбитый) , *Мадежъ* и *Madeo* (мокну) , *Неволя* и *Naeuolae* (болячки у козъ) , *Перло* и *Perla* (наѣскомое) , *Пища* и *Piscis* (рыба) , *Тихій* и *Tixos* (стѣна) , есть-ли какое нибудь сходство въ значеніи? Если Авторъ скажетъ что *есть* , то беремъ обыскавъ ему на цѣлый Латинскій лексиконъ подобо-звучныя слова.

Но заговоривъ не шушпливымъ тономъ о *Фантазіи* неизвѣстнаго Трудолюбца , поняла-ль мы его намѣреніе? Не для шушки-ли онъ выдалъ свою книгу? Вѣдь это *можетъ быть*? И мы окончимъ разборъ *шуткой*.

Если угодно Автору , пусть назначитъ онъ какой ему угодно языкъ , изъ всѣхъ существующихъ на земномъ шарѣ , и мы беремъ изъ созвучія словъ извлечь сродство сего языка съ Русскимъ , съ Нѣ-

мецкимъ, съ Испанскимъ, съ камишъ угодно. Для опыта, возьмемъ, на примѣръ, Японскій языкъ. Надобно напередъ согласиться, что сродства между Японцами и Русскими, не лья подозрѣвать. Но посмотримъ, что могутъ заговорить Японскія слова да ложь какого нибудь этимологическаго Прокруста. — Не угодно-ли кому нибудь изъ досужныхъ шрудолюбцовъ подтвердить это? Они найдутъ матеріалы въ *Éléments de la Grammaire Japonaise*, изд. Абель-Ремюза (Парижъ, 1825 г.). Мы съ своей стороны утѣраемъ ихъ, что *Русско-Японская Фантазія*, какую произведутъ они, не будетъ ни менѣе достоверна, ни менѣе забавна, какъ *Русско-Латинская Фантазія*, которую издалъ Г. Руссовъ.

1827 года.

40. *A practical Grammar of the Russian language* by James Heard (*Практическая Грамматика Русскаго языка*, соч. Якова Герда). Спб. 1827, въ шп. Деп. народн. просвѣщ., in 8, XIV и 323 стр., съ гравиров. листочкомъ Русской скорописной азбуки.

41. *Key to the themes contained in Heard's Russian Grammar*, to which are added a vocabulary, dialogues and reading-lessons in prose and verse (*Ключъ къ изъясненію примѣровъ, находящихся въ Гердовой Русской Грамматикѣ, съ призокупленіемъ вокабулъ, разговоровъ и отрывковъ для чтенія, въ прозѣ и стихахъ*). Спб. 1827 г. въ шп. Деп. нар. просв., in 8, 197 стр.

Для Нѣмцовъ Г-нъ Таппе, для Французовъ Г-нъ Рейфъ, издали уже Грамматики, могущія достаточно руководствовать ихъ въ ученіи Русскаго

языка (*Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche, von H. W. Larpe, 5-е издание, Спб. 1819 г. — Grammaire Russe à l'usage des étrangers, par Ch. Ph. Reiff. Спб. 1821 г.*). Не доставало еще Грамматик для народа имѣющаго съ нами большія сношенія, и особенно въ послѣднее время возобновившаго на литературный мѣръ то вліяніе, какое заставлялъ ему великій Шекспиръ, для Англичанъ. Впрочемъ, по послѣднему опрошенію, намъ сѣдовало бы предупредить Англичанъ и издать хорошую Англійскую Грамматику; но у насъ, всегда какъ-то много времени проходитъ въ сборахъ. Мы давно уже видимъ, что Англійской Грамматикѣ, сколько нибудь сносной, нѣтъ у насъ; съ нѣкотораго времени начинаемъ уже учиться Англійскому языку и твердимъ: *надобно, надобно сочинить Англійскую Грамматику!* Но пока мы говорили, Г-нъ Гердъ исполнилъ для своихъ соотечественниковъ то, что *надобно было* намъ сдѣлать для своихъ — и выдалъ Русскую Грамматику и хорошую Хрестоматию для Англичанъ. Скоро-ли мы дождемся Англійской Грамматикѣ? Скоро-ли издадутъ у насъ *какую нибудь* Польскую Грамматику? Ибо теперь Англійская, хоть старинная и плохая, есть, а Польской *никакой нѣтъ* (*).

Предпріятіе Г-на Герда исполнено очень удачно: Грамматика его хорошо расположена, немногословна и не недосшаточна; онъ воспользовался

(*) Англійско-Россійскій Словарь, качашой Г-мъ Граматинымъ и конченнаго Г-мъ Парцаге, довольно хороша, особливо для перваго опыта. Онъ требуетъ впрочемъ поправокъ, а еще болѣе пополненій: съ нимъ не лзя читать Шекспира или В. Скопша.

лучшими руководствами и изданными дониндѣ на Русскомъ языкѣ, также Грамматиками Г-дѣ Таппе и Рейфа. Замѣтимъ, что онъ благодаритъ Г-на Свенске, помогавшаго ему въ трудѣ. Г-нъ Гердъ искренно признается, что письменное наставленіе не можетъ показатъ Англичанамъ вполнѣ Русскаго произношенія (pronunciation); онъ такъ выгодно отзывается о нашихъ лингвистическихъ успѣхахъ, что мы охотно исполняемъ взаимную обязанность нашу въ отношеніи къ нему: если соотечественникамъ его потребно подтвержденіе *Русскаго Журналиста* объ исправности Грамматики *Русской*, изданной Англичаниномъ, увѣряемъ ихъ, что *Грамматика Г-на Герда, удовлетворительна для изученія языка Русскаго, сколько есть возможность, при нынѣшнемъ, еще не совершенномъ состояніи нашей Грамматики, быть удовлетворительною.*

И если, на примѣръ, какой Англичанинъ, знатокъ языковъ, спроситъ: почему въ мѣстоименія (pronouns) включены: *который, кой, мой, твой, свой, нашъ, сей, тотъ, кто-либо*, и почему *причастія* глаголовъ отдѣлены отъ *прилагательныхъ*, когда шѣ и другія, суть *прилагательныя* и должны заключаться въ одномъ отдѣлѣ? Далѣе: что такое *indefinite branch, perfect branch, semelfactive branch*? Почему: *растрогалъ, растрогаю* зашли въ спряженіе *несложныхъ* глаголовъ, когда это явно части *сложнаго* глагола (*растрогать*), имѣющаго отдѣльно свое собственное спряженіе, и почему вообще въ спряженіяхъ замѣтна большая сбивчивость? На все это будемъ отвѣчать: Г-нъ Гердъ невиноватъ! Наши грамматики еще сами себѣ не отдали въ этомъ порядочнаго отчета.

Въ одной книжкѣ заключается у Г-на Герда собственно - *Грамматика*; другую составляютъ переводы *примѣровъ*, находящихся въ первой книжкѣ, собраніе нужнѣйшихъ вокабулъ, нѣсколько разговоровъ и спашей въ прозѣ на Русскомъ языкѣ, съ словами Англійскими внизу страницы; наконецъ, нѣсколько избранныхъ Русскихъ стихотвореній, съ переводомъ на Англійскій и Англійскій съ переводомъ на Русскій. Здѣсь мы нашли басню Крылова, басню Хемницера, Кладбище (Карамзина), Русскую пѣсню: всѣ переведенныя Баурингомъ; *Good night*, изъ *Чайльдъ Гарольда*, Байронова, переведенную Козловымъ; Гольдсмитову Балладу (*The Hermit*) и Русское подражаніе ей (Жуковскаго), Греву Элегію и Русское подражаніе ей (Жуковскаго).

Не лзя кстапи не примодвишь здѣсь, какъ хорошо и вѣрно переведены Баурингомъ наши Русскія стихотворенія. Удивляешься должно, какъ превосходно понялъ онъ духъ и самое *выраженіе* нашихъ стиховъ, и даже, что еще шрудѣе, нашихъ народныхъ пѣсень! Читай

On an oak there sate
A turtle with his mate —
There in amorous meeting
One another greeting,
Each with flapping wing
All its joy repeating. . . .!

Кажется, слышите *Русскій* напѣвъ пѣсни

Поверхъ дубчика, и проч.

Подражанія Жуковскаго Грею и Гольдсмишу имѣютъ прелестъ удивительную; кажется, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они превосходятъ подлинники. Перс-

воду Козлова былъ помѣщенъ въ *Северныя Цѣпяхъ*, 1826 года. Онъ вѣренъ и хорошо передаетъ намъ подлинникъ; самый размѣръ стиховъ соблюденъ въ точности. Приведемъ въ доказательство одну строфу:

Adieu, adieu! my native shore
 Fades o'er the waters blue,
 The night-winds sigh, the breakers roar,
 And shrieks the wild seamew.
 Yon sun that sets upon the sea
 We follow in his flight;
 Farewell awhile to him and thee,
 My native land — good night!

Прости, прости, мой край родной,
 Ужь скрылся ты въ волнахъ!
 Касашка вѣшся, вѣтръ ночной
 Играешь въ парусахъ.
 Ужь понушь огненны лучи
 Въ бездонной синевѣ,
 Мой край родной, прости, прости!
 Ночь добрая тебѣ,

Прибавимъ здѣсь, что Козловъ скоро можетъ быть обогатить Русскую Словесность переводомъ Байроновой поэмы: *Лара*. Мы читали отрывокъ сего перевода въ *Славяникѣ* и отдаемъ полную справедливость способностямъ Переводчика. Таковъ истинный талантъ: критика никогда не вредитъ ему, а только служитъ къ большому усовершенствованію. При появленіи *Абидосской Невѣсты* читатели сказали: *прекрасно, но невѣрно!* Козловъ переводитъ намъ *Лару* и вѣроятно заставитъ ихъ сказать: *прекрасно и — вѣрно!*

Надобно замѣтить, что въ изданіи книги Г-на Герда участвовалъ Лондонскій книгопродавецъ Бузей и нашъ Петербургскій Н. В. Слѣнинъ: едва-ли не *первый* примѣръ союза Русскаго книгопродавца съ Англійскимъ; тѣмъ болѣе чести Г. Слѣнину. Книга напечатана прекрасно и опять, кажется, *первый* примѣръ, напечатана на *Англійскій манеръ*. Библиографамъ должна быть извѣстна разница между Англійскимъ и Французскимъ манерами печатанія книгъ. Рецензентъ признается, что не смотря на превосходныя изданія Дидоша, онъ болѣе любитъ Англійскія изданія, съ ихъ простотою и оригинально-стью въ расположеніи заглавія книгъ, формъ и образъ расположенія буквъ. Въ Германіи Англійскій манеръ беретъ нынѣ рѣшительный перевѣсъ надъ Французскимъ. У насъ все еще перевѣшиваетъ *нашъ особенный вкусъ*, т. е. печатанье на строю, квадратной формы, бумагъ, какими-то кругленькими буквами; впрочемъ, въ послѣднее время появляется гораздо болѣе прежняго порядочно и хорошо изданныхъ книгъ, на Французскій манеръ; Англійскаго наша типографія еще не знаютъ.

Н. П.

42. *О кормчей книгѣ*. Введеніе къ сочиненію Барона Г. А. Розенкампа (изъ 3 й кн. *Матеріаловъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемыхъ Петромъ Келпеномъ*). Спб. 1827 г. въ шип. К. Крайя, in 4, 11 стр.

43. *Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ Несторовой Лѣтописи* (сочиненіе Б, Р.). Спб. 1827 г. in 12, 24 стр.

Первая изъ сихъ книгъ составляетъ *шестую* статью въ собраніи матеріаловъ, которые издастъ Г-нъ Кеппенъ (Тел. No VII. 230), и теперь опечатана въ небольшомъ числѣ отдѣльныхъ экземпляровъ. Она есть введене къ довольно-обширному изслѣдованію о Жоричей книгъ, которое будетъ помѣщено въ Трудахъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Росс.

Вторая книга весьма важное дополненіе къ критическимъ изслѣдованіямъ о Россійской Исторіи (она была напечатана въ *Отечественныхъ Запискахъ*, сего 1827 года). Въ скоромъ времени надѣмся мы отдалъ отчетъ подробнѣе о сихъ двухъ сочиненіяхъ Барона Розенкампа, обращающихъ на себя особенное вниманіе знатоковъ (отечественной Исторіи и Археографіи и показывающихъ въ Авшортъ обширныя приговисительныя свидѣнія для критическихъ разысканій по части отечественной Исторіи.

44. *Систематическое изложене способовъ обезводненія мокрой, болотистой почвы и осушенія топей. Съ XXIV таблицами тертежей (?)*. Издвненіемъ Вольнаго Экономическаго Общества. Спб. 1827 г. въ шип. Акад. Наукъ, in 8, IV, VI и 195 стр.

Переводчикъ, Г-нъ Спойковичъ, началъ разсматривать сдѣланый къ-то переводъ изъ сочиненій Таера объ осушеніи болотъ и хотѣлъ приспособить къ нему рисунки изъ Джонстонова сочиненія; но нашелъ это невозможнымъ. Онъ самъ снова перевелъ статью Таеру и началъ прилагать ее къ Джонстоновымъ рисункамъ, но тогда вдругъ замѣтилъ что сочиненіе Джонстона „запу-

„*тано и писано безъ плака.*“ Онь рѣшилась „попышаться: не лѣзя-ли слить сочиненія Джонстона и Таера во-едино. Предпринять я сіе дѣло,“ повѣпоряешь Г-нъ Сп. „и продолжилъ оное не безъ великаго и усомнительнаго шруда, читаль, собираль машеріялы, дѣлаль соображенія,“ и проч. Странно: начать переводить и прилаживаль, не узнавши хорошо что переводимъ и прилаживаемъ; странно и то, что Г-нъ Стойковичъ говоритъ о *великомъ трудѣ*, объ *открытой имъ тайнѣ*, слышь риторическія сравненія и представляетъ искусство обсушенія болошь, какъ нѣчто новое, имъ усовершенствованное, хотя самъ прибавляешь: „признаюсь чистосердечно, что не обсушилъ еще ни одного болоша и бышь можешь и не буду въ состояніи сего сдѣлать“ (опр. III) и хотя книга его естъ просто переводъ или выборка изъ Нѣмецкихъ и Французскихъ сочиненій, а предметъ ея совсѣмъ не новость на Руси и былъ излагаемъ нѣсколько уже разъ (особенно въ книгѣ Г-на Энгельмана превосходно). Впрочемъ, книга составленная Г-мъ Стойковичемъ полезна, хотя и не совсѣмъ ясно представляетъ свой предметъ: для большаго совершенства, ея надобно было написать простѣе и сократить въ половину. Разумѣется, что она предназначена для сельской практики, а въ такомъ случаѣ чѣмъ короче и простѣе изложишь предметъ, тѣмъ яснѣе и понятнѣе будетъ онь. Ученые обшыватели болошь конечно не имѣють надобности въ книгѣ Г-на Стойковича.

45. *Двое за тетверыхъ*, или ревность и шушка. Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ.

Перевед. съ Французск. В. Каратыгинымъ. СПб. 1827 г. въ тип. Ал. Смирдина, in 8, 48 стр.

46. *Гусарь - невеста*, Водевиль въ 1 мѣ дѣйствіи, передѣлани. съ Французск. М. А. Яковлевымъ. СПб. 1827 г. въ тип. Деп. Народн. Просвѣщ. in 8, 62 стр.

47. *Встрѣча въ гавани*, или сердце дѣлу не поможетъ. Комедія - водевиль въ 1 мѣ дѣйствіи, передѣланная, съ Французск. *Аполлономъ Рѣдкимымъ*. М. 1827 г. въ тип. Авг. Семена, in 16, 117 стр.

48. *Федра*, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Расина. Пер. И. Чеславскаго. СПб. 1827 г. въ тип. Ал. Смирдина, in 8, VIII и 92 стр.

Собираемъ здѣсь для охотниковъ до театраль-ныхъ новостей чешыре новыя явленія, изъ коихъ три уже осыпаны рукоплесканіями на сценѣ, а четвертое ждетъ еще рукоплесканій и славы въ смиренномъ уголкѣ книжной лавки. Поговоримъ о *первыхъ*.

Двое за четверыхъ, фарсъ, въ родѣ комедій: *Криспикъ - соперникъ своего господина*, *Опекунъ обмануть*, *битъ и доволенъ*, *Притворно сумасшедшая* и сотни подобныхъ имъ, въ которыхъ нѣтъ ни плана, ни вѣролтія, ни связи, гдѣ вся завязка въ какомънибудь несбыточномъ обманѣ, въ переодѣпанѣ, и т. п. — Замѣчательно, что она переведена актеромъ С. Петербургскаго театра. Юный артистъ, подающій о себѣ большія надежды, доказываетъ своимъ переводомъ, что онъ можетъ писать хорошіе, легкіе стихи, когда получитъ болѣе навыка и опытности. Пріямно думать, что въ Гнѣ Каратыгинѣ дарова-

не великаго актера можетъ со временемъ соединити-
ся съ дарованіемъ пріятнаго стихотворца.

М. А. Яковлевъ, года по три уже даритъ насъ своими переводными и непереводами водевилями. Въ добрый часъ! Только мы просили-бы его выбирать съ большимъ вкусомъ, переводить съ большею легкостію и стараться о лучшей оцѣлкѣ стиховъ. Немного водевилей найдемъ несвязнѣ и нелѣпѣ *Гусара-невѣсты*. Вотъ содержаніе: опекунъ великъ женится своимъ воспитаннику на дочери стараго пріятеля своего, которой онъ самъ не видалъ. Гусарскій офицеръ сбриваетъ себѣ усы, одѣвается въ женское платье; поварихи, также переодѣшныя, поятъ опекуна до пьяна, и всѣ вытѣпѣ почти насильно отнимающъ у него деньги. Кромѣ того является въ эпизодъ этой гусарской свадьбы молодая женщина, играетъ самую жалкую (чтобы не сказать презрительную) роль, а въ заключеніе всѣ дѣйствующія лица поютъ публикъ:

Нашъ Авторъ молодъ и не съ вѣсомъ,
Но вы ему дадите вѣсъ,
Сказавъ: *Водевилъ* вашъ съ интересомъ!
Вотъ Авторскій въ чемъ интересъ!

Это сколько-же походить на стихи, сколько водевилъ на что нибудь сносное.

Встрѣта въ гавани, есть, кажется, первый опытъ литературныхъ занятій Г-на Аполлона Рѣдкина. Издавая въ свѣтъ, онъ приласкалъ дитя свое съ отеческою нѣжностію. Маленькая квадратная книжечка, хорошо напечатанная, Французскій эпитаграфъ на первой страницѣ, посвященіе ми-

тому другу Переводчика, посвященіе самими меншаль-
нов., милое —

За водевилъ мнѣ награжденье
Твоя улыбка, милый другъ!
Лишь ты была въ воображеньѣ —
Ты оживляла мой досугъ! . . .

И при посвященіи еще милый Французскій
эпиграфъ —

D'autres ont l'orgueil de plaire,
Je n'ai que celui d'aimer. . .

Вотъ наружность водевиля Г-на Рѣдкина!
Содержаніе его плохо; впрочемъ вообще онъ занима-
тельнѣе и опрятнѣе Гусара-невѣсты; но если спро-
сиги безпристрастнаго . . . не спомилъ перевода.

Нѣсколько словъ о водевиляхъ. Съ нѣкотораго
времени они, какъ грибы послѣ дождя, безпрестанно
вырастаютъ на нашей сценѣ. Уродливыя оперы,
нелѣпыя мелодрамы и жалкіе водевили совсѣмъ пере-
биваютъ дорогу у истинныхъ дѣтей Талин и Мельпо-
мены. Молодые люди, привлекаемые минушнымъ ще-
котаньемъ самолюбія, а иногда и бенефисными при-
чинами, безъ жалости душатъ публику всякимъ
здоровь, переводяшъ все что сбѣгаетъ съ перьевъ
Скрибовъ, Пиксерекуровъ и прочей ихъ братіи. Кто
спорить: пріятно посмѣяться иногда надъ водевиль-
ной бездѣлкой, но въ водевиляхъ полагаешъ что ни-
будь важное, ими замѣняшъ все на сценѣ театра;
не думаешъ ни объ изяществѣ, ни о чемъ другомъ,
шрлько былъ-бы скропанъ водевилъ: все это доказы-
ваетъ скорѣе не успѣхи, а упадокъ вкуса нашихъ
молодыхъ авторовъ драматическихъ и жалкое со-

стояніе нашей Драмматической Литтературы. Припомъ, не будучи даже строгими судьями нравственныхъ приличій, спрашиваемъ: что составляетъ нынѣ основу водевилей? Весьма рѣдко являются пьесы, подобныя опереткамъ и водевилямъ *Мѣльникъ, Секретарь и Поварь, Любовная пошта, Проститель, Король и Пастухъ, Ворожея или Танцы духовъ*; вся завязка въ большей части новыхъ водевилей состоитъ изъ безобразныхъ похожденій. Украшеніе водевилей составляетъ всего болѣе какаѣ нибудь пошлая шутка, споченная оспрота и двусмысленность. Спрашиваемъ: можно-ли смѣяться тому, что находимъ на стр. 7, 8, 15, 39 *Невѣсты - гусара* или на 32 стр. *Встрѣчи въ гавани*? Впрочемъ: вольному воля! Водевилисты могутъ писать и заставлятъ пѣть что имъ угодно, но никогда ихъ шупыя стрѣлы не заставлятъ благонамѣреннаго журналиста сказать, что ихъ произведенія стоятъ похвалъ и даюшь имъ право, хошь на какое нибудь литтературное отличіе.

Говоря о водевиляхъ, мы чуть было не забыли сказать нѣсколько словъ о новомъ переводѣ Федры, Расиновой, *скудномъ трудѣ*, какъ говоритъ самъ Переводчикъ (стр. 1). *«Охота мнѣ переводить Федру!»* сказалъ одинъ изъ первоклассныхъ поэтовъ нашихъ, пробѣжавъ переводъ Г-на Чеславскаго. Повторяемъ эти слова, ибо они заключаютъ въ себѣ полное сужденіе о предпріятіи Г-на Чеславскаго и исполненіи сего предпріятія. Бѣдная эта *Федра*! Кто ее не переводилъ? Г-да Лобановъ, Писаревъ, Анастасевичъ, нѣсколько безымянныхъ — и какіе переводы! Сноснѣе встѣхъ былъ переводъ Г-на Ло-

бенова; одни изъ числа остальныхъ прекрасно названъ былъ Жуковскимъ не *Федрой* а *Федорой*; всѣ другіе ужасны. — О переводѣ Г-на Чеславскаго были уже споры между имъ и Г-мъ Писаревымъ (сочинителемъ и переводчикомъ водевилей, одъ, элегій, комедій, etc. etc.). Не помнимъ, кто остался правъ и не можемъ сказать ничего рѣшительно о *Федрѣ* Г-на Чеславскаго, ибо мы не дочитали и втораго дѣйствія. Выписываемъ какіе на удачу попадутся стихи и — пусть сами читатели судятъ на досугѣ,

Ипполитъ (стр. 3).

Царевна, ты идешь, — я *вду* и не знаю,
 Не оскорбилъ ли ты, *кого* я обожаю?
 И сердце, *что* тебѣ върятся Ипполитъ!..

Арсія.

Не медли, слѣдуй, Князь, куда тебя *стремитъ*,
Великодушіе. Престоль отцевъ священный
 И всѣ дары приму, тобою *предложенны*;
 Но блескъ державы сей, величія *сего* —
 Еще не лучшій даръ для сердца *моего*.

49. *Натальныя основанія Химін, Александра Іовскаго*. Часть первая. *О простыхъ Химингескихъ веществахъ*. Изданіе второе, совершенно вновь переработанное. Москва, 1827 г. въ шип. С. Селивановскаго, in 8, 162 стр.

Мы получили изъ С.Пбурга разборъ сей книги, который и помѣщенъ въ отдѣленіи *Критики* (стр. 35).

Ч. XV. No 9.

Д

50. Списокъ чиновниковъ **ИМПЕРАТОР-СКОЙ Медико-Хирургической Академіи**, съ означеніемъ ихъ жительства, на 1827 г. М. въ шпц. А. Семена, in 24, 44 стр.

Послѣ означенія чиновниковъ Московской *Комференціи* и *Хозяйственнаго Правленія* слѣдуетъ списокъ казенныхъ студентовъ и воспитанниковъ Московскаго Отдѣленія Академіи, по азбучному порядку: *первыхъ* находится 230 человекъ (на казенномъ содержаніи, по Медич. части 192, Ветеринарн. и Фармац. 25, пансіонеровъ 13); *другихъ*, волонтировъ 69 (по Медич. части 57, Ветеринарн. 5, Фармаціи 7) и вольнослушающихъ 26, всего-же 325 человекъ. — Въ 1826 г. выпущено изъ Академіи лекарями по военному вѣдомству 30, по гражданскому 18, кандидатами Медицины по военн. вѣд. 2, Ветеринарн. лекар. по военн. вѣд. 1, волонтировъ лекарями 9, кандидатами Фармаціи 1, всего 61 человекъ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Иностранная переписка.

(Извлеченіе.)

(О Карамзинѣ и молчаніи о немъ Литтературы нашей; объ отвѣтъ на Нѣмецкую рецензію, на него написанную. О запискахъ Босвеля о Джонсонѣ и возможности составивъ подобныя записки о Карамзинѣ. О покойномъ Королѣ Саксонскомъ; черты изъ характера его и жизни. О нѣкоторыхъ членахъ Королевскаго Саксонскаго дома. Объ издаваемыхъ Маршенсомъ дипломатическихъ актахъ. Объ изданіи переписки Гёте съ Шиллеромъ и переписки Якоби. О Линдверѣ.

Дрезденъ. 1827.

Ты правъ: негодование твое справедливо. Вотъ уже скоро годъ, какъ не стало Карамзина, и никто не напомнилъ Рускимъ, чѣмъ онъ былъ для нихъ. Журналисты наши, исчисливъ кратко, впрочемъ не безошибочно, труды его и лѣта жизни, возвѣстивъ Россіи, что наставника, дѣписателя, мудреца ея не стало, исполнили долгъ современныхъ некрологовъ; но не умѣли или не хотѣли воспользоваться правомъ своимъ возбуждать народное вниманіе, народное чувство къ важнымъ событіямъ въ государствѣ. Конечно, въ числѣ особенностей нашей Словесности можно поспавить и судьбу ея преобразователя, единственнаго, полнаго представителя не нашего, но Европейскаго просвѣщенія въ Россіи, соединеннаго въ немъ съ познаніемъ всего отечественнаго, съ познаніемъ, коему можно уподобить только одну любовь его къ отечеству. И сей великій сынъ Россіи, любившій судьбу ея, и въ первомъ мерцаніи

Д 2

нашей славы воинской, при Игорьъ и Свяшославъ, и въ годовину искушенія, при Ольговичахъ и Татарахъ, и во время внутреннихъ преобразованій, при Годуновъ и Петръ, и въ блестящій вѣкъ Екатерины и Александра, и наконецъ умиравшій съ любовью въ сердцѣ и съ вѣрою въ будущее постепенное возрожденіе Имперіи — Карамзинъ не имѣетъ еще цѣнителя ни главнаго спруда его, ни другихъ безсмертныхъ его заслугъ, оказанныхъ Россіи и языку ея. По сію пору одинъ Государь, Представитель народной благодарности, указалъ Карамзину мѣсто его въ храмъ славы. Между тѣмъ, какъ во Франціи часть населенія Парижа подвиглась на погребеніе Генерал-оратора (*Фуа*); въ Англіи, въ Журналахъ Оппозиціи и Министерскихъ, ежедневно извѣщаютъ публику (*письмо сіе писано во время болѣзни Каннинга*) объ успѣхахъ выздоровленія Министра — у насъ, кто по сію пору прервалъ гробовое молчаніе о Карамзинѣ? Кто изъ насъ положилъ цвѣтокъ на уединенную могилу его? Мы, жившіе его жизнью, спрдавшіе его страданіями, мы, одолженные ему лучшими благами ума и души; что мы сдѣлали? Опустили его въ могилу; бросили горсть земли на землю его и смолкли какъ умершіе.

Ты обвинялъ меня въ бездѣйствіи, въ самое то время; когда я собирался послать въ Нѣмецкія ученныя вѣдомости написанное мною возраженіе на одну рецензію, въ Лейпцигской Ученой Газетѣ напечатанную, въ которой Карамзина хвалили за его Исторію и хулили за чужія ошибки. Жалю о Карамзинѣ и о друзьяхъ славы его, что не имѣ, а мнѣ досталось защищать его. Уступилъ-бы имъ охотно въ этомъ и остался-бы при единственномъ

сокровищѣ, котораго у меня, какъ у Карамзина славы, никто не отниметь, остался-бы при моей любви къ его памяти, при моей къ нему благодарности, при воспоминаніи о послѣдней, тихой минутѣ его жизни.

Мое письмо было просираннѣе, но перечитавъ его въ тишинѣ сердца, исключилъ я изъ него всѣ выпалки на Лужницкихъ спарцовъ и все Карамзина недостойное. Да живетъ память его и въ каждомъ движеніи нашего сердца и въ каждой строкѣ о немъ! Чѣмъ инымъ можемъ доказать нашу любовь къ нему, какъ не жизнію его достойною, какъ не чувствами, подобными тѣмъ, кои самъ питалъ онъ и къ друзьямъ и къ недругамъ, ненавидя порокъ, но любя и прощая всѣхъ (*).

(*) Дрезденскій корреспондентъ общаешь прислать въ Телеграфъ и Нѣмецкую рецензію и ошибъ свой, который, вѣроятно, теперь уже напечатанъ въ Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ. Кажется, часть замѣчаній критическихъ Рецензента жадаешь на сказанія Карамзина о Винетѣ. Но дѣло въ томъ, что Карамзинъ не могъ знать сомнѣнія Нѣмецкихъ кришниковъ объ историческомъ бытіи Винеты, ибо сіи сомнѣнія возникли въ 1816 г., когда Карамзинъ печаталъ свою Исторію. Прежде никто не сомнѣвался въ существованіи Винеты и Иоаннъ Миллеръ блистательно описал ея паденіе и поглощеніе развалинъ ея волнами морскими, *Изд.*

(Извлеченія изъ другихъ писемъ.)

Парижъ.

Знаете-ли вы книгу Босвелля (Bosswelle) о Джонсонѣ? Это весьма извѣстная книга и конечно лучшая изъ всѣхъ біографій. Босвелль былъ нѣсколь-ко лѣтъ пріятелемъ Джонсона и записывалъ все, что онъ говорилъ о различныхъ предметахъ, такъ что книга представляетъ теперь, кромѣ множесива весьма умныхъ, замѣчательныхъ разсужденій, разгово-ровъ, кромѣ полного изображенія характера Джонсона, также и характеръ времени, въ кошо-рое онъ жилъ. Эту книгу желалъ-бы я дальъ ше-перь въ руки всѣмъ пріятелямъ Карамзина. Едва ли кто вель постоянный журналъ разговоровъ его. Но многое можеть быть сохранено; одинъ вспомнить одно, другой другое. Я не вижу инаго средства передать попомощву что-либо о Карамзинѣ, достой-ное Карамзина. Біографіи порядочной никто у насъ написать не въ состояніи; да и что лучше такой Босвеллевской, живой біографіи?

Лейпцигъ, 5 Мая.

Вчера получено здѣсь извѣстіе о кончинѣ Ко-роля Саксонскаго. Здѣсь начинается ярмарка: все въ движеніи, все гуляетъ и толкуеть о торговлѣ по прежнему. Читають манифестъ новаго Короля Антонія и отходятъ, отлагая до другаго времени въ этой сферѣ дѣятельности торговой и промышлен-ной, почтишь память усопшаго, 54 года управ-

лившаго мудро Саксонією, и въ дурное время семи-
 лѣтней войны ее сохранившаго, и утрацы 1814
 года перенесшаго, съ христіанскою твердостью.
 Старшій изъ Королей былъ примѣромъ царственной
 мудрости. Не смотря на строгій Капюлицизмъ
 свой, онъ духомъ и дѣломъ наблюдалъ терпимость
 и его *лебединою пѣснью* было постановленіе о пра-
 вахъ взаимныхъ Капюлическаго и Протестантскаго,
 исповѣданій, изданное въ прошедшемъ лѣтѣ, какъ-
 бы въ предчувствіи близкой смерти. Сей Госу-
 дарственный актъ обезпечиваетъ Протестантовъ
 въ правахъ ихъ, конхъ равенство съ правами Ка-
 пюликовъ утверждено окончательно Вѣнскимъ Кон-
 грессомъ. Прежде Протестанты имѣли гораздо бо-
 лѣ правъ и Капюлическая придворная церковь, не
 смотря на исповѣданіе Королемъ Капюлической ре-
 лигии, не имѣла колоколовъ до 1807-го или 1808
 года. Сей актъ, въ прошедшемъ мѣсяцѣ изданный,
 можешь быть почитаемъ постановленіемъ един-
 ственнымъ въ своемъ родѣ въ Европейскихъ законо-
 дательствахъ. Вѣроятно и другія государства
 послѣдуютъ оному. Честь Королю и вѣнецъ без-
 смертія въ томъ мірѣ, и честь министру его Гра-
 фу Эйнзиделю и моему безногому пріятелю редак-
 тору Тишману! Покойный Король, во все время
 долготѣвшаго царствованія своего, держался мудрой
 осторожности, терпимости и строгой экономіи
 государственной. Въ самомъ законодательствѣ, чув-
 ствуя нужду въ исправленіи, въ пополненіи она-
 го, поступалъ онъ съ большою усмотрительностью.
 Понукалъ законодателей и поручалъ разсмотрѣніе
 новыхъ проэктвъ людямъ испытаннаго благоразумія
 и просвѣщеннымъ. Стюбель и Тишманъ, два легиста,

шрудящіеся надъ провѣтками уголовныхъ законовъ, весьма несовершенныхъ и устарѣвшихъ въ Саксоніи, утѣряли меня, что не лзя быть благоразумнѣе, благонамѣреннѣе и болѣе готовымъ на все доброе и полезное, какъ былъ Король. Ave sancta vita! Девизомъ его были Невинность и Надежда и символомъ надежды въ невинности избралъ онъ два цвѣта для герба государственнаго: бѣлый въ зеленомъ. Говорятъ, что непосредственный по закону наследникъ Короля Антонія, второй братъ Короля умершаго, Максимилианъ откажется отъ престола въ пользу сына своего Фридриха. Мы познакомились съ обоими сыновьями его, Фридрихомъ и Иоанномъ, и обѣдали у сего послѣдняго въ Дрезденѣ: оба намъ очень понравились умомъ и образованностью своею. Оба служатъ въ важныхъ государственныхъ мѣстахъ и дѣйствительно; занятія государственной службы не мѣшаютъ имъ заниматься Литтературою, Искусствами, сочинять стихи. Супруга Иоанна, милая, умная женщина, сестра умнаго Короля Баварскаго. Престолъ не безъ надежды, ибо братья очень дружны. Я зналъ Профессора, который занимался съ ними Юриспруденціею и прошелъ полный курсъ оной.

Здѣсь печатаются у Брокгаузена два тома Мартенса (молодаго) актовъ дипломатическихъ: *Causes célèbres du droit des gens, redigées par le Baron Charles de Martens*. Я видѣлъ ихъ въ листахъ въ типографіи Брокгаузена и нашелъ то, что ожидалъ, то есть, рѣдкое и любопытное собраніе актовъ дипломатическихъ дяди его Мартенса, бывшаго Профессора въ Гештингенѣ и Раштадскаго негоціашора. Въ этой книгѣ будетъ много замѣча-

пельнаго и относительно до Россіи, напримѣръ : акты о Машвѣвъ въ Лондонѣ.

Переписка Гёте съ Шиллеромъ, объявленная въ Лейпцигскомъ Каталогѣ, еще не вышла, а переписка Германскаго Платона, Якоби (въ двухъ частяхъ), съ первыми литераторами и философами Германіи слишкомъ толста для посылки. Выберу изъ нее письмо для журнала: много прелестныхъ. Вся жизнь, нравственная и умственная, Ньмцовъ, отражается въ сихъ двухъ томахъ.

Я познакомился съ Линднеромъ. Это истинный мудрецъ въ христіанствѣ, человекъ глубокаго ума и глубокихъ свѣдѣній, съ простотою Евангельскою, не скрываетъ свѣта, но дѣйствуешь, имъ озаренный, какъ педагогъ и профессоръ. За то нѣкоторые изъ здѣшнихъ книжниковъ ему и недоброжелательствуютъ: его лишили кѣдры въ Гимназіи. Улыбка его значительная и вся фізіогномія выражаетъ добродушіе съ глубокомысліемъ и тонкою пронизательностію. Ясность въ идеяхъ и въ выраженіи оныхъ необыкновенная: отъ того и дѣши его любятъ и понимаютъ и профессеры (разумеется, безпристрастные) находятъ глубокомысленнымъ. Это человекъ по моему сердцу: скромный, но говорить охотно и свободно.

N. N.

Рѣчь, произнесенная Англійскимъ Министромъ Каннингомъ, въ засѣданіи Нижняго Парламента. (Окончаніе.) Закономъ 1815 г. полагалось совершенное запрещеніе ввоза, до тѣхъ поръ, пока цѣна хлѣба возвысится до 80 шиллинговъ. Известно,

что жатва 1816 г. была одна изъ худшихъ, бывшихъ когда-либо въ нашемъ государствѣ. Съ начала Августа предвидѣли, что оца будетъ такова. Августа 15 ч. 1816 г. долженствовало бытъ утверждены меркуріалии или среднія цѣны, ошъ коихъ зависѣлъ вопросъ о запрещеніи или допущеніи иностраннаго хлѣба. Въ Августѣ, цѣна пшеницы была выше той таксы, по которой законъ 1815 г. допускалъ ввозъ; но высокая сія цѣна не подержалась долго и средняя цѣна не перешла за таксу 80 шиллинговъ. Слѣдствіемъ сего было то, что гавани остались закрытыми въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ недосшатка, съ Августа до Ноября 1826 г., и открыты были только съ 15 Ноября (когда цѣна перешла за 80 шиллинговъ), въ теченіе почти 15 недѣль, въ такое время, когда сѣверныя гавани не могли уже снабжать хлѣбными запасами. Гавани открыты были въ Ноябрь 1816 г., закрыты въ Ноябрь 1817 и снова открыты въ Февралѣ 1818 года. Онѣ были закрыты въ Ноябрь потому, что средняя цѣна стояла 5-ю пенсами ниже 80 шиллинговъ, а открыты въ Февралѣ, когда средняя цѣна перешла 2-мя шилл. за сію таксу. Жатва 1817 г. была столь же плоха, какъ и предыдущая; сдѣлался снова голодь; но по причинамъ мною изложеннымъ, гавани остались закрытыми до слѣдующаго Феврала. Жатва 1818 г. была весьма изобильна, не только въ нашемъ государствѣ, но и во всѣхъ другихъ странахъ Европы, производящихъ хлѣбъ. И такъ, вопреки очевидной пользы государства, гавани были закрыты въ то время, когда внутреннія продовольствія были недосшаточны и когда громко требовали у насъ ввоза

иностранныго хлѣба , а открыты тогда , какъ всѣ наши рынки были наполнены , и когда приличнѣе было не допускать иностранныхъ запасовъ ; все это дѣлалось единственно потому , что средняя цѣна 2-мя пенсами перешла за шаксу 80-ти шиллинговъ.

Какое-жъ было слѣдствіе отъ приведенія въ дѣйство сихъ чрезвычайныхъ противоположностей? Каждое званіе общества, въ свою очередь, сдѣлалось жертвою оныхъ, и каждое обращалось къ Парламенту для полученія помощи. Мы всѣ помнимъ, что лѣто 1817 года, было время самое несчастное, и каждый почтенный членъ, который захочетъ сдѣлать справки въ Архивъ Парламента, увидитъ, какимъ безчисленнымъ множествомъ прошеній обремененъ оный былъ въ сіе время. Въ теченіе 1817, 18, 19, 20 и 21 годовъ, въ которые земледѣіе дошло до чрезвычайнаго изнеможенія отъ разныхъ причинъ, какихъ чрезвычайныхъ прибавокъ цѣны не произвелъ законъ сей? Спрашиваю: какая-жъ была крайняя разность цѣны въ одной только части сего періода? Вотъ разница между двухъ лѣтъ: въ одинъ годъ цѣна пшеницы возвысилась до 112 шилл., а въ другой упала до 38 шилл. за кварталеръ, и такъ; прибавка цѣны была не менѣе 74 шиллинговъ на кварталеръ (*слушайте! слушайте!*). Прибавка сія была конечно сіполь велика, какъ только можно себя представить, но она не перешла еще за границу того, чего можно было по справедливости ожидать отъ закона, приводящаго въ дѣйствіе совершенно противоположныя основанія.

Выгоды земледѣлія необходимо вовлечены были во всѣ затрудненія, долженствовавшія происходить

опъ шаковыхъ измѣненій. Парламентъ услышалъ жалобы и въ 1822 году законъ 1815 года снова подвергнутъ былъ разсмотрѣнію. Что касается до сего послѣдняго распоряженія (я говорю о законѣ исправленномъ), то довольно сказать, что и нынѣ оное не приведено еще въ силу. Къ концу года, какъ мнѣ кажется, прибавленъ былъ къ нему пунктъ, о которомъ здѣсь упомянуть кстапи, ибо въ немъ берется въ посредство пошлина со ввоза; неограниченное запрещеніе, какъ основаніе, оставляется и полагается цѣна, при коей иностранный хлѣбъ можетъ быть ввозимъ съ пошлиною покровительственной. И такъ, къ закону присоединили пунктъ, который существовалъ какъ дѣло доказанное, и не позволялъ привести въ дѣйствіе самаго закона. Пунктъ сей согласенъ былъ съ прежнимъ закономъ въ томъ, что распоряженія оного не могли имѣть дѣйствія до тѣхъ поръ, пока средняя цѣна достигнетъ до 80 шилл.; слѣдствіемъ сего было, и теперь еще, есть то, что мы продолжаемъ быть подъ вліяніемъ прежняго установленія 80-ти шиллинговъ, такъ точно, какъ будто-бы законъ 1815 г. не потерпѣлъ никакого измѣненія до сего времени.

Распоряженіе сіе совершенно ошибочно; оно ни что другое, какъ бесплодное признаніе основанія, изъ котораго въ практикѣ не возможно извлечь ни малѣйшей пользы.

Если совершенное и неограниченное запрещеніе не доставляетъ желаемаго покровительства, и если закономъ 1822 г. признано, что пошлина со ввоза составляетъ приличную мѣру покровительства, я согласенъ занять у сего закона одно правило, ко-

шорое, по существующимъ распоряженіямъ, не могло-бъ никогда бытъ приведено въ дѣйствіе.

Разсмотримъ сначала образъ приложенія пошлины. Пошлина постоянная достигаетъ ли той цѣны, для которой предназначена? Возмите, если угодно, планъ Г. Рикардо или разсмотрите два другіе, на которые я обратилъ уже ваше вниманіе. Изберите одну изъ пошлинъ, предложенныхъ въ сихъ проэктахъ; пусть она будетъ въ 15, 12 или 5 шилл., постоянна и неизмѣнна, и посмотримъ, какія она произведетъ дѣйствія. Положимъ, на примѣръ, что пошлина будетъ въ 12 шиллинговъ. Мы видѣли, что въ теченіе одного года, цѣна пшеницы возвысилась до 112 шилл. за квартеръ; примите въ разсмотрѣніе прибавочную пошлину 12-ти ш. — не увеличитъ-ли страданія народа столь высокая цѣна при такомъ обстоятельстве? Въ другой годъ, цѣна квартера была 74-мя шиллингами ниже; какое-же слабое вкривительство составила-бы для земледѣльца пошлина изъ 12 шилл., приложенная къ цѣнѣ 38-ми шиллинговъ?

Обращу теперь ваше вниманіе на среднія цѣны хлѣба: я хочу сказать цѣны пшеницы, въ теченіе 12-ти лѣтъ, предшествовавшихъ 1815 году. Средняя пропорціоная цѣна была 85 шилл. 4 пенса; въ теченіе шести послѣднихъ лѣтъ сего періода, цѣна была 98 шилл. 6 пен., а шести первыхъ 72 ш. 2 п. Цѣна-же, назначенная закономъ 1815 г. какъ *высшая* (maximum), была 80 ш. Цѣна сія вѣроятно принята была потому, что по окончаніи войны должно было дѣлать большой вычетъ изъ нее по причинѣ вычета военныхъ расходовъ; за всѣмъ тѣмъ я думаю, что цѣна сія назначена была спра-

ведливо, и не въ этомъ отношеніи буду я осуждать законъ 1815 года. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, отъ 1815 до 1820, средняя цѣна была 74 ш. 2 п. Новая цѣна назначена была въ 1822 г. Я согласенъ, что принятіе сей цѣны было справедливо; должно однакожь замѣтить, что оно простирается на состояніе дѣлъ совершенно разное отъ того, которое внушило законъ 1815 года, ибо не должно забывать, что уменьшеніе пошливъ и расходовъ общественныхъ произвело въ 1822 г. значительное различіе въ состояніи государства. Я думаю однакожь, что теперь положеніе высшей цѣны въ 70 ш. было-бы не прилично, ибо средняя цѣна 12-ти лѣтъ (отъ 1815 до 1826) была 64 ш. 11 п., а шести послѣднихъ лѣтъ сего періода 55 ш. 9 п. Если разсмотримъ, что при уменьшеніи государственныхъ расходовъ и при ограниченіи налоговъ билль о монетной системѣ (currency bill) въ 1819 г. произвель существенную перемѣну въ состояніи государства, то я полагаю, что сіе положеніе высшей цѣны должно быть уменьшено. Я готовъ поддерживать, по тому-же основанію, по которому цѣна въ 70 ш. могла быть удобна въ 1822 году, увѣренность, что принявъ въ разсмотрѣніе среднюю цѣну 12-ти послѣднихъ лѣтъ и видя, что она была 64 ш. 11 п., между тѣмъ какъ цѣна послѣднихъ шести лѣтъ была 55 ш. 9 п., никакой добросовѣстный человѣкъ не подумаетъ, что если въ 1822 году 70 ш. была удобная цѣна, то 60 ш. будетъ неудобна нынѣ по всѣмъ побудительнымъ причинамъ правосудія и справедливости, въ отношеніи къ противоположнымъ выгодамъ (*слушайте! слушайте!*). Цѣна 60 ш. есть посредствующее (medium) между

среднею цѣною 12-ти лѣтъ и между цѣною шести послѣднихъ лѣтъ сего же періода и она многимъ превосходитъ среднюю цѣну перваго изъ сихъ 4 годовъ (1823).

Не уже-ли будетъ неприлично почитать сію паку такою цѣною, которою должно быть ограничено покровительство земледѣльческимъ выгодамъ, и такою, которую, на основаніи предвѣдущаго своего закона, Парламентъ можетъ по справедливости назначить? Могу увѣрить, что мой почтенный другъ, коего разысканія и изслѣдованія по сему предмету были гораздо обширнѣе и лучше моихъ обработаны, думаетъ, согласно со мною, что это дѣло не невозможное, и мы считаемъ бо ш. цѣною, до которой выгоды сіи имѣють право на покровительство.

Перейдемъ теперь къ образу приложенія. Я показалъ вамъ причины, заставляющія меня признавать, что пошлина поспоянная не должна быть принята, ибо неизмѣняемая пошлина, неимѣющая никакого отношенія къ цѣнамъ хлѣба, должна попеременно быть или очень высокою, или очень низкою, и пошому только, что она не измѣняется, между тѣмъ какъ цѣна хлѣба находится въ безпрестанной переменѣ, она произведетъ непрерывныя неровности. Я полагаю, что постепенность пошлинъ, измѣняющихся противоположно къ переменамъ въ цѣнахъ хлѣба, исправляя излишество, дополняя недостатокъ и стремясь къ ихъ общему уравнию, заключающъ въ самой себѣ лучшее основаніе прочности (*слушайте!*), свойства, которое, можетъ быть, должно всему предпочитать

въ законодательствѣ, даже и случайному пониженію цѣны.

Я показаль причины, заставившія меня почтитать положеніе высшей цѣны въ бо-шь шилл. приличнымъ. Чпожь касается до пошлинь, то основанія, по которымъ должно принимать какіе-либо налоги, вѣроятно увлекли-бы меня къ развѣшаніямъ гораздо обширнѣйшимъ, нежели сколько я полагаю себя должностію сказать здѣсь; ибо я знаю, что цѣны хлѣба на торжищахъ иностранныхъ, и многіе предметы такого-же рода, должны-бы были введены въ подобное разсужденіе. Размысливъ сколько возможно о семъ предметѣ, мой благородный другъ, начальникъ правительства Е. В., увѣренъ, что покровительственная пошлина въ 20 ш., когда цѣна хлѣба будетъ бо шилл., есть все, что можно наложить благоразумно и по всей справедливости, и что она не будетъ слишкомъ высока. Предполагая среднюю цѣну хлѣба бо ш., а пошлину 20 ш., онъ предполагаетъ уменьшать сію послѣднюю 2-мя шиллингами, вслѣдствіи разъ, когда средняя цѣна хлѣба возвысится однимъ шилл. надъ бо-ю; напротивъ того, увеличивать пошлину 2-мя ш. за каждый шиллингъ пониженія средней цѣны хлѣба надъ бо ш.

Дѣйствіе сей постепенности будетъ такое, что начиная съ условенной цѣны бо-пи шиллинговъ до 61-го, пошлина будетъ 20 ш.; отъ 61 до 62 пошлина будетъ только 18 ш.; отъ 62 до 63 пошлина уменьшается до 16-ти и такъ далѣе, пока средняя цѣна достигнетъ до 70 ш.; тогда всякая пошлина снимается и ввозъ иностраннаго хлѣба дѣлается беспошлиннымъ, за исключеніемъ пошлины за

записку въ таможенѣ. Это постепенность восходящая.

Что-же касается до постепенности низходящей, то пошлина будетъ прибавляться по 2 ш. на каждый шиллингъ пониженія средней цѣны ниже 60 шилл., такъ, что при цѣнѣ 55 ш. пошлина будетъ въ 30 ш., или говоря другими словами, будетъ пошлина запретительная, ибо таково дѣйствительно намѣреніе правительства въ семь случаевъ. Соединяя сію мѣру, искреннѣйшее его желаніе состояло въ томъ, чтобы держать вѣсы ровными между двумя противоположными выгодами, наклоня ихъ (въ этомъ должно сознаваться) въ пользу свободы торговли по основанію, и также въ пользу выгодъ земледѣлія въ отношеніи установленія цѣнъ. Я надѣюсь, что здѣсь ясно увидятъ безпристрастіе, руководствовавшее нами при составленіи и изданіи проэкта, и признаюсь, что какъ со стороны желающихъ закона запретительнаго, такъ и отъ защитниковъ неограниченнаго ввоза, я не ожидаю никакихъ другихъ возраженій, кромѣ тѣхъ, которыхъ, по различію ихъ видовъ и ихъ основаній, можно всегда приложить ко всякому плану, подвергаемому сужденіямъ и преніямъ Парламента.

Я знаю, что подробности, въ которыхъ вошелъ я, могутъ подать поводъ сословію земледѣльцовъ сказать мнѣ: »Если есть такая степень, при которой вы расположены дать намъ запретительную пошлину, то для чего-бы не утвердить совершенное запрещеніе на такой степени?« На сію я буду впервыхъ отвѣчать, что относительно къ предмету, который былъ подверженъ разсмотрѣнію Парламента не годами, но нѣсколькими уже столѣ-

Ч. XV. No 9.

Е

пiями, совершенное запрещенiе никогда не было принято за основанiе въ законодательствѣ, выключая одно только обстоятельство, о которомъ я упомяну. Даже въ печенiе ста лѣтъ, съ 1670 по 1764, въ которыхъ Парламентъ имѣлъ постоянною цѣлю не только отвратить ввозъ иностраннаго хлѣба, но даже ободришь вывозъ Англійскаго, даже и во все это время, не запрещенiями, но пошлинами поспавляли преграду ввозу. Вотъорыхъ, я долженъ сказать, что послѣ опыта съ закономъ 1815-го года, въ системѣ нашего Правительсва не можеть существовать сильныхъ побудительныхъ причинъ къ сохраненiю такого нововведенiя, ибо такъ долженъ я называть сiю мѣру. Далѣе: мнѣ кажеться, что если должна существовать какая-либо торговля хлѣбомъ, она должна, сколько мы можемъ до сего достигнуть, производиться по тѣмъ-же основанiямъ, которыхъ направляють всѣ другiя отрасли торговли, такъ чтобы она могла идти твердымъ и правильнымъ шагомъ, а не съ безпрерывными потрясенiями, происходящими отъ непредвидѣнныхъ предположенiй (*слушайте!*). Я увѣренъ, что если ввозъ всегда свободенъ (говорю: свободенъ, въ отношенiи къ способности ввозить, а не въ отношенiи къ состоянiю нашихъ рынковъ), если ввозъ позволенъ, ввезены только предосторожности противъ излишняго изобилiя на рынкахъ государства, то пошло въ печенiи своемъ сохранить и равную быстроту и равное изобилiе; продовольствiя будуть всегда достаточны и соразмѣрны, но безъ излишества, вмѣсто того, чтобы безпрестанно быть продолжительнымъ рядомъ намѣненной между недостаткомъ и излишнимъ изобилiемъ, такъ какъ вы-

нынешнее состояніе, которое продолжалось-бы отъ принятія запрещенія (*слушайте!*). При новомъ порядкѣ дѣлъ, шоргъ будетъ находиться въ сравнительной прочности, весьма различной отъ той, которую мы видѣли подѣ влияніемъ закона 1815 г., когда цѣны одного и того-же произведенія измѣнились отъ 112 до 38 шиллинговъ. При системѣ, которую я имѣлъ честь предложить, приливъ цѣвъ ограниченъ будетъ въ шѣсномъ кругѣ отъ 55 до 65 ш., или въ такихъ границахъ, которыя немного отъ сего удаляюща; всѣ операции будутъ предметомъ обдуманыхъ расчетовъ и освобождены отъ тѣхъ внезапныхъ потрясеній, которыя распоргають границы закона, принуждая правительство дѣйствовать противно законодательству государства.

Разсматривая предложенныя перемены по сему предмету, не возможно не дать отчета о выгодѣ которая произойдетъ отъ того, что мы освободимся отъ злоупотребленія нынѣшней системы меркуріалій (*рукоплесканія*) и выгода сія не покажется малозначущею, когда вспомнимъ, какъ я уже сказалъ, что два раза въ одинъ періодъ двухъ лѣтъ достигли мы до того, что дробью пяти пенсовъ въ одномъ случаѣ и двухъ въ другомъ, заперли наши гавани, тогда, какъ имъ должно-бы быть открытыми, а имѣли ихъ открытыми тогда, когда должны онѣ были закрыться (*слушайте!*). Съ такими фактами передъ глазами не возможно и самому непредубѣжденному челоуку защититься отъ подозрѣнія въ умысленныхъ сдѣлкахъ. Теперь-же, напроливъ, при системѣ еженедѣльныхъ меркуріалій, не лзя себѣ и представивъ, чтобы спаранія какого-либо

спекулянта могли имѣть вліяніе на возвышеніе пошлинь. Да и дѣйствительно, какия спекуляціи такого рода можно сдѣлать въ одну недѣлю и какаяд побудительная причина можетъ принудить къ сему (*слушайте!*)? Когда прежде имѣли три мѣсяца времени для расположенія плана операціи, тогда дѣло могло идти иначе; но если меркуріалія, которую, положимъ, нашли средствомъ разными оборотами назначили въ субботу, можетъ быть перемѣнена меркуріаліею слѣдующей субботы, то такая причина засматривать-ли опважиться на спекуляцію такого рода? Такимъ образомъ законъ о хлѣбѣ очистится отъ пятна, которое съ нѣкотораго времени дѣлаетъ ему подозрѣніе, или частое исполненіе спекуляцій, о которыхъ я упомянулъ, и подѣ вліяніемъ новаго закона, операціи по сей отрасли примуть характеръ правильности и честности, болѣе сообразный съ обыкновеннымъ поведеніемъ Англійскихъ купцовъ, характеръ, котораго онѣ до сего времени не имѣли.

Съ другой стороны, я почитаю еще весьма важною выгодою и то, что мы избавимся отъ посредничества исполнительнои власти въ семъ дѣлѣ, посредничества, которое нѣкоторые люди почитаютъ средствомъ противъ зла, но которое я рѣшительно почитаю средствомъ къ увеличенію зла (*рукопесканія*). Я совершенно увѣренъ, равно какъ и мои товарищи, что за нѣсколько мѣсяцовъ передъ симъ, мы поступили совершенно справедливо, допустивъ ввозъ хлѣба, который былъ запрещенъ закономъ. Принимая на свою отвѣтственность допущеніе хлѣ-

ба на наши рынки (безъ сей мѣры не могъ онъ быть туда доставленъ), мы исполнили нашу обязанность къ народу, и хопя сдѣлали хорошо, но мы совершенно не знали (въ послѣдствіи приобрѣли мы жестокую въ семь увѣренность), что во многихъ случаяхъ ошъ сего произошли частныя потери. Я сожалею, и долженъ признаться въ этомъ, что шаже черша пера, которая спасла государство, совершенно разрушила многія частныя имѣнія (*слушайте!*). Люди, говорящіе столь легко объ обязанности министровъ дѣйствовать въ случаѣ жестокой крайности, вѣроятно не дають себѣ отчета о томъ, что наше положеніе тягостно въ семь отношеніи. Не говорю, чтобы я раскаявался въ томъ, что мѣра, о которой я говорилъ, была принята при стѣсненныхъ обстоятельствахъ; напротивъ, въ подобномъ сему случаѣ я готовъ опять принять ее, но въ тѣ же время утверждаю, что мы были-бы недостойны возложенныхъ на насъ должностей, если-бы не старались воспользоваться первымъ случаемъ къ учиненію распоряженій для отвращенія могущаго случиться впредь подобнаго обстоятельства (*слушайте!*).

И такъ, я утверждаю, что объясненныя выгоды важны и достаточны для подпверженія и оправданія новаго устава. Не примѣтъ-ли оный еще большей важности, когда узнають, что слѣдствіемъ его будетъ сближеніе выгодъ двухъ званій, выгоды, которыя до сего времени почитали столь-же противоположными одна другой, какъ полюсы. Уравновѣситъ противоположныя права званій и уменьшитъ не-пріязненность, которую слишкомъ долго имѣли, разрѣ-

шая сей вопросъ, поступить такъ, чтобы два важныя званія общества, одно къ другому ревнивыя, могли бытъ доведены до признанія, что на земномъ шарѣ довольно мѣста для обоихъ, и что благосостояніе ихъ можетъ существовать въ одно и то же время, вѣстпо того чтобы бытъ раздѣленными (какъ думаетъ каждый изъ нихъ) и приводиться въ дѣйствіе только вредомъ другаго (*рукоплексканія*): такова цѣль, предполагаемая правительствомъ въ мѣрѣ, которую я имѣлъ честь представить на разсмотрѣніе ваше. Я не полагаю нужнымъ входить въ дальнѣйшія подробности, ибо не имѣю намѣренія испрашивать новыхъ голосовъ собранія; ограничиваюсь только тѣмъ, что оставляю проектъ мой вамъ и прошу назначить время преній, когда Парламенту будетъ угодно, но однакожь не слишкомъ опшдала оное.

Съ довѣренностію передаю предположенія въ руки ваши, и что-бы ни приняли въ отношеніи къ нимъ, какія-бы убавленія или усовершенствованія ни разсудили заблаго сдѣлать въ подробностяхъ, я прошу принять ихъ въ томъ самомъ духѣ, по внушенію котораго онѣ сдѣланы, т. е., какъ приношеніе мира и результаты величайшихъ усилій правительства, въ особенности-же моего почтеннаго друга, который столь возвышеннымъ и столь дѣятельнымъ образомъ участвовалъ въ составленіи оныхъ, для соглашенія противоположныхъ выгодъ. Увѣренъ я, въ сознаніи вашемъ, что мы дѣйствовали для выгодъ всѣхъ партій — (*Громкія рукоплексканія раздавались со всѣхъ сторонъ, когда Каннингъ кончилъ рѣчь свою.*)

НЕКРОЛОГІЯ. *Августъ Фридрихъ I, Король Саксонскій.* Почти шестидесятилѣтнее правленіе, ознаменованное подвигами царственнаго мудрости и гражданскихъ добродѣтелей, дѣлаетъ сего Монарха незабвеннымъ въ Исторіи. Онъ родился въ 1750 г., Декабря 23 д., и послѣ смерти отца своего, Августа III, Курфюрста Саксонскаго и Короля Польскаго, вступилъ на наслѣдственный престолъ Курфюршества Саксонскаго въ 1763 г., 13-ти лѣтъ отъ рожденія. Въ Польшѣ избранъ былъ тогда Королемъ Станиславъ Понятовскій. Саксонія, разоренная семилѣтнею войною и несчастнымъ правленіемъ Августа III, требовала руки правителя мудраго и благодѣтельнаго. Ея несчастія продолжались еще до 1768, когда юный Курфюрстъ принялъ самъ бразды правленія, бывши до сего времени подъ опекою дяди своего Ксаверія. Въ теченіе десяти мирныхъ лѣтъ, онъ доказалъ необыкновенную дѣятельность и опеческое попеченіе свое о благѣ народа. Но Провидѣнію угодно было подвергнути жизнь Монарха Саксоніи вѣсь тяжкимъ испытаніямъ. Находясь среди сильныхъ, могущественныхъ державъ, Саксонія, по самому географическому положенію своему, должна была всегда увлекашся вихремъ великихъ переворотовъ Германіи. Видя возросшее могущество Пруссіи, Августъ принялъ систему политическую, противоположную системѣ отца своего, всегдашняго союзника Австріи, и соединился съ Пруссіею, гдѣ тогда царствовала еще, хотя и олягченнѣй уже лѣтами, героиня Фридрихъ. Августъ вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ Баварской войнѣ, прекращенной въ 1779 г., при участіи Франціи и Россіи, Тешенскимъ миромъ, и приступилъ къ соединенію Нѣ-

мецкихъ государей, которое Фридрихъ пропиво-
 поставилъ перевѣсу Австріи. Удаляясь отъ всѣхъ внѣ-
 шнихъ причинъ, могущихъ разрушить благосостоя-
 ніе Саксоніи, упроченное уже 20-ти-лѣтнимъ правле-
 ніемъ, Августъ отказался отъ Польской короны, пред-
 ложенной ему въ 1791 г. Онъ отказался и отъ вся-
 каго участія въ войнѣ противъ Франціи, когда Импера-
 торъ Леопольдъ и Король Прусскій, наследникъ Фридри-
 ха, въ Пильницѣ, 1791 г. Августа 27, положили
 воспротивиться Франціи, угрожавшей хлынуть на
 окрестныя государства. Но время неутралишетовъ
 тогда не могло существовать, и двадцать пять,
 слѣдовавшихъ за сямъ, лѣтъ правленія Августа сдѣ-
 лались бурнымъ временемъ, въ которое ни добро-
 совѣстность, ни благоразуміе не могли спасти Сак-
 соніи отъ ужасовъ войны, отъ гибельныхъ пере-
 вороповъ, оставляя его въ горестной необходимости,
 во время промежутковъ мгновеннаго мира, старать-
 ся только излечать раны отчизны благодѣянiami и
 пожертвованіями. Со времени вторженія Французовъ
 въ Голландію, Августъ принужденъ былъ участво-
 вать въ войнѣ, и только въ 1796 г., когда Журданъ
 спалъ на границахъ Саксоніи, возстановилъ онъ свой
 неутралишетъ. Онъ успѣлъ поддержать его до 1805
 г., когда сила Пруссіи рѣшительно увлекла его въ
 войну противъ Наполеона, уже разгромившаго Нѣмец-
 кую Имперію и грозно стремившагося на Пруссію.
 Послѣ Іенскаго сраженія Саксонія занята была Фран-
 цузскими войсками. Контрибуціи и военное управ-
 леніе Французовъ государственнымъ доходами были
 слѣдствіемъ присупленія Курфирста къ союзу съ
 Пруссіей. Но вскорѣ Наполеонъ узналъ достоинства
 Монарха Саксоніи. Дружба и почтеніе Наполеона были

слѣдствіемъ ихъ личнаго свиданія. Увѣренный въ гени героя непобѣдимаго, Августъ предалъ судьбу свою въ руки его и до послѣдней крайности былъ вѣрнымъ его союзникомъ и другомъ. Познанскій миръ, въ Декабрь 1807 г. успокоилъ Саксонію. Возведенная на степенъ Королевства, Саксонія получила большія приобрѣтенія отъ Пруссіи и вновь образованное Наполеономъ Герцогство Варшавское. Въ 1809 г. она участвовала въ войнѣ съ Австрійцами. Дрезденъ былъ взятъ непріятелемъ, но Наполеонъ бодрствовалъ и побѣды его доставили миръ и новыя приобрѣтенія союзнику, такъ что, послѣ Вѣнскаго мира, въ 1809 г., владѣнія Короля Августа составляли 3,434 кв. мили. Мысль Наполеона была: поставитъ Саксонію въ число государствъ, могущихъ составить опору его въ Германіи. Приглашенный въ Парижъ, Король былъ дружески принятъ на великолѣпныхъ праздникахъ Наполеоновыхъ. Но вскорѣ наступилъ роковой годъ Наполеона. Въ Маѣ 1812 г., въ Дрезденѣ, послѣдній разъ отблестала звѣзда его яримъ блескомъ. Въ собраніи государей, онъ казался повелителемъ ихъ и Король Саксонскій думалъ, что счастье Саксоніи упрочено навсегда. Походъ 1812 года измѣнилъ все; въ началѣ 1813 г. Августъ принужденъ былъ постыжно удалиться изъ Дрездена, но хранилъ дружбу Наполеона и надѣялся. Люцекская битва возвратила Короля Саксонскаго въ столицу государства; но судьба Наполеона быстро склонялась къ паденію. Никакія усилія гени не спасли его. Августъ былъ свидѣтелемъ рѣшительныхъ дней Лейпцигской битвы и съ горестью видѣлъ, что его собственныя войска были причиною потери сраженія, ужаенаго, едва-ли не единствен-

наго въ лѣтописяхъ міра. Когда все было рѣшено, когда должно было только спасти остатки войскъ, Наполеонъ изъ одной дружбы къ Королю не хотѣлъ предать погибели Лейпцигъ и тѣмъ обезопасить своего отступленія. Союзныя войска сражались уже въ предмѣстіяхъ Лейпцига, когда Наполеонъ еще находился въ дворцѣ своего добродѣтельнаго друга, предчувствовавшего всѣ страшныя слѣдствія потерь Наполеона. Горестно простился Августъ съ Наполеономъ и не видался уже съ нимъ болѣе въ вѣдѣшемъ мірѣ, былъ взятъ въ плѣнъ и увезенъ въ Фридрихфельдъ, что близъ Берлина. Саксонія осталась подъ управленіемъ Русскаго Генераль-Губернатора (Князя Рѣпина), а съ окончаніемъ 1814 г., подъ управленіемъ Прусскимъ. При начавшихся, въ 1815 г., въ Вѣнѣ переговорахъ объ успокоеніи Европы, Короля Саксонскаго перевезли въ Венгрію. Съ покорностію воли Провидѣнія принялъ Августъ условія мира. Наслѣдственныя земли его составляли пространство въ 616 кв. миль; болѣе половины ихъ отдѣлено было отъ Саксоніи; сіе государство ограничилось съ тѣхъ поръ степенью небольшихъ государствъ Германіи, имѣя послѣ Вѣнскаго прѣдсѣдателя менѣе 300 кв. миль пространства и менѣе $1\frac{1}{2}$ милліона жителей. Остальное время жизни Августа употребилъ на успокоеніе небольшого своего владѣнія. Находясь въ маломъ кругѣ политическихъ дѣйствій, онъ мыслилъ только о внутреннемъ счастіи подданныхъ, и съ именемъ отца отечества, видя ошдохнувшую, счастливую попеченіями его Саксонію, кончилъ земное бытіе свое, испытанное бѣдствіями, какъ злато въ горнилѣ, и услажденное только мыслию, что

онъ дѣлалъ все, чего требовалъ отъ него долгъ Государя. Августъ Фридрихъ скончался Апрѣля 24, сего 1827 г. Послѣ него осталась только дочь, Принцесса Августа. Престоль перешелъ къ брату его Антонию Клементію (род. въ 1755 г.). Трудно было-бы исчислить здѣсь всѣ подробности попеченій его о благѣ народа. Исправленіе законовъ, устройство публичныхъ зданій, дорогъ, учебныхъ заведеній, помощь бѣднымъ, правосудіе и милосердіе, благородство поведенія при самыхъ несчастныхъ, затруднительныхъ обстоятельствахъ, все, конечно, заставитъ попомство подтвердить слова Наполеона, который говорилъ, бывши уже на островѣ Св. Елены, что «Августъ Фридрихъ, Король Саксонскій, одинъ изъ великихъ Государей и добродѣтельнѣйшихъ людей, какіе только были ему извѣстны.»

Напечатано

должно быть

Стр. стр.

317—16 —	tdziŃ	dzieł
—17 —	Polskij ęzyk	Polski język
319—23 —	żądzy	żądzy
—31 —	rzećł	rzećł
320— 7 —	chlec	chleb
— 9 —	krzyknał	krzyknał
—11 —	docazać	dokazać
—26 —	czoto	czoło
—27 —	maluei	maluje
—29 —	twocie	twoje
321— 7 —	rozciagniony	rozciagniony
324—12 —	часть 3-ю	3-ю часть

Отд. II.

192—13 —	Сѣверн. Пчела	а Сѣверн. Пчела
198—15 —	indroduits	indroduit
201—14 —	прислонная	присланная

**МОСКОВСКИЙ
ТЕЛЕГРАФЪ.**

ЧАСТЬ XV.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

II. СМѢСЬ.

.....

.....

.....

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Къ Н. Н.

О милыхъ спутникахъ, которые сей свѣтъ
Присутствіемъ своимъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: *къ нѣтъ*;
А съ благодарностію: *были*.

Жуковскій.

Къ Иллиевскому.

И за письмо и за подарокъ
Стихами наскоро плачу.
Предъ Фебомъ ты зашепъ отарокъ,
А не огромную свѣчу;
Но разноцвѣпелъ онъ и ярокъ
И Музъ нашей по плечу;
Пиляетъ онъ потѣшнымъ блескомъ,
Подсыпанъ порохомъ слегка,
Звѣздой разсыпчатой со шрескомъ
Взрывается изподтишка
И мечетъ, за народнымъ плескомъ,
Шутихи подъ носъ дурака.
Пальбой огней своихъ потѣшныхъ

Ч. XV. No 9.

4

Пугай глупцовъ и радуи насъ ;
Не кайся въ шалостяхъ безгрѣшныхъ ;
То по дѣломъ , то для проказъ ,
И встрѣчныхъ ты и поперечныхъ
Коли и въ бровь и прямо въ глазъ .
Задорный Музы собесѣдникъ ,
Когда-то зналъ я швой измѣкъ :
Но нѣтъ ! ты мнѣ не ученикъ ,
А развѣ заживо наслѣдникъ .

К. Вяземскій.

Наборщику стиховъ моихъ.

Спасибо твоему , ремесленникъ , набору ,
И будь-же ты воспѣть Поэтомъ - старикомъ :
Мой вялый стихъ , какъ я , шацилася-бы ползкомъ —
Ты бодрость далъ ему и разомъ поднялъ въ гору .

Журналистъ Фигляринъ и Истина.

Онъ точно, онъ безспорно:
Фигляринъ Журналистъ,
Марающій задорно
Свой безтолковый лясъ!
А это что за дура?
Вѣдь Истина, ей, ей!
Давно-ль его канура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чушьемъ наведена,
Занятіямъ мараки
Пришла мѣшать она

Мысли Наполеона о Военномъ Искусствѣ.

Иной генераль объѣдетъ мѣстоположеніе не узнавъ его, а можетъ бытъ, и зная не имѣеть способности отгадать его; но геній великихъ предпріятій и великихъ послѣдствій состоитъ особенно въ томъ, чтобы не видя отгадывать.

*

Истинный характеръ всегда оказывается въ великихъ обстоятельствахъ. Есть сонные, которыхъ пробужденіе ужасно. Клеберъ обыкновенно былъ сонный, но при случаяхъ, и всегда при надобности, пробужденіе его было пробужденіемъ льва.

*

Есть генералы, которые умѣютъ вести войну только по большимъ дорогамъ и на разстояніи пушечнаго выстрѣла, тогда, какъ поле ихъ битвы должно-было занимать все пространство государства.

*

Изобрѣшеніе огнеспрѣльныхъ оружій все измѣнило. Великое изобрѣшеніе сіе было однако въ пользу наступающихъ, хотя донинѣ большая часть тактиковъ утверждала противное. Тѣлесныя силы древнихъ были въ соразмѣрности съ ихъ оборонительнымъ и наступательнымъ оружіемъ;

наши напрошивъ. Нынѣшнія орудія совершенно вѣ нашей сферѣ.

Война состоитъ изъ случайностей, и хотя командующій генералъ долженъ подчинить себя общимъ правиламъ, но онъ никогда не долженъ упускать изъ вида возможности пользоваться случайностями. Люди обыкновенные назовутъ это средство счастьемъ: оно есть достоинство гения.

Нынѣ артиллерія рѣшаетъ судьбу армій и государствъ. Нынѣ пушечная пальба тоже что бывалъ прежде рукопашный бой. Въ сраженіи и въ осадахъ искусство состоитъ въ сосредоточеніи большого огня на одну точку. Кто умѣетъ быстро и скрытно отъ непріятеля привести на одну изъ своихъ пунктовъ печальную массу артиллеріи, можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ. Это великая тайна высшей тактики.

Не можетъ быть *настоющаго* войска безъ преобразованія обычаевъ и воспитанія солдатъ, а можетъ быть и самыхъ офицеровъ. Не можетъ быть его съ нашими печами, магазейнами, управленіемъ, обозами. Оно будетъ только тогда, когда, по примѣру Римлянъ, солдаты получатъ свое зерно, будутъ имѣть ручную кувальницу и спанеть печь събъ хлѣбъ на ружейномъ огнѣ.

Можно-бы ввести новую оборонительную систему, совершенно противоположную нашим принятым правиламъ. Наши крепостныя орудія большаго калибра должно выдвинуть ближе къ неприятелю, за магистральную линію, и напротивъ магистраль защищать множествомъ орудій полевой удободвижимой артиллеріи. Такимъ образомъ неприятель былъ-бы вдругъ, въ самомъ началъ своихъ дѣйствій остановленъ, тогда какъ онъ имѣеть только одни орудія малаго калибра для нападенія на орудія большаго. Онъ почувствовалъ-бы превосходство крепостныхъ орудій, къ которымъ прильнуло-бы множество малыхъ; часть ихъ высынала-бы въ стрѣлки, и по своей удободвижимости могла-бы слѣдить за всѣми движеніями неприятеля. Тогда ему необходима будетъ осадная артиллерія; ему должно будетъ открытъ трапезю: можно у него выиграть время, и истинная цѣль выполнена. Средство сіе было употреблено при защитѣ Вьны и Дрездена, къ величайшему удивленію всѣхъ инженеровъ.

*

Успѣхъ нечаяннаго нападенія (*coup de main*) совершенно зависить отъ счастья. . . отъ собаки . . . отъ гусей.

*

Занимая важное мѣсто, спольже явновно слушаться того, кто не имѣеть

права приказывать, сколько ослушаться
настоящаго начальника.

*

Участъ сраженія зависить отъ одного
мгновенія, отъ одной мысли. Сошлись съ
разными соображеніями, смѣшались, бой
длился, является рѣшительная минута :
искусственная искра рѣшается . . . малый
резервъ доканчивается.

*

Рѣдко можно и весьма трудно соеди-
нить всѣ достоинства великаго гене-
рала. Что болѣе всего желанельно и
что топчасъ вывело-бы челоѵка изъ ря-
довъ, это — *равновѣсіе ума и характера*
съ храбростью. Надобно бытъ *квадратна-*
го достоинства. Когда храбрость превос-
ходитъ, предпріятія генерала неоснова-
тельны : они выше его соображеній ; на-
противъ, онъ не осмѣлился ихъ выпол-
нить совершенно, если характеръ и
храбрость его ниже ума.

*

Нравственное мужество рѣдко, на-
ходясь въ два часа по полуночи, т. е.
мужество внезапное, которое, не смотря
на самое неожиданное происшествіе, со-
хранило-бы дневную свободу ума, разсуд-
ка и рѣшимости.

*

Рѣдко постигають силу души необходимою, дабы съ яснымъ понятіемъ о послѣдствіяхъ дать одно изъ тѣхъ огромныхъ сраженій, отъ которыхъ зависить судьба арміи, государства и престола. Вотъ почему генералы не спѣшатъ давать сраженій. Они хорошо избирають мѣстность, хорошо занимають ее, обдумываютъ свое соображеніе: тушь начинающя ихъ сомнѣнія. Ничего труднѣе и ничего важнѣе — умѣль рѣшиться.

*

Силу крѣпости опредѣлить трудно; она зависить не отъ собственныхъ средствъ, но отъ обстоятельствъ поспоронныхъ, неопредѣливаемыхъ.

*

Гибралтаръ не приноситъ никакой пользы. Онъ ничего не защищаетъ, ничего не прерываетъ. Онъ только предметъ національнаго самолюбія, дорого стоить Англій и оскорбляетъ Испанію.

*

Есть въ Ролленѣ, даже и въ Цезарѣ, обстоятельства войны съ Галлами, которыя непостижимы. Нашествіе Швейцаровъ непонятно, по направленію ими избранному, по цѣли имъ приписанной, по времени ими употребленному для переправы черезъ Саону, по скорости Цезаря, съ которою онъ успѣлъ сходить за войсками въ Испанію до Аквилей, и по тому, что

возвратясь нашелъ онъ Швейцаровъ на той-же переправѣ. Также странно представились себѣ, какимъ образомъ занимали зимнія квартиры отъ Требии до Ванны; какъ вожди претовали отъ своихъ солдатъ ровы, стѣны, галлерей, башенъ и проч. Тогда все усилія были собственнымъ трудомъ и были на мѣстѣ; въ наше время они состоятъ въ транспортахъ. Древніе солдаты работали больше нашихъ.

*

Древняя Исторія велика и образъ войны часто измѣнялся. Въ наше время онъ уже не тотъ, который былъ при Тюренѣ и Вобанѣ. Нынѣ полевые укрѣпленія почти не нужны; даже система нашихъ крѣпостей проблемматическая и безъ дѣйствія. Бомбы и гранаты все измѣнили. Теперь должно защищаться не противъ прямыхъ, но дропивъ навѣсныхъ и продольныхъ выстрѣловъ. Теперь ни одна старинная крѣпость необезпечена. Все онъ не въ состояніи держаться, и ни одно государство не въ состояніи ихъ содержать. Доходы Франціи не достанетъ на Фландрскую линію. Наружное укрѣпленіе нынѣ *стоитъ* только четвертую или пятую часть всѣхъ издержекъ. Казематы, магазины; строенія прикрытыя отъ дѣйствія бомбъ, вотъ что нынѣ необходимо и для чего недостаточно никакихъ средствъ. Не лзя не пожаловаться на сла-

бость вынужденной каменной работы. В инженерствѣ большой недоспапокъ на сей счетъ. Часто великія суммы прашають напрасно.

*

Есть правила, которыя никогда не могутъ быть употреблены; другія, употребленные безъ разбора, могутъ быть причиною гибели арміи.

*

Римляне имѣли одинъ боевой порядокъ, но со времени изобрѣженія огнеспрѣльныхъ оружій, средства занять позицію, для лагера или для сраженія, до такой степени зависяють отъ различныхъ обстоятельствъ, что они измѣняются вмѣстѣ съ обстоятельствами. Есть нѣсколько средствъ занять извѣстную мѣстность: глазомѣръ, опытность и геній главнокомандующаго опредѣляютъ оныя. Это главное его дѣло.

*

Хотите-ли знать, какъ даютъ сраженія? Взгляните на сраженія Густава-Адольфа, Тюрення, великаго Конде, Люксембурга, Принца Евгенія, Фридриха. Читайте, обдумывайте описанія 550 сраженій сихъ великихъ полководцовъ.

*

Не одна мѣстность опредѣляетъ боевой порядокъ; онъ долженъ быть опредѣленъ стеченіемъ всѣхъ обстоятельствъ.

*

Не лзя опредѣлить ни одного посто-
яннаго боеваго порядка.

*

Искусство занять лагерь на выгодной
мѣстности есть ничто иное, какъ иску-
ство занять боевую черту на полѣ. На-
добно, чтобы всѣ орудія были въ дѣлѣ и
хорошо поставлены; нужно, чтобы за-
нятая мѣстность не была командуема,
взята во флангъ, обойдена. Она должна
сколько возможно командовать, брать во
флангъ, обходить непріятельскую.

*

Полевые укрѣпленія всегда полезны и
никогда не вредны, если они хорошо со-
обращены.

*

Правила полевой фортификаціи должны
быть усовершенствованы. Сія часть Во-
еннаго Искусства способна еще къ боль-
шимъ улучшеніямъ. Если орудія не въ ре-
дутахъ, то непріятель удачною кавале-
рійскою атакою можетъ ими завладѣть.
Башарен должны быть устроены на мѣ-
стѣ самомъ удобнѣйшемъ, и сколько возмо-
жно впереди линій пѣхоты и конницы,
однако не нарушая ихъ безопасности. Хо-
рошо, чтобы они командовали полемъ съ
высоты плашформы; не должно ихъ за-
слонять, дабы можно было направлять на
всѣ стороны.

*

... Какоеъ долженъ бытъ солдатъ? Храбръ, удободвижимъ, ловокъ.

Трусость врожденна или нѣтъ? Вопросъ психологическій! При звукѣ трубы и лошадь ржеть, играетъ, горитъ огнемъ.

Дисциплина привязываетъ войско къ знаменамъ, но не рѣчи во время боя дѣлаютъ храбрыми. Старые солдаты едва ихъ слушаютъ, молодые забываютъ при первомъ выстрѣлѣ. Ни одна рѣчь Тита-Ливія не была произнесена полководцомъ, потому что ни одна изъ нихъ не имѣетъ печати внезапности. Знакъ, движеніе генерала, любимаго, уважаемаго войскомъ, лучше самой краснорѣчивой рѣчи. Если рѣчи и разсужденія бывають полезны, то только въ походѣ, дабы уничтожить предположенія, пустые толки, поддержать духъ въ лагерь, снабжать биваки разговорами. Печальный приказъ ползеве краснорѣчивыхъ рѣчей древностей.

Греки въ войскѣ Александра были привержены къ его видамъ; Швейцары въ службѣ Французской, Испанской, Италіанской не были привержены къ государственнымъ видамъ; войско великаго Фридриха, составленное, большею частью, изъ иностранцевъ, не было привержено къ его видамъ.

Хорошій генералъ, хорошая основа войскъ, хорошія образованія, хорошія постановленія, хорошая и строгая дисциплина дѣлають войски хорошими, а не цѣль, для которой они дерущся. Справедливо и то, что въра, любовь къ опечесству, къ славъ народной могутъ одушевишь молодое войско.

Всякая наступательная война есть нашествіе. Всякая война, ведомая согласно съ правилами науки, есть война методическая. Планъ похода измѣняется до безконечности, смотря по обстоятельству, дарованію полководца; роду войскъ и мѣстоположенію. Планы войнъ бывають двухъ родовъ: дурные и хорошіе. Иногда хорошіе не удаются отъ обстоятельствъ внезапныхъ; иногда дурные удаются.

Войны Чингисъ - Хана и Тамерлана были методическія, потому что они были сообразны съ правилами войны и обдуманы, потому что предпріятія ихъ были въ соотношеніи съ числомъ войскъ. Одежда великана не годится пигмею.

Устройство Англійской арміи дурно: доказательство: 1е, наборъ рекрутъ производится за деньги и весьма часто армія наполняется пюреными арестантами; 2е, сей родъ солдатъ доставляетъ уншертъ офицерамъ дурныхъ, почему число офице-

ровъ должно умножаться сверхъ всякой мѣры; 3е, дисциплина ихъ не хороша; 4е, за арміею идутъ жены и дѣти сотнями (ни въ одной арміи другихъ народовъ нѣтъ такого огромнаго обоза); 5е, офицерскія званія продаются: взводы, роты, батальоны покупаются; 6е, офицеръ можетъ быть въ одно время маіоромъ въ арміи и капитаномъ въ своемъ полку. Вошь странности, совершенно противныя духу войны!

Тому 150. лѣтъ, какъ Вобакъ вывелъ изъ употребленія во всѣхъ Европейскихъ арміяхъ копья и пики, и замѣнилъ ихъ ружьями со штыками. Вся пѣхота сдѣлалась легкою. Она назначена открывать и удерживать непріятеля. Съ тѣхъ поръ пѣхота сдѣлалась только одного рода. Наполеонъ устроилъ роты волтижеровъ, вооружилъ ихъ драгунскими ружьями, для того, чтобы они замѣнили стрѣлковыя взводы. Онъ назначилъ для этого людей малорослыхъ. Установленіе это наградило спарыхъ солдатъ, которые, по росту своему не могли поступить въ гренадерскія роты, а по храбрости своей достойны были зачислиться въ избранныя. Средство было важно, дабы ввести соревнованіе между великанами и пигмеями. Если бы въ арміи были люди разныхъ цвѣтотъ, тогда должно-бы было собрать роты изъ бѣлыхъ и черныхъ. Въ государствѣ, гдѣ

были-бы жилиши цѣлыхъ обласшей кривые и горбатые, можно-бы извлечь выгоды, составя роты горбатыхъ и кривыхъ.

*

Пять вещей долженъ солдатъ во всякомъ случаѣ имѣть при себѣ: ружье, патроны, ранецъ, на чепыре дня провіанту и пионерный инструментъ. Уменьшите поклажу ранца: солдату надобно рубашку, пару сапоговъ, галстухъ, огниво. Ранецъ всегда долженъ быть съ солдатомъ. Если онъ оставитъ его, то уже никогда не найдетъ. Теорія не практика войны.

*

Всѣ ротные счета должны быть у фельдфебеля. Званіе офицера было-бы унижено, если-бы онъ вмѣшивался въ денежные дѣла солдатъ. На фельдфебеля можно жаловаться офицеру; но сколь унижительно будетъ, если солдатъ, увлеченные подозрѣніемъ, пожалуются капитану на офицера, его поварища, съ которымъ онъ вмѣстѣ живетъ и ѣстъ. Безъ сомнѣнія, ни одинъ офицеръ не будетъ столь низокъ, чтобы пользоваться невѣжествомъ солдатъ; но простой народъ съ природы подозрителенъ, и совершенное почтеніе, котораго пребуесть дисциплина, будетъ нарушено, когда офицеръ унижится въ ряды солдатъ.

(Съ Франц. М.)

Дядюшка,

или

въ наше время все было лучше.

»Такъ, братецъ! всегда за Французскими книгами!« сказалъ Ленскому спарикъ дядя, поѣштивъ его поуштру. »Да скоро-ли вы начинаетесь? Чпо за охота молодымъ людямъ набивать свои головы галимашьей одурьлыхъ Французовъ? Вотъ, и мой сынъ Сенюшка, почь въ почь такой-же! Пора-бы выучиться. Въ наше время все было лучше. Я, братецъ, самъ учился. . . . Въдь былъ спаршій сынъ въ дворянской фамили, а поному покойный бапюшка нанялъ для меня учителя изъ бывшей Землемѣрской Школы: тогда учипели были лучше, да и дешевле. Ома Тарасъичъ былъ нрава шихаго, человекъ дородный, капли въ ротъ не бралъ, и обучалъ меня грамашь, Ариѳметикъ и даже опчасти Полевой Фортификаци. Я попомъ поступилъ въ службу, былъ гварди офицеромъ и Божією волею шеперь Бригадиръ, а безъ вашего Французскаго языка и безъ прапы денегъ на книги. Опъ нихъ, братецъ, вамъ вредъ, опцамъ раззореніе, а шолько Французамъ нажива! Нынъче, братецъ, не шо чпо въ старину бывало. Плохія времена! Да, кспапи, братецъ, скажи мнѣ, были-ли шы вчера въ ?«

— Извѣтъ, дядюшка!

»Спѣшно, братецъ, спѣшно, весьма спѣшно! Тамъ собирается все лучшее и вамъ молодымъ людямъ не худо-бы почаще являться. Вы-бы могли знакомиться съ людьми дѣловыми; ну, ошь книгъ, братъ, пользы мало, а люди всегда полезны: и въ службѣ, и въ опісавкѣ, и въ случаѣ пѣжбы, пожь и для женишьбы! Мы въ наше время никогда ничѣмъ не пренебрегали. Правда, вчера я самъ, въ первый разъ въ продолженіе двадцати лѣтъ моего пребыванія въ Москвѣ пропустилъ вечеръ; да что дѣлать? Графъ Феклиствъ Федоровичъ звалъ меня на вистъ, засидѣлся . . . Славный человекъ, братецъ! такихъ немного: съ вѣсомъ, съ знатными въ родствѣ, однѣхъ медалей три; ну, былъ, знаешь, хорошо принятъ вездѣ, и можетъ быть полезенъ во всякомъ случаѣ: всѣ его любятъ, уважаютъ. Мы служили вмѣствѣ; правда, онъ двумя годами старше меня. Онъ былъ выпущенъ въ армію Секундъ-Маіоромъ, а я щедрошамъ благодѣшелей былъ тогда Генеральсь-Адьютантъ, во второй кавалерійской инспекціи . . . Ба, ба! да, скоро часъ братецъ! Гдѣ ты объдаешь!»

— По обыкновенію дома.

»Братецъ! это предурное обыкновеніе и оспѣдно молодому человеку объдаться дома . . . въ наше время этого не бывало!

Здѣсь не Петербургъ: у всѣхъ есть обѣдъ; всѣ рады молодёжи; да правда, вѣдь нашъ Московскій обѣдъ вамъ не по вкусу . . . Не удивительно; нынѣ и желудки не тѣ, что были въ старыя годы. Все вамъ надобно Французское . . . супы съ виномъ, соусы съ приправами, все прюфели . . . Ну, братецъ, такъ я тебѣ сего дня удружу. Я тебя повезу къ Князю Сидору Сидорычу: онъ хлѣбосоль, у него и домъ съ хорами и по чешвергамъ столъ, славный поваръ, 20 блюдъ, поливо Маршовское, а вино прямо изъ Риги.»

— Радъ сдѣлать вамъ угодное, почтительно сказалъ Ленскій, вида невозможность отказать отъ предложенія дяди, которое у стариковъ всегда походило на требованіе. Впрочемъ, Ленскій любилъ иногда своимъ днемъ жертвовать старымъ Московскимъ родственникамъ, хотя ни ошъ кого не ждалъ наследства. Видъ корыстолюбія былъ всегда чужды благородной душѣ его; но онъ любилъ наблюдать и замѣчать образъ жизни, образъ мыслей, нравы и просвѣщеніе. Дядюшка Ленскаго, сверхъ обыкновенной справки старика хулилъ современное и хвалилъ свой вѣкъ, принадлежалъ еще къ числу (такъ называющихъ себя) полиптиковъ, *резонёровъ*, и часто собирался около него кружокъ, когда онъ крипически перебиралъ и людей и дѣянія ихъ. Мнѣнія его шли въперекоръ важности между совре-

менниками. Онъ любилъ толковать о По-
лишкѣ; въ газетахъ выискивалъ чего и не
бывало въ нихъ, и съ важностію повто-
рялъ при самой невинной спатейкѣ:
„Хмб! тутъ что-то есть!“ Часто пускал-
ся онъ въ предсказанія . . . хотя все его
вмѣніе на другихъ было основано только
на томъ, что во время опечественной
войны у него перваго, послѣ Генераль-
Губернатора, были реляціи и Прибавленія
къ Сыну Отечества. На дѣлѣ доказывалъ
онъ любовь свою къ опечеству тѣмъ,
что любилъ все Русское, все народное:
хвасъ, ботвинью, пироги, и Донское вино
предпочиталъ Шампанскому. Сверхъ того,
по древнему обычаю, онъ держалъ нищод-
цовъ, рысаковъ; въ одной деревнѣ была у
него огромная псарня и на всѣхъ дерев-
няхъ много долговъ; онъ ничего не чи-
талъ кромѣ газетъ и газетныхъ объявле-
ній, вечера проводилъ за вистомъ, былъ
гордъ съ людьми небольшими, искателенъ
и услужливъ между знатными, однимъ сло-
вомъ: онъ полагалъ, что имѣлъ все права
на общее уваженіе и горделиво называлъ
себя *настолицѣмъ Русскимъ баринѣмъ*.

Почтенный Бригадиръ замолчалъ и на-
чалъ дѣлать смотръ книгамъ Ленскаго. Пе-
реворачивая листки, къ каждой книгѣ при-
щептывалъ онъ свое бригадирское сужде-
ніе. *„Вотъ это вѣрно о какомъ нибудь сор-
ванцѣ Французѣ! Вотъ это вѣрно сочине-
ніе безбожанка Русса!“* И вдругъ подхвати-

пблешную Астрономию съ рисунками, старикъ голосомъ обиженнаго воскликнулъ: «О! это проклятый Вольперъ!» Вѣсть краснаго переплета надѣлъ-бы и на него красную шапку! Такова бываесть участь наукъ, ученыхъ и людей высшаго сословія, на которыхъ лежатъ своды общественнаго зданія! Если-бы люди ознаменовавшіе себя на поприщѣ ума сочиняли книги о псовой охотѣ, о лучшихъ средствахъ гнать вино изъ меньшаго количества хлѣба, объ удобнѣйшихъ мѣрахъ собирать оброкъ, по благодарные чинашители часто не имѣли-бы о нихъ оскорбительнаго мнѣнія, прославляли-бы ихъ имена и воздвигали-бы имъ памятники, какъ блюстителямъ въ годъ *капитальныхъ*,

Между тѣмъ Ленскій одѣвался, а старый дядя продолжалъ дѣлать свои замѣчанія и бранилъ все, что встрѣчалось его глазамъ! «Зачѣмъ, братецъ, эти баночки, эти сткляночки? Зачѣмъ, братецъ, эти гребенки, щепочки? Зачѣмъ мылись такими душистыми водами? Зачѣмъ эти модные галсухи, эти куцые фраки . . . Ну, зачѣмъ, братецъ, ты надѣваешь кофты?»

— Я думалъ, дядюшка, что вы передъ обѣдомъ любите походить.

«Знаю, молодые люди! Хочется забѣжать на Кузнецкій мостъ, къ какой-нибудь мадамъ . . . Оно и проспительно . . . да зачѣмъ-же увѣрять насъ, что гулянье

нужно для здоровья? Вздоръ, братецъ! Въ наше время мы были здоровы и безъ гулянья. Повдемъ! У меня есть кареша. Дворянину спыдно ходишь пѣшкомъ; въ наше время и на ординарцы ѣзжали мы въ экипажѣ.

На дядюшку надѣли черные плюсовые сапоги, огромную медвѣжью шубу, на копорой, во многихъ мѣстахъ, немилосердая рука времени сдѣлала такія-же лысины, какая была на головѣ хозяина шубы; онъ прикрылъ свою пумаковымъ карпузомъ, на макушкѣ копораго висѣла большая шелковая кисть. Съ лѣстницы повели его два парные лакея, въ гербовой ливреѣ, весьма сомнительнаго цвѣта, обшитой галуномъ, весьма сомнительнаго металла. Съ трудомъ посадили его въ карешу, похожую на пѣ экипажи, въ копорыкѣ возяшъ въ театръ конпръ - бась.

„Братецъ! въ наше время все было лучше!“ продолжалъ спарикъ, „на примѣрь: вопшъ эта двумѣстная кареша. Я купилъ ее за 200 руб. въ Петербургѣ, когда щедропами благодѣтелей произвели меня въ гвардіи офицеры. Я жилъ тогда въ полку, въ 13-й ротѣ; у меня былъ цугъ моренкопфъ. И! братецъ, бывало поѣдешъ къ выходу съ гусарами, гайдуками, скороходами! Всякій видишь, что ѣдешъ Русскій дворянинъ, а нынче на что похоже? . . . И Нѣмецъ дядька, и дворянинъ, и камердинеръ, и сынъ заслуженнаго Бри-

гадира здуть — все одно! Для насъ стариковъ удивительно и обидно. . . . Никуда негодится образъ вашихъ мыслей: нѣтъ той благородной гордости, которая всегда ошличала Русскихъ дворянъ; проклятый Вольшеръ всѣхъ сравнивалъ: все Французы . . . все Кузнецкій мостъ! Ну, вошь, въ наше время жила въ Петербургѣ мадамъ N. N., на Фуршпатской, женщина прекрасная собой (да это другое дѣло): она была въ связи съ Графомъ Звоновымъ, который былъ тогда въ случаѣ; къ ней собирались гвардіи офицеры . . . ну, все лучшее дворянство, и въ день ея именинъ, рожденія и передъ новымъ годомъ, каждый приваживалъ ей богатый подарокъ. Часто, братецъ, мадамъ N. N. изволила капашься въ моей двумѣстной карещь. . . . Это вѣдь была особенная милость ея и доказательство. . . .

— Антонъ Антоновичъ приказалъ вамъ кланяться, узнать о здоровьи и приказалъ спросить: изволили-ль вы, дескать, быть вчерась на аукціонѣ? громогласно прокричалъ лакей, остановавъ карету противъ другой, поравнявшейся съ нею. Старики раскланялись.

„Скажи Антону Антоновичу, что Сядоръ Семеновичъ приказалъ доложить, что ему есть легче, а на аукціонѣ, дескать, не былъ. Говорять, лошади не тѣ, что были въ наше время, а мнѣ дескать, Антонъ Антоновичъ, самому привели изъ деревни

ремонтировать опшъ Эклипса, Трофоніуса и Сникбара, котораго покойный Графъ, по особой своей милости ко мнѣ, изволилъ мнѣ подарить. Да, кстапи, братецъ, попроси Антона Антоновича прислать Лазарыча . . . хочется сбыть Гришку повара: запыль проклятый, а здоровый собой . . . годится въ лакеи . . .» Старики поклонились, карета пронулась.

„Скучно, братецъ! и лакеи-то стали хуже, не то что въ наше время. Вельвъ было Гришкѣ изготовить обѣдъ, хотѣлось угостить двухъ Совѣтниковъ . . . а онъ мертвецки напился . . . Загадка гдѣ берешь деньги? . . . Только два съ половиной жалованья получаетъ. У меня, братецъ, исконное дѣло, а нынче не то что въ старые годы; хотѣ и говорится пословица: не бойся судья, бойся закона; ну, да бывало въ наше время попросимъ Генераль - Прокурорскую родню или мадамъ N. N. и дѣло въ шляпѣ! И немудрено: люди были изъ лучшихъ Русскихъ фамилій. Я знаю по опыту. Мнѣ досталось наследство послѣ покойницы сестрицы нашлись другіе родственники . . . дѣло шло своимъ порядкомъ а я будучи, щедротами благодарителей, гвардіи офицеромъ, имѣлъ входъ въ лучшіе дома. Мнѣ посоветовали подарить Графу N. N. курьезную моську и Тишку, моего карлу, а камердинеру Его Сіятельства гранишуру на каштанъ — и братецъ, дѣло рѣшили

въ мою пользу. А нынѣ суднось, судись... судья и прокуроры какіе-то парвеню; инымъ даже и по-Русски плохо говорятъ: нѣкого позапросить. Нынѣ уже прожекція ни къ чему: говори судья про Графа и про Князя, а у него все свое: законѣ! законѣ! Нѣтъ, брагнецъ! въ наше время все лучше было... Теперь все говорятъ: опечесство! а и разговоръ только что Бонапарть, да Бонапарть! Вольнодумство, сударь, вольнодумство! Гей, гей, малой! постой, постой! Кажешся, карета Князя Дениса Денисыча!»

— Такъ почно, сударь!

»Подъѣзжай къ мѣняльной лавкѣ, опвори, выпусти... Здравствуйте, почтеннѣйшій Сіятельнѣйшій Князь!»

— Здравствуйте Сидорь Семеновичъ! Какова ваша подагра?

»Плоха бапюшка, плоха; а вы какъ-сь?»

— Да, мучить порой, а теперь, слава Богу!

»А я все таки съ просьбой къ Вашему Сіятельству, съ покорнѣйшей, всенижайшей; надѣюсь, по милости Вашего Сіятельства, не откажете»

— А въ чемъ, любезнѣйшій? Радъ слушать...

»Завтра пожаловашь на перепелки.»

— Буду-сь, почтеннѣйшій Сидорь Семеновичъ, буду-сь.

»Славныя, жирныя, изъ Рязанской деревни привезли: удосшойте!»

— Буду-сь, буду-сь, непремѣнно буду-сь.

«Вонъ, братецъ, человекъ нашего вѣка, продолжалъ старикъ, усѣвшись въ креслѣ. «Онъ спарве меня двумя годами . . . человекъ — ума палаша! Онъ, братецъ, служилъ сначала въ Лейбъ, и по пропекціи покойнаго Свѣпльвйшаго выпущень Маіоромъ въ Пикинерный полкъ. Былъ человекъ небогашый и по просьбѣ шепушки его Княгини Ульяны Дементьевны ему скоро дали полкъ, служилъ на линіи, былъ Дежурь-Маіоромъ и всеимлостивѣйше уволенъ опъ исполненія воинскихъ должностей вскорѣ. По прошенію одного родственника помѣщень онъ потомъ по провіанцискимъ дѣламъ. Онъ, братецъ, ничего кажешся, шакъ, но въ 1812 году, когда Бонапаршъ насступилъ съ двадесятью языками, Его Сидшедство, не смотря на сѣдины свои и сильную подагру, немедленно ополчился. Пріятно было видѣть въ сѣренькой черкескѣ гоповаго лѣзть на батшарею! Вотъ патріотизмъ, вотъ любовь къ опечеству! За то и удостоился получить дворянскую медаль, съ ношеніемъ на Владимірской лентѣ. Что, братецъ, у васъ нынѣче хваспаются службой? Все не то, какъ было въ наше время . . . Пугачевъ-то, братецъ, не то что Бонапаршъ, да былъ Рускій, шакъ мало и говорящъ. Нашъ образъ мыслей у васъ шеперь вовсе негодншя, а въ старину иначе думали, и мы

въ чести были. Я помню, братецъ, какъ бывало покойный Графъ Ястребовъ (который былъ тогда въ Форсѣ) пришлетъ ко мнѣ скорохода съ своеручной запиской (да! съ своеручной, сударь!) попроситъ меня на правлю; это вѣдь была особая милость Его Сіятельства: приглашались гвардіи офицеры и лучшее дворянство. Какъ теперь помню, у Его Сіятельства былъ любимый половосвѣрый кобель (помнишь: Быстрый или Залетный): его подарилъ ему, въ знакъ совершеннаго почтенія, Щучкинъ, служившій тогда въ Камеральномъ Судѣ, а такъ какъ Графъ - то не любилъ быть въ долгу, то Щучкинъ скоро и получилъ Воеводство, въ Нижнемъ, помнишь. . . . Вельможа былъ, братецъ! . . . Ахъ! ахъ! вдругъ закричалъ старикъ, не докончивъ своего разговора. Карета лежала на боку, и не мудрено: задняя рессора изломалась. Ленскій попался внизъ и спрадалъ опъ дяди и тяжелаго его медвѣдя; съ великимъ трудомъ слуги вытащили своего барина. »Вопъ нынѣшнія распоряженія! горячо воскликнулъ старикъ, «я давно говорилъ, что не должно дѣлать эвъхъ прясскихъ мостовыхъ! Взять не возможно въ каретахъ; мой двумѣстный дормезъ бо дѣшь служилъ безъ починокъ, не выскоцилъ ни одинъ винтъ, а теперь хоть брось! О добрая старина! То-ли было тогда: бывало катаешься безъ мостовыхъ какъ по столу, а теперь, по новому мане-

ру въ Москвѣ, все передѣлали, вымостили пришлось на староспши лѣпшъ ходить пѣшкомъ . . . Да и какъ не ходить? Все для пѣшеходцовъ, вездѣ эши бенуары. . . .

— Вы хотите сказать: пропштары?

«Все равно, братецъ, я всегда путаю пропштары, булевары, бенуары! И улицы-то переименовали на Французскій ладъ. . . .»

Къ счастью, домъ Князя Сидора Сидоровича былъ уже близокъ, и Ленскій порадовался видя путешествіе свое оконченнымъ. Говорятъ, что онъ закаялся въ другой разъ пускашся въ путь съ своимъ дядюшкой.

П о л и ж е т р ы .

(Жанъ - Поль Рихтера.)

Человѣтское сердце.

Мнѣ снилось, что былъ я несказанно блаженъ; но безъ предметовъ видимыхъ, безъ всего, безъ Я, и радость была само Я. Когда я проснулся, шумѣла и горѣла вокругъ меня весна съ своими веселыми потоками, какъ водопадъ, озаренный утреннимъ солнцемъ, земля казалась открытымъ божественнымъ пиромъ и все было цвѣтъ, звукъ, благовоніе и веселіе. Въ слезахъ радостныхъ открылъ я взоръ свой и жалѣлъ о минувшихъ мечпаніяхъ.

Человѣческая радость.

Почти всегда между двумя рвпейниками зрѣеть ананасъ; но почти всегда между двумя ананасами, между воспоминаемъ и надеждою, созрѣваетъ шернистой настоящее.

Дубовый лѣсъ.

«Не срубай моего священнаго дубоваго лѣса, гордый человекъ!» сказала Дриада, «я тебя строго накажу.» Но онъ его срубилъ. По прошествіи многихъ лѣтъ, долженъ онъ былъ положить свою главу на плаху и приспально всмаприваясь въ нее, сказалъ: «Она дубовая!»

Стрѣла смерти.

Едва мы начинаемъ жить, судьба спускаетъ изъ вѣчности стрѣлу смерти: она лепитъ, пока мы дышемъ, и когда долепимъ до насъ, мы не существуемъ. «Ахъ! если-бы умерли мы въ шакихъ-же преклонныхъ лѣтахъ, насладившись жизнью, какъ нашъ старецъ - юноша!» говорятъ швѣ, коихъ стрѣлы еще летятъ.

Слезы.

Мы всѣ уже плакали: каждый счастливецъ ошъ горя; каждый несчастливецъ ошъ радости.

Испытаніе народа.

Посредствомъ сильныхъ зажигащельныхъ спеколь испытываются каменья; завоеваніемъ испытываются народы.

Завоеватель.

О какъ часто сходствуешь ты съ Римомъ! Исполненный завоеванныхъ сокровищъ свѣта, божественныхъ изображеній и величія, онъ окруженъ пустынями и смертію; ничто столько не ужасаетъ въ Римѣ, какъ ядовитыя болота: все пусто и дико и ни одно селеніе не смошрнть на церковь Петра.

Цвѣты на гробѣ дѣвицы.

Сыпьте на него цвѣты, вы цвѣтуція подруги! Бывало, вы ихъ приносили ей при колыбельныхъ праздникахъ. Теперь она празднуетъ высшій: смертный одръ есть колыбель неба.

Времена.

Прошедшее и будущее предъ нами скрываются: одно носитъ вдовье покрывало, а другое дѣвственное.

Поэты.

Поэты подобны спрунъ: онъ самъ себя дѣлаетъ невидимымъ, когда возносится и издаетъ благозвучіе.

Вѣрность.

«О! я живу въ твоихъ очахъ!» сказала маленькій братъ, увидя свое изображеніе въ очахъ сестры. — «А я живу въ твоихъ!» промолвила сестра. Правда, пока вы себя видите, думая о себѣ, и пока очи людей подобны ихъ сердцамъ.

С о в ѣ т ъ.

Не говорите: мы хотимъ спрaдaтъ, ибо вы *должны*; но говорите: мы желаемъ дѣйствовать, ибо вы *не должны*.

П о л и т и к а.

Хотя она скрывается сама, но показываетъ однакожъ свѣту своихъ смертныхъ, поля сраженія, военные города и свои рѣки, копорья, полукровяныя и полуслезныя, извивающія по долинамъ. Такъ скипается въ Римѣ братство тѣней, въ бѣлыхъ муміяхъ: смерть оно носитъ олицетворенною — и полуденное солнце свѣшнѣ на холодный, слѣпой ликъ.

В с е с у щ і й.

Тысячи солнцевъ пролетаютъ въ одно мгновеніе черезъ поле телескопа (*) и новыя тысячи слѣдуютъ за ними. Всесущій покоится и смотритъ: и солнца и вселенная пролетаютъ; но ихъ зарисный полетъ для Него есть неподвижный блескъ и предъ Нимъ не колеблется мимолетная вселенная.

(Съ Нѣм. П. Шюцъ.)

(*) Въ четверть часа пролетало 116,000 звездъ черезъ поле Гершелева Телескопа. *Лет.*

II. С М Ъ С Ъ.

О портретъ А. С. Пушкина.

Русскій Живописецъ Тропининъ недавно окончилъ портретъ Пушкина. Пушкинъ изображенъ en trois quarts, въ халатъ, сидящій подлѣ столика. Сходство портрета съ подлинникомъ поразительно, хотя намъ кажется, что Художникъ не могъ совершенно схватить быстроты взгляда и живаго выраженія лица Поэта. Впрочемъ, физиогномія Пушкина, столь опредѣленная, выразительная, что всякій хорошій живописецъ можетъ схватить ее, вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ измѣнчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы *однѣмъ* портретъ Пушкина могъ дать о ней истинное понятіе. Дѣйствительно: геній пламенный, оживляющійся при каждомъ новомъ впечатлѣніи, долженъ измѣнять *выраженіе* лица своего, которое составляетъ душу лица. Не оип того-ли замѣчаютъ и шакое неходство въ лучшихъ портретахъ Байрона, хотя всѣ они имѣютъ нѣчто общее, выражающее подлинникъ?

Портретъ Пушкина, о которомъ мы говоримъ, будетъ отправленъ въ Петербургъ, для выставки въ Академіи. Надѣмся, что знатоки оцѣнятъ превосходную работу сего портрета. Тропининъ извѣстенъ уже публикѣ другими произведеніями своими, за которыя Академія Художествъ приняла его въ число членовъ своихъ. Его должно причислять къ числу тѣхъ артистовъ, которые дѣлаютъ честь Ошечеству своими необыкновенными талан-

тами. Портретъ Пушкина принадлежитъ С. А. Соболевскому.

Журналистика.

Вѣстникъ Европы отъ времени до времени представляеть читателямъ своимъ весьма любопытныя статьи, въ полной мѣрѣ заслуживающія вниманіе благонамѣренныхъ любителей отечественнаго просвѣщенія. Такъ, на примѣръ, въ No X В. Е. на 1825 годъ, читатели видѣли извѣстіе о *литтераторехъ водогнаго завода Москвы вълокаменной* (стр. 152); въ XXI, того-же года, извѣстіе о *постройкѣ телеграфа надъ Бахусовымъ храмомъ* (стр. 72). Не приводя другихъ примѣровъ, скажемъ, что сіи и подобныя имъ статьи любопытно и пріятно читать. *Потемнѣйшій* Редакторъ Вѣстника исполняетъ совершенно *эпиграфъ* своего Журнала: *полезно, что не слишкомъ*. Въ No 8 сего года (стр. 316 и 317) Редакторъ не лишнимъ почелъ помѣстить ученое извѣстіе о трудахъ Г-на Замышнн Кустарнаго. Трудослюбіе, образъ выраженій, все даетъ надежду, что Г-нъ Кустарный со временемъ можешь быть достойнымъ послѣдователемъ *потемнѣйшаго* Редактора. Мы видимъ, что Г-нъ Кустарный шрудится теперь надъ изслѣдованіемъ одной фразы, взятой изъ Телеграфа. Такая честь, оказанная Телеграфу (повторимъ слова Редактора В. Е., на 241 стр. No VIII го находящіяся) *да послужитъ свидѣтельствомъ братскаго миролюбія и доброхотства,*

*рѣдкихъ въ наше время добродѣтелей между со-
перниками по Журналистикѣ.*"

Говоря о повременныхъ изданіяхъ, мы вообще не съ большою похвалою отзывались о Журналахъ (такъ называемыхъ) *дамскихъ*: говоримъ объ ино-
странныхъ, ибо Русскій Дамскій Журналъ изъ упра-
вы (разумѣется, управы *литтературной*) вышелъ по всему. Защитники дамскихъ Журналовъ увѣря-
ють, что судя относительно по предмету назна-
ченія ничего лучше сдѣлать не возможно и не для
чего. Не соглашаемся ни съ шѣмъ, ни съ другимъ.
Картинки модь главная цѣль сихъ журналовъ, го-
ворятъ намъ: оспальное все идетъ въ добавку. Но
почему картинки *главная* цѣль? Почему не *послед-*
няя? Никшо вамъ не велишь подбивать милыхъ
чишашельницъ Историческо - Статистическо -
Археологическими статьями, но для чего думать,
что дамы не прочитають съ удовольствіемъ хоро-
шо написанной повѣсти, изящнаго стихотворенія,
не поблагодарить издателя за шушку, за анекдотъ
умно рассказанный, не взглянуть на разборъ рома-
на, на извлеченіе изъ него? Словомъ, для чего вмѣсто
дамскаго не издавать просто *литтературнаго*
изящнаго Журнала? Если не побойшесь, включите
иногда въ Журналъ замѣчаніе и наставленіе полез-
ное. Не пугайте только дамъ, не говорите съ ними
языкомъ заказнаго гувернёра, сухаго педагога, угрю-
маго наставника; разумѣшся, что и скучнаго дамы
не стануть читать: въ будуарѣ Аспазіи Сократъ
философствоваль шутя. Будь издаваемъ на такомъ
основаніи дамскій Журналъ, будь при немъ картинки-

ки *последнею* цѣлю, и можно поручиться, что дамы будутъ подписываться на него не для однихъ картинокъ, и литераторъ заглянешъ въ него съ удовольствіемъ. Приведемъ примѣръ: мы видѣли нѣсколько книжекъ Польскаго Журнала, издаваемаго въ Варшавѣ для дѣтей, издаваемаго дамою, и слышали, что и литераторы читають его, любуясь занимательностью содержанія и прелестнымъ слогомъ.

Но если главная цѣль картинки модъ, для чего не издавать уже однихъ картинокъ съ описаніемъ модъ, и только? Нѣтъ! издатели дамскихъ Журналовъ мимоходомъ бросаются и въ Литтературу, и смѣща литераторовъ, надобѣдаютъ дамамъ. Тутъ дѣло не въ томъ, *что* дѣлають, но *какъ* дѣлають.

Недавно мы перебрали нѣсколько разноплеменныхъ дамскихъ Журналовъ, за два послѣдніе года, и ни однимъ изъ нихъ не оспались довольны вполнѣ. Кажется, лучше всѣхъ въ Европѣ выходящихъ: *Lady's Magazine* (*Дамскій Магазинъ*), Англійскій журналъ, издаваемый въ Лондонѣ, каждый мѣсяць по книжкѣ, съ превосходными гравированными картинками (по двѣ въ каждой книжкѣ), съ портретами и съ картинками модъ. Моды все *Англійскія*: о Французскихъ и Нѣмецкихъ говорится мимоходомъ; Англичанки не хотять повиноваться уставамъ Парижскихъ модныхъ торговыхъ и слушають рассказы о Парижскихъ берегахъ и шюрбанахъ, какъ рассказы о башмачкахъ Пекинскихъ красавицъ. Журналъ печатается на лучшей веленовой бумагѣ. Содержаніе его разнообразно и довольно занимательно: повѣсти, стихи, разборы и извлеченія изъ книгъ, не чуждыхъ ни чему-либо чтенія прекраснаго пола, новости, из-

вѣстія о театрахъ Лондонскихъ и многостраинныхъ, историческія событія, біографіи современниковъ, обрашающихъ на себя всеобщее вниманіе, словомъ: все что можетъ занять, наславить легко, необременительно, не исключается изъ Журнала. Англійскіе Редакторы не наполняютъ книжекъ литературными ссорами; жаль только, что литературная проза и стихи помѣщаются у нихъ не съ большимъ выборомъ; но все, повторяемъ, Англійскій, лучший изъ всѣхъ дамскихъ журналовъ.

Судя по великолѣпному названію многого можно бы ожидать отъ *Вѣнскаго Журнала Искусствъ, Литтературы, Театра и Модъ* (Wiener Zeitschrift für Kunst, Literatur, Theater und Mode). Мы думали поживиться въ немъ не одними извѣстіями о модахъ; получивъ теперь болѣе 50 думеровъ и пробѣжавъ ихъ, едва-ли станемъ читать остальные и едва-ли посоветуемъ подписываться: одинъ изъ самыхъ пустыхъ журналовъ. Нѣкто *Шикъ* издаетъ его; каждую недѣлю выходитъ три Но; каждый Но состоитъ изъ полулиста и болѣе. Бумага веденевая, картинки модъ гравированы Штеберомъ и прекрасно. Моды все Вѣнскія, но отъ подражаніе Парижскимъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, и не всегда въ похвалу вкуса Нѣмецкихъ щеголихъ и щеголей. Содержаніе Журнала смѣсь стиховъ, прозы и всякой всячины: скучныя повѣсти, шарады, логогрифы, Gelegenheitsgedichte; извѣстія о Нѣмецкихъ театрахъ, о нѣкоторыхъ книгахъ: сухо, безъ выбора и безъ старанія. Не лзя не смѣяться, найдя въ этомъ Журналѣ *Письма изъ Бразиліи*, совсѣмъ не-дамскую и вмѣстѣ съ тѣмъ не-утеную спашью (хотя Г-нь Шикъ и называетъ эти письма höchstgehaltreichen und inter-

ressanten) и описаніе солнечной системы, занявшее 5 Но и выбранное Астрономомъ Липтровомъ, вѣроятно, изъ какой нибудь учебной Астрономіи. Повѣсти, по видимому одно изъ любимыхъ чтеній Нѣмецкой публики, вообще нынѣ такъ упали въ Германіи, что рѣдкую дочитаешь до конца. За Клауреномъ, Цшокке, Вандерфельдомъ и Гофманомъ тянется безконечный рядъ подражателей и большею частію пренесчастныхъ. Альманахи и Журналы обременены повѣстями и не лзя не подивиться, что повѣсти бывають большою частію длинныя: въ ежедневныхъ Нѣмецкихъ журналахъ (какъ-то: Morgenblatt, Abendzeitung, и проч.), конхъ весь Но состоишь изъ полулиста повѣсти тянутся черезъ 20 и 30 нумеровъ. Читать и соображать ихъ надобно подлинно *Нѣмецкое* шerpтніе и навькъ. Сочинители повѣстей перебирая всѣ знаменитые процессы, исторіи, сказки, заглядываютъ даже и къ намъ на Русь. Въ шестомъ Но Wiener Zeitschrift, размѣщена повѣсть Баронессы Рихтгофенъ: *Основаніе Казани*. Скажемъ вообще о Нѣмецкихъ новѣйшихъ повѣстяхъ, что пересмотрѣвъ ихъ нѣсколько десятковъ, съ трудомъ рѣшишь переводить что нибудь. Въ этомъ не должно подражать Нѣмцамъ, которые *все* переводятъ. Забавно, что переводя все, Нѣмецкіе переводчики не осмѣиваютъ и Русскихъ повѣстей, а наши литтераторы, *слыша* объ этомъ, не могутъ нарадоваться и нахвастаться *Европейскою* своею извѣстностію. «Смотрите!» говорятъ они, «смотрите и осмѣльтеся послѣ сего утверждать, что Русская Литтература, что мы неизвѣстны въ Европѣ!!» Если-бъ знали они, какое различіе между литтераторами съ Европейскою извѣстностію и

литтераторами, которыхъ сказочки и штатейки проскакиваютъ въ Нѣмецкіе журналы! Кстати замѣтимъ здѣсь обдержку Редактора Вѣстника Европы. Онъ помѣстилъ въ No 1 своего изданія на сей 1827 годъ повѣсть (*Вечеръ передъ новымъ годомъ*), переведенную имъ съ Нѣмецкаго, а это была *Русская повѣсть*, сочиненная (какъ намъ сказывали) Г-мъ Панаевымъ и помѣщенная, года съ четыре тому, въ *Библиотекѣ повѣстей*, которую до 1825 г издавали въ С.Пбургѣ, при Сынѣ Отечества, Г да Княжевичи. Повѣсть эта попала въ Нѣмецкій журналъ, переводчикъ скрылъ видно имя, а Редакторъ Вѣстн. Европы вздумалъ угостить новостью своихъ соотечественниковъ.

Повѣсти составляютъ главное содержаніе и Лейпцигской *Модной Газеты* (*Moden-Zeitung*): ее издаешь Докторъ Бергъ. Она лучше Вѣскаго журнала шѣмъ, что при ней прилагается въ годъ болѣе 150 изображеній модныхъ костюмовъ Французск., Англійск., Нѣмецкихъ и 26 литографированныхъ и гравированныхъ изображеній мебели, маскарадныхъ платьевъ и проч. — Сверхъ того, находите переводъ *всѣхъ* извѣстій о модахъ изъ Парижскихъ журналовъ и иногда даже образчики модныхъ матерій. Замѣтимъ однакожь, что всѣ картинки при сей газетѣ весьма плохи и грубы. Газета выходитъ два раза въ недѣлю; читать въ ней нѣчего.

Изъ Парижскихъ, мы знаемъ два журнала: *Дамскій Вѣстникъ* (*Petit Courier des Dames*) и старинный *Дамскій Журналъ модъ* (*Journal des dames et des modes*). Оба выходятъ черезъ пять дней; у обоихъ подлисиша веленовой бумаги соснявляющъ No, и картинка бываетъ при каждомъ No.

Но *первый* еще новичекъ въ модномъ свѣтѣ и не старѣе трехъ или четырехъ лѣтъ. *Второй*, вѣтеранъ, продолжается уже *тридцать первый* годъ, и заслужилъ довѣренность послѣдователей прихотливой моды. Въ обѣихъ картинки равно хороши, въ обѣихъ находите описаніе моды, модныхъ обычаевъ, мѣлочныя Парижскія новости, шарады, логотрифы и — рецензіи не рецензіи, а что-то въ родѣ извѣстій о книжкахъ. Справно, что въ старомъ журналѣ моды иногда рецензируются ученые книги, путешествія и книги для рецензій выбираются иногда такъ, что не лзя понять, чѣмъ руководствуются Издаатели. Рецензіи ихъ впрочемъ самыя милоспивыя: онѣ ограничиваются выпискою нѣсколькихъ строчекъ и списшковъ, выборкой анекдотовъ, острыхъ словъ; между множествомъ вздора мелькаешъ иногда и любопытное, по крайней мѣрѣ, для насъ, удаленныхъ отъ міра лишищерашурной дѣятельности Французовъ. Такія искры радки, шѣмъ дороже ихъ цѣните. Представимъ здѣсь читателямъ Телеграфа для доказательства нѣсколько строкъ, взятыхъ нами изъ рецензій Парижскаго Журнала моды.

Извѣщая о появленіи 3-го тома *Записокъ Графа Сегюра* (*Mémoires ou souvenirs et anecdotes, par M. le comte de Ségur*), Рецензентъ говоритъ: То, что Автюръ сказалъ о Мальзербѣ, можетъ быть признано къ нему: у него была своя слабая сторона: онъ любилъ рассказывать множество анекдотовъ, коими память его была обогащена. Должно признаться, что онъ увлекалъ въ рассказахъ своихъ философію разсудка, просподушіемъ характера и тонкостью нѣжно-насмѣшливаго ума. Запѣмъ списи-

вѣсть Реденъ. Спраничку у Сегюра. Востъ любопытѣйшее о путешествіи Екатерины въ Крымъ.

18-го Января (1787 г.), отправились мы въ путь. Императрица посадила въ свою карету Г-жу Протасову и Графа Мамонова (находившихся при ней безошлучно), Графа Кобенцеля, Оберъ-Шталмейстера Нарышкина и Оберъ-Каммергера Шувалова. Во вторую карету помѣстила Она Фицъ-Герберша со мною и Графовъ Чернышева и Ангальта. Вся свита состояла изъ 14-ти каретъ, 124 саней и сорока повозокъ; пять сотъ шестьдесятъ лошадей ожидали насъ на каждой почтовой перемѣнѣ. Холодъ возвышался до 17 градусовъ; дорога была прекрасная, санный путь ускорялъ вашу ѣзду; наши кареты, поднятыя на высокіе полозья, казалось, летѣли. Въ это время, дни самые короткіе въ году: солнце возду освѣщало насъ и послѣ шести или семи часовъ скрывалось, уступая мѣсто самой темной ночи. Но восточная роскошь разгоняла эту темноту и не оставляла насъ безъ сіянія: въ недалнихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, разложены были огромные костры сосенъ, сургес (кларисъ?), березъ, елей, объятые пламенемъ, и такимъ образомъ мы слѣдовали по стезѣ огней, которые были свѣтлѣ самихъ солнечныхъ лучей.

Въ сіе путешествіе Государыня удалялась какъ можно менѣе отъ обыкновеннаго своего времяпровожденія: вставала въ шесть часовъ и занималась дѣлами съ министрами; потомъ завпракала и принимала чиновниковъ сопровождавшихъ ее; отправлялась въ путь въ девять часовъ; въ два объдала; послѣ садилась опять въ карету и на ночь останавливалась въ девять часовъ.

На второй день по отъздѣ Сегюръ была приглашена съ Г-мъ Фицъ-Гербертомъ, Англійскимъ посланникомъ, въ карету Императрицы. Государыня, недовольная критическими замѣчаніями въ *Путешествіи Шаппа*, которое, по мнѣнію ея, было писано по приказанію Герцога Шуазеля, и помня о насмѣшкахъ Фридриха на худое состояніе ея финансовъ, говорила всегда: *мое маленькое хозяйство* (mon petit ménage), разумя свою обширную Имперію. «Какое кажешься вамъ мое маленькое хозяйство? Не правда-ли: оно по маленьку устроивается и прибавляется? У меня денегъ немного; но кажется, они не худо употреблены.» Иной разъ относясь къ Сегюру, говорила она: «Ручаюсь, Графъ, что теперь ваши барыни, щеголи и ученые Парижскіе жалуютъ о васъ, думая, что вы путешествуете по землѣ медвѣдей, у варваровъ, съ скучною Царцею. Я уважаю вашихъ ученыхъ, но предпочитаю невѣждъ; что до меня касается, то простодушно хочу знать только нужное для управленія *моимъ маленькимъ хозяйствомъ.*»

»Разъ и два въ недѣлю собирался къ Императрицѣ полный дворъ: давали большіе балы и прекрасные концерты. Въ другіе дни за столомъ ея бывало не болѣе восьми или десяти особъ. Трое послѣднихъ, слѣдовавшихъ за нею, были постоянно приглашаемы, также Принцъ Де-Линь, и часто Принцъ Насаускій. Вечера мы были всегда съ нею; тогда не терпѣла она ни принужденности, ни этикета; Императрицы не было: мы видѣли любезную женщину. Разсказывали сказки, играли въ билліардъ, говорили о Липпершурѣ... Однажды Принцъ Де-Линь сыгралъ со мною и съ Графомъ Кобенцелемъ довольно оригиналь-

ую шушку. У насъ и у него была съ нѣкотораго времени маленюкая лихорадка. Онъ начинаетъ упрекать насъ въ безпечности, въ нашемъ отказѣ отъ лекарствъ, увеличиваетъ переѣмну въ насъ видимую, показываешь живое безпокойство и увѣряешь, что онъ рѣшился податься намъ примѣръ позаботиться о себѣ и употребить всѣ средства; чтобы имѣть возможность продолжать путешествіе. У Кобенцеля порядочно болѣло горло; уступая доукаамъ Де-Линя, онъ пустилъ себѣ кровь; я принялъ лекарство. Черезъ немного дней, мы собрались у Императрицы. «Вы теперь лучше,» сказала она Де-Линю, «я думала, что вы нездоровы; былъ-ли у васъ мой докторъ?» — Нѣтъ, В. В., отвѣчалъ онъ, моя болѣзнь была непродолжительна и я лечусь страннымъ образомъ: только почувствую что болею, сзываю друзей моихъ, пускаю кровь Кобенцелю, даю слабительное Сегюру и — вылечиваюсь! — Шушки носыпались со всѣхъ сторонъ за нашу сговорчивость.

Острѣе слово Станислава, Короля Польскаго, Сегюръ передаетъ не такъ, какъ оно дошло до насъ отъ другихъ. Станиславъ въ Коневѣ встрѣтилъ Императрицу. Церемоніально встрѣтившись, она пробыла съ Королемъ полчаса въ кабинетѣ; принужденная улыбка не могла скрыть печали Короля; Императрица принуждала себя, казалась обезпокоенною. За столомъ мало ѣли, взглядывали другъ на друга съ безпокойствомъ, слушали музыку и плали за здоровье Короля. Онъ учтиво подаль перчатки и втеръ Императрицѣ, началъ искать свою шляпу, не находилъ и Императрица подала ему шляпу сама. «Ахъ! Государыня,» сказала Король, «вы никогда не дали мнѣ гораздо лучше эшой!»

Вотъ забавный анекдотъ изъ *Записокъ Огюста*, вышедшихъ въ Парижѣ (*Mémoires de Michel Oginski*, 2 т. in 8). Онъ былъ на балѣ, который давали въ Парижѣ Бонапарте, въ 1798 г., послѣ Кампо-Форміо. Восторгъ былъ всеобщій. Въ ту минуту, когда Бонапарте вошелъ въ залу, Швейцарскій депутатъ Охсъ съ восхищеніемъ схватилъ за руку стоявшую подлѣ даму и указавъ на героя, съ восхищеніемъ воскликнулъ: »Посмотрите, сударыня: вотъ Генераль Бонапарте!« — *Я знаю его*, отвѣчала съ улыбкою незнакомка, *онъ мой мужъ*. Это была Иозефина.

Ансело, Французскій Стихотворецъ, бывшій въ свитѣ Французскаго Посла, при коронаціи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, въ прошедшемъ году, издалъ свои Записки (*Six mois en Russie*, in 8, 430 стр.). Многіе изъ чинашелей нашихъ, вѣроятно, видѣли Ансело въ Москвѣ. Пусшь узнають, что говоримъ о насъ Ансело. »Въ большихъ обществахъ собираются мущины и женщины, но не сближаются. На вечерахъ, дамы сидятъ вокругъ стола, подлѣ предсѣдательствомъ хозяйки дома; дѣвушки особо въ какомъ нибудь углу; мущины, входя, скажутъ нѣсколько словъ застольнымъ собесѣдницамъ и собираются отдѣльно между собою; молодые люди, съ величайшею осторожностію, можно сказать, съ какою-то неохотою (*gerignapce*) пользуются позволеніемъ говорить съ дѣвушками. Раздѣленіе обоихъ половъ не легче наблюдается за обѣдомъ: въ залѣ мущина подаетъ руку дамѣ и ведетъ ее, но въ столовой, эшотъ признакъ дружбы исчезаетъ. Дамы садятся съ одной стороны стола, мущины съ другой, такъ, что за обѣдомъ

Есть разговоръ заключается въ нѣсколькихъ одес-
ложныхъ словахъ, перекинутыхъ черезъ споль,
между цвѣточными вазами, которыя украшаютъ
споль и кажутся разделяющею чертою между пра-
вами Европы и Азіи. — Русскій баринъ гостепри-
именъ, ищетъ иностранцевъ, особливо Французовъ;
во берегитесь здѣсь, болѣе нежели въ какой другой
землѣ, вѣришься вѣжливымъ словамъ: они часто
любезная ложь. Русскій начинаетъ названіемъ ис-
кренняго друга, скоро дѣлается просто знакомымъ,
кончивъ тѣмъ, что не узнаешь васъ.*

(*) Партизанъ Сына Отечества, извѣстный
своимъ страннымъ именемъ, Д. Р. К., явился и въ
Сѣверной Пчелѣ. Набѣги его обыкновенно устре-
мляются на Телеграфъ, и на сей разъ ограничива-
ются одною областью *Журналистики*. Статейка
Д. Р. К. въ Пчелѣ показала намъ такъ забавна, что
мы рѣшили обратиться на нее вниманіе читателей
Телеграфа. Она названа: *Журнальная Ланка-
стерская метода взаимнаго прославленія*. Тутъ
что-то навѣрно безсмыслицею, ибо статья Д. Р. К.
написана въ опроверженіе нѣсколькихъ похвалъ *Сла-
вянину*, Журналу, изд. Г-мъ Воейковымъ, слѣдова-
тельно ей совсѣмъ не прилично названіе *методы
прославленія*; надобно было, для грамматическаго
смысла, сказать: *о методѣ*, и проч., хотя и
пусть не было-бы смысла, собственно такъ назы-

(*) Сія статья прислана къ намъ уже давно, но за много-
численностью статей, присылаемыхъ для Журналистики,
донныѣ не могла быть помѣщена. Просимъ извиненія у
доставившаго намъ сіи любопытныя замѣчанія. Ж. С.

вагого, ибо нѣсколько похвалъ, справедливыхъ,
 не есть еще *прославленіе*. Но мы увидимъ далѣе,
 какова Грамматика Д. Р. К.; сначала опровергнемъ
 нападенія его на Телеграфъ. Д. Р. К. за всякую
 строчку Телеграфа, привязывается прямо къ Изда-
 телю сего Журнала. Д. Р. К. не можетъ быть
 извѣстно, кто именно *Журнальный сыщикъ*, под-
 писывающійся водъ спашьями Журналистики, а на
 нее устремляются хладнокровные и вѣжливые рыцари
 Пчелы и Сына Отечества. Журналъ, наполняемый
 спашьями разнообразными, не можетъ быть соста-
 вляемъ однимъ человѣкомъ; по крайней мѣрѣ, Издатель
 Телеграфа подражаетъ въ этомъ отношеніи Европей-
 скимъ своимъ собратіямъ: въ его Журналъ участву-
 ютъ трудами своими многіе отличные писатели
 Русскіе, кромѣ нѣсколькихъ постоянныхъ сотрудни-
 ковъ, слѣдовательно, всегдашнее обращеніе съ жало-
 бами прямо на Издателя, есть дѣтское недоразу-
 мѣніе. Что Д. Р. К. имѣетъ вообще дѣтскія поня-
 нія, это еще болѣе видно изъ слѣдующаго. Онъ
 сердится за то, что о Пчелѣ „говорятъ не какъ
 о Газетѣ, а какъ о наѣскомъ!“ Что-жь стане-
 ше дѣлать, Господинъ Д. Р. К.! Мнѣнія людскаго
 удержишь не лзя. Можетъ быть, и еще что ни-
 будь говорятъ о Пчелѣ и примѣняющъ ее ко много-
 му. Но Д. Р. К. продолжаетъ сердиться, и за то
 что сказано въ Телеграфѣ: „загремѣла каннонада
 изъ листочковъ Сѣверной Пчелы,“ и за то, что
 Авторъ этой каннонады названъ застрѣльщикомъ.
 „Сужденіе застрѣльщика!“ восклицаетъ Д. Р. К.
 „дико дивное!“ и подлинно: застрѣльщикъ Сѣвер-
 ной Пчелы *судитъ!* Дѣло невозможное! Далѣе въ Теле-

графъ сказано: „если *Пчела* хотѣла уронить *Славянина*, то она поступала слишкомъ неосторожно, браня въ немъ все, съ первой до послѣдней строчки. Тутъ Д. Р. К. рѣшился блеснуть своимъ остроуміемъ; „Прелестно!“ восклицаетъ онъ: „*Пчела* (наѣкомое) хотѣла уронить *Славянина* (слѣдственно: человекъ); *пчела* (наѣкомое) бранитъ въ *Славянинѣ* (въ человекѣ) все до послѣдней строчки этого, человекъ.“

Право, это очень мило сказано, шолько жаль, что Д. Р. К. слишкомъ спарается намъ вполковать, что *Пчела есть наѣкомое*. Но прелестная эта шушка его ничто передъ слѣдующею за пѣмъ: „Не многими словами отвѣчаютъ на цѣлыя листы ея (Пчелы) вылазокъ,“ сказано въ Тел. и Д. Р. К. возглашаетъ: „Безподобно! листы вылазокъ! слѣдовательно [могутъ бытъ *томы сраженій, книжетки осады, листочки, шибокъ, осьмушки поединковъ!*“ Какъ остро! Но Д. Р. К. любитъ соединять пріятное съ полезнымъ. Потѣшивъ читателя своимъ остроуміемъ, онъ называетъ выписанныя изъ Телеграфа фразы ошибками противъ — *Риторикки!* Видно, что онъ слышалъ и о *Риторикѣ*, и такъ совѣшаемъ ему прочитать какуюнибудь учебную *Риторику*: онъ увидитъ тамъ много олицетвореній и фигуръ, надъ которыми будешь имѣть случай поостриться. Дѣло доходитъ до Грамматики. Д. Р. К. говоритъ, что въ Телеграфѣ нашель онъ слѣдующія ошибки грамматическія: 1 я, на какую степень упала нынѣ кристика Сѣверной Пчелы. Предлогъ на онъ подчеркиваетъ, слѣдовательно въ немъ находить ошибку. Ссылаюсь на Слов. Росс. Акад. изд. 1-е т. IV, стр. 463, что это не ошибка, и не понимаю, въ чемъ шушь нахо-

дипъ онъ ошибку? Далѣе Д. Р. К. говоритъ: «въ слѣдующемъ за симъ *пунктъ* первая фраза написана въ третьемъ лицѣ, вторая во второмъ, третья въ первомъ.» Въ этихъ немногихъ словахъ заключаются слѣдующія ошибки Д. Р. К. — а: 1-я, слово: *пунктъ*; здѣсь ровно ничего не значить и безъ нужды захло изъ приказнаго слога въ число грамматическихкихъ терминовъ. 2-я. *Фраза*, употреблено здѣсь неправильно вмѣсто: *періодъ*. 3-я. Въ разныхъ *періодахъ* не возможно не употреблять разныхъ лицъ: это не ошибка и сотни примѣровъ этому найду я въ сочиненіяхъ Г-на Греча, которому Грамматика известна лучше нежели Г-ну Д. Р. К. 4 я. Д. Р. К. грубо ошибается, говоря что первый приводимый имъ въ примѣръ *періодъ написанъ въ третьемъ лицѣ*. Что значитъ *написанъ въ третьемъ лицѣ*? Если онъ такъ называетъ *управляющее*, то сужденіе его несправедливо и для доказательства выписываемъ весь критикуемый имъ періодъ Телеграфа: «Кто изъ многихъ примѣровъ не увѣрилъ еще о достоинствѣ похвалъ и осужденій Съверной Пчелы, тому *совѣтуемъ* посмопрѣть на ея сужденіе о Славянинѣ.» Здѣсь *управляющее совѣтуемъ*, глаголь, употребленный въ 1-мъ лицѣ. Какъ-же осмѣливаться судить о Грамматикѣ, не умѣя разобрать одного періода? Не понимаемъ! Но изъ снисходительности послѣдуемъ за другими обвиненіями Д. Р. К. Онъ утверждаетъ, что въ словахъ: «исчисливъ нѣсколько спашей, мы докажемъ справедливость нашего мнѣнія» ошибка, потому что *должно было сказать: «исчисленіемъ спашей докажемъ»*; напротивъ, *не должно*, ибо Авторъ выразилъ то, что хотѣлъ сказать, и эта фраза также правильна какъ слѣдующая: «прочитавъ сши-

ни Жуковского, вы доставили мне удовольствие: «иногда как по Грамматику Д. Р. К. должно сказать: *впрогитаниемъ* стиховъ вы доставили мне удовольствие.» Къ тому-же самъ Д. Р. К., въ этой-же критической статьѣ, употребляетъ точно такой оборотъ, какой онъ критикуетъ, говоря: «ощалявъ порядкомъ Сѣверную Пчелу, возстановить репутацію Славянина.» Это напоминаетъ, что Издатели четырехъ Журналовъ смѣются надъ *Сирами Барскими*, и сами употребляютъ сіе названіе въ своихъ переводахъ.

Оставляемъ безъ вниманія остальные грамматическія замѣчанія Д. Р. К., потому что они относятся не къ Грамматику, а ко вкусу и умѣнью писать (въ чемъ не должно спрашиваться у Д. Р. К.) или составляютъ спорныя статьи Русской Грамматики, нерѣшенные еще окончательно. Тѣмъ болѣе чести благонамѣренности и познаніямъ Д. Р. К., что онъ называетъ подобныя слова и выраженія ошибками!

Р. С. Можетъ быть Д. Р. К. пожелаетъ узнать, почему думаемъ мы, что у него не должно спрашиваться объ ученыхъ предметахъ? Потому что онъ дѣлаетъ ученическія ошибки. Вотъ его выраженія или ошибки въ этой-же самой статьѣ, гдѣ онъ смѣется указывать другимъ: 1-я, «*высокопарнымъ образомъ.*» Это также неправильно какъ «*втренымъ образомъ*», «*пустымъ образомъ*», «*великимъ образомъ.*» 2-я, «*Издатель Русскаго Инвалида и Славянина, въ No 38 и 39 мѣ перваго изъ сихъ изданій.*» Надобно было сказать: *периодическихъ изданій*, или: *журналы*.
Ч. XV. No 9. 4

ловъ. 3-я, *»Прижимался* уплашю.« Нельзя сказать этого, потому что глаголь *прижиматься* требуетъ *дательнаго падежа* съ предлогомъ. 4-я, *»Рѣшился*, въ 6 й книжкѣ своего Журнала, *воздасть* должное.« *Рѣшился* въ 6-й книжкѣ, совершенная нелѣпость! Надобно было сказать: *»рѣшился* *воздасть* должное и въ 6-й книжкѣ и проч., только не должно было говорить *»и выѣхаль* (куда?) съ похвалою Славянина« — это 5-я ошибка. 6-я, *»Не зная* что именно *превознести* въ трудахъ своего *благопріятеля*, онъ избралъ легчайшее средство« — не говоримъ о слогѣ и смыслѣ этой фразы потому, но *превознести* въ трудахъ сказано грамматически неправильно, ибо *превознесеніе* происходило въ Телеграфѣ, а не въ сочиненіяхъ Г-на Воейкова, и Д. Р. К. перемѣшала это, слѣдуя *своей* Грамматикѣ. 7-я, *»Издатель* Телеграфа *утѣшаетъ друга* незнаніемъ etc.« Какого друга? Рѣчь идетъ о *Славяникѣ*, Журналѣ; кто-же путь утѣшаемый другъ? 8-я, *»И* говорить о ней (Сѣв. Пчелѣ), не какъ о Газетѣ, а *иносказательно*, какъ о наѣскомѣ, *опѣ имени* коего заимствовано ея *заглавіе*.« Не *заглавіе*, а *название*; стыдно наѣзднику не уметь порядочно назвать своего коня. 9-я, *»Какъ-же онъ* выдерживаетъ сію аллегорію?« Не *аллегорію*, а *иносказаніе*, какъ самъ за двѣ строчки назвалъ ее Д. Р. К. 10-я, *»О* другихъ *статьяхъ* (неизвѣстно чего, и въ отношеніи къ какимъ статьямъ онъ сущъ *другія*) панегиристъ упоминаетъ большею частію слегка и довольствуется исчисленіемъ *заглавій* (чего?).« 11-я, *»Въ* этой *статьѣ* повторяется *разсказъ* давно и всѣмъ извѣстнаго *случая*. *»Разсказъ* *случая* — неправильно, потому что *разсказывалъ*

не *слухай*. 12-я, «Предвѣщаніе панегирика,» вмѣсто *панегириста*. 13-я, «Онъ, вѣроятно хочеть говорить о *Турниерѣ, Леманѣ, Соберѣ* и другихъ *искусникахъ*, о которыхъ говорено было въ Свѣ. Пчелѣ. Издатели ея не удерживаются отъ помѣщенія извѣстій о *представленіяхъ*, обращающихъ на себя вниманіе и благородной части *здѣшней публики*.» И такъ, по Грамматику и Логикѣ Д. Р. К. выходитъ, что *Турниеръ, Леманъ и Соберъ* суть *представленія*? Поздравляемъ его съ этимъ открытіемъ; но думаемъ, что едва ли въ публикѣ есть *неблагородныя гости*. Новое доказательство понятій Д. Р. К.

Сообразить все сказанное, намъ остается напомнить Д. Р. К. старое присловье: *кто у кого болятъ, тотъ о томъ и говоритъ*. Слабый грамматическими и всякими познаніями Д. Р. К. безпрестанно толкуеть о грамматическихъ ошибкахъ. Не угодно-ли теперь ему оправдаться въ своихъ ошибкахъ?

Журнальный сыщикъ.

Парижскія моды (*).

Les dames, après avoir employé pour leur coëffure toutes les espèces de fleurs indigènes et exotiques, reviennent à ce qu'il y a de plus commun. On voit sur quelques chapeaux de paille, des branches de saule; sur d'autres, des roseaux. — Pour les chapeaux, une mode très-répondue c'est la fleur de tulipier; on la voit en batiste, quelquefois en plumes, et de toutes couleurs. — Au bal, les merveilleuses et surtout les jeunes personnes portent sur leurs cheveux un bouquet de fleurs naturelles que soutient un peigne à haute galerie: leur robe est souvent une simple blouse de cot-pali ou de barèges. — Au lieu de fleurs, les jeunes personnes portent sur un chapeau de paille d'Italie, des boucles de ruban large étagées. —

Deux manières également élégantes de garnir les chapeaux de paille d'Italie consistent à mettre sur le devant, deux oiseaux-de-paradis dont les queues flottent à gauche, ou à placer autour de la forme, une guirlande d'olivier avec son fruit. Un des bouts de la guirlande est fixé à gauche, au milieu de la passe, et l'autre monte à droite sur la forme.

Plusieurs nuances de vert s'accréditent: vert-perroquet, vert-myrrhe, vert-péridot (sorte de pierre fine), *vert-perruche innocente*, c'est-à-dire qui n'a pas encore mué.

(*) до 15 Мая, 1827 г.

Outre que les modistes cousent bord à bord deux rubans de couleurs différentes, elles enrichissent quelquefois un des bords d'une blonde blanche.

Le jaune réuni à une autre couleur domine toujours. Beaucoup de chapeaux de gros de Naples blanc moiré, doublés de jaune, ont pour garniture des noeuds jaunes ou des fleurs de tulipier jaunes.

*

On trouve chez les gantiers à la mode, des gants de peau blanche, jaune ou lilas, sur lesquels sont imprimés en bleu, en vert ou en noir, des dessins pareils à ceux qui ornent les robes. En négligé, ces gants sont de rigueur pour une femme élégante.

*

Il y a des *déjeûners concertans*, qui commencent à midi et qui finissent à 7 ou 8 heures. On fait de la musique et l'on danse. Le déjeuner se sert entre 2 et 3 heures, et les salons sont éclairés en bougies.

Перебравши для головныхъ уборовъ всѣ сорты цвѣтшъ и распей иностранныхъ и отечественныхъ, дамы обратились къ самымъ простымъ, обыкновеннымъ. На нѣкоторыхъ соломенныхъ шляпкахъ видите вѣтки явы, на другихъ камышъ. — Въ большой модѣ для шляпокъ шпальпанъ: ихъ дѣлаютъ изъ бамбуса, иногда изъ перьевъ; они бываютъ всякихъ цвѣтовъ. — На балахъ, щеголихи, и особенно молодыя особы, украшаютъ уборку волосовъ букетомъ изъ натуральныхъ цвѣтовъ, который поддерживаетъ гребенка съ высокою спинкою. Бальное платье въ такомъ случаѣ простая блуза, баржевая или изъ кошпала. На соломенныхъ Испальянскихъ шляпкахъ молодыя особы, вмѣсто цвѣтовъ, носятъ банши изъ широкихъ лентъ, расположенныя эшажами.

*

Два манера, равно щегольскіе, украшаютъ соломенные Испальянскія шляпки: двѣ райскія птички напередѣ шляпки, хвостиками на лѣво; гирлянда изъ оливокъ, съ плодами, расположенная кругомъ шульи. Одинъ конецъ гирлянды бѣззаетъ на лѣвой сторонѣ, по срединѣ поля шляпки, другой идетъ въ правую сторону, на шулю.

*

Многіе изъ зеленыхъ цвѣтовъ входятъ въ моду: зеленый — *попугайный* (perroquet), зеленый — *миртовый*, зеленый — *перидотовый* (*), зеленый — *молодаго попугая* (**).

(*) *Перидотъ*, желто-зеленоватый камень, родъ перла.

(**) *Perruche - innocente*, собственно попугай, еще ни разу не перелилывшій (qui n'a pas encore tué).

Модистки не только пришиваютъ одна къ другой двѣ ленты цвѣтовъ совершенно различныхъ, но еще обшиваютъ ихъ иногда по краямъ бѣлыми блондами.

Желтый цвѣтъ вмѣстѣ съ какими-нибудь другими все еще въ модѣ. Много морелевыхъ, бѣлаго цвѣта, гроденаплевыхъ шляпокъ, подбишыхъ желтымъ, убирающъ желтыми бантами или желтыми тюльпанами.

*

У модныхъ перчаточниковъ продающъ лайковыя перчатки, бѣлаго, желтаго и лиловаго цвѣтовъ съ выпечатанными на нихъ, синимъ, зеленымъ или чернымъ цвѣтомъ, узорами, подобными тѣмъ, какіе находятся на платьяхъ дамы. Въ небрежномъ уборѣ (*en négligé*) шакія перчатки важная необходимость.

*

Нынѣ въ обычаѣ *концертныя завтраки* (*déjeuners concertans*); они начинаются въ полдень и кончатся въ 7 и 8 часовъ вечера; бываетъ музыка и танцы. Завтракъ подаютъ между 2 хъ и 3 хъ часовъ; залы освѣщаютъ.

На приложенной картинкѣ :

Креповая шляпка, убранная апласными руладками, и марабу. Платье изъ шелковой материи, убрано воланами, которые прикрѣплены баншиками. Блондовая машина.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

О кабинетъ Восточныхъ монетъ Г-на Шпревица.

Мы ѣздимъ въ чужіе край смотрѣшь рѣдкости ; но, можеть бысть, немногіе изъ Московскихъ жителей знаютъ въ Москвѣ о *Восточномъ Нумизматическомъ кабинетѣ Г-на Шпревица*, который собиралъ оный въ теченіе десяти лѣтъ съ значительными издержками и великими трудами. Одна пламенная любовь къ Восточной Нумизматикѣ, внушенная ему болѣе знаменитымъ Френомъ, руководствовала его въ собраніи сихъ сокровищъ ученыхъ (важныхъ не только для Нумизматики, но и для Исторіи народовъ мало намъ извѣстныхъ), ибо сіе занятіе есть для него постороннее. Онъ, какъ училель Музыки въ Благородномъ Пансіонѣ Московскаго Университета, около двадцати лѣтъ, ходилъ и посвящилъ себя сему благородному искусству, однако имѣеть свѣдѣнія въ наукахъ изящныхъ, коимъ обучался въ бывшемъ

Эрфуртскомъ Университетѣ, гдѣ и произведенъ Докторомъ Философіи за писанную имъ и тамъ напечатанную диссертацію на Латин. языкъ о *Музыкѣ*.

Въ музей Г-на Шпревица находится 1200 золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, изъ коихъ многія найдены въ развалинахъ Херсона. Г. Френъ большую часть оныхъ описалъ въ сочиненіи своемъ: *De Musei Sprewitziani Mosquae numis Kuficis nonnullis ante hac ineditis, qui Chersonesi humo eruti esse dicuntur, commentationes duae. Petropoli. MDCCCXXV, въ листъ Г-нъ Ш. имѣеть еще въ рукописи реэспрь своему кабинету, составленный Г-мъ Френомъ, оказавшимъ Восточной Словесности и Россійской Исторіи важныя услуги. Сей реэспрь раздѣленъ на XIV классовъ, а именно:*

- I. Монеты Халифовъ Омїадскихъ.
- II. Восточныхъ Испанскихъ.
- III. Аббасидовъ.
- IV. Аглебидовъ-Эмировъ, въ Ливіи.
- V. Едризидовъ, въ Мавришаніи.
- VI. Тагиридовъ.
- VII. Саманидовъ.
- VIII. Бувагидовъ.
- IX. Хановъ Гоейге въ Туркишанѣ.
- X. Селдчужскихъ Сулпановъ.
- XI. Ортокидовъ.
- XII. Ашабетовъ Музул.
- XIII. Монгол. Хановъ въ Иранѣ.
- XIV. Хановъ Золотой Орды.

Сверхъ того, еще Г-нъ Френъ, прізнающій сей кабинетъ единственнымъ въ Европѣ по многимъ рѣдчайшимъ монетамъ, готовитъ описаніе многихъ Крымскихъ, Шагапайскихъ, Персидскихъ, Турецкихъ и Грузинскихъ; ибо Г-нъ Шпревицъ имѣетъ у себя монеты всѣхъ Халифовъ и припомъ нѣкоторыхъ въ значительномъ количествѣ и очень хорошо сохраненныхъ, какъ на прим.: однихъ Аббасидовъ 300 пьесъ.

Желательно также узнать подробности и Нумизматическій въ Москвѣ рѣдкій кабинетъ Греческихъ, Римскихъ и Русскихъ монетъ и медалей Зоя Павловича Зосимы живущаго сорокъ лѣтъ въ Греческомъ Николаевскомъ монастырѣ. Известно, что знаменитые Профессоры Моск. Универс. Магштей и Тимковскій занимались приведеніемъ въ порядокъ и описаніемъ сихъ Нумизматическихъ сокровищъ. Большая часть монетъ древнихъ весьма хорошо сохранена, какъ будто недавно вышла изъ писковъ. Г. Зосима, столь много способствовавшій великодушными пожертвованіями своими къ распространенію Греческой Словесности и въ древнемъ опечесствѣ своемъ — Греціи и въ новомъ — Россіи, отличенъ высокими милостіями ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, украсившаго его двумя Россійскими орденами. Московскій Университетъ съ признательностію именуешь Г. Зосиму сво-

нимъ Почетнымъ Членомъ, а Историческое при ономъ Общество своимъ Благошворителемъ (*).

Отрывокъ изъ жизнеописанія А. А. Барбье.

Въ *Revue Encyclopédique* (Дек. 1826 г.) помѣщено подробное описаніе жизни и сочиненій Барбье, знаменитаго библіографа нашего времени, сочиненное сыномъ его. Помѣстивъ въ Телеграфъ (Т. XII, отд. 1, стр. 62) некрологическое извѣстіе объ эпозѣ замѣчательномъ современникѣ нашемъ, мы почитаемъ излишнимъ переводить жизнеописаніе Барбье на Русскій языкъ. Подробности, любопытныя для соотечественниковъ его, не могутъ имѣть одинаковой цѣны для иностранцевъ. Но Барбье жилъ во время Наполеона; еще болѣе: по должности своей былъ онъ къ нему близокъ и на него отражается нѣсколько общихъ чертъ, одинаково любопытныхъ и для соотечественника и для иностранца. Из-

(*) Искренно благодаря сообщившаго намъ сію статью, мы просили-бы также и о доставленіи, хотя крашковаго, извѣстія о кабинетѣ Г-на Зосимы. Подобныя свѣдѣнія украшаютъ отечественныя изданія и драгоцѣнны въ глазахъ всякаго умѣющаго оцѣнить ихъ.

влекаемъ для нашихъ читателей эту общія чершы.

Будучи библиошекаремъ Императорскимъ, Барбье часто бывалъ призыванъ къ Наполеону. Нѣсколько разъ въ недѣлю Наполеонъ приказывалъ приносить къ себѣ, обыкновенно во время и послѣ обѣда, иногда ночью, лучшія изъ вновь выходящихъ книгъ или шь, которыя представляемы были ему отъ сочинителей (*). Отдавъ отчетъ о каждой новой книгѣ, библиошекаръ дѣлался по необходимости чтецомъ его, когда Наполеонъ, что случалось не рѣдко, не удовлетворяясь сужденіемъ другаго, хотѣлъ судить самъ о новой книгѣ. Во время походовъ Наполеона всѣ довести лишьперашурныя были отправляемы къ нему каждый день, съ разборами и сужденіями о каждой изъ нихъ. При всякомъ отъѣздѣ его въ армію, за нимъ везли дорожную библиотеку его, составленную изъ книгъ не-

(*) При сихъ книгахъ часто прилагаемы были прошенія; ихъ отдавалъ Наполеонъ библиошекарю обращено и приказывалъ давать себѣ отчетъ о содержаніи просьбъ. По представленію Барбье куплены Наполеономъ для Императорской Библиотеки нѣкоторыя драгоценныя книги, какъ-то: *Васимъ Пильлая*, на Персидскомъ яз., изданн. въ Калькутѣ, 1805 г. — *Иліада*, на Греческомъ яз., напечатанная на пергаментѣ Бодоніемъ, и другія превосходныя произведенія типографическаго искусства, какъ-то: *Освобожденный Иерусалимъ*, перев. Лебрёна, экземпляръ на пергаментѣ.

большаго формата и содержавшую все лучшее изъ Словесности и Исторіи; также книги, касательно тѣхъ земель, куда онъ отправлялся (*).

Замѣтивъ, что въ этой библіотекѣ недоставало много важныхъ книгъ и узнавъ, что величина формата не позволяла помѣститъ ихъ въ нее, Наполеонъ нѣсколько разъ, въ разные времена, имѣлъ намѣреніе (не приведенное однакожь въ исполненіе) напечатать для своего дорожнаго употребленія особую библіотеку, для которой онъ самъ начерталъ планъ въ двухъ слѣдующихъ запискахъ, присланныхъ къ Барбье отъ Барона Маневала, секретаря, находившагося при Наполеоновомъ поршфелѣ.

Байонна, 17 Іюля, 1808 г.

Императору угодно составить ручную библіотеку изъ 1000 томовъ, форматомъ въ 12-ю долю, напечатанныхъ хорошими буквами. Намѣреніе Его Величества напечатать сіи книги, собственно для своего употребленія, безъ полей; чтобы выгадать сколько можно изъ величины книгъ. Томы будутъ

(*) Такъ отправляясь въ Россію, онъ взялъ все, что было писано объ ней, между прочимъ, книгу *Маржерета*, экземпляръ рѣдкій и единственный, находившійся въ библіотекѣ Императорской; этотъ экземпляръ потерялся въ Россіи. Маржеретова книга издана потомъ въ другой разъ; новое изданіе не рѣдкость. *Изд. Тел.*

отъ 5 до 600 страницъ ; переплеть на спинахъ книги должны легко сгибаться ; дощечки переплетки должны быть какъ можно тонче. Библіотеку составишь приближаясь къ слѣдующему разсчету : 40 томовъ о религіи , 40 эпопей , 40 театральнаго , 60 стихотвореній , 100 романовъ , 60 Исторіи , остальное до 1000 дополнишь историческими записками всѣхъ временъ .

Религіозныя книги будутъ : Ветхій и Новый Заветъ , взявъ лучше переводы ; нѣсколько посланій и другихъ важнѣйшихъ твореній Св. Отцовъ .

Алкоранъ ; книги о Мифологіи ; нѣсколько избранныхъ диссертацій о разныхъ сексахъ , имѣвшихъ большое вліяніе на Исторію , какъ-то : Аріаннахъ , Кальвинистахъ и проч . Исторію церкви , если можно , помѣстишь ее въ предписанное число книгъ .

Эпическое будутъ составлять Гомеръ , Луканъ , Тассъ , Телемакъ , Гавриада и проч .

Трагедіи . Изъ Корнеля взять только то , что осталось на сценѣ ; изъ Расина исключить *Братьевъ враговъ* , *Александра* и *Челобитниковъ* ; изъ Кребийона помѣстишь только *Радамиста* , *Атрел* и *Фізста* ; изъ Вольпера взять , что осталось на сценѣ ,

Исторія . Помѣстишь нѣсколько изъ хорошихъ книгъ о Хронологіи ; главнѣйшіе подлинники древнихъ ; то что въ подройности даетъ понятіе объ Исторіи Франціи . Какъ Исторію можно помѣстити : Разсужденіе Макіавели о Титъ-Ливіи , Монтеस्कьё О сущности законовъ , О причинахъ величія и упадка Римлянъ ; то что прилично сохранишь изъ историческихъ сочиненій Вольтера .

Романы. Новую Элонзу и Иеновѣдъ Руссо; нѣчего и говорить о лучшихъ твореніяхъ Фальдинга, Ричардсона, Ле-Сажа и проч. и проч., что, само по себѣ разумеется, получишь мѣсто; Сказки Вольпера.

Замѣчаніе. Изъ Руссо не надобно Эмиля, ни кучи его писемъ, записокъ, рѣчей и бесполезныхъ диссертацій; то же наблюденіе для Вольпера.

Императоръ желаетъ имѣть объясненный каталогъ, съ замѣчаніями, которыя показали-бы вполнѣ выборъ вашъ, и при томъ требуетъ записки, чего будетъ стоить напечатаніе и переплетъ 1000 томовъ; сколько въ каждомъ томѣ можетъ помѣститься сочиненій каждаго автора; что будетъ въ-ойти каждый томъ; сколько на всѣ надобно ящичковъ, какой величины, сколько мѣста они займутъ.

Императоръ желалъ-бы также, чтобы Г-нъ Барбье занялся слѣдующимъ трудомъ, съ кѣмъ нибудь изъ лучшихъ нашихъ географовъ: «Составить записки о войнахъ по Евфрату и противъ Парѣянъ, начиная съ Красса до VIII вѣка, помѣстивъ сюда Антонина, Траяна, Юліана и проч., означивъ на картахъ приличнаго размѣра пуши, какими слѣдовало каждое войско, съ новыми и старыми именами земель и главнѣйшихъ городовъ, географическими замѣчаніями о земляхъ и съ историческими отношеніями каждаго похода, извлекая все изъ оригинальныхъ писателей.»

Шенбрунъ, 12 Іюня, 1809 г.

Императоръ всегда чувствуетъ надобность имѣть съ собою дорожную библіотеку, составленную изъ Историческихъ книгъ. Его Величество же-

даль-бы ограничить число книг сей библиотеки *тремя тысяцями*, въ форматомъ въ 18 долю (подобно книгамъ собранія въ 18 д. du Dauphin), страницъ по 400 или по 500, напечатанныхъ хорошими Дидоновскими буквами, на веленовой тонкой бумагѣ. Форматъ въ 12-ю долю займетъ много мѣста, и впрочемъ всѣ почши изданія въ такомъ форматѣ нехороши.

3000 томовъ будутъ помѣщены въ 30 ящикахъ, въ три ряда; каждый рядъ заключитъ въ себѣ 33 тома.

Это собраніе будетъ имѣть общее названіе, общую размѣтку томовъ, кромѣ отдѣльныхъ названій книгъ и размѣтки томовъ въ оныхъ. Все собраніе могло-бы быть раздѣлено на пять или на шесть отдѣловъ: 1, Хронологія и Всеобщая Исторія; 2, Древняя Исторія по оригинальнымъ авторамъ; Древняя Исторія по новѣйшимъ; 3, Исторія Восточной Имперіи по оригиналамъ; Исторія Восточной Имперіи по новѣйшимъ; 4, Исторія общая и частная, какъ-то: *Опытъ* Вольтера и проч. — 5, Исторія новѣйшая государствъ Европы, Франціи, Италіи и проч. — Надобно помѣстить Страбона, карты древня Дацвіля, Библию, какую нибудь Исторію церкви.

Вошъ основа пяти или шести раздѣловъ, которую должно изучитъ и замѣспитъ старательно. Надобно, чтобы, въ которое число людей ученыхъ, со вкусомъ, были заняты пересмотромъ изданій, исправленіемъ, исключеніемъ всего, что бесполезно, какъ-то: примѣчаній издателей и проч.; тексты Греческіе и Латинскіе исключить, сохранивъ только Французскій переводъ. Только Италіянскія

непереведенныя на Французскій языкъ книги могутъ бытъ помѣщены въ Италіянскихъ подлинникахъ.

Императоръ проситъ Г-на Барбье написать планъ этой библіотеки и дать свѣдѣніе о самыхъ выгодныхъ и хозяйственныхъ способахъ, какъ издать 3000 томовъ.

Когда сіи 3000 томовъ Исторіи будутъ кончены, за ними послѣдуютъ 3000 томовъ Естественной Исторіи, Путешествій, Литтературы и проч. — Большую часть этого легко можно будетъ собрать, ибо такихъ книгъ много издано въ 18 д.

Г-на Барбье просятъ прислать реэстръ такихъ книгъ, съ замѣчаніями ясными и подробными обо всемъ, объ ученыхъ людяхъ, коимъ поручить работу, о времени какое потребно, объ издержкахъ, и проч.

По симъ двумъ запискамъ, Барбье составилъ *Каталогъ Наполеоновой библіотеки и Каталогъ библіотеки Исторической*. Онъ приложилъ къ нимъ введенія, въ которыхъ отвѣчалъ на разные вопросы, ему сдѣланые, и показывалъ средства исполненія.

Часто, какъ это видно изъ окончанія первой записки, Наполеонъ поручалъ Барбье представлять ему отчеты о различныхъ предметахъ историческихъ и иногда о различныхъ предметахъ религіозныхъ (*). Вотъ главнѣйшіе отчеты его, составленные по требованіямъ Наполеона: о продолженіи Исторіи Французской Веллѣи;

(*) Подлинники всѣхъ представлений Барбье находятся въ библіотекѣ, послѣ него оставшейся. Нѣкоторые съ замѣчаніями Наполеона.

объ Истории Марлбурга, соч. Ледіардомъ, по повелѣнію Наполеона переведенной Маджештомъ и Дюшамомъ; о переводъ Страбона, также по повелѣнію Наполеона, Лапорть-дю-Тейлемъ и Кораемъ; о различныхъ твореніяхъ Греческихъ и Латинскихъ, которыя еще не переведены или переведены, но въ старое время; о вольносплахъ Галликанской церкви и деклараціи Французскаго Духовенства въ 1682 г.; о гражданскомъ устройствѣ духовенства; объ Императорахъ, свергавшихъ или на время низлагавшихъ Папъ; о типографчикъ Бодони; объ Иконографіи Висконти; о Папской піарѣ и ея происхожденіи; о рукописяхъ, относительно процесса Храмовыхъ рыцарей (des Templiers); объ оригинальныхъ документахъ Галлеса процесса. Въ 1810 г. сіи документы, находившіеся въ Папскомъ архивѣ, перевезены были изъ Рима въ Парижъ, Барбье поручено было ихъ разсмотрѣть и перевести на Французскій языкъ. По его предложенію, Наполеонъ копьялъ ихъ напечатать. Но въ 1814 году, Папа Пій VII потребовалъ обратно сіи драгоценныя бумаги и онъ были ему отданы (*).

(*) Вѣроятно однакожь, что Г. Барбье оставилъ у себя копии и жаль, что наследники его не изладушь сихъ драгоценныхъ памятниковъ. Если они опять погребены въ Ватиканскихъ тайныхъ Архивахъ, то намъ не дождаться никогда ихъ появленія и, вѣроятно, они погибнушь навсегда. *Изд. Тел.*

О медали, приложенной къ Описанію Египта.

Однимъ изъ прекраснѣйшихъ ученыхъ памятниковъ XIX вѣка конечно всегда будетъ почитаемо *Описаніе Египта*, начатое при Наполеонѣ и продолжаемое еще донынѣ. Извѣстно, что драгоценное это собраніе рисунковъ и описаній, составленное во время Египетскаго похода его Французскими учеными, не смотря на умѣренную по великолѣпію цѣну, могло бытъ принадлежностью только богатыхъ библиотекъ (*). Приказавъ-оканчивать его, Людовикъ XVIII позволилъ книгопродавцу Панкуку сдѣлать другое изданіе, дешевле перваго, употребивъ готовыя доски рисунковъ. Донынѣ вышло сего новаго изданія уже нѣсколько томовъ. Оно стоитъ гораздо менѣе великолѣпнаго перваго, хотя также отличаетъ изяществомъ и

(*) Оно донынѣ состоитъ изъ 9 томовъ въ листъ. Первое отдѣленіе (*Египетскія древности*) съ 423 рисунк. въ 5 томахъ; второе (*Новѣйшее состояніе Египта*), съ 170 рисунк. въ 2 томахъ и третье (*Естественн. Исторія Египта*), съ 250 рисунк., въ 2 томахъ, всего 843 рисунка, изъ которыхъ множество огромныхъ и раскрашенныхъ, кромѣ Атласа изъ 50 листовъ. Цѣна за изданные томы въ Парижѣ на простой бумагѣ около 4000, а на веленовой около 6000 фр.

искусствъ, между самыми рѣдкими и знаменитыми памятниками пипографическаго искусства.

Желая ознаменоватъ особымъ памятникомъ полезное для наукъ дозволеніе Людовика XVIII, посредствомъ коего *Описаніе Египта* дѣлается удобнѣйшимъ для общаго употребленія, Панкукъ рѣшился выбить медаль. Онъ просилъ пособія ученыхъ знашюковъ Египетской Археологіи, и въ прошломъ году медаль была выбита. Отличная рѣзба медальера Барра и расположеніе, которое далъ изображеніямъ одной Шамполіонъ (младшій), извѣстный своими изъясненіями гіероглифовъ, дѣлаютъ сію медаль драгоцѣнною въ глазахъ знашюковъ Египетской Археологіи и любителей Изящныхъ Художествъ.

«Нѣтъ ни одного великаго событія,» говоритъ Шамполіонъ-Фижакъ, изъясняя медаль (*), «которое не доказывало-бы людямъ недостоверности ихъ предположеній. Политическіе расчеты двинули войско Европейцовъ на берега Нила и — польско науки воспользовались его завоеваніями. Въ лѣтописяхъ наукъ шри послѣдніе года прошедшаго столѣтія всегда будутъ поминашьясь замѣчательнѣйшими: это была

(*) Изъясненіе это (и рисунокъ одной стороны медали, прилагаемый къ сей книжкѣ Телеграфа) мы заимствуемъ сокращенно изъ *Revue Encyclopédique*. *Изд. Тел.*

эпоха воскресенія Египта, древняго и новаго, и геній Франціи произвелъ сіе чудное. Завоеванныя земли были тогда подчинены циркулю Геометра, карандашу Архитектора, инструменту Физика, молотку Геолога и изслѣдованіямъ Археолога. Три года постоянныхъ трудовъ, среди опасностей, требовавшихъ болѣе нежели храбрости, доставочны были для совершеннаго познанія сей первобытной страны наукъ и искусствъ, изученія ея древнихъ законоположеній и новыхъ обычаевъ, изысканія чудныхъ памятниковъ и даже гробницъ ея; когда хоругвь побѣды отклонилась, войны Французскіе увидѣли снова родину свою, только съ воспоминаніями о славныхъ подвигахъ своихъ, но ученые мужи Франціи, оставя Египетъ потеряли только средства къ новымъ завоеваніямъ. Они принесли съ собою прѣдѣла свои: удивительное множество историческихъ памятниковъ. Франція съ радостію приняла плоды благородныхъ усилій сыновъ своихъ; ей доставалась лучшая часть Египта: Египетъ древній.»

На одной сторонѣ медали изображенъ военный геній Франціи, въ видѣ древняго воина. Лѣвою рукою держитъ онъ Галлійское знамя (съ изображеніемъ петуха) и масличную вѣтвь. Онъ наклоняется нѣсколько на правую сторону и правою рукою поднимаетъ покрывало

коймъ закрышь Египетъ. Сія страна изображается въ видъ женщины, печальной и изумленной. Въ костюмъ ея сохраниена одежда древнихъ Египтянь. Сія тѣнь Египта, кажется, хочетъ подняться съ земли, но чувствуетъ свое безсиліе; правою рукою оперлась она на Нильскаго крокодила; лѣвая опущена: изъ нее выпалъ священный сиспръ, свитокъ папируса и циркуль. За нею видите Египетское зданіе, испещренное іероглифами; пустынная пальма возвышается надъ онымъ; вдали на право, три большія пирамиды закрываютъ остальное пространство. Внизу, отдѣльно отъ изображеній, надпись: Gallia victrice Aegyptus rediviva. MDCCCXVIII. Кромъ неправильно означеннаго года (не уже-ли оживленіе Египта должно относить къ Панкузову изданію Описанія Египта?), здѣсь все прекрасно, все соединено съ величайшимъ расчетомъ. Даже, замѣтимъ что и геній Франціи, при всей его *классической* фигурѣ, очеркомъ лица своего напоминаетъ намъ того, кто привелъ войска Французскія на берега Нила и почти 20 лѣтъ былъ военнымъ геніемъ Франціи.

Другая сторона медали (*смотри. приложенную къ сей книжкѣ Телеграфа картинку*) чрезвычайно замѣчательна тѣмъ, что представляетъ новыя, важнѣйшія открытія въ Египетскихъ Древностяхъ. Средину медали составляетъ чистое, круглое поле. На немъ надпись. Но эта

надпись не важна. Оставшееся отъ круга до краевъ медали пространство во всѣхъ споронъ занято изображеніями. Здѣсь сверху видите *Скарабея*, землянаго жука; отъ него, перпендикулярно, внизу крестообразная фигура. Сими двумя изображеніями раздѣляюща всѣ другія фигуры на двѣ части. Въ одной находится восемь божествъ Египетскихъ, въ видѣ мужей; въ другой восемь божествъ Египетскихъ въ видѣ женъ. Изображенія сіи важны для насъ тѣмъ, что Шамполіонъ, съ археографическою точностію, перенесъ ихъ на медаль съ Египетскихъ памятниковъ. Мы видимъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, съ тѣми самыми атрибутами и іероглифами, съ какими они изображаемы были у древнихъ Египтянъ. Вотъ изъясненія ихъ и имена, какія даетъ имъ Шамполіонъ, прочитывая ихъ іероглифы!

Съ лѣвой споронъ отъ *Скарабея*, 1-я фигура, богъ *Амонъ-Ре*, съ бараньею головою (Амонъ - солнце), Юпитеръ Аммонъ Грековъ, мужское начало въ Космогоніи Египтянъ. Надпись надъ нимъ, отъ лѣвой споронъ къ правой, произносится *Амнр.* — 2-я фигура, богъ *Кнуфисъ*, съ бараньею головою (Нефъ, Нуфъ и Нубъ). Другая форма Амона, творецъ вселенной. Четыре іероглифа произносятся *Нумб* (Богъ); онъ пишется также *Кнунисъ* и его находятъ на царскихъ камняхъ. — 3-я фигура, богъ *Сукъ*, съ крокодиловою головою (Хроносъ;

Сатурнъ), богъ времени, котораго крокодиль была эмблеммой. Имя изъ прехъ знаковъ, но сходству съ именемъ посвященнаго ему животнаго. — 4-я фигура, богъ Фѳа (Phtha) - Сокарисѳъ, съ головою копчика, проводитель душъ по 32-мъ небеснымъ областямъ. Гіероглифы произносятся рѳа. ѳтї. — 5-я фигура, богъ Кнуфисѳъ-Нилусѳъ, съ бараньею головою; проявленіе Аммона въ символъ рѳки Нила, съ его именемъ символично-фигуральными знаками. — 6-я фигура, богъ Тѳѳѳ (Thoth), дважды великій или второй Гермесъ, съ ибисовою головою, основатель всѣхъ общественныхъ установленій Египта. Его символическое имя есть самое изображеніе ибиса на знамени. — 7-я фигура, богъ Роѳѳ (Поѳѳ или Поогъ), богъ мѣсяць (le dieu Lune), съ копчиковою головою, называемый *Оѳѳѳ* - *Соѳѳ*. — 8-я фигура, богъ Фре, съ копчиковою головою (Солнце), стоящій. Три знака образуютъ имя его: *Рѳѳ*, богъ.

Съ правой стороны отъ Скарабея, 1-я фигура, богиня *Неѳѳѳ* (Минерва Египтянъ), женское начало въ Египетской космогоніи и мать боговъ. Ея имя *Тѳѳѳ*, Мать, Госпожа неба. — 2-я фигура, богиня *Сѳѳѳѳѳ* (Илиѳѳѳ, Юнона-Люциніа), божество покровительница матерей. Ея имя читается *Сѳѳѳѳѳ*, богиня. — 3-я фигура, богиня *Анукѳѳ* (Веста), подруга Аммона-Кнуфиса. Имя ея читается *Анукѳѳ*, богиня. — 4-я фигура, богиня *Тѳѳѳѳѳ* (Уранія, Небо), мать семейства Ам-
Ч. XV. Но 10. И

мона. Символическое имя: Ея чшпаентся *Гле*, владычица небесъ. — 5-я фигура, богиня *Аворб* (Афродита, Венера), съ коровьею головою, дочь солнца, жена бога Фва, кормилица боговъ. Ея имя символическое. — 6-я фигура, богиня *Сате* (Юнона Египтянь, председательствующая въ области преисподней). Она распроспираетъ свои огромныя крылья и держитъ крестообразную фигуру въ лѣвой рукѣ. — 7-я фигура, богиня *Буто* (Лапона), первобытная има, предшествовавшая свѣту. Буто именуется *великою матерью родительницею солнца*. — 8-я фигура, опять богиня *Севенб*, но стоящая, съ коршуновою головою (коршунъ означалъ материнское чувство, а Севенъ была его покровительство). Имя ея чшпаентся *Seven*, Мать.

Скарабей, важнѣйшее изъ Египетскихъ изображеній. Насѣкомое это водится и донынѣ въ Верхней Нуби: оно образъ *мира*. Крестообразная фигура съ ручкой (*croix-ansée*), идея божественной жизни (*la vie divine*) выражала безсмертіе души. Нынѣ сдѣлалось уже достовѣрнымъ, что Миеологія Египтянь, не смотря на видимое безобразіе оной и многобожіе, была основана на двухъ главныхъ догматахъ: бытіи единого Бога и безсмертіи души, ожидавшей награды или наказаній. Боги были ничто иное, какъ символы матеріальные единого Бога. Послѣ сего легко изъяснишь ихъ число, ашшрибушы, знаки и освободиши

Египетскій народъ опть неострытъхъ шутокъ Лукіана, или неапытыхъ изьясненій нѣкоторыхъ археографовъ. Новое открытіе чтенія гіероглифовъ оживляетъ передъ нами древности Египтянъ и являетъ ихъ со всѣмъ въ новомъ видѣ.

Цѣна Панкуковой медали изъ бронзы (такъ называемой bronze antique, которая столь тверда, что рѣжетъ мѣдь) 30 франковъ; съ позолотой (новымъ способомъ, послѣ коей невозможно по виду отличить медали отъ настоящей золотой) 40 фр. Серебряный экземпляръ стоитъ 50 фр.

II. КРИТИКА.

Цыганы (писано въ 1824 году). М. 1827 г. въ тип. Авг. Сѣмена, in 12, 46 стр.

Весело и поучительно слѣдовать за ходомъ таланта, постепенно подвигающагося впередъ. Таково зрѣлище представляемое намъ творцемъ Поэмъ: *Русланъ и Людмила* и нынѣ появившейся *Цыганы*; таковъ и долженъ быть ходъ истиннаго дарованія въ порѣ зрѣющаго мужества. Признаки жизни въ дарованіи щедрымъ могутъ быть только временныя и, такъ сказать, случайны; но въ твердомъ, есть удовлетворительное послѣдствіе въ успѣхахъ. Стремленіе къ совершенству возможному, или невозможному, если оно не доля смертнаго, есть принадлежность избранныхъ на пути усовершенствованія и сіе стремленіе должно быть непрерывно и едино-

сущно. Въ Поэмѣ *Цыганы* узнаемъ творца Кавказскаго Пльнника, Бахчисарайскаго Фонтана, по видимъ уже мужа въ чертахъ, нѣкогда образовавшихся юношу. Видимъ въ Авторѣ болѣе зрѣлости, болѣе силы, свободы, развязности и, къ утѣшенію нашему, видимъ еще залогъ новыхъ силъ, сочнѣйшей зрѣлости и полнѣйшаго развитія свободы. Нынѣ разсматриваемая Поэма, или повѣсть, какъ хотѣли назвать ее, есть, безъ сомнѣнія, лучшее созданіе Пушкина, по крайней мѣрѣ, изъ напечатаннаго; потому что мы не въ правѣ говорить о Трагедіи его, еще не выпущенной въ свѣтъ. Поэтъ переноситъ насъ на сцену новую: природа, краски, явленія, встрѣчающіяся взорамъ нашимъ, не замѣстствованныя и возбуждаютъ въ насъ чувства не затверженные на память, но рождаютъ ощущенія новыя, впечатлѣнія цѣльныя. Не уже-ли нѣтъ тутъ ни малѣйшаго подражанія? спроситъ сей часъ злонамѣренная недовѣрчивость. Кажется: рѣшительно нѣтъ; по крайней мѣрѣ, подражанія уловимаго, подлежащаго уликѣ. Но намъ лично; хотя для того, чтобы поддержать свое мнѣніе, не лъзя впрочемъ не признаться, что, вѣроятно, не будь Байрона, не было-бы и поэмы *Цыганы* въ настоящемъ ихъ видѣ, если однакожь припомъ судьба не захотѣла-бы дать Пушкину мѣсто, занимаемое нынѣ Байрономъ въ поколѣніи нашемъ. Въ самой связи или лучше сказать, въ самомъ отсутствіи связи видимой и ощущительной, по коему Пушкинъ начерталъ планъ созданія своего, отзывается членіе Гюра Байронова и заключеніе обдуманное, что Байронъ не отъ лѣни; не отъ неумѣнія не спаялъ отдѣльныхъ частей цѣлаго, но напрошивъ, въ слѣдствіе мысли свѣшлой и

діяного понятія, о характерѣ эпохи своей, Единство мѣста и времени, спорная связь между классическими и романтическими драматургами, мощьъ отъвѣчать непрерывающемуся единству дѣйствія въ эпическомъ или въ повѣствовательномъ родѣ. Нужны-ли воображенію и чувству, законнымъ судіямъ поэтическаго творенія, математическое послѣдствіе и прямолинейная выставка въ предметахъ, подлежащихъ ихъ зрѣнію? Нужно-ли, чтобы мысли нумерованныя слѣдовали предъ ними одна за другою, по очереди непрерывной, для сложенія итога полнаго и безошибочнаго? Кажется, довольно отъвѣчать тысячи и сотни, а единицы подразумѣваются. Путешественникъ, любясь съ высоты окрестною картиною, минуешь низменные промежутки и объемишь однѣ живописныя выпуклости зрѣлища предъ нимъ разбитаго. Живописецъ, изображая оную картину на холстѣ, слѣдуетъ тому-же закону, и повинулся дѣйствіямъ перспективы, переносишь въ свой списокъ одно то, что выдается изъ общей массы. Байронъ слѣдовалъ этому сообщенію въ повѣсти своей. Изъ міра физическаго переходя въ міръ нравственный, онъ подвелъ къ этому правилу и другое. Байронъ, болѣе всѣхъ другихъ въ сочувствіи съ эпохою своею, не могъ не отразить въ твореніяхъ своихъ и этой значительной примѣты. Не лзя не согласиться, что въ историческомъ отношеніи не успѣли-бы мы пережить то, что пережили на своемъ вѣку, если происшествія современныя развивались-бы постепенно, какъ прежде обихая заведенный кругъ стараго циферблата: вѣкъ и стрѣлка времени какъ-то перескакиваетъ минуны и считаетъ одними часами. Въ классиче-

еной старинѣ; войска обиждали городовъ долгие
 дѣть и пѣнопѣвцы въ повахъ своихъ вели поден-
 но военный журналъ осады и дѣвѣи каждого воина
 въ особенности; въ новѣйшей вѣдохъ романшической,
 минуютъ крѣпости на военной дорогѣ и прямо спѣ-
 шатъ къ развязкѣ, къ результату войны; и осажда-
 ютъ того лучше: уже не поюшь ни осады, ни взятыя
 городовъ. Вошь одна изъ характеристическихъ при-
 дѣтъ нашего времени: стремленіе къ заключеніямъ.
 Отъ нетерпѣнія ли и въпренѣости, какъ думаютъ
 спарожилы, просто ли еще благоразумія, какъ ду-
 маемъ мы; но на письмѣ и на дѣлѣ перескакиваемъ
 союзныя частицы скучныхъ подробностей и порываемся
 къ *результатамъ*, которыхъ, будь сказано
 мимоходомъ, по настоящему, нѣтъ у насъ и, но не-
 долѣ прибѣгаемъ къ галлицизму, потому что по-
 слѣдствіа, заключенія, выводы, все негарно и не-
 плано выражаютъ понятіе, присвоенное этому сло-
 ву! Какъ въ были, такъ и въ сказкѣ, мы уже не
 приемлемъ младенца изъ купели и не провожаемъ
 его до поздней старости, и наконецъ до гроба,
 со дня на день исправляя съ нимъ рачительную
 ежедневные завтраки, обѣды, полдни и ужин-
 ны. Мы вѣримъ на слово автору, что герой
 его или героиня ѣдятъ и пьютъ, какъ и мы грѣш-
 ные, и требуемъ отъ него, чтобы онъ намъ выка-
 зывалъ ихъ только въ рѣшительныя минуты, а впро-
 чемъ не хотимъ вмешиваться въ домашнія дѣла. Ме-
 жду шѣмъ замѣшимъ, что уже и въ старину Девро,
 хотя Магометь классицизма, но не менѣе много про-
 рокъ въ своемъ дѣлѣ, чувствовалъ выгоду такихъ
 скачковъ и говорилъ, что Лабрюеръ, свергнувъ нро-

переходовъ, освободился опъ одной изъ величайшихъ трудностей въ искусствѣ писателя.

Поэма *Цыгань* составлена изъ отдѣльныхъ дѣлений, то описательныхъ, то повѣствовательныхъ; то драматическихъ, но хранящихъ математическаго послѣдствія, но представляющихъ нравственное послѣдствіе, въ которомъ части согласены правильно и гармонически. Какъ говорится, что и въ разбросанныхъ главахъ видна поэма; такъ можно сказать, что и въ отдѣльныхъ сценахъ видна поэма. Скажемъ нѣчто о составѣ и ходѣ ея. На грунтѣ картины изображается таборъ южныхъ Цыгановъ со всею причудливостію ихъ отличительныхъ красокъ, поэтической дикостью ихъ обычаевъ и нравовъ и неизлечимостью нравовъ. Замѣчательно, что сіе племя, коего происхожденіе и существованіе историческое предлагаютъ задачу не совсѣмъ еще разрѣшенную, не смотря на изысканія и вѣроятныя гипотезы ученыхъ, вездѣ сохраняетъ неизгладимыя опшѣнки какого-то первоначальнаго бытія своего и что сіи опшѣнки не сливаются, по крайней мѣрѣ, во многихъ чертахъ, съ нравами туземцевъ, между коими они искони ведутся. Въ самыхъ городахъ являютъ они признаки кочевой жизни: временемъ и законнымъ образомъ укорененные въ гражданскихъ обществахъ, они какъ будто все на переходѣ и готовы на утро сложить палатки свои для переселенія. Тамъ еще своеобразіе должно быть житье ихъ въ степяхъ и на волю. Племя съ такою оригинальною физиогномією принадлежитъ Поэзіи и Пушкинъ въ удачномъ завоеваніи присвоилъ его и покорилъ въ владычество. Два лица выдаются впердъ изъ сей шалны спральной и живописной: Зем-

фира, молодая Цыганка и старый отецъ ея. [Среди сихъ дѣтей природы независимой и дикой являемъ ширѣе лицо: гражданинъ общества и добровольный изгнанникъ его, недовольный питомецъ образованности, или худо понявшій ее, или неудовлетворенный въ увозаніяхъ и требованіяхъ на ея могущество, однимъ словомъ, лицо, яропопшия поколѣнія нашего, не лицо условное и непременное въ новѣйшей Поэзіи, какъ лица перваго любовника, плута слуги или субретки въ старой Французской комедіи, но, лица, перенесенное изъ общества въ новѣйшую Поэзію, а не изъ Поэзіи паведенное на общество, какъ многіе полагаютъ. Любовь къ Земфирѣ, своевольная прелесть, которую находишь онъ въ независимомъ жившѣ-бышѣ ихъ сообществѣ, тягостъ онъ повинности образованнаго обществія, пресыщеніе онъ опосылѣвшихъ ему удовольствій свѣтскихъ, удерживаютъ его при табортѣ и водворяютъ въ новую жизнь. Но укрывшійся онъ общества, не укрылся онъ отъ самаго себя; съ измѣною рода жизни не измѣнился онъ нравственно и перенесъ въ новую стихію отрасли свои и оправданія за ними слѣдующія. Раздѣлая съ новыми товарищами ихъ занятія и досуги, не могъ онъ раздѣлить съ ними ихъ образъ мыслей: недовѣрчивость и самолюбіе возмутили спокойствіе души на минуту прояснившейся и освобожденной отъ прежнихъ впечатлѣній: ревность и обманутое самолюбіе ввергли его въ преступленіе. Онъ убиваетъ соперника своего и любовницу. Отецъ Земфиры, общество усыновившее пришельца удаляющагося отъ него и не удовлетворяющаго мести, предають его соборственнымъ мученіямъ и волю Промысла. Вотъ сущность Поэмы. Не будемъ въ подробности

обращая вниманіе читателя на отдѣльныя красотоны разказа, яркія черты живописныя, поэтическое движеніе въ оборотахъ, строгию и вмѣстѣ съ тѣмъ свободную точность выраженій пламенныхъ и смѣлыхъ. Въ исполненіи вездѣ видѣнь Пушкинъ и Пушкинъ на походѣ. Дадимъ отчетъ читателю въ главныхъ впечатлѣніяхъ нашихъ. Каждое изъ трехъ лицъ, упомянувшихъ выше, очерчено вѣрно и значительно. Легкомысленная, своевольная Земфира; отецъ ея, безстрастный, равнодушный зритель игры страстей, охлажденный лѣтами и опытами жизни трудной; Алеко непокорный данникъ гражданскихъ обязанностей, но и не безкорыстный въ любви къ независимости, которую онъ обнялъ не по размысленію, не въ ясной пишинѣ мыслей и чувствъ, а въ порывѣ и раздраженіи страстей, всѣ они выведены Поэтомъ въ настоящемъ ихъ видѣ, съ собственными каждому мѣтніями, рѣчами, движеніями. Первая, изложительная сцена, и вторая, служащая къ ней дополненіемъ, двѣ картины Цыганской природы, вѣрно и смѣлою кистью Орловскаго начертанныя. Живопись не можетъ бытъ ни удовлетворительнѣе, ни, такъ сказать, осязательнѣе. Послѣ сихъ двухъ сценъ положительныхъ, въ которыхъ краски очерчены изъ природы видимой, слѣдуетъ, и очень къ сожалѣнію, сцена болѣе идеальная, но не менѣе истинная, хотя истина въ ней и оцѣленная. Читая ее, нечувствительно готовишься къ бѣдствіямъ, которыя постигнутъ Алеко и отразятся на обществѣ его пріавшее. Вводные стихи о птичкѣ, которые Поэтъ съ искусствомъ составилъ по другому размѣру и бросилъ какъ иносказаніе, свойственное Поэзіи нашихъ народныхъ пѣсень, придаютъ этому отрывку

какую-то неопредѣленность, совершенно соотвѣтствующую мысли, господствующей въ немъ. Кажется только, Поэту не должно-бы кончать послѣднимъ стихомъ, а предыдущимъ. Онъ говоритъ объ Алеко:

Но, Боже, какъ играли отъ страха
Его послушною душой!

Съ какимъ волненіемъ кипѣли

Въ его измученной груди!

Давно-ль, на долго-ль усмирили?

Онъ проскутся: погоди.

Этотъ стихъ долженъ подразумѣваться и смыслъ его обнажиться самъ собою въ послѣдствіи. Тутъ онъ какъ будто напередъ подсказанное слово заданной загадки. По мнѣнію нѣкоторыхъ, эпизодъ Овидія, вспавленный въ четвертой сценѣ, не у мѣста и не приличенъ устамъ Цыгана. Мы съ этимъ не согласны. Почему преданію объ Овидіи не хранишь-ся всенародно въ краю, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ сосланъ? Къ тому-же, бриллиантъ высокой цѣны, кажется, вездѣ у мѣста; а сей отрывокъ объ Овидіи, столь вѣрно и живо выражающій безпечность и простодушіе Поэта, есть точно драгоценность поэтическая. Можетъ быть, только не совѣтъ кстаи старикъ приводитъ примѣръ сосланнаго Овидія послѣ стиховъ:

Но не всегда мила свобода

Тому, кто къ мѣстѣ приученъ.

Легко согласишься, что наибольшая свобода сосланнаго можетъ быть для него и не слишкомъ мила. Но впрочемъ, вспоминаемъ объ Овидіи совѣтъ не

допавши неумѣстная ни по сценѣ дѣйствія, ни по дѣйствующимъ лицамъ. Въ слѣдующемъ отрывкѣ, гдѣ оцѣсывается жизнь-бытье вришелца, не хотѣлось-бы видѣть, какъ Алеко по селеньямъ водить съ пльемъ медвѣдя. Этотъ промыслъ, хотя и совершенно въ числѣ принадлежностей Молдаванскихъ Цыгановъ, не имѣеть въ себѣ ничего поэтическаго. Повимаемъ, что Алеко сдѣлался Цыганомъ изъ любви къ Земфирѣ и изъ ненависти къ обществу; но все не можетъ онъ съ удовольствіемъ школишь несчастнаго медвѣдя и наживаться его боками. Если непремѣнно нужно ввести Алеко въ совершенный Цыганскій бытъ, то лучше предоставить ему барыщничать и цыганить лошадьми. Въ этомъ ремеслѣ, хотя и не совершенно безгрѣшномъ, все есть какое-то удастьство и слѣдственно Поэзія. Съ шестаго отрывка до конца Поэмы занимательность, искусство Поэта и красота разнородныя, но вездѣ первостепенныя, воздышаются болѣе и болѣе. Сцена извѣстной пѣсни: *Старый мужъ, грозный мужъ*, возникающая ревность Алеко и спокойное воспоминаніе о сей пѣснѣ, давно сложенной, старика, который безъ участія, безъ вниманія смотритъ на жестокое, но уже для него непонятное водненіе разыгрывающихся страстей; безчувственность старика, въ которомъ одна только память еще приемень впечатлѣнія; ужасная ночная сцена оновиднѣй Алеко, тоска и страхъ Земфиры, разговоръ ея съ отцомъ, разговоръ его съ Алеко и кипящія выходки ея послѣдныя, въ которыхъ такъ мрачно, такъ злосчастно предсказывается жребій Земфиры, если она измѣнитъ любви его, и самое совершеніе роковаго предсказанія: все это исполнено жизни, силы, вѣр-

ности, необычайныхъ. Следуя своему поэтическому *crescendo*, Поэшь въ послѣдней главѣ превзошла себя. Обрядъ погребенія, совершаемый передъ убійцею, который

Съ ножень въ рукахъ, окровавленный,
Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ;

слова старика, прощающагося съ нимъ: все это дышетъ величественною простотою, истиною, то есть, возвышенною Поэзіею. Послѣднія подробности, кои Авторъ довершилъ картину свою, доказываютъ вѣрность и смѣливость его поэтического взгляда.

. . . . Шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все пь дали степной
Сокрылось. Лишь одна тѣлега,
Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда, передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подьмется съ полей
Ставица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь; въ тѣлѣгѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подьемной
До утра сномъ не опочилъ.

Все это замѣчено, все списано съ природы. Вотъ истинная, существенная, не замѣшванная Поэзія. Въ заключеніе Эпилогъ, въ которомъ послѣдній стихъ что-то слишкомъ Греческій для мѣстоположенія:

И отъ судебъ защиты нѣтъ.

Подумаешь, что этотъ стихъ взять изъ какого нибудь хора древней трагедіи. Напрасно также, если мы пустились въ щепетильныя замѣчанія, Авторъ заставляетъ Земфиру умирать эпиграмматически, повторяя послѣднія слова изъ пѣсни:

Умру любя.

Во всякомъ случаѣ, развѣ: *умираю*, а по при послѣднемъ издыханіи и нѣкогда было-бы ей разлюбить. Еще не хотѣлось-бы видѣть въ Поэмѣ одинъ злый стихъ, который, Богъ знаетъ какъ, въ нее вошелъ. Послѣ погребенія двухъ несчастныхъ жершвъ, Алеко

Медленно склонился

И съ камня на траву свалился.

Вотъ изложеніе впечатлѣній, которыя остались въ насъ послѣ чтенія одного изъ замѣчательнѣйшихъ и первостепенныхъ явленій нашей Поэзіи. Авторъ, кажется, хотѣлъ было сначала развернуть еще болѣе части своей повѣсти. Мы слышали объ одномъ отрывкѣ, въ которомъ Алеко представленъ у постели больной Земфиры и люльки новорожденного сына. Сіе положеніе могло-бы дать просторъ для новыхъ соображеній поэтическихъ. Алеко, волнуемый радостью и недоувѣрчивостью, любовью къ Земфирѣ

и въ силу и подозрѣнiami мучительной ревности, было-бы явленіе, достойное кисти Поэта.

Пушкинъ совершалъ многое; но совершить можетъ еще болѣе. Онъ это долженъ чувствовалъ и мы въ этомъ убѣждены за него. Онъ, конечно, далеко за собою оставилъ берега и сверстниковъ своихъ; но все еще предстоятъ ему новыя испытанія силъ словесъ; онъ можетъ еще плавать даже въ глубь и. полноводіи.

Отвѣтъ на критику Г-на — хова.

Въ прошедшемъ No 9-мъ Телеграфа (Отд. 2, стр. 35-45) напечатана была критика на *Назальмыя Основанія Химіи, А. Іовскаго*. Да позволено будетъ сдѣлать на нее коротенькія замѣчанія и обозначить, гдѣ Г-нъ Критикъ недоуразумѣвалъ, гдѣ дѣлалъ неумѣстныя выходки, и наконецъ, гдѣ онъ былъ слишкомъ пристрастенъ, а особливо къ Парцельсу.

И такъ, во первыхъ, о недоразумѣніяхъ Г-на Критика.

Г-нъ — ховъ утверждаетъ, что будто-бы въ изданной мною Химіи о *теплотѣ и свѣтѣ* говорится подробно, *тѣмъ о другихъ веществахъ*; отвѣчаю: неправда; а доказательство: на двухъ только печатныхъ листахъ, помѣщено все, что до изданія сей части Химіи извѣстно касательно сихъ невѣсомыхъ веществъ; о прочихъ же веществахъ говорится прочи на семи листахъ. Г-нъ — ховъ многого, какъ видно, не замѣнилъ что опущено,

какъ -ознающее, несправедливымъ и что прибавлено, какъ открытій или какъ предположенія, достойнаго вниманія мыслящихъ читателей.

Г-нь —ховъ на той же страницѣ говоритъ, что въ сочиненіи моемъ собрано въ одно мѣсто многое изъ того, что разсыяно въ разныхъ сочиненіяхъ. Если сіи слова не маленькая хвастли-вость, то по крайней мѣрѣ неумѣстная выходка, ибо я передаю моимъ соотечественникамъ то, что я приобрѣлъ, осмѣливаюсь сказать, трудомъ долго-лѣшнимъ.

На стр. 37, Г-нь —ховъ говоритъ, что я, не отличивъ Физики отъ Химіи предваритель-но, изъясняю гальванизмъ въ Химіи. Г-нь Кри-тикъ вѣроятно знаетъ старинное правило: *Ubi desinit physicus, incipit chemicus*. Посему и въ осно-ваніяхъ Химіи не говорится что такое Физика; но объ этомъ должно говорить въ Химіи? Разверни-те Г-нь —ховъ Химію, на прим. Г-на Берцеліуса, мужа, который по всѣмъ частямъ Естественнаго опыта заслужилъ уже безсмертное имя, разверните Химію Г-на Тенара: говорятъ-ли они въ Химіяхъ о Физикѣ? Вы скажете, что другіе говорятъ; пусть ихъ говорятъ, когда хотятъ. Химію слушающіе и читающіе послѣ Физики, слѣд., довольно опредѣленія, чтобы понять, что это не Физика. Но, кажется, у Господина —хова главное не то, а вошь что? почему я говорю о гальванизмѣ въ Химіи? Но это также недоуразумѣніе Г-на —хова.

На стр. 37, Г-нь Кристикъ утверждаетъ, что прогитавши о различіи Химіи на теоретическую и практическую, не лзя опредѣлить: Химія ли новая изданная, теоретическая или практическая?

Отвѣчаю и на сіе недоразумѣніе Г-на —*хова*: Химія сія есть, какъ видно изъ опредѣленія (см. § 2) теоретическая.

На той-же страницѣ Г-ну —*хову* кажется, что Сельскую Химію должно назвать Земледѣльской. Кажется, что сія часть не учитъ земледѣлію и не нужна для земледѣльца; но служитъ только наукѣ о земледѣліи главнымъ основаніемъ и нужна сельскому хозяину. Но называй ее кто какъ хочешь, а мнѣ кажется, что по сдѣланному мною опредѣленію, ей болѣе прилично названіе *Сельской Химіи*.

Тамъ-же Г-нъ Критикъ такъ выражаетъ свое недоразумѣніе: *Домашняя и Технологическая Химія едва-ли одно и то же*. Излагаю мое понятіе для большаго уразумѣнія: Домашняя или Технологическая Химія занимается предметами къ домашнему быту принадлежащими, а Сельская только тѣмъ, что принадлежитъ къ полю или къ селу, но не къ дому села, а къ огороду и ш. п. Кажется, это понятіе не трудно; по крайней мѣрѣ, я такъ думаю. О подробностяхъ, см. опредѣленія сихъ наукъ на стр. 3 *Основаній Химіи*.

Тамъ-же, ниже, Г-нъ —*ховъ* укоряетъ меня, почему я не выставилъ сочиненій, изъ коихъ можно видѣть, что названіе Химіи прежде потопомъ извѣстно было, прибавляя, что *безъ сего не всякій повторитъ*. Это я не считалъ нужнымъ, имѣя совершенную мою довѣренность ко всѣмъ. Ежели-же это нужно Г-ну —*хову*, то между прочими см. *Aug. Vogel Institutiones chemiae, Lugduni Batav. et Lipsiae, MDCCLVII.*

На той-же страницѣ, далѣе, говоритъ Г-нъ —ховъ, что ежели рѣчь идетъ о Говелъ, то ковать вовсе не есть дѣло Химіи. Г-нъ —ховъ! что это вы вздумали? Да развѣ преждековки не проходятъ металлъ черезъ лабораторію Химіи? О, какой вы недоуразумѣвающей!! Г-нъ —ховъ шутъ замѣчаетъ кстати, что подробное описаніе способа сгущать газы, само по себѣ весьма интересное, въ краткомъ изложеніи Химіи неумѣстно и мѣшаетъ точности изложенія. За симъ слѣдуетъ не кстати бесполезная выходка у Г-на Кришика. Но разсмотримъ замѣчаніе кстати. Говоря о кованіи, какимъ образомъ вдругъ Г-ну Кришику показалось кстати, черезъ девять страницъ, упоминать о подробномъ, по его мнѣнію, описаніи сгущать газы? Во 1-хъ,ковка со сгущеніемъ газовъ не имѣетъ никакого отношенія, а посему совсѣмъ не кстати замѣчаніе Г-на —хова. Во 2-хъ, о сгущеніи газовъ говорится въ концѣ исторіи Химіи, ибо это было послѣднее открытіе сего рода, даже до конца истекающаго года, а посему кажется, не есть неумѣстно и не мѣшаетъ точности изложенія; здѣсь нужно было показать оба способа сгущенія газовъ, Г-дъ Фарадея и Бюсси, и именно для того, чтобы послѣ не повторять при каждомъ веществѣ, а сказать просто: *сгущается*, что и сказано уже о солетворѣ, хотя на бѣду просмотришна ошибка, ибо вмѣсто: *но сгущается*, пробѣгло мимо глазъ: *не сгущается* (см. стр. 63, 141, строк. 4). Это стоило, кажется, вниманія Г-на —хова.

Недоуразумѣніе Г-на Кришика (см. стр. 36) произошло отъ того, что онъ не дочиталъ. Вотъ его слова. На стр. 80 Химіи сказано: *для удоб-*

Ч. XV. No 10.

I

нѣйшаго обозрѣнія мы подраздѣляемъ образуемыя вещества на три степени; описаны-же оныя совсѣмъ не такъ подраздѣленными. Оставляя на спорнѣ школьности, отвѣчаю: такъ! Читайше да-дѣе, Г-нъ — ховъ; вольно вамъ было остановиться у почки. Переступите за почку на той же строжѣ, примите на себя эпотъ прудъ, и вы увидите, что такъ, если вамъ угодно будетъ выкинуть.

Ежели Г-нъ — ховъ въ пяти строкахъ не разсмотрѣлъ подраздѣленія, то могъ-ли онъ разсмотрѣть тожность и порядокъ въ цѣлой книгѣ, о которыхъ съ столь натянутымъ тономъ говорите въ своей неумѣстной выстукѣ? Не совершенно, какъ видно, знакомый съ Химіею, онъ не могъ vybrать для взвѣсиванія ея лучшихъ вѣсковъ, какъ только вѣски аптекарскія; но Химія не пользуется сими вѣсками.

На стр. 39 Крипки, Г-нъ — ховъ говоритъ объ языкѣ: будто-бы кремнистность, глинистность, известковость и проч. суть слова, прошивныя свойству языка; но погему, и не лзя-ли сдѣлать лучше? Вотъ о семъ — то важномъ предметѣ я всегда готовъ принять здравое сужденіе другихъ со всею моею благодарностію (см. предисл. къ Химіи стр. III) и замѣчаніе о семъ было-бы истинно полезно для науки. Но къ чему послужитъ выходка Г-на — хова, что будто-бы по тому самому, что кальцій я назвалъ известковостью, должно называть кислотворъ — кислотностію, солевворъ — вольностію?!! (*) и ш. д. Сего-ли должно было

(*) Должно-бы напечатать: солонностію; такъ и въ рукописи Гна - хова. Я виноватъ: просмотрѣлъ эту типографическую ошибку, которая впрочемъ очень явна. Изд. Тел.

ожидать отъ того, который говорить о себѣ (на стр. 36 Кришики): пишу сіи замѣтанія потому, что успѣхи ответственного просвѣщенія почитаю предметомъ для меня близкимъ. Это очень ясно доказываете вы, Г-нь — ховъ, своими выходками!

На стр. 40 Г-нь Кришикъ замѣчаетъ, что я иногда принималъ имена иностранныхъ безъ перевода: *ібдій*, *вромій*, *барій* и проч. Объ этомъ я въ предисловіи замѣшилъ, что ввожу только въкоторыя слова, на кои прошу обратить вниманіе и поправиль, ежели можно; поправиль-ли оныя Г-нь — ховъ, это отдаю на сужденіе читателя. Онъ рѣшилъ, что они будто-бы произведены отъ прилагательныхъ именъ; но его рѣшеніе не совсѣмъ справедливо. Дадѣ Г-нь Кришикъ утверждаетъ, что слово *roche*, не должно-бы называть *оскальностію*; но почему не должно бы и какъ должно-бы назвать его по-Русски, не прибѣгая къ выраженію онаго двумя и болѣе словами, объ этомъ Кришикъ не почелъ за нужное говорить. При семь не излишнимъ почитаю изложить свое мнѣніе о семь словѣ. Чрезъ *оскальность* я хотѣлъ выразить то, что Французскіе Геогносы выражаютъ чрезъ слово *roche*, а именно: опредѣленное образованіе земнаго шара; отсюда у нихъ выраженія: *roche granitique*, *roche schisteuse*, *porphyrique* или *roche secondaire* и ш. д. Въ этомъ значеніи, слова *roche* не лзя выразить чрезъ слово: *скала*, которое собственно означаетъ выдающуюся и возвышающуюся, утесистую часть земли какой нибудь *оскальности*, ш. е. того, что служитъ основаніемъ скалы. Мнѣ кажется, что для Геогнозій сіе слово можете почестъся безбѣднымъ?

На стр. 41 Г-нь —ховъ продолжаетъ, что
 я, раздѣляя вещества на вѣсомыя и невѣсомыя
 простыя, противорѣчу самъ себѣ; ибо свѣтъ со-
 стоитъ изъ многихъ лучей, слѣд. не есть про-
 стое вещество невѣсомое. Ошвѣчаю, повпоряя:
 ежели-бы Г-нь —ховъ прочелъ со вниманіемъ *На-
 тальныя Основанія Химіи*, то вѣрно онъ сказалъ-
 бы о семъ подоказательнѣе, а видно изъ его кри-
 тики, что онъ перебѣгалъ только листки, и слѣд.
 многое просмотрѣлъ, что нужно было бы познать
 для составленія правильнаго заключенія. А безъ сего
basulus in angulo, ergo pluit.

На стр. 42, Г-нь Кришикъ говоритъ, будто
 бы о предположеніи, что всѣ образовательныя ве-
 щества суть измѣненія одного и того же веще-
 ства, и что (даже для Г-на Кришика) совер-
 шенно справедливо и даже необходимо, сказано
 было двадцать лѣтъ уже на Русскомъ языкѣ; по
 гдѣ? прошу покорно мнѣ сказать; я этого не зналъ,
 ибо, говоря о семъ, основывался на изслѣдовані-
 яхъ новѣйшихъ, какъ можно замѣтить въ моей
 книгѣ. Ежели это извѣстно было за двадцать
 лѣтъ, то только какъ предположеніе, ибо за
 двадцать лѣтъ не на чѣмъ было оное основать:
 развѣ шолько на другомъ предположеніи; мнѣ же
 подали къ оному поводъ и убѣждаютъ меня въ моемъ
 мнѣніи многія новѣйшія изслѣдованія, какъ я уже
 сказалъ. За сѣмъ еще присоединяю мою просьбу ука-
 зать мнѣ, гдѣ объ этомъ сказано за двадцать лѣтъ.
 Это очень интересно; мнѣніе, сходное съ нашимъ,
 всегда льститъ намъ (см. предисловіе къ *Химіи*).

За сѣмъ Г-нь Кришикъ возвращается опять
 назадъ, за 16 страницъ, и говоритъ такъ: »Г-нь

Но принимаетъ видъ, будто-бы ему принадлежишь предположеніе, что *галванизмъ есть особенный слуга электричества*, когда говорию *семь*, ссылается на *первое изданіе Химін*. Онъ говоритъ далѣе: *явленіе электромагнитныхъ теченій подало* (стр. 32) *намъ поводъ къ своему замѣчанію* (т. е. о тожествѣ магнитности и электричества (*)). Это замѣчено было, кажется, прежде Г-на Ювскаго. За симъ слѣдуешь у Г-на Критика предположеніе (осмысливаюсь такъ выразиться) *самое предположительное*; по вошъ его слова: *Туть-же дѣлаетъ онъ* (т. е. я) *предположеніе, что свѣтъ и теплота вѣроятно суть измѣненія самага электричества*: это вовсе не вѣроятно (утверждаетъ Г-нъ —ховъ); ибо свѣтъ есть первоначальное явленіе физическаго міра и кругъ дѣйствія его въ природѣ обширнѣйшій. Вотъ гдѣ истина!! Но не есть ли это *извороженное ученіе браминовъ*? Гдѣ на это доказательства? Представьте намъ изслѣдованія, которыя подтвердили-бы сколько нибудь справедливостъ вашего мнѣнія, что *свѣтъ есть первоначальное явленіе физическаго міра*, и проч. Не есть-ли это мнѣніе *кто произвольное*, черта изъ туманной области Философіи природы, столь смежной съ Алхиміею и Астрологіей, какъ порожденіями младенчествующаго ума, *еще бѣднаго наблюденіями, изслѣдованіями и опытами*? Подробнѣе о *семь* сказано въ статьѣ о Металлахъ. (См. *Наталн. основанія Химін*, стр. 117 и д.)

(*) Ниже читатель увидитъ, говорится-ли о тожествѣ магнитности и электричества, о комъ Г-нъ —ховъ мечтаетъ. I.

Господинъ —ховъ утверждаетъ, будто-бы я на стр. 32 Химіи говорю о пожестьвѣ магнитности и электричества. Посмотримъ. Вотъ мои слова: *»Предположенія въ Естественныхъ Наукахъ»* «дають новый взглядъ на предметъ и открываютъ новый путь къ изслѣдованіямъ. Посему магнитность и электричество не суть-ли измѣненіе особой стихіи, при которомъ электричество къ магнитности появляется въ такомъ-же отношеніи, какъ свѣтъ къ теплотѣ, которая вѣроятно суть измѣненія самаго электричества? Явленіе электромагнитныхъ теченій подало намъ поводъ къ сему замѣчанію.» Изъ сего всякій легко можетъ видѣть, что явленія электромагнитныхъ теченій подаютъ поводъ заключать не о тождествѣ магнитности и электричества, но о томъ, что электричество и магнитность не суть-ли измѣненіе особой стихіи. Тождество и измѣненіе не одно и тоже. Господину —хову, который не находить (рѣшительнымъ тономъ) въ моей книгѣ *стройности размѣренной и порядка; необходимыхъ качествъ наукъ*, непростительно принимаешь два разныхъ понятія за одно и тоже.

Далѣе Г-нъ Крипикъ снова не доуразумѣваетъ: ему непонятно ученіе о жизни природы, а въ моей Химіи объ этомъ и не говорится. Онъ смѣшалъ подлежащее съ сказуемымъ и потому ему все сдѣлалось непонятно. Неумѣстная сказка Г-на —хова о саламандрѣ останется навсегда сказкою; для насъ же навсегда пребудетъ священною истиною, что въ телѣткѣ сосредоточивается пламя Божественное, что всякое движеніе телѣтка распространяетъ

теплоту, которая переливается въ окружающую его природу и проч. (см. Кришики стр. 43 и Химіи стр. 55).

Все, сказанное Г-мъ — *ховымъ* о томъ, что пригиною теплоты также погесться могутъ всѣ химическія соединенія и проч., равно относится къ его недоуразумѣнію. Здѣсь не моя ошибка, а его. Съ моей стороны, въ защиту всѣ знаменитыя Химіики, а ихъ не лзя пригислить къ *хромымъ*, въ царство которыхъ *приѣхалъ горбатый*; цѣлыи общества гордятся ихъ заслугами.

Ниже въ Кришикѣ, но надобно назадъ возвратиться въ Химіи, гдѣ сказано на 54 стр.: *одна изъ главнѣйшихъ пригинъ, развивающихъ теплоту съ большею силою, есть огонь.* Кришикъ прибавляетъ: *pater ex filio.* Кстапи-ли это, опдаю на сужденіе читателя. Я-же долгомъ поставляю замѣнить, что Г-нъ Кришикъ вмѣсто того, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли на слѣдующей страницѣ чего любопытнаго и даже чего нибудь новаго, что можно замѣнить для читателя, а симъ доказать, что онъ *успѣхи отегественнаго просвѣщенія погитаетъ для себя близкимъ предметомъ*, возвращающа назадь, какъ-бы на прогтенную страницу и сокращаетъ по своему первыя строки. Даже замѣчаніе внизу не стоило его вниманія. Но ему хотѣлось другаго: онъ искалъ чего-то по страницамъ. Касательно послѣдняго замѣчанія его, будто я принимаю поляризацию свѣта за вещество, скажу, что Г-нъ Кришикъ въ концѣ Химіи находящуюся номенклатуру почель за Химію. Не здѣсь Г-нъ Кришикъ надобно-бы было справишья о поляризации, гдѣ на-

ходятся только Латинскія и Русскія слова безъ всякаго значенія.

Вошъ недоразумѣннѣ Г-на —хова! Теперь слѣдовало-бы говорить о неумѣстныхъ выступкахъ; но таковыя мѣста непріятны для мыслящихъ читателей; обозначу только страницы и строки, на которыхъ онъ находится: см. Критики стр. 16, строки: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9-ую; отъ послѣдней строки 37-й страницы до точки на 11-ой строкѣ 38-й стр. и черезъ три строки ниже до 18 строки 39 страницы. На стр. 41 съ 6-й строки почти до 20-й. *Самое дѣловое произведеніе Г-на —хова!!!* На стр. 43 съ шестой строки до точки на девятой строкѣ.

Теперь упомянемъ еще нѣсколько о *замѣтномъ пристрастїи Г-на —хова* къ Парацельсу. Въ *первомъ* мѣстѣ, излагая исторію Химіи по порядку времени, я долженъ былъ сказать о Парацельсѣ, ибо ученіе его носитъ на себѣ особую печать, кою орою означались несчастья общества того времени, а слѣдовательно унижалось достоинство самыхъ наукъ и преграждался путь къ успѣхамъ въ оныхъ. Во *второмъ* мѣстѣ, говоря объ исторіи металловъ, такъ какъ объ особомъ предметѣ, я вынужденъ былъ опять говорить о Парацельсѣ, ибо онъ, окруженный простяками, увлеченными избраннѣмъ числомъ поборниковъ, публично претворяющій изъ небольшой Сальзбургской рѣчки воду въ золото (*), есть первое лицо

(*) The much-ridiculed title of Alchymy, so long occupied the attention of speculatists in all Europe (выключая Россію). Gurney's Course of lectures on Chemical Science. И въ сей книгѣ есть любопытное объ Алхиміи. I.

въ исторіи металловъ. Господишь — *ховъ* укоряешь меня такъ: *затѣмъ касаться нравственности, жизни и смерти и тревожить прахъ людей?* Это не я говорю Г-нъ — *ховъ*; я списывалъ только слова съ скрижалей исторіи. На нихъ истинныя заслуги также четки, какъ и поступки фигляра. Не лъзя же замѣшишь пристрастія Господина — *хова* къ Парацельсу. Два раза у меня говорившя о Гельмонштѣ, во первыхъ какъ объ Алхимикѣ Гельмонштѣ, а во вторыхъ какъ о Гельмонштѣ исправившемся и полезномъ чловѣкѣ, и это говорившя на свежихъ страницахъ; о Парацельсѣ-же повшоряешься почти при концѣ книги!

Далѣ Г-нъ Кришникъ къ неясности относитъ то, что я причисляю къ Алхиміи и Астрологіи, такъ названную, *Философію природы*, худое, извороченное ученіе браминовъ и попомъ съ нѣкоторою толкостію дѣлаешь неумѣстныя выходки, *принимая смлъ*, будто бы не понимаетъ, о какой это Философіи говорившя. О той, Господишь — *ховъ*, которая опстала уже отъ настоящаго хода Естественныхъ Наукъ, но бредишь по сіе время *магнетизмомъ, химизмомъ, электрицизмомъ*, пропиво-рѣча на каждомъ шагу и самой себѣ и системѣ наукъ настоящаго времени, о той, которая, увлекшись порывами воображенія, *принимаетъ форму за сущность* и которая, въ сообразность своей фантазіи, сотворивъ *какую-то* природу, населивъ ее машинальными куклами и покрывши ихъ съѣмками съ Египетскихъ пирамидъ, восклицаетъ: *вотъ такъ должно быть!!*

Вотъ что названо извороченнымъ ученіемъ браминовъ! Вотъ ша Философія природы, о которой ни

однѣмъ порядочный Англичанинъ не писалъ и вѣроятно не будешь писать, вопреки Г-ну —хову (*), доколь Провидѣніе сохранить сію образованную націю въ ея цѣлости! Сія-то Философія природы очень смежна съ ученіемъ Парацельса! Но что она есть худое, извращенное ученіе браминовъ, это доказано однимъ почтеннымъ ученымъ настоящаго времени, бывшимъ ученикомъ и у Канта и у Шеллинга и который заслужилъ отличное вниманіе одной изъ просвѣщенныхъ націй.

Желая по возможности и силамъ бышь полезнымъ, я свѣшилъ издать первую часть Химіи на Русскомъ языкѣ; трудился-ли самъ, подкрѣпляемый замѣчаніями бывшихъ моихъ учителей, или, какъ говоритъ Г-нъ —ховъ, собралъ въ кучу то, что разсыяно въ разныхъ сочиненіяхъ, это снова передаю сужденію мыслящихъ чинашелей. Что во многихъ мѣстахъ Г-нъ —ховъ находишь непонят-

(*) Я говорю: вопреки Г-ну —хову: ибо ни безсмертный Ньютонъ и другіе Англичане также часто употребляющіе слова: *Философія*, *Естественная Философія*, какъ и у насъ это дѣлается, не говорили и не говорятъ ни о *всеобщемъ свѣтѣ*, *первоначальномъ*, ни о *подобномъ химизмѣ*. И теперь многіе употребляютъ въ Англіи слова: *Философія Естественная*, и проч. Даже есть у нихъ журналы съ названіемъ *Философскій Журналъ*, какъ наприм. *Philosophical Journal*, *Philosophical Transactions*, *Philosophic. Mag.*, *Annals of Philosophy*, или — *Young's Natural Philosophy*, *Elements of Chemical Philosophy*; *New system of chemical Philosophy*, и ш. д. Даже есть Философскія Общества, наприм. извѣстный Минералогъ Г-нъ Филлипсъ, *Hon. member of the Cambridge and Yorkshire Philosophical Societies*. Но кто знаетъ изслѣдованія, предложенныя Юнгомъ, Дальшономъ, Филлипсомъ и даже безсмертнымъ Ньютономъ, тошъ безъ сомнѣнія не будетъ принимать видъ, будто-бы ихъ ученіе имѣло какое-либо отношеніе къ *худому*, *извращенному ученію браминовъ*. I.

нымъ, или даже меня не такъ понимаетъ, это отъ того, что путь ученія у насъ разный. Жалю однако, что слова, вновь введенныя мною, находятъ по сіе время однихъ только хулителей, а не поправителей. При семъ, да услышана будетъ еще моя просьба, дать, или, по крайней мѣрѣ, раскрыть источники къ составленію лучшихъ. *Химія* пребудетъ совокупности трудовъ и занятій? *Omnia resursumus omnes.*

А. І.

Юня 8 дня, 1827.

Москва.

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

1826 года.

198. *Путешествіе въ Персію, въ 1812 и 1813 годахъ*, содержащее въ себѣ малоизвѣстныя подробности о нравахъ, обычаяхъ и духовныхъ обрядахъ Персіянъ; также о древнемъ и новомъ соспоніи ихъ арміи, и вообще о всемъ томъ, что принадлежитъ до регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ сего государства. *Созиненіе Каспара Друвиля*. Переводъ съ Французскаго. 2 части. М 1826 г. in 4, XXXVIII и 6, 201, 182, 26 и 4 стр., съ 46 картинками и картою.

Упомянувъ о новомъ (безъ всякой перемѣны противъ *перваго*, Пешербургскаго) Парижскомъ изданіи Друвилева Путешествія, мы обѣщали читателямъ нашимъ (*Телегр.* 1825 г. Т. III, 63) погово-

ршить подробнѣе объ этой книгѣ, когда будемъ имѣть Русскій переводъ, напечатанный уже шому года два. Но переводъ сей донынѣ оставался въ типографіи, и только въ нынѣшнемъ 1827 году поступилъ въ продажу. Изданіемъ сей любопытной книги на Русскомъ языкѣ, мы одолжены А. И. Семену, содержателю одной изъ лучшихъ Московскихъ типографій.

Персія съ давняго времени обращала на себя вниманіе Европы. Около двухъ вѣковъ протекаетъ, какъ начались покушенія Европейцовъ вновь чрезъ сію страну возстановить торговыя сношенія съ Азією. Въ первой четверти XVIII столѣтія нашъ Великій Петръ подвигалъ уже границы Русскія въ Персидскія области. Дѣла Тахмасъ-Кулыхана; оппачденіе Авганцовъ; потомъ, политика Англій, а въ послѣдствіи геній Наполеона, проникавшій, какое важное противоборство Англій поставитъ онъ, если успѣетъ Персію вовлечь въ политическую систему Европы: вотъ причины, по коимъ Европейцы почти не сводили глазъ съ обширнаго государства, находящагося на западѣ Азіи и заграждающаго намъ съ сей стороны средину ея. Въ то время, какъ съ юга Европейцы проникли въ Азію, востокъ ея заслоняется Китаемъ, западъ Персією и — Азія остается внѣ міра Европейскаго, внѣ вліянія Европы. Вѣра, нравы, образъ государственнаго устройства, все кончатъ здѣсь подъ скипетромъ варварскаго деспотизма и глубокаго невѣжества. Настанетъ нѣкогда то время, что Европейцы будутъ приходить въ страны Азіи не какъ въ обширный базаръ, гдѣ если успѣли что схватить и выбарыщничать, то и считающъ себя довольными. . . .

По крайней мѣрѣ, значія находятъ въ Южной Азій богашую для себя жатву: Географы, Археологи, Историки обозрѣваютъ тамошнія страны и передаютъ намъ плоды своихъ изслѣдованій. Объ остальной Азій (исключая владѣнія Россіи) не лзя сказать этого. Говоря о Путешествіи Барона Мейендорфа въ Бухарію, мы изложили кратко, въ какомъ видѣ находятся нынѣ географическія познанія Европейцовъ объ Азій. Персію можно причислить къ тѣмъ странамъ, которыя несовершенно еще намъ извѣстны. Только въ последнее время, когда въ Персіи сражались замыслы Наполеона съ Англійскою полипихою, мы начали узнавать ее обстоятельно. Оливье, Гарданнь, Жоберъ, Киннеиръ, Малькольмъ, Морьеръ, Озелей (Ouseley), Журденъ издали книги о Персіи, описывая ее исторически, географически и статистически. Но и за всѣмъ тѣмъ сколько оказывается пропироврчій, невѣрностей и непочностей въ самыхъ главныхъ предметахъ? На примѣрѣ, народонаселеніе Персіи Гарданнь полагаетъ въ 20 милліоновъ, Жоберъ въ 7, Оливье въ 3 милліона! Чему вѣрить?

Вѣрить чему угодно, но по крайней мѣрѣ это подтверждаетъ наше мнѣніе, что Персія еще несовершенно опознана Европейцами и всякое описаніе оной, изданное очевидцемъ, а не компиляторомъ, любопытно. Посему мы и рекомендуемъ Друвилево Путешествіе охотникамъ до путешествій. Сказать по правдѣ, оно не совсѣмъ удовлетворительно для учлага географа, и даже имѣетъ важныя недостатки; но для чтенія весьма занимательно и ново (ибо хотя пребываніе Автора и относится къ 1813 г., но

немного изъ выше исчисленныхъ описаній новѣе его). Поговоримъ сперва о недостаткахъ Дривилевъей книги, а потомъ обозримъ достоинства ея.

Недостатки находимъ мы слѣдующія: 1-е Авторъ не представляетъ намъ почти ничего новаго касательно Исторіи и собственно топографіи и Статистики Персіи. Всѣ извѣстія его по симъ частямъ выбраны изъ сочиненій предшественниковъ, а что и составлено самимъ Дривилемъ, то не носитъ на себѣ признаковъ тщательной обработки и основательности. Исторія Персіи представляется у него съ весьма ошибочными точками зрѣнія. — 2-е Авторъ едва ли не подвергнется упреку за пристрастіе въ описаніи нѣкоторыхъ новѣйшихъ событій. Замѣтное неудовольствіе его на Англичанъ, похвалы не совсѣмъ оправдываемыя Шаху, наследнику его и многимъ Персидскимъ вельможамъ, внушаютъ недовѣрчивость. Изъ его собственныхъ извѣстій видимъ, что деспотизмъ, варварство, бѣдность и всѣ несчастія тяготятъ надъ Персіею, что народъ тамъ упалъ духомъ, униженъ и представляетъ позорище жалкое и ужасное, какое только способны представлять рабы, лишенные просвѣщенія и образованія, подвергнутые власти религіи самой пагубной для человѣчества и обладанію самаго грубаго невѣжества. Не странно-ли послѣ того находить похвалы его, то Шаху, то наследнику, то вельможамъ Персидскимъ? — 3-е Авторъ довольно странно противорѣчитъ самъ себя *описывая и выводя слѣдствія*, ибо часто *описываетъ* онъ одно, а *слѣдствіе выходитъ* у него другое. Въ примѣръ возьмемъ описаніе характера Персіи: „На-

родный характер Персовъ есть, можетъ быть, самый счастливый и самый тихій изъ всѣхъ характеровъ Восточныхъ народовъ“ (Ч. I. 51)... „Персы кротки, пріятливы, грезвыгайо утми- „вы, безпримѣрно гостепрімны“ (id. 54) . . . „велики во всемъ что ни дѣлають . . . Господа „къ слугамъ снисходительныѣ, великодушныѣ и „милостивыѣ . . . всѣ образованы (стр. 53). По- думаете, что рѣчь идетъ о жителяхъ какой ни- будь счастливой Утопіи, но въ тоже время читае- те: „Персы . . . въ разговорахъ незаниматель- ны, въ связяхъ своихъ тонки и хитры и рѣдко могутъ заниматься дѣлами важными . . . лю- бить тванство и тщеславіе . . . въ опасностяхъ не имѣють ни благоразумія, ни твердости; крайне суевѣрны . . . вѣроломныѣ Макиавели- сты во всемъ, что можетъ возвысить ихъ фамилію, достоинство или имущество . . . гибки и подлы передъ государемъ . . .“ (стр. 52 и 53). Этого мало: о жителяхъ Керманшага Г-нъ Дру- виль рѣшишельно сказываешь, что „кромѣ госте- прімства, соблюдаемаго ими болѣе по привычкѣ, нежели по добродѣтели, они походятъ на дикихъ звѣрей, лишенныхъ всѣхъ чувствій челоѣчества и всего того, что свойственно челоѣку, коего они имѣють только одинъ образъ.“ Такихъ противо- рѣчій не хотѣлось-бы видѣшь въ книгѣ Г-на Дру- вилія, да и ни въ какой книгѣ. Но всѣ сіи недо- спашки доказывають только, что Г-нъ Друвилль издавая книгу, былъ не въ своей области и что при- выкнувъ владѣть оружіемъ, онъ не съ такою легко- стію умѣлъ воевать въ области липпературы. Мы догадываемся, что онъ привезъ съ собою изъ Пер-

сія портфель съ рисунками и нѣсколько частныхъ замѣчаній о нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни Персіянъ, новомъ образованіи ихъ войскъ, словомъ: *записки о томъ, что онъ видѣлъ и замѣтилъ самъ въ Персіи*. Всего-бы лучше было, если-бы онъ издалъ ихъ такъ, какъ онѣ у него были, приложивъ рисунки; но, къ сожалѣнію, многіе путешественники думаютъ, что если нѣтъ у нихъ историко-философическо-статистическихъ извѣстій, то и книга ихъ не въ книгу. Желая пособить этому, они довершаютъ свои путешествія въ кабинетъ, дополняютъ ихъ и вредятъ своимъ сочиненіямъ. Никто не будетъ требовать отъ война, который былъ въ Персіи совсѣмъ не для ученыхъ изслѣдованій, чтобы онъ по выѣздѣ дарилъ насъ диссертаціями о религіи, лингвистурѣ, законахъ, археологическихъ памятникахъ сей земли; пусть онъ покажетъ намъ только то, что успѣлъ онъ собрать на мѣстѣ и сохранилъ въ своемъ ранцѣ, и мы останемся довольны.

Такъ, если устранить и изъ Путешествія Г-на Друвиля все, что кажется *дописано* имъ въ Европѣ, то остальное достойно полного вниманія читателей.

Г-нъ Д. самъ сначала располагалъ только (см. предисловіе) описать, что принадлежало къ перемѣнамъ въ войскахъ Персидскихъ, ибо (если не ошибаемся) онъ былъ именно для преобразования Персидскихъ войскъ посланъ въ Персію Наполеономъ въ 1812 году и пребылъ тамъ до 1814 г., устройвая и снаряжая Персидскія войска. Подробно описываетъ Г-нъ Др., какъ что производилось по сему предмету. У него находимъ множество любопыт-

ныхъ подробностей и анекдотовъ о Шахъ Персидскомъ, Аббасъ - Мирзъ, наследникъ престола, и маврыхъ вельможахъ Персидскихъ. Читатели могутъ оплечить сами, гдѣ Г-нъ Друзиль слишкомъ увлекается, можешь быть, дружбою и ласково-стью, какія оказывали ему въ Персін; но не лзя не сказать, что въ 1-й части, его Путешествія, *кроме введенія и первыхъ трехъ главъ*, всѣ остальные восемнадцать главъ весьма достойны вниманія, итакъ какъ и вся *вторая* часть книги, *кроме географическаго описанія*, находящагося въ концѣ оной, извѣстій о Литтературѣ Персидской и извѣстій, которыя явно достались Г-ну Друзилью. не на мѣстѣ, на прим. о началѣ религіи Гебровъ.

Читатели могутъ видѣть, что Рецензенту невозможно сдѣлать выписокъ всего, что стоило особеннаго вниманія въ Путешествіи Друзили; ибо извѣстія его, состоя въ подробностяхъ, не могутъ быть приведены въ вѣсколько результатовъ или превзойдутъ предѣлы журнальной статьи. Мы имѣли уже случай представить читателямъ извѣстія Г-на Друзили о Персидскихъ войскахъ (*Тел.* 1826 г. XI, 296 и слѣд.). Читавшіе сочиненія Малькольма, Оливье, Жобера, Фраера и другихъ, могли и изъ сихъ извѣстій замѣтить, что въ книгѣ Г-на Д. найдутъ они еще много неизвѣстнаго имъ, а штъ болѣе тѣ читатели, которые не имѣли средствъ пользоваться вышеозначенными источниками, ибо ни одно изъ упомянутыхъ нами путешествій не переведено еще на Русскій языкъ.

О Русскомъ переводѣ скажемъ, что онъ вѣренъ подлиннику, но не вездѣ вѣренъ законамъ Русскаго языка. Въ немъ исправлены однакожъ нѣко-

Ч. XV. No 10.

К

порья погрѣшности подлинника. Благодаря Г-на Издашеля за похвальное стараніе его познакомить Русскую публику съ книгою замѣчательною, особенно по нынѣшнимъ отношеніямъ Россіи къ Персіи, мы сожалѣемъ, что онъ не поручилъ перевода чело-вѣку болѣе опытному въ Русскомъ языкѣ, и что переводчикъ не воспользовался нѣсколькими замѣчаніями Барона С. де Саси, который разбиралъ книгу Г-на Др. въ *Journal des Savans* (1825. Іюнь, стр. 334 — 347); что избавило-бы его отъ нѣкоторыхъ ошибокъ въ правописаніи именъ, etc. etc. Желательно, чтобы у насъ вошелъ въ обыкновеніе обычай, введенный во Французской Литтературѣ: тамъ почти всѣ путешествія выходятъ съ замѣчаніями людей знающихъ. Впрочемъ, наша Литтература такъ еще далека отъ Французской, что всякое предпріятіе къ обогащенію ея, хотя-бы и не совсѣмъ совершенное, должно заслуживать благодарность Русскихъ читателей.

Къ Русскому переводу приложено 46 гравированныхъ и литографированныхъ рисунковъ (всѣ они сняты съ рисунковъ, коими обогатили 1-е изданіе Путешествія Друзиля нашъ славный Орловскій). Многіе сдѣланы прекрасно. Мы не можемъ сказать этого о картѣ Персіи, приложенной къ Русскому переводу.

199. *Собраніе статей, относящихся къ Наукамъ, Искусствамъ и Словесности, заимствованныхъ изъ разныхъ иностранныхъ периодическихъ изданій, 1823-го, 24 и 25 годовъ. М. 1826 г. in 8, 580 стр.*

Въ названіи сей книги есть небольшая недомолвка. Статьи, составляющія оную, правда, по-

двлялись первоначально въ разныхъ многостраничныхъ газетахъ и журналахъ или (какъ говорить собира- шель) *периодическихъ* изданіяхъ, но потомъ всѣ онѣ были помѣщены въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, слѣдовательно: книга, въ которой теперь онѣ со- браны, правильнѣе должна быть названа: *Собраніе статей, которыя (подъ именемъ Ученыхъ Извѣ- стій) помѣщены были въ послѣднихъ четырехъ годахъ Московскихъ Вѣдомостей.*

Не входя въ разсужденіе о томъ: на мѣстѣ ли онѣ были въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, скажемъ, что переводчикъ собравъ ихъ воедино, раздѣлилъ на разные отдѣлы: *Ученыя Общества и Учебныя за- веденія; Науки, Искусства и Словесность* (а. Изобрѣшенія, открытія etc.; б. Путешествія; в. Восточная Литтература; г. Разборы книгъ); *Смѣсь; Жизнеописанія.*

Нѣсколько словъ о различіи статей въ книгахъ и журналахъ. Журналъ *долженъ* состоять изъ соб- равія отдѣльныхъ статей; книга, также, *можетъ* состоять изъ собранія подобныхъ статей. Должна быть однакожь, между тѣмъ и другимъ собраніемъ, какая нибудь *разница*? Она и есть: Журналъ за- ключаетъ въ себѣ все *новое*, или и старое, но *обновленное* новыми мыслями, понятіями, от- крытіями. Избави насъ Богъ отъ журналовъ, кото- рые запросто сказывали-бы намъ, что Димитрій Донской разбилъ Мамая, Александръ Македонскій завоевалъ Персію, а Киръ освободилъ Израильтянъ отъ пльна. Все хорошо въ своемъ мѣстѣ. Подобныя новости пріятно слышать изъ устъ дитяти, по- тому что ими измѣряются его усидки въ изученіи Исторіи; но журналы не дѣши, и отъ нихъ хошашъ

знать или *современныя новости*, или и шарину, по шакую, копорой еще не слышали или слышали, но не вѣрно. При сихъ обязанностяхъ Журналовъ вспрѣчаешся важное неудобство: не лзя, имъ удобляшся кыгамъ, написаннымъ на досугъ, систематически; не лзя имъ иногда не повторить новаго недостовернаго или невѣрно пересказаннаго. Такихъ обдержекъ не избѣгаютъ самыя лучшія Журналы, если они не *собственно-ученыя*, каковы Edinburgh Review, Journal des Savans и т. п., говорящія только одно то, что *дознается, утверждается и принимается*, по строгимъ и точнымъ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ.

Книги должны именно въ этомъ отличашся отъ журналовъ, и особливо отъ газетъ, гдѣ слухи и событія, были и выдумки, смѣшиваются въ живой пестротѣ. Теперь предположимъ, что кто нибудь рѣшился-бы изъ статей журнала избрать вполне достойное всегдашняго вниманія и почтеннаго мѣста въ библіотекахъ. Какую осторожность долженъ наблюсти этотъ избиратель въ своемъ дѣлѣ! Сколько прошиворѣчій, извѣстій, въ послѣдствіи оказавшихся невѣрными, мысліи опровергнутыхъ, спашеекъ, писанныхъ по случаю и обстоятельству, долженъ онъ отбросить! Только съ сими условіями можно допустить изданіе книгъ, которыя занятоаютъ въ себѣ собраніе статей, выбранныхъ изъ одного или многихъ изданій *современныхъ или журналовъ и газетъ*.

Г-нъ Выбиратель Ученыхъ Извѣстій изъ Московскихъ Ведомостей не имѣлъ въ виду подобныхъ соображеній и за то не грѣхъ сказать ему, что онъ *надолжилъ свое дѣло не весьма тщательно*. Онъ пере-

печатала въ свою книгу все безъ разбора и безъ всякаго исправленія: какъ что было, такъ все и оспалось, и ошь иного, вмѣсто книги полезной, у него явилась огромная компиляція, въ коей есть хорошее, есть посредственное, а есть и шакое, что не стоило вѣрораго изданія.

Вообщѣ въ выборѣ спашей не было у него никакой системы. Къ чему помѣщено имъ нѣсколько протоколовъ засѣданій нѣкошорыхъ Ученыхъ Обществъ, гдѣ сказано только: *такой-то гиталь то-то?* Кому надобно знать подвиги сихъ Обществъ, потъ сыщеть труды ихъ; но если-бы кто и захотѣлъ пересмотрѣть протоколы оныхъ, то что займетъ онь изъ *одного*, изъ *двухъ* протоколовъ, представляющихъ никакого историческаго послѣдствія и результата? Описанія ученыхъ и учебныхъ заведеній поверхностны и сшиты кое-какъ на журнальную нитку. Географическія извѣстія шакже писаны врасоро, для газетъ. Въ разборахъ книгъ не соблюдено никакого уравненія, ш. е. книги помѣщены не по мѣрѣ достоинствъ ихъ, а такъ на удачу, какія попались, и какъ рецензіи переведены изъ разныхъ журналовъ, писанныхъ въ разное время, разными людьми, то между ними такая-же гармонія, какъ между языками при Вавилонскомъ столпопвореніи. Въ доказательство, что все это *Собраніе статей изъ Московскихъ Вѣдомостей* не имѣетъ существеннаго достоинства, взглянемъ на нѣкошорыя.

На стр. 495 и слѣд. кто-то описываетъ намъ моровую язву, рассказываетъ странныя извѣстія современниковъ оной, *вѣрять имъ* и не знаетъ, что эта опрашная моровая язва извѣстна въ Ис-

торія подь именемъ *Черной смерти*, что она была и у насъ въ Россіи, и что объ ней были уже на Русскомъ языкѣ лучше составленныя извѣстія. На стр. 454 и слѣд. находимъ извѣстія о разныхъ Европейскихъ Журналахъ. Не говоря о томъ, что вся эта статья составлена изъ мѣлкихъ, разнообразныхъ клочковъ, мы находимъ въ ней, что въ Англіи вмѣсто какихъ нибудь 150, всего насчитано *двадцать журналовъ*, и шутъ-же Авторъ говоритъ: «Число журналовъ уже *такъ велико* въ Великобританіи, что не лзя не удивиться, видя появленіе новыхъ!!» Чему-же удивляться, если ихъ всего и съ Дамскими Журналами насчитано *два десятка*? «Въ Италіи (говоритъ Авторъ) *нѣтъ* почти ни *одного нѣскольکو значительнаго города*, копорый не имѣлъ-бы *многихъ Литтературныхъ журналовъ.*» Что-жь послѣ того? «*Ихъ считается болѣе тридцати!*» — Извѣстія объ Армянской и Турецкой Литтературѣ, кажутся, писаны какимъ нибудь ученикомъ. — Извѣстіе о Васняхъ И. А. Крылова, взятое изъ *Journal des Débats*, могло имѣть только мгновенный интересъ и доказываетъ незнаніе Кришника. — Извѣстіе о Байронѣ, величайшемъ поэтѣ нашего вѣка, писано, какъ біографія какого нибудь Парижскаго поэта 14-го класса. Даже не исчислено половины его твореній (на прим. пропущены всѣ его Трагедіи, *Донъ - Жуанъ*, *Гюрь*, *Лара*, *Парга*, *Абидосская невѣста*, *Шильонскій узникъ*, *Мазепа* etc.). Первые опыты Байрона въ Поэзіи названы: *Hours leisures*, вмѣсто *Hours of idleness*; приписаны Байрону небывалыя шворенія (какъ-то: *Прощаніе съ Англіею*, *Прощаніе съ Франціею*). — Извѣстіе о Соединенныхъ Штатахъ смѣшно читашь. Находи-

тне, на прим. что (стр. 128) »Американцы, по какой-то особенной склонности, преимущественно занимаются *Английскимъ языкомъ и Словесностію*, и что »въ искусствѣ *дѣлать плуги, лодки, дома*, Американцы не уступаютъ ни которому народу безъ исключенія.»

Небрежность, съ какою перепечатапы снапши въ книгу, была такова, что Переводчикъ, какъ видно, не захотѣлъ даже заглянуть ни въ какой журналъ 1825 или 1826 года, и въ книгу, издаваемой въ 1826 году, пишетъ, что Шамполіонъ скоро выдастъ книгу, подъ названіемъ: *Précis du système hiéroglyphique* (стр. 81), когда эта книга выдана еще въ 1824 году; что скоро будутъ выданы записки Дюплесси - Морне (стр. 152); что какіе-то шри Английскіе путешественника, *Оудмей*, Клаппершонъ и Денгамъ, странствуютъ внутри Африки, что слухи объ ихъ открытіяхъ весьма любопытны, что они теперь въ Борну, и (стр. 195) *если сіе ученое путешествіе, до сихъ поръ, кажется, благополучное, хорошо кончится, то должно ожидать, что оно доставитъ намъ много свѣдѣній о внутренности(?) Африки!!!* — Знаютъ-ли охотники до романовъ В. Скотта *новый романъ его Сень - Романскія воды?* Собиратель снапей извѣщаетъ ихъ объ этомъ и прибавляетъ, что скоро выйдетъ и еще романъ его, коего содержаніе *будетъ взято изъ Крестовыхъ походовъ!!*

Прибавимъ, что слогъ Переводчика весьма нехорошъ, исполненъ галлицизмовъ и во многихъ мѣстахъ мы совсѣмъ не могли добраться, что онъ хотѣлъ сказать. Предсавляемъ для примѣра; стр. 478, стр. 4—19.

200. *Защитніе градовыя отводы.* Рѣчь, читанная въ торжественномъ годовомъ Собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества, 30 Октябля 1826 года, Членомъ онаго Г. Дѣйствиельнымъ Статскимъ Сопыпникомъ и Кавалеромъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ Спыйковичемъ. С.Пб. 1826 г. in 8, 13 стр.

Сочинитель слабо защищаетъ спорное дѣло. Опыты надъ градовыми отводами такъ еще малочисленны и извѣстія такъ противорѣчащи, что на нихъ положиться не возможно. Доказательства изъ теоріи у Г. Спыйковича выведены недостопаочно. Онъ говоритъ: Физики *неодинаковымъ образомъ объясняютъ образование града посредствомъ электричества*; однако-жъ, согласны, что оно *происходитъ отъ электричества*, слѣд. должно ставить отводы. Далѣе: Лапостоль открылъ въ соломѣ способность проводить электричество. «Не въ томъ смыслѣ, аки-бъ и прочія прозябаемая существа не имѣли сей способности; но самую большую способность открылъ сей Химикъ въ соломѣ. Такъ ему по крайней мѣрѣ *показалось.*» На семь-то основаны, говоритъ онъ, соломенные градоотводы. Но если Физики *еще спорятъ*, Лапостолу *показалось*, то гдѣ-же основательныя доказательства? — Авторъ говоритъ (на стр. 7), что Пфафъ называлъ Лапостола *вѣтрогономъ и невѣждою*, и не совыпуетъ въ ученыхъ дѣлахъ браниться. Мы согласны въ эпомъ, но не должно также, вмѣсто ученыхъ доказательствъ, наполнять диссертаціи одними восклицаніями. Рѣчь, писанная съ самымъ благимъ намѣреніемъ, въ подобномъ случаѣ ничего не доказываетъ.

1827 годъ.

51. *Материалы для Исторіи просвѣщенія въ Россіи*, собираемые Петромъ Кеппеномъ, Магистромъ Правовѣднія, Докторомъ Философіи и Членомъ разныхъ Ученыхъ Обществъ. No III. Сиб. 1827 г. въ тип. Карла Крайя, in 4, 260 стр., изъ коихъ въскольکو считается въ два столбца.

Спѣшимъ увѣдомить о появленіи сей весьма любопытной книги; содержаніе и двѣ отдѣльно напечатанныя изъ оной статьи означены были въ Библиографіи Телеграфа (No VII, 230 и IX, 58). Теперь, слѣдовало-бы предложить читателямъ обзоръ всѣхъ статей, книгу Г-на Кеппена составляющихъ, изъ коихъ, кромѣ поименованныхъ уже нами, статья VII, *О происхожденіи, языкѣ и Литтературѣ Литовскихъ народовъ*, заслуживаетъ особенное вниманіе, и ученымъ достоинствомъ своимъ и новостію, ибо сей предметъ на Русскомъ языкѣ совершенно никогда, да и на другихъ языкахъ, столь подробно и ясно не былъ излагаемъ. Но любопытные, историческіе и статистическіе выводы, изъ книги Г-на Кеппена нами извлеченные, мы рѣшились представить читателямъ Телеграфа въ видѣ подробнаго разбора, дабы показать всю важность занятій Г-на Кеппена. Книги, подобныя изданной имъ, такъ рѣдки въ нашей Литтературѣ, что ими должно дорожить.

52. *Собраніе Словенскихъ памятниковъ, находящихся въ Россіи*. Составлено Петромъ Кеппеномъ, Маг. Правов., Докт. Философіи и Чл. раз. Уч. Обществъ. Сиб. 1827 г. въ тип. Воспит. Дома, in 4.

О семъ чрезвычайно замѣчательномъ палеографическомъ собраніи Славянскихъ древнѣйшихъ памятниковъ, также мы должны только уведомить нашихъ Филологовъ и Археографовъ, ибо въ ней представляетъ Г-нъ Кеппенъ только *образки* обширнаго предпріятія, имъ начатаго.

Просвѣщенной публикѣ извѣстенъ уже *Списокъ Русскихъ памятниковъ*, изданный въ Москвѣ (1822, in 8), въ которомъ Г-нъ Кеппенъ описалъ кратко, извѣстные ему по то время, 174 археографическіе и палеографическіе памятника, *находящіеся въ Россіи*. Путешествовавъ послѣ того въ Славянскихъ земляхъ и Германіи, онъ неуспѣшно занимался избраннѣйшимъ имъ предметомъ: *Славяно - Русскою Археографіею*. Такимъ образомъ, собственнымъ разысканіемъ и съ пособіями иностранныхъ ученыхъ, Г-нъ Кеппенъ успѣлъ видѣть и описать множество любопытнѣйшихъ памятниковъ Славянскихъ, *находящихся въ Россіи*.

Изданіе книгъ, въ коихъ должны заключаться изображенія и описанія памятниковъ, необходимо влечетъ за собою издержки, которыя хотя и не составляютъ большихъ суммъ, но тѣмъ важнѣе, что ученые книги, дѣлающія честь Литтературѣ каждаго образованнаго народа и служащія доказательствомъ его ученаго просвѣщенія, донинѣ еще мало находятъ покупателей въ Россіи. У насъ не возбуждена еще та народная гордость, которая заставляетъ дорожить драгоценными памятниками труда безкорыснаго и мало еще у чуждыхъ людей въ Россіи библіотекъ, въ которыя хозяинъ покупалъ бы не одни Альманахи, а все что *Русская Литте-*

ратура представитъ новаго, достойнаго вниманія. У Французовъ, укоряемыхъ вътрянностью (не говоря уже о Нѣмцахъ и Англичанахъ), книгопродавцы и сочинители не спрощаются издавать самыя вздорныя книги великолѣпно и не обманываются въ надеждѣ; но у насъ самыя превосходныя ученые книги (каковы на примѣръ: *Собраніе Государственныхъ Грамотъ, Іоаннъ Экзархъ Болгарскій*), лежатъ въ пыли книжныхъ лавокъ и если-бы не участіе Правительства и нѣсколькихъ, весьма, весьма немногихъ особъ не давали оредсѣвъ издавать ихъ, то мы совершенно не видали-бы книгъ, служащихъ нынѣ основою нашихъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній. Такъ и изданіемъ новаго сочиненія Г-на Кеппена, мы обязаны любви къ полезнымъ предпріятіямъ покойнаго Канцлера Грифа Н. П. Румянцова (*). Онъ доставилъ Г-ну Кеппену средства приступить къ изданію сего новаго, превосходнаго сочиненія.

(*) Замѣшимъ, что изданіе *Списка Русскихъ памятниковъ* сдѣлано было иждивеніемъ Графа Ф. А. Толстова, извѣстнаго своею любовью къ отечественной Исторіи. Къ сожалѣнію, *Списокъ* изданъ былъ безъ приложенія къ нему *рисунковъ* и *снлковъ* и онъ того не былъ вполне удовлетворителенъ. Послѣ того Г-нъ Кеппенъ умножилъ его чрезвычайно, и не уже-ли изъ нашихъ богачей не могутъ сыскаться такіе, которые рѣшились-бы сложить какой-нибудь капиталъ и посвятивъ его изданію полезнѣйшихъ, отборныхъ книгъ? Сколько добра можно сдѣлать въ семь случаевъ на 100 тысячъ рублей, а какъ часто вдвое, втрое болѣе издерживается не только безъ пользы, но со вредомъ для самихъ себя и отечества, или на пошребности роскоши, разоряющей семейства и обогащающей завѣжгихъ шарлатановъ и фокусеровъ! Желаемъ показать, сколь малымъ подаркомъ предпріятія полезныя, скажемъ, что для обезпеченія изданія 3-й книжки *Матеріаловъ для Исторіи про-*

Мы обращаемъ вниманіе, особенно юныхъ соотечественниковъ, на труды Г-на Кеппена и просимъ замѣтить ихъ, сколь много полезнаго можетъ сдѣлать усердный и постоянный трудъ одного человека? Немногіе ученые и литераторы наши могли показать въ столь малое время столько неутомимости, столько трудолюбія, какъ Г-нъ Кеппень. Каждый новый подвигъ его есть доказательство и большаго усовершенствованія его познаній и стремленія къ цѣли постояннаго и вѣрнаго. Онъ имѣлъ всѣ цѣлостныя опытности и ученыхъ занятій, приступая къ новому сочиненію своему. Мы видѣли уже изъ прозекта Археографическаго путешествія его (см. *Библиограф. Листы*, No 33, 34), какимъ богатствомъ свѣдѣній по сему предмету обладаетъ Г-нъ Кеппень, а разсмотрѣніе образчика, нынѣ представленнаго публикѣ, оправдываетъ наши надежды.

Собраніе Словенскихъ памятниковъ, въ Россіи находящихся, заключить въ себѣ всѣ памятники Славянскіе, находящіеся въ Германіи, Польшѣ, Венгріи (со включеніемъ Сирміи), Италіи и Фран-

свѣщенія въ Россіи достаточно было подписки на 143 экземпляра (1144 руб.), что исполнено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Кіевскою Академіею и Графомъ Э. А. Толстымъ. Публика наша такъ мало смотритъ на предпріятія полезныя, что безъ сего пособия вѣроятно не скоро-бы вышла книга Г-на Кеппена, въ то время, какъ самый пощій и ничтожный Альманахъ продавался по 10 и 12 рублей и доставлялъ барыши Издавателямъ, а книга Г-на Кеппена на подписку объявлена была по восьми рублей, и читатели изъ объявленія видѣли, что въ ней помѣщены будутъ важныя свѣдѣнія и труды Барона Розенкампа, Академика Круга, Профессора Якоба и самого Г-на Кеппена.

ци. Какой изыскашель отечественной Исторіи, Филологъ и Археографъ, не порадуется, что наконецъ онъ будетъ обладать драгоценностями, заключающимися въ иностранныхъ библіотекахъ, будетъ судить не съ голоса другихъ, но по фактамъ налицымъ, находящимся въ рукахъ его. Зная условія ученой криптики, Г-нь К. говоритъ: „При каждомъ издаваемомъ мною памятникъ, въ особенности, я наименоую тѣхъ ученыхъ, кои благоволили содѣйствовать мнѣ въ составленіи и объясненіи сего собранія. Въ то же время я постараюсь указать и на тѣ сочиненія, въ которыхъ уже было говорено о представляемыхъ нынѣ древностяхъ. Ошвѣстивъ за точность издаваемыхъ снимковъ и выписокъ, считаю долгомъ предупредить читателей, что я во всякомъ случаѣ буду означать имена тѣхъ благосклонныхъ Гг. Корреспондентовъ, отъ коихъ получилъ что-либо. Всѣ прочіе выписки и снимки, издаваемые безъ такового показанія, сдѣланы самимъ мною, почему я одинъ за нихъ и ошвѣстивъ. Случиться можетъ, что при объясненіи нѣкоторыхъ древностей, нужно будетъ входить въ подробныя о разныхъ предметахъ изслѣдованія. Разысканія сего рода, если успѣю оныя довершить, присовокупятся къ сему собранію, въ видѣ особыхъ приложений. Въ концѣ-же каждой книжки постараюсь приложить исчисленіе всѣхъ вообще извѣстныхъ мнѣ Словенскихъ памятниковъ той страны, о древностяхъ коихъ говорено будетъ въ самомъ сочиненіи.“

Все это умножаетъ достоинство сочиненія Г-на Кеплева. Къ сему присовокупимъ, что пособіе Графа Румянцова доставило ему способы издать свой трудъ надлежащимъ образомъ: изданіе прекра-

сно, снимки сдѣланы превосходно (Г-мъ Флоровымъ, уже известнымъ по искусству гравировать снимки).

Все Собрание, по видимому, составитъ много тетрадей. Книга 1-я будетъ содержать *памятники, собранные въ Германіи*. Мы получили первое *отдѣленіе* сей 1-й книги. Объясненія и примѣчанія къ ней еще не напечатаны. Мы имѣемъ только *общее предисловіе* къ Собранію, особенное приложение на трехъ печатныхъ листахъ и *девять листовъ со снимками*.

Приложеніе есть новое доказательство, съ какою ревностію старается Г-нъ К. для всѣхъ распространить познаніе Славянской Филологіи и Палеографіи. Онъ представляетъ здѣсь 12 *отрывковъ* и послѣсловіе изъ драгоценнѣйшаго письменнаго памятника Славяно-Русскаго, *Евангелія Остромирова*, которое многими знатоками полагается памятникомъ того древняго языка, на который переведена была Библия Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ; по крайней мѣрѣ, кромѣ монетъ Владиміра и Ярослава и надписей въ Десятинной церкви, у насъ *нѣтъ нитого древнѣе* Остромирова Евангелія, писаннаго въ 1056 и 1057 годахъ, въ Новѣгородѣ. Теперь всякій изъ археографовъ и филологовъ можетъ пользоваться сею драгоценностію для изысканій о бувахъ и языкъ Славянскомъ, а отъ этого должно ожидать великой пользы, ибо соображая только древнѣйшіе памятники, можемъ мы дѣлать почныя изслѣдованія о языкѣ Славянскомъ и нашемъ Русскомъ. Отрывки напечатаны церковными буквами, при чемъ отлито было нарочно болѣе 70 разныхъ неупотребительныхъ вынѣ буквъ и знаковъ. Кромѣ того, приложенъ

особый листокъ, на коемъ тщательно снята (снимки Г-мъ Кеппеномъ) азбука; буквы числительныя, сокращения и разные знаки.

На другихъ 9. листкахъ представляется столько же драгоценный иноземный Славянскій памятникъ: снимки (сдѣланные также самимъ Г-мъ К.) Славянскихъ молитвъ и другихъ отрывковъ, вписанныхъ въ Латинскую (такъ называемую *Фрейзингенскую*) рукопись, хранящуюся нынѣ въ Мюнхенской Королевской Библиотекѣ. Ожидаемъ отъ Г-на К. подробныхъ объ этомъ описаній. Донынѣ (по крайней мѣрѣ Рецензенту) извѣстна была Фрейзингенская рукопись только изъ *Славянки*, Абб. Добровскаго (I. 249), который полагаетъ, что сіи отрывки Славянскаго письма вписаны были въ Требникъ Латинскій какою нибудь духовною особою, находившеюся въ Фрейзингенской Епархіи, для чтенія между Словенскими христіанами, тамъ обитавшими. Вписки сіи относятся къ X или XI вѣку и полагаютъ *древнѣйшимъ памятникомъ языка юго-западныхъ Славянъ*. Они важный предметъ для филологическихъ изслѣдованій, хотя, будучи писаны Латинскими буквами, не могутъ подвергаться изслѣдованіямъ палеографическимъ.

На 9-мъ листкѣ помѣщены еще: Азбука изъ Четвероевангелія, принадлежавшаго некогда Митрополиту Петру Могилѣ и писаннаго на пергаментѣ, въ 1492 г.; Отче нашъ, Ангельское поздравленіе, Символь вѣры и конецъ послѣсловія, на Польскомъ языкѣ, взятое изъ книги, напечат. въ Ниренбергѣ (*Statuta Sinodalia Wratislaviensia*).

Оканчивая извѣстіе о книгѣ Г-на К., извѣстимъ читателя о пріятномъ для Русскихъ Ар-

географовъ подарокъ, полученномъ нами отъ Г-на Лелевеля, извѣстнаго своими познаніями Варшавскаго Профессора. Онъ прислалъ намъ *Дополненіе къ извѣстію Г-на Даниловича* (Игнатія Николаевича, Харьковскаго Профессора), *О Каталогѣ Библіотеки Графа Толстова*, выпечанное въ немногихъ ошдѣльныхъ экземплярахъ изъ *Варшавскаго Журнала*. Къ сему *Дополненію* принадлежатъ снимки съ разныхъ памятниковъ XIV, XV и XVI вѣковъ, весьма искусно сдѣланные. Любопытныя замѣчанія Г-на Лелевеля будутъ предметомъ ошдѣльной статьи въ Телеграфѣ.

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛЬТОПИСИ.

Изображеніе нынѣшняго состоянія Греціи ().*

Послѣ пятидесятидневнаго путешествія, мы бросили якорь противъ Наполи-ди-Романія. Эпошь городъ находится у подошвы крушой, гигантской скалы. Крѣпость Пальмиди, по наружности неприступная и вѣнчающая вершину скалы; пальма, возносящаяся выше стѣнъ, изнизанныхъ башнями, какъ знамя страны; Аргось и его прелестная долина, примыкающая къ заливу; вѣтво, снѣжныя вершины грознаго Тайгепа: все эшо сосшавляешъ видъ самый живописный. Но только, цпо иностранецъ ступитъ на берегъ, восторгъ его и очарованіе исчезаютъ. Тѣсныя улицы, низкіе и худо построенныя дома, густой и непріятными испареніями наполненный воздухъ поражаютъ и отвращаютъ его. Неоприятность такъ велика здѣсь, что надобно

(*) Отрывокъ изъ Записокъ Графа Юсифа Пеккіо, который оставилъ Грецію въ половинѣ 1823 года. Любопытный отрывокъ сей помѣщенъ былъ въ Англійскомъ Журналѣ the New Monthly Magazine (1826 г.) и мы переводимъ его, сокращенно, для Телеграфа, потому что нигдѣ еще не находили мы такого, хотя крашкаго, но полнаго и живаго изображенія Греціи, героевъ ея, жителей, ихъ нравовъ и обычаевъ и новѣйшихъ событій. Графъ Пеккіо не клеветаетъ на Грецію, но и не увлекается энтузіазмомъ. Всѣ слова его означены безпристрастіемъ. Извѣстія, получаемыя изъ Греціи, такъ противорѣчащи и разнообразны, что мы должны уважать свидѣтельство челоука мыслящаго, замѣчающаго и чуждаго духа наршій. Присовокупляемъ къ сему нѣсколько замѣчаній, оставленныхъ намъ Г-мъ Вилльевымъ. Нѣсколько отрывковъ изъ Записокъ его уже возбудили вниманіе Европейскихъ журналистовъ, Пер.

Геркулесовы труды для ея истребленія. Она была одною изъ причинъ заразительной горячки, которая произвела такія ужасныя опустошенія въ 1824 году и уже прекратилась въ то время, когда мы вышли на берегъ; впрочемъ, мы встрѣчали еще на улицахъ почернѣлыя лица, на которыхъ видны были свѣжіе слѣды болѣзни. Можно было ожидать появленія оной съ жарамн, ибо правительство не приняло никакихъ мѣръ предохранительныхъ. Грекамъ достался нѣсколько на часть фашизмъ Турковъ; они уже привыкли къ язвѣ и не думаютъ о заразительныхъ болѣзняхъ.

По мѣстоположенію и виду, Наполи-ди-Романія называема была Гибралтаромъ Архипелага. Она стоитъ этого названія только по внѣшнему виду; но я боюсь, что крѣпость ея похожа на Гибралтарскую, какою была эта во время владѣнія Испанцовъ. Нѣсколько опытныхъ офицеровъ, подробно осматривавшихъ Пальмиди, сказывали мнѣ, что она находится въ жалкомъ состояніи. Въ ней нѣтъ ни запасовъ, ни артиллеріи, ни артиллеристовъ. Есть нѣсколько пушекъ, но съ такими лафетами, что они не выдержатъ и дюжины выстрѣловъ. Сильнѣйшая опора Наполи-ди-Романіи есть начальникъ укрѣпленій Пальмиди, Генераль Сошомара, благородно-мыслящій Сульоть, посѣдѣвшій съ оружіемъ въ рукахъ. Увеселенія жителей сей столицы Греціи состоятъ въ посѣщеніи нѣсколькихъ кофейныхъ домовъ, дурно меблированныхъ и съ вешними билліардами; въ прогулкѣ вечеромъ на небольшой площади, подъ тѣнью величественнаго платановаго дерева, возвышающагося по срединѣ, и въ удовольствованіи разказами и разспросами живаго любопытства, безпрестанно

поддерживаемого и жадного до новостей и анекдотовъ. Женщины здѣсь невидимы: мужчины не позволяютъ имъ показываться. Уже двадцать пять столѣтій прекрасный полъ въ Греціи осужденъ, подъ разными предлогами, жить въ домашнемъ уединеніи. Древніе Греки, желая сохранить чистоту правобъ женъ своихъ, не допускали ихъ дышать свѣжимъ воздухомъ и запирали въ гинеціи. Послѣ, Турки заключали ихъ въ гаремы, а новые Греки изъ ревности держатъ въ удаленіи отъ общества.

Народонаселеніе Наполи бываетъ болѣе или менѣе, смотря по обстоятельству; но его вообще можно положить въ пятнадцать тысячъ челоуѣкъ. По сравненію съ пространствомъ, эта столица конечно принадлежитъ къ самымъ многлюднымъ въ цѣломъ свѣтѣ, потому что дома здѣсь малы и людямъ въ нихъ мало мѣста для помѣщенія, такъ, что въ каждой комнатѣ живетъ по три и по четыре челоуѣка.

Я нетерпѣливо желалъ посѣтить членовъ Правительства и исполнилъ это безъ всякихъ предудвѣдомленій и церемоній. Они доступны всѣмъ и во всякое время дня. Домъ Правительства не принадлежитъ ни къ одному изъ извѣстныхъ орденовъ архитектуры. Взошедъ на верхъ, по дурной деревянной лѣстницѣ, я увидѣлъ членовъ Правительства, сидящихъ, поджавъ ноги, на подушкахъ; расположенныхъ вокругъ стѣны, какъ софа. Ихъ нарядъ, полулежащее положеніе и важная неизмѣнимость лицъ, сначала заславили меня подумавъ, что я нахожусь въ присутствіи Азіятскаго Дивана. Вице-Президентъ Вотази, Спеціалъ, сидѣлъ, сложивши

ноги на-перекрестъ , и перебирадъ большія восточныя чашки. Другіе члены , одѣтые вполонину какъ Турки , вполонину какъ Греки , курили табакъ или также перебирали маленькія чашки. Въ Парижѣ и Лондонѣ хотышь , чтобы Греки не оставались болѣе Турками и чтобы , призываемые въ кругъ великаго семейства Европы , они измѣнили свои старыя обычаи и приняли нравы и привычки народовъ , желающихъ обнять ихъ , какъ братьевъ. Требованіе довольно справедливо , но ему еще рано исполниться. Не такъ легко переизмѣнить одежду и нравы цѣлаго народа , какъ декорацію въ Парижскомъ или Лондонскомъ театрѣ. Сколько препятствій долженъ былъ побѣдить Петръ Великій , чтобы заставить своихъ Московитянъ обрить бороды и надѣть Нѣмецкіе кафтаны? Греки сядышь *по-Турецки* , ѣдыть *плавань по-Турецки* , куряшь изъ Турецкихъ длинныхъ трубокъ , выходяшь въ сопровожденіи толпы вооруженныхъ людей , здороваются , спяшь и проводятъ время , какъ Турки. Въмѣсто того , чтобы оставишь привычки и нравы своихъ тирановъ , они , со времени возстановленія , кажется , еще болѣе къ нимъ привязываются. Они гордышь *мадѣвая бѣлую галму* , *красныя папуши* и *зеленый кафтанъ* : при наряда , прежде строго имъ запрещенные. Изъ мщенія , въ знакъ побѣды , они нарочно носятъ ихъ теперь передъ глазами Турковъ. Сверхъ того Греки привыкли , смотря на своихъ Пашей , къ одеждѣ , обремененной золотомъ , серебромъ и жемчугомъ. Европейцы , въ узкомъ своемъ платьѣ , кажутся имъ приѣзжими лекарями , особливо женщины , привыкшія къ блеску и великолѣпію , шердыть не могутъ на-

шихъ простыхъ одеждъ. Вотъ причины, по которымъ одежда Грековъ едва-ли скоро измѣнилась (*).

Правительство составлено теперь изъ пяти особъ, не считая Статсъ - Секретаря. Президентъ и Секретарь были тогда въ отсутствіи: они поѣхали въ Наваринскій лагерь. *Вотази*, Вице-Президентъ, богатый купецъ изъ Спеція, старикъ еще бодрый и кромѣ природнаго, не знаетъ ни одного языка. Онъ былъ-бы превосходный судія, если-бы имѣлъ болѣе опытности въ государственныхъ дѣлахъ; но всѣ хвалятъ его благородный патриотизмъ. *Мавро - Михали*, Спартіотъ (изъ семейства Петро - Бея, сдѣлавшаго всѣ возможные пожертвованія для отечества) и также говоритъ только по Гречески. Онъ можетъ быть искусенъ

*) Когда Полковникъ Фавье наименованъ былъ начальникомъ регулярнаго войска, Сенатъ собрался на площади, противъ дома Правительства. Епископъ читалъ молитвы и поднесъ Евангеліе Французскому Полковнику, надъ которымъ онъ поклонился служивъ Греціи вѣрно. Войска стояли подъ ружьемъ. Фавье былъ въ своемъ мундирѣ со всеми знаками отличій, приобретенными имъ на поляхъ сраженій. Графъ Мешакса обратился къ войскамъ и сказалъ: „Воины! вы удивляетесь, видя что Г-нъ Фавье принимаетъ надъ вами начальство, но одѣвъ во Французскій мундиръ: знайте-же, что съ нынѣшняго дня сей храбрый воинъ считается въ числѣ сыновъ Греціи и впредь уважите вы его въ нашей одеждѣ.“ Дѣйствительно, на другой-же день, Полковникъ на разводѣ явился въ куртку и жилетъ краснаго сукна, съ простымъ шитьемъ, въ бѣлыхъ шароварахъ со множествомъ складокъ, въ голубомъ шелковомъ поясѣ, за которымъ загнутъ былъ кинжалъ и пара пистолетовъ, въ большихъ шишблесахъ изъ такого-же сукна, какъ его куртка, въ красной шапкѣ, похожей на Кардинальскую; на передней сторонѣ головы его волосы были выбришы, а на берѣ висѣла кривая сабля. Войско приняло его съ восторгомъ. *Вилл.*

въ дипломатическихъ дѣлахъ, но лицо его доказываетъ величіе характера, никогда неизмѣняющагося. Я не имѣлъ случая видѣть *Спиглиотакки*, уроженца Пелопонезскаго, также члена Правительства; о немъ не говорящъ, впрочемъ, ни добра, ни худа, *Колетти*, слѣдующій за нимъ, начальникъ сильной партіи, съ большимъ умомъ соединяетъ обширную образованность. Онъ Эпиротъ; въ юности былъ замѣченъ Али-Пашею и отправленъ учиться въ Павійскій Университетъ. Въ послѣдствіи былъ онъ Докторомъ при Мухтарѣ, сынъ Али-Паши. Онъ говоритъ и хорошо пишетъ по Италіянски и болѣе похожъ на Турка, нежели на Грека; впрочемъ, сквозь неизмѣняемую важность Оттомана, видите въ немъ живость и хитрость Эллина. По горделивой его наружности можно замѣтить, что онъ былъ воспитанъ при дворѣ Восточнаго деспота.

Излишне было-бы говорить о семи Греческихъ Министрахъ, ибо ихъ власть совсѣмъ ничтожна. Правительство оставило имъ только имена и все приняло на себя. Допынѣ труды еще не разделены между Правителями и они всѣмъ занимающа обща (*). Законодательное Собраніе помѣщено въ домъ весьма неудобномъ; при мнѣ располагали перевести его въ одну передѣланную мечеть. Число членовъ простирается до 80; но на лицо только 50; остальнымъ сдѣланы разныя препорученія внѣ Наполи. Нѣкоторые изъ членовъ собранія одѣты по-Европейски. Президента *Нотару* уважа-

(*) О событіяхъ въ Греціи до 1825 г. см. спашью въ Телеграфѣ, 1825 г. Т. III, стр. 201 — 218. Изд.

ють за его знаменитый родъ и прямодушіе. Трикули, урож. Миссолунгскій, извѣстенъ своимъ краснорѣчіемъ. Не смотря на разномысліе членовъ, соищанія производятся въ большомъ порядкѣ.

При мнѣ получено было въ Наполи извѣстіе о потерѣ Грековъ подъ Навариномъ. Президентъ Кондуріопти допустилъ это несчастное событіе своею неопытностію и слабостію. Греки дрались, какъ всегда, опчаянно; многіе дѣлали чудеса храбрости. Потеря ихъ простиралась до 140 человекъ; Генералы Зафиропуло и Ксиди и Полковники Элевери и Корморити были убиты. Со времени Пешской битвы, гдѣ Греки потеряли до 200 человекъ, они не испытывали такой потери. Въ другихъ сраженіяхъ число убитыхъ не превышало нѣсколькихъ десятковъ. Съ Маркомъ Воццарисомъ погибло всего *одиннадцать* человекъ. Свидѣтели Ваграмской или Лейпцигской битвы конечно изумятся малочисленности Греческихъ ополченій; но жребій государствъ только въ наше время былъ рѣшаемъ милліонами воиновъ. На Марафонскомъ полѣ древняя Греція была спасена, а Греки потеряли только 192 человекъ. Битвы Болливара покажутся перепалками противъ Наполеоновыхъ; но ими утверждаются цѣлыя царства. Тѣмъ оскорбительнѣе казался Грекамъ уронъ Наваринскій, что тамъ сражались лучшія ихъ войска, Суліоты и Румеліоты. Въ народѣ немногочисленномъ знаютъ поименно защитниковъ отечества, спрашиваютъ, кто именно что сдѣлалъ, кто палъ на полѣ битвы, кто спасся. Вмѣшавшись въ толпы народа, которыя собирались и разговаривали по улицамъ, мнѣ казалось, я былъ свидѣтелемъ явленій, описанныхъ

Димосееномъ, видѣль Аеицянъ любопытныхъ, праздныхъ, говорливыхъ, спрашивающихъ новостей о Филиппѣ: это любопытство, эта страсть говорить и разсуждать о новостяхъ, сохранились въ характеръ нынѣшнихъ Грековъ.

Мнѣ хотѣлось скорѣе видѣть театръ битвъ; сверхъ того я имѣлъ важныя письма для передачи самому Президенту, и спѣшилъ воспользоваться отъѣздомъ изъ Наполи Генерала Роша. Сей старый воинъ отправленъ въ Грецію Парижскими Филеллинами. Онъ весьма мужественнаго вида и съ умомъ соединяетъ любезность и ошкровенность Французскаго воина à vieilles moustaches.

Сопровождаемые десятью Паликарами на почтахъ лошадахъ, мы прибыли въ Аргось, при наступленіи ночи. Шестъ ословъ и шестъ муловъ везли нашъ багажъ. Аргось, древняя столица Царя вождей, теперь небольшой городъ, съ 10-ю тысячами жителей. Улицы въ немъ широки и прямы; дома, большою частію, деревянные и украшены поршиками. Турки и Греки раззоряли его съ начала нынѣшнихъ волненій. Теперь возстаетъ онъ изъ развалинъ. Эпархъ водилъ насъ, пока готовили ужинъ, въ домъ, назначенный для Университета. Варваки, богатый Грекъ, оставилъ сумму денегъ, съ копорою болѣе 100 ш. фр. ежегоднаго дохода должны обращаться на устройство Аргосскаго Университета. Городъ купилъ домъ, среди коего прежде находился Турецкій базаръ съ фонтаномъ. Съ радостію осмотрѣли мы училище взаимнаго обученія, устроенное Правительствомъ, по образцу Ан-

гдѣйскихъ Ланкастерскихъ училищъ. Учитель живешъ подлѣ. Онъ узналъ сей способъ ученія въ Бухарестѣ, у Г-на Клеовулоса, а сей послѣдній учился въ Парижѣ. Въ Аргосѣ учатся дѣвочки и мальчики, въ отдѣльныхъ залахъ. Одна изъ Хіосскихъ Гречанокъ старается шеперь завести особое училище для дѣвочекъ. Мы видѣли новостроющуюся церковь, созидаемую изъ развалинъ мечети, построенной на мѣстѣ и изъ остатковъ христіанской церкви, на которую въ древнія времена употреблены были осшашки языческаго храма.

^{из} Передъ ужиномъ, какъ во времена Одиссея, молодая дѣвушка подала намъ умыть руки. Мы сѣли на подушкахъ и коврахъ, сложа ноги, вокругъ стола, на которомъ были поставлены жареные, баранъ и коза, пилавъ, сыръ и померанцы. Юные Греки наливали намъ вино, и въ концѣ стола Паликаръ обнесъ всѣмъ чашу, которую мы выпили за свободу Греціи. Кожи и одѣяла разоспаны были для нашего ночлега.

Рано поушру отправились мы въ Триполицу. Я преклонился предъ Аргосскою крѣпостью, вспомнивъ, что она удержала въ 1822 году гордаго Решида. Греки не успѣли еще исправить ее; она полуразрушена.

Триполица находится среди прекрасной долины. Мы были изумлены, увидя множество народа за городскими ворапами и два длинные ряда Паликаровъ. Всадникъ, богато одѣтый, приближился къ намъ. Это была встрѣча Генералу Рошу; всадникъ былъ Полковникъ Ксиди, коммандантъ Триполицы.

братъ генерала, убищаго подъ Навариномъ. Онъ встрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ и привѣтствовалъ насъ по обычаю Грековъ, приложивъ правую руку къ сердцу. Генералъ изъявилъ ему сожалѣніе о смерти брата. »Мы Греки, всё почтемъ себя счастливыми умирая, какъ умеръ братъ мой,« отвѣчала Ксиди. Мы въѣхали въ городъ съ толпою жителей и помѣщены были въ домъ Министра внутреннихъ дѣлъ, одного изъ меньшаго числа Турецкихъ домовъ, уцѣлѣвшихъ при взятіи города. Вокругъ видѣлъ я развалины. Сераль и гаремъ Паши, бывшаго начальника Морей, сломаны совершенно, также бани и мечети. Греки пощадили только кладбища Турецкія. Триполища начинаешь устроиваться и населяться, послѣ раззоренія въ 1822 году. До того, бывши столицей Морей, городъ вмѣщаль до 40 тысячъ жителей. Въ числѣ ихъ Грековъ находилось не болѣе трехъ тысячъ. Теперь жителей тысячъ до 15, ибо опвсюду стекается сюда народъ. За 1000 долларовъ можно купишь въ Триполищѣ прекраснѣйшій домъ съ обширнымъ садомъ. Долину, въ которой находится сей городъ, окружають горы. Вокругъ его были въ древности Тегей, Мантинея и Паллантея; можетъ быть Триполища возникла изъ развалинъ сихъ трехъ городовъ. Она совсѣмъ неукрѣплена и не можетъ выдержать осады. Стѣна съ башнями окружаетъ городъ; она построена была Турками для защиты отъ нечаяннаго нападенія Клефтовъ, живущихъ въ окрестныхъ горахъ: но Колокотрони до возстанія Греціи брать Триполищу, нападая неожиданно. Въ 1822 г. Турки выдерживали здѣсь однакоже осаду; 9000 Турковъ и 300 Албанцовъ защищались противъ толпы

Грековъ , наскоро вооруженныхъ , кто чѣмъ успѣлъ ; нѣсколько негодныхъ пушекъ , заспуды , палки и тысячи три ружей составляли все ихъ осадное оружіе .

Греки навыкли у Турковъ проводить время . Съ семи часовъ утра начинаются здѣсь визиты . Всякій , почитающій себя человѣкомъ нѣсколько значительнымъ , считаетъ обязанностію и важнымъ преимуществомъ посѣтить вновь приѣхавшаго замѣчательнаго иностранца .

На другой день поутру съ семи часовъ наша Турецкая диванная (крашеная стекла , стихи изъ Корана , Арабески на стѣнахъ и вошолокъ , покрытый изумруднаго цвѣта лакомъ , показывали , что здѣсь была нѣкогда пріемная Турецкаго вельможи) наполнилась народомъ . У всѣхъ были важныя лица ; приложивъ правую руку къ сердцу и раскланявшись съ нами , господа наши молча сѣли на диваны , вокругъ стѣнъ расположенные , пили пихо и съ разстановкою кофе и курили трубки , которыя подавали каждому изъ проходящихъ . Никакой *большой выходъ* Европейскаго двора не можетъ быть такъ важенъ и церемоніаленъ , какъ визиты Грековъ .

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ , мы отправились сдѣлать свои визиты всѣмъ тѣмъ особамъ , которыя удостоили насъ своимъ молчаливымъ и важнымъ посѣщеніемъ . Ксиди застали мы за обѣдомъ съ нѣкоторыми изъ его военныхъ товарищей , въ комнатѣ убранной дорогими Турецкими оружіями , сѣдлами и прочими воинскими снарядами . На стѣнѣ висѣла драгоцѣнная сабля покойнаго генерала , брата его , ко-

шорую цѣпили въ 100 фунт. стер. Страсть къ дорогимъ оружіямъ у Грековъ и Турковъ доведена до излишества. Подлѣ сабли увидѣли мы ковчежецъ съ мощами. Греческіе воины надѣвають такіе ковчежцы, идя въ битву. Они призываютъ во время сраженій Свят. Димитрія, Св. Конспаншина и Елену, считая ихъ особенными покровителями Греціи. Знамя покойнаго генерала было свернуто, въ знакъ печали. На копъѣ, коимъ оно оканчивается сверху, мы прочитали надписи: „*Богъ, отечество, надежда, милость!*“

Намъ показали въ числѣ Румелиотовъ храбраго воина, который отбилъ знамя эго отъ непріятеля и нѣсколько часовъ бѣжалъ съ нимъ, преслѣдуемый Турецкими наездниками. Мы видѣли также 14-лѣтняго юношу, не оставившаго въ битвѣ генерала, когда уже онъ былъ смертельно раненъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома лежалъ воинъ, израненный въ схваткѣ съ Турками, когда Греки старались отбить пѣло генерала. Полковникъ Ксиди мрачно смотрѣлъ на всѣ сіи предметы. Прощаясь съ нами, онъ пожалъ намъ руки и сказалъ: „*Живу только для того, чтобы отмстить за смерть брата!*“

Въ число особъ, обласкавшихъ насъ, я долженъ включить Князя Димитрія Ипсиланти. Онъ чрезвычайно вѣжливъ со всѣми, не высокъ ростомъ, плѣшивъ и слабаго сложенія; но храбрость свою онъ успѣлъ доказать несомнѣнными примѣрами отваги. Онъ хорошо говоритъ по-Французски и живетъ по-Европейски. Извѣстно, что онъ служилъ некогда Маіоромъ въ Русской службѣ и донинѣ лю-

бить Рускиъ. Мужественно подвизавшись въ первые годы возстановленія Греціи, нынѣ живетъ онъ удалясь отъ всѣхъ дѣлъ. Не помню кто-то сказалъ мнѣ, что у Князя Димитрія *Турецкій дворецъ, Русская голова и Грегеское сердце.*

На другой день мы услышали о прибытіи къ Триполищъ Сульошовъ и Румелишовъ. Въ самомъ дѣлѣ, сіи гордые воины, оскорбленные тѣмъ, что Президентъ избралъ начальникомъ надъ всѣми войсками и надъ ними Идриота Скурши и увѣренные, что доперя подъ Навариномъ была слѣдствіемъ сего выбора и незнанія вождей, отказались служить въ полѣ подъ начальствомъ Президента Кондуріопи и Генерала Маврокордашо. Они оставили войско и сказали рѣшительно, что будутъ защищать только свою область.

Начитавшись въ пѣсняхъ Греческихъ разсказовъ о невѣроятной храбрости сего непобѣдимаго поколѣнія Греціи, которое хотѣло лучше скитаться сотни лѣтъ по дикимъ горамъ, нежели покориться Оштоманамъ, я спѣшилъ видѣть сихъ героевъ.

Первый вождь, котораго посѣтили мы съ Генераломъ Рошемъ, былъ *Георгій Каранскаки*, уроженецъ Арпы. Мы нашли его въ бѣдной хижинѣ, сидящаго на богашомъ коврѣ и великолѣпно одѣшаго. Оружіе его висѣло по стѣнамъ комнаты, наваленной воинами, которые никогда не расстаются съ начальникомъ своимъ. Еще до возстанія Греціи, Каранскаки былъ ужасомъ Турковъ, какъ горный Клефъ. Онъ средняго роста, угрюмаго вида и хитрость замѣтна во всѣхъ чертахъ его. Въ раз-

говори съ нами, онъ насмѣшливо касался до многихъ важныхъ вопросовъ и скрывалъ свое мнѣніе обо всемъ, что касалось политическихъ отношеній. »Я солдатъ: мое дѣло повиноваться; пусть дѣлаютъ какъ угодно,« сказалъ онъ, когда генераль спрашивалъ у него мнѣнія о власти Правительства. — Въ послѣднемъ сраженіи вы видѣли, говорилъ ему генераль, превосходство дисциплины Европейской надъ храбростію. Для чего не ввести ее въ Греческое войско? — »Хорошо! Но въ состояніи-ли Греки приобрести и поддержать ее?« — Какъ вы думаете: хорошо ли сдѣлаеть Правительство, если проститъ Клокопрони и сдѣлаеть его полководцомъ, при нынѣшнихъ крипическихъ обстоятельствахъ? — Туть, одинъ изъ спольвшихъ подлѣ меня старыхъ Клефиновъ сказалъ громко: »Несчастная та страна, копорой жребій зависить отъ одного воина; скорѣ умереть, нежели согласиться на покорность ему!« Эпопъ старый воинъ былъ *Пиол-Пано*, Сульопъ, долго бывший между Албанцами и потомъ служившій въ Англійскомъ войскѣ. Узнавъ, что онъ былъ въ числѣ защитниковъ Гаэпты, когда Массена осаждалъ сей городъ, Генераль Рошъ протянулъ къ нему руку: — Дай пожать твою руку, бывший непріятель! сказалъ онъ: я былъ въ Массениномъ войскѣ; теперь обнимаюся, какъ друзья! — Такое неожиданное обращеніе, воинскій видъ и слова Роша понравились всѣмъ Клефианъ. Лица ихъ прояснились при взглядѣ на сего почтешнаго воина.

Прекрасную картину можно-бы составить, изобразивъ наше свиданіе съ знаменитѣйшимъ изъ Греческихъ героевъ *Константиномъ Воццари*. Онъ

стоялъ , прислонясь къ дереву ; воини стояли вокругъ его въ разныхъ положеніяхъ ; ни золото , ни серебро , ни великолѣпная одежда не отличали ихъ вождя . Онъ всегда одѣвается просто . Сверхъ свѣтло-голубой куртки его , на немъ надѣтъ былъ бѣлый плащъ изъ козьей шерсти . Привыкнувъ видѣть богатую одежду Греческихъ начальниковъ , мы спрашивали еще о Воццари , когда онъ былъ уже предъ нами . Только коверъ , посланный подлѣ него на шравъ , отличалъ его . Глубокое молчаніе царшивовало въ этомъ собраніи неподвижныхъ воиновъ . Воццари спокойно курилъ трубку , принявъ насъ холодно , но вѣжливо . Онъ Сульоуи и братъ Марка Воццари , Леонида новой Элады . Будучи невысокаго роста , онъ крѣпокъ , силенъ и , говорятъ , походишь на брата . Имя его драгоценно для соопиччей , какъ имя одного изъ древнѣйшихъ семействъ героевъ Суліи . Всѣ почтени его воины Сульоуи . Изъ нихъ много его родосвенниковъ , которые сражаются подлѣ него . Они обожаютъ Воццари и не щадятъ жизни для охраненія своего любимца . Въ свалкѣ Наваринской битвы онъ сброшенъ былъ съ лошади , упалъ и Гурки бросились на него толпою , но Сульоуи окружили его ; мечи ихъ составили желѣзную стѣну вокругъ вождя . Цѣлое Сульоупское семейство , шесть родныхъ братьевъ , сражавшихся вмѣстѣ , пали защищая его отъ саблей Египтянъ ; десятъ другихъ Сульоуповъ также погибло . Воццари былъ спасенъ . Генераль Рошъ извѣстилъ его , что сынъ брата его Марка избранъ для воспитанія въ Парижѣ , на счетъ общества Филеллиновъ . Воццари отвѣчалъ , что онъ радъ этому и желаетъ , чтобы племянникъ его сдѣлался чело-вѣкомъ ученымъ . Знаете-ли вы исторію вашихъ

предковъ? — Мы не читали ее, но намъ разсказывали многое. — »Ваши подвиги дѣлають вамъ честь между соотчичами и доставяють бессмертіе въ грядущихъ вѣкахъ.« — Я хочу только блага своему отечеству. — »Смерть брата вашего есть право на славу Греціи.« — Всѣ Греки хотяють умереть такъ, какъ онъ. — »Есть-ли у васъ между Сульотами имена древнихъ героевъ?« — Не имя, а сердце дѣлаетъ героемъ! отвѣчалъ одинъ изъ родственниковъ Воццари. — »Хотите-ли вы, чтобы въ Греціи избранъ былъ король?« — Я думаю, сказали Воццари, что это для Греціи необходимо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Прощаясь съ нами, Воццари поцѣловалъ насъ въ губы: это знакъ величайшей дружбы Грека.

(*Въ слѣд. книжк.*)

НЕКРОЛОГИЯ. *Петръ Симонъ, Маркизь Лапласъ, Перъ Франціи, кавалеръ Почетнаго Легіона, Членъ Парижской Академіи Наукъ и Французской Академіи, Санктпетербургской Наукъ, и множества другихъ Ученыхъ Обществъ, родился 28 Марца 1749 года, въ Бомонъ на Ожъ (въ департаментъ Кальвадосскомъ). Отець его былъ простой земледѣлецъ. Первыя лѣта юности Лапласъ провелъ на родинѣ своей, гдѣ учился въ городской школѣ. До сихъ поръ библиографія людей, великихъ заслугами ума въ знаніяхъ и наукахъ, не получили, кажется, своего надлежащаго образа. Въ то время, какъ мы видимъ издаваемыми въ свѣтъ записки даже Королевскихъ лакеевъ, какъ мало появляется записокъ людей ученыхъ, знаменитыхъ не по дипломатикѣ, не по военнымъ подвигамъ и не по участию въ политическихъ событіяхъ! Правда, такіе люди не любятъ записывать что они дѣлали: стремясь къ высшей цѣли, они начинаютъ мѣлочами постепенное шествіе свое до той точки, на которой являются они намъ уже въ блескѣ славы, со всеобщимъ признаніемъ ихъ необыкновенныхъ дарованій. Тѣмъ болѣе должно-было людямъ окружающимъ ихъ схватывать съ устъ ихъ подробности, обстоятельства жизни, и показывать ихъ современникамъ и потомству, которое, можетъ быть, не станетъ читать записокъ какого нибудь придворнаго интригана, старающагося смыть съ себя пятно, наложенное на него судомъ еще живъ, или стараго дипломата, показывающаго, что и онъ что нибудь да значилъ въ томъ или другомъ историческомъ событіи, а обратится къ біографіи Лапласа, сына земледѣльца и геніи Маше-*

идеи въ нашемъ вѣкѣ, или Ломоносова, сына рыбака Холмогорскаго и преобразователя Русскаго языка, Русской Словесности. Въ такихъ біографіяхъ могли-бы люди разгадывать постепенно тайну *воспитанія гениевъ*, могли-бы приводить въ систему шопъ скрытнѣйшій ходъ, по коему ведетъ ихъ Провидѣніе и прославляютъ люди, не справляясь съ уставомъ мѣстничества и мешрикою формулярной.

Обвиненіе за безскладную сухость Біографій падаетъ обыкновенно на публицистовъ и лексикографовъ; но въ самомъ - ли дѣлѣ они виноваты? Недавно, на ряду съ другими Русскими Журналистами, упрекнули и Издателя Телеграфа за молчаніе о Карамзинѣ. Не защищая другихъ, Издатель скажетъ о себѣ, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ людей, которыхъ смерть нашего незабвеннаго Карамзина поразила горестію сердечною. Онъ смѣетъ гордиться тѣмъ, что какъ человекъ умѣлъ понимать Карамзина, какъ человека, и по роду занятій своихъ, можетъ быть, болѣе другаго (да не прочтутъ эпого хвастовствомъ!) могъ понимать достоинство трудовъ его; но со всѣмъ тѣмъ, увѣренъ, что пустыя, хотя-бы и самыя звонкія восклицанія, есть кимвальный звонъ, а не дань благодарности памяти человека великаго. Пусть другіе сыплютъ на могилу Карамзина фразы и слова похвальные, мы, чувствуяще и заслугу и утрату Карамзина, не такъ должны почтить память его. Издатель Телеграфа исполнилъ долгъ современнаго Некролога, когда получена была въ Москвѣ печальная вѣсть о кончинѣ Карамзина, исполнилъ, можетъ быть, недостаточно:

принявшие это недостатку таланта, неумѣнно лучше выразиться, но не обвиняйте на ряду съ другими въ холодности, въ невниманіи къ великому соотечественнику. Скажите лучше: гдѣ можетъ журналистъ, даже и теперь, взять матеріалы для біографіи Карамзина подробной? Знаемъ другой упрекъ обвинителей: *трудъ Карамзина не оцѣненъ*, и не соглашаемся съ ними. Отечество и Государь оцѣнили его: покажите намъ изъ каждаго десяти новыхъ Русскихъ книгъ Историческихъ, хотя три, гдѣ Карамзинъ не оказывался-бы руководителемъ нашимъ. Вотъ оцѣнка труда его! А кромѣ того, не оцѣняютъ-ли труды его всѣ благонамѣренныя соотечественники цѣною весьма высокою? Не говорятъ-ли, что его трудъ *первый* переступилъ за грань нашего литературнаго міра? Не уже-ли злонамѣренность какого нибудь щепетильника Исторіи должна падать на всѣхъ насъ? Мы отвергаемъ мѣлочныя привязки и осуждаемъ ихъ еще при себѣ оставаться въ пыли журналовъ. Мы отступили отъ главнаго предмета статьи, *жизни Лапласа*, и насъ увлекло тоже, чѣмъ можемъ оправдываться въ сухости всѣхъ журнальныхъ некрологій и біографій: недостатокъ извѣстій. Чья обязанность дополнять такіе недостатки? Не тѣхъ-ли, которые были близки къ великимъ людямъ и могли замѣтить то, что не вносится въ формулярные списки, а записывается въ исторію ума и просвѣщенія человеческого.

По этой причинѣ, по молчанію людей близкихъ къ Лапласу, мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о томъ, какими образомъ Лапласъ, въ старости наслаждав-

шійся всеобщою одавою и признаннымъ достоянствомъ гения великаго, какъ эготъ сынъ простаго поселенца умѣлъ и успѣлъ сохранить свой гений среди бѣдности и недостатковъ жизни вещественной и духовной, неподкрѣпленной ни воспитаніемъ, ни средствами образованья. Известній объ эгомъ мы требуемъ отъ знавшихъ близко Лапласа, какъ отъ людей бывшихъ близкими къ Карамзину, потребуемъ извѣстій о Карамзинѣ. Намъ все равно, о соотечественникѣ или иностранцѣ мы говоримъ: онъ *намъ*, когда жизнь принадлежитъ вѣку, а заслугами человечеству.

Биографы Лапласа сохранили намъ только то, что съ малыхъ лѣтъ чувствовалъ онъ непреодолимое стремленіе къ Математикѣ. Кончивъ школьный курсъ свой, Лапласъ былъ учителемъ Математики въ военномъ училищѣ Бомонцскомъ, но вскорѣ увидѣлъ, что занятіе это его неудовлетворяло. Онъ стремился къ высшему и перѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь долго прудился онъ въ своемъ ученomъ кабинетѣ и только въ зрѣлыхъ лѣтахъ осмѣлился выступить на поприщѣ, гдѣ блистали уже современники его, послѣ, также какъ онъ, сдѣлавшіеся честию Франціи. Тогда *знанія точныя (Sciences exactes)* были въ какомъ-то необыкновенномъ движеніи. Всеобщее соревнованіе, пробужденное въ Европѣ, произвело рядъ великихъ математиковъ, астрономовъ, физиковъ. Тогда были во Франціи Бальи, Лауазье, Лавандъ, Монжъ; явились Лагранжъ, Даламбръ, Фурируа, Кювьє и Біотъ. Прямѣрь Англіи и другихъ державъ произвелъ экспедицію Лаперуза;

Солннии, Вальтъ, Дегинъ, Диксонъ, Беллингеръ, Малескина, Ванкуверъ, Маршандъ, изслѣдывали земной шаръ. Тогда среди извѣстныхъ уже Математиковъ Франціи явился и Лапласъ. Онъ выдалъ свои: *Теорію движенія и эллиптической фигуры планетъ* (1784 г. in 4) и *Теорію аттракціи (attraction) сферическоя и фигуры планетъ* (1785 г. in 4). Сии сочиненія обратили на Лапласа вниманіе многихъ просвѣщенныхъ людей. Саронъ, Президентъ Академіи, благодѣтель Лапласа, доставилъ ему мѣсто Академика и разныя должности, какъ-то: въ Аршилерійскомъ корпусѣ (гдѣ Лапласъ заступилъ мѣсто Безу) и въ Bureau des longitudes. Тогда Астрономико-Математическіе вопросы и сомнѣнія занимали весь ученый свѣтъ. Революція Французская не остановила мирныхъ занятій тѣхъ людей, которые не бросались сами въ политическую бурю. Въ самую грозную эпоху революціи Деламбръ, Біотъ, Лапласъ, Мешенъ измѣряли Францію и выводили основную мѣру, по которой расположены были республиканскія мѣры. Въ 1796 г. Лапласъ поднесъ Пятидесятому Совѣту превосходное твореніе свое: *Exposition du système du monde*, сперва изд. въ 2 том. in 8, потомъ въ 1 томѣ, in 4 и *плать* разъ донныи напечатанное (последнее изданіе 1824 г. in 4, 420 стр.). Переведенное на всѣ (кроме Русскаго, можно къ этому прибавить) языки ученой Европы, говоритъ Франкѣръ (Rev. Encycl. T. XXV, 48), «оно находится въ рукахъ всѣхъ умѣющихъ читать. Въ немъ Авторъ соединилъ факты и теорію Астрономіи, исключивъ обширныя и затруднительныя вычисления, на коихъ основано сіе знаніе. Вводя самыхъ неуче-

ныхъ читателей поспешно въ механизмъ вселенной, приучая ихъ къ величію предметовъ, указывая отношенія, отличая каждое движеніе небесныхъ тѣлъ и выводя слѣдствія, при окончаніи книги; Авторъ невольно изумляетъ читателя, когда сей послѣдній сообразитъ, какъ много, съ такимъ малымъ трудомъ и въ такое малое время, онъ приобрѣлъ чтеніемъ. Второе чтеніе еще бываетъ пріятнѣе, когда читатель можетъ уже видѣть, сколь доступнымъ умѣлъ сдѣлать Авторъ свое знаніе, какъ умѣлъ наблюсть методу, расположишь предметы, поставишь всякое слово на точномъ его мѣстѣ, ничего не упустишь, остановишься кстади и не сказать ничего излишняго.» Такая книга могла утвердить славу Автора. Современники его думали, что философическій умъ будетъ равно способенъ и къ государственнымъ дѣламъ. Люди были надобни Франціи, и Лапласъ, въ эпоху 18 Брюмера, назначенъ былъ Министромъ внутреннихъ дѣлъ; но скоро опытомъ показалъ онъ различіе между умами, великими на томъ пути, который назначила имъ природа, и слабыми, когда хопятъ заснѣвить ихъ дѣйствовать на перекоръ ей. Вскорѣ Люціанъ Бонапарте смѣнилъ Лапласа по его Министерству, но Наполеонъ, спрасившій обожателъ Математики, хотѣлъ доказать Лапласу, что уваженіе его къ генію не уничижено ошибкой гражданскаго выбора. Онъ помѣстилъ Лапласа въ Сенатъ (1799 г.); въ 1803 г. произведенъ былъ онъ Вице - Президентомъ, потомъ Канцлеромъ Сената и пожалованъ Графомъ Имперіи Французской; въ 1813 г. Лапласъ награжденъ былъ орденомъ Соединенія. Все это доказы-

таль и умные. Наполеона давалъ каждому его мѣсто, не смотря на породу, и ну щедрость, съ какою награждалъ онъ таланты и познанія. „Геометръ первой степени,“ сказалъ однажды Наполеонъ, „Лапласъ скоро показалъ намъ, что онъ плохой Министръ. Съ первой работы его, Консулы замѣтили свою ошибку: Лапласъ ни на одинъ предметъ не смотрѣлъ съ настоящей точки, вездѣ искалъ тонкоостей, вводилъ проблематическія идеи и сущность *безконечно-малыхъ* переносилъ въ государственныя дѣла.“ Но Министръ и Сенаторъ отличный, въ тоже время показывалъ величіе своего гения въ сферѣ ему свойственной и два сочиненія, поставили имя Лапласа на ряду съ именами величайшихъ математиковъ. Въ 1799 г. издалъ онъ два тома своей *Механики неба* (*Traité de Mécanique céleste*); два другіе тома вышли въ 1804 и 1805 гг. Эта книга донынѣ полнѣйшій кодексъ Астрономической Математики. Въ сочиненіи своемъ: *Аналитическая теорія вѣроятностей* (1 е изд. 1812 г., 2 е 1814 г.), Лапласъ возвысилъ анализъ до философскаго созерцанія. Съ воцареніемъ дома Бурбоновъ во Франціи, Лапласъ изъявилъ имъ свою привязанность, получилъ званіе Пера и пипуль Маркиза. Онъ не присталъ къ Наполеону въ 100-дневное правленіе, и вообще остатокъ жизни своей посвятилъ преимущественно наукамъ. Последнее большее сочиненіе его: *Философическій опытъ о вѣроятностяхъ*, въ 1825 г. напечатано было уже пятымъ изданіемъ. Труды и заслуги Лапласа вполне могутъ быть оцѣнены только учеными знаатоками, ибо имъ извѣстно безчисленное множество диссер-

шаций и статей, которыя, сверхъ обширныхъ его сочиненій, появлялись во все время его жизни въ разныхъ Журналахъ и Запискахъ Академій. и то, какъ много труды его споспѣшествовали усовершенствованію и успѣхамъ Математики. и Астрономіи. „Лапласъ анализомъ довелъ Математику до высочайшей степени философическаго синтезиса: почти можно-бы сказать, если-бы хотѣть изобразить заслуги его въ нѣсколькихъ словахъ.“ Онъ скончался 14 Января, сего 1827 года, на 76 году ошъ рожденія.

О П Е Ч А Т К И

№ IX, Отд. I.

39 — 31 — *вольностію* *сольностію*

№ X, Отд. II.

63 — 30 — на духу на слуху

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Хоръ Духовъ.

(Изъ Байронова *Манфреда*: When the moon
is on the wave).

Въ часъ ночной, когда луной
Серебрится море,
Свѣшишь червь въ шравъ густой,
Огнь блуждаетъ надъ водой,
Надъ могилой паръ земной
Свѣшишь въ метеоръ,
Звѣзды падають съ небесъ,
Крикомъ совъ наполненъ лѣсъ
И деревьевъ дружныхъ сонмы
Спятъ въ тѣни холмовъ безмолвны,
Духъ мой будетъ надъ тобою
Въять силой роковой!

И въ полночномъ крѣпкомъ снѣ
Будешь духъ твой плѣнникъ мнѣ;
Чуды мрака предъ тобою
Черной, длинною грядою
Будушь вѣчно проходить,
Вѣчно скорбь съ тобою жить;
Какъ могильной пеленою
Облеченъ мечтаний мглою,

Ч. XV. No 10.

Вѣчно будешь жить швой умъ
 Въ' шемномъ мѣрѣ грушныхъ думъ.
 Какъ незримыми цѣпами,
 Сердце, скованно мечпами,
 Узришь въ сѣти чудной сей
 Тайну мощь руки моей.
 Я, какъ врагъ кровавый съ бою,
 Всюду слѣдомъ за шобою;
 Ты вращаешь взоръ но я,
 Упекаю, какъ спруя.
 Я лечу, какъ быстро пламя,
 Предъ собой подьема знамя
 Всѣмъ безчисленнымъ полкамъ,
 Всѣмъ разсѣяннымъ мечтамъ!

На пути швоемъ всегда
 Сѣти, ужась и бѣда;
 Воздухъ будетъ надъ шобою
 Тяжель кляшвой и грозою;
 Какъ шипѣніе змѣи,
 Въ уши вѣтрѣ свистишь швоемъ;
 Не найдешь въ порѣ ночной
 Ты насущный всѣмъ покой;
 Солнце въ свѣтлый день взойдетъ,
 Но тебѣ лишь зной сожжешь!

Твой притворно-сладкій взглядъ
 Растворилъ я въ смертный ядъ;
 Изъ твоихъ коварныхъ словъ
 Я изрылъ напасти ровъ;
 Изъ дна души швоемъ
 Поднялъ я шипящихъ змѣй;
 Сердца кладязь швой глубока
 Я отверзъ въ полынный шокъ;

Ядъ измѣрилъ всѣхъ отправъ,
 Всякой пагубы составъ
 И нашель сильнѣй его —
 Ядъ коварства твоего!

Улыбкой твоею змѣиной
 И хладнымъ сердцемъ твоимъ,
 Бездонною лести пучиной,
 Извергшей чарующій дымъ,
 Взоромъ алчбы ненасытной,
 Сящимъ призраковъ свѣтъ,
 Сердца измѣною скрытной,
 Горькимъ источникомъ бѣдъ,
 Съ первымъ погибели чадомъ
 Вѣчнымъ обращствомъ твоимъ,
 Тебя заклинаю — бышь собственнымъ ядомъ
 И казнь злодѣямъ инымъ!

На главу, о льстець, твою
 Я фіаль сей кляшвы лью!
 Да не будутъ вѣкъ судьбой
 Сонъ и смерть тебѣ въ покой;
 Съ вѣчной жаждой умереть,
 Спрахъ вблизи погибель зрѣшь!
 Цѣпь беззвучная тебя
 Обвиваетъ, какъ змѣя.
 Огнь и въ сердце и въ чело —
 Кляшвы грозное клеймо.

(Съ Англійск.)

И т а л і я.

(С о н е ш ь.)

Италія, страна могилъ,
 Развалинь и воспоминаній,
 Италія! я полюбилъ,
 Младенцемъ, гуль швоихъ преданій.

*

Твой мертвый Римъ меня сковаль
 Окосневѣвшею рукою;
 Въ толпѣ швней я возрасталь,
 Съ швоей сроднился я семьею. . . .

*

И не ужь-ли въ попокѣ лѣшь
 Мечты не сбудушя младыя?
 И не прильнешь мой зыбкій слѣдъ
 Къ гробамъ, гдѣ спяшь швои живые?
 Италіи — попомштва нѣшь —
 Пойду подѣ своды гробовые!

А. Муравьевъ.

Эпизодическій отрывокъ изъ путеше- шества, въ стихахъ.

(Авторъ въ путешествіи своемъ изъясняетъ на разныхъ путешественниковъ, между прочимъ на Фиглярина, Вдыхалова и другихъ, и знакомитъ съ ними чашаелей своихъ пушковыхъ записокъ. Здѣсь сообщаетъ онъ одно приключеніе изъ пѣшеходнаго странствованія Вдыхалова съ собакою своею; въ другихъ главахъ будутъ описаны: встрѣча Вдыхалова съ Фигляринимъ и предвари-тельные переговоры союза оборонительнаго и нападеннаго, заключеннаго между ними; военная шушка и мирнаго странствованія Фиглярина по переднимъ и проч. и проч.

Первый отдыхъ Вдыхалова.

»Усталъ! Страннопримны боги!

Я вамъ сей часъ спешки скажу.
Едва мои виляють ноги,
Едва лорнешку я держу
И уши опустя *Бижу*,
Товарищъ мой въ сиротской долѣ,
Какъ я, бѣжать не можешь болѣ,
И *Отдыхъ въ пользу* я чиналъ,
Я при версты ужь отпорхалъ;
Мнѣ, право, отдохнуть не стыдно,
Къ тому-жъ и подлинникъ мой, видно,
Спернь почно также отдохалъ.
Такъ! състь мнѣ можно безъ ошибки
Подъ аромашный зонтикъ липки,
Плѣнясь красой картинныхъ мѣсь.
Желудокъ, между шѣмъ, нескромной
Ему журчишь укорой помной,
Чшо Йорикъ ѣлъ, а онъ не ѣсть;

И кое-какъ собравшись съ силой,
 Побрелъ онъ поступью унылой
 Къ избушкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ
 Предъ нимъ мелькающей въ кустахъ;
 И силится въ умъ усталомъ,
 Свѣршая медленно свой путь,
 Хотя экспромптомъ - мадригаломъ
 Спросить поѣсть чегонибудь,
 Чшобъ жизнь придать натурѣ пощей,
 Иль заморить, сказавши проще,
 Въ пустомъ желудкѣ червяка.
 Онъ весь въ экспромптѣ былъ. Поѣлъ.
 Къ нему на встрѣчу изъ лачужки
 Выходитъ баба; ожидъ онъ!
 На милый идеалъ пастушки
 Дорнешь наводитъ Селадонъ,
 Плашокъ свой алый расправляешь,
 Вдыхаешь разъ, вдыхаешь два
 И къ ней, кобенясь, обращаешь
 Онъ слѣдующія слова:
 »Привѣтствую мольбой стекральной
 »Гебею здѣшной стороны!
 »Твой обѣщаетъ взоръ приятной
 »Гостеприимство старины.
 »Въ рукѣ твоей, съ нагорнымъ свѣгомъ,
 »Съ лилеей равной близны,
 »Я, утомянный дальнимъ бѣгомъ,
 »Приемлю радостей задогъ;
 »Я истощился, изнемогъ.
 »Какъ подходя къ рѣчному устью
 »Тоимый зноемъ пилигримъ,
 »Не вѣришь и глазамъ своимъ,
 »Такъ я, и голодомъ и грустью

»Томимый, подхожу къ тебѣ.
 »Внемли спрадальческой мольбѣ,
 »Какъ внемлешь ты сердечной клятвѣ,
 »Когда твой юный другъ на жавѣ
 »Любить тебя клянется вновь!
 »Клянусь: и я любить умѣю,
 »Но на пощакъ, что за любовь?
 »Май щедрый пестуетъ лилею
 »И кормитъ бабочекъ семью,
 »Ты призири бабочку свою!
 »Молю Цереру - Квиерою:
 »Моимъ будь щедримъ Маемъ ты,
 »Не Декабремъ скупимъ и лядистимъ!
 »И сердцемъ и желудкомъ чистимъ
 »Стою предъ взоромъ красоты.
 »Немного мнѣ для пищи нужно:
 »Я изъ числа зѣирныхъ лицъ.
 »Ты снисходительно и дружно
 »Изжарь мнѣ пару голубицъ,
 »Однѣхъ примѣшь оъ шобой и масти;
 »Да канарейныхъ яицъ
 »Мнѣ въ смятку изготви ошчастя;
 »И каплей, въ честь твоей красти
 »Запью *чувствительнаго спирта*,
 »Наспойки въ утренней росѣ
 »Изъ *Глазъ Анютинныхъ* и мирта.
 Но между шѣмъ какъ свихъ къ сшику,
 Въ жару голоднаго запада,
 Онъ подбиралъ, какъ шелуху,
 Или у Музы на духу
 Грѣхи для нѣжнаго журнала,
 Иль, нашему герою въ лады,
 Я подобрать въ срависенъ радъ

Еще вѣрите рукодѣлю,
 Какъ буску къ бускѣ въ ожерелье,
 Иль легкій пухъ на марабу,
 Который вѣтерокъ цѣлуешь,
 Колыша на двѣичьемъ лбу,
 Онъ и не видитъ и не чувствуетъ,
 Что передъ нимъ нѣтъ ничего,
 И что Гебея шихомолкомъ,
 Не понимая рѣчи полкомъ,
 Въ избу укрылась отъ него.
 Онъ съ воркованьемъ и привѣщомъ
 Сшучаль напрасно въ ворота:
 Ему мяуканье ошѣщомъ
 Въ окно смопящаго коша,
 Такой приемъ ему не новость;
 У Журналистовъ онъ не разъ
 Людей испытывалъ суровость,
 Когда носилъ имъ на показъ
 Экспромптовъ дюжинный запасъ,
 И что-жь? Чистилъ себя и Музъ
 На запертыхъ дверяхъ отказъ!
 Съ смиренной мудростью въ союзъ,
 И бѣдъ и оцѣшовъ сестрой,
 Онъ и шеперь прямой герой!
 Судьбѣ властительной послушно
 Онъ съѣлъ свой грибъ великодушно
 И молча на *Бмжу* взглянулъ.
 То есть, вѣдь рѣчью фигуральной
 Я здѣсь про грибъ упомянулъ,
 А то въ судьбѣ своей печальной
 И за единый грибъ буквальной
 Поэтъ-бы съ радости вспрыгнулъ.
 И отъ избы безчеловѣчной,

Гдѣ онъ Бавкиды не нашель,
 Съ шоской и пустошой сердечной;
 Онъ прочь задумчиво побрель;
 Шашался, медленно кружился
 И на земь шихо повалился,
 Какъ жидкая подь въпрямь ель;
 И шумъ, по волѣ и неволѣ,
 Перебирая травку въ полѣ,
 Съ разглядкой спалъ щипашь щавель.

Персидскій Шахъ и его дворъ.

(С п а ш ѣ я п е р в а я.)

(Въ 1824 г. издана была въ Лондонѣ любопытная книга, романъ, подь названіемъ: *Гаджи-Баба*. Сочинитель, долго жившій въ Персіи, при Англійскомъ посольствѣ, и совершенно знающій нравы и обычаи Персіянъ, представляеть въ этомъ романѣ свои замѣчанія о Персіи. Гаджи-Баба, Персидскій Жилблазь-де-Саншилана. Жизнь его естъ только рамка, въ которую всталаеть Сочинитель разныя каршины нравовъ, обычаевъ, обрядовъ Персидскихъ: видите живую каршину, переноситесь въ новый міръ, слышите каждое изъ дѣйствующихъ лицъ, говорящее своимъ языкомъ, имѣющее свои мѣтнія, повѣрья, хорошую и худую спорѣну. Вообще, Сочинитель плохо умѣеть связывать происшествія; герой романа не возбуждаеть никакого участія, какъ и всѣ Жилблазы, въ свѣтѣ и въ романахъ; но подробности превосходны, познаніе мѣстностей

величайшее и краски вездѣ естественны и ярки. Изображеніе Курдовъ и Армянъ Персидскихъ, жизнь дервишей, муфтіевъ, купцовъ, ремеолениковъ, война съ Рускими, сказки и присказки Персіянъ, писаны съ природы и мастерски. Представляемъ здѣсь два отрывка, въ которыхъ находятся нѣкоторыя черныя изображенія Шаха Персидскаго и двора его. Для объясненія надобно сказать, что Гаджи-Баба находится въ числѣ приближенныхъ людей Мирзы-Ахмата, придворнаго доктора. Разнесся слухъ, что Шахъ рѣшился удостоить Эскулапа Персіи своимъ посѣщеніемъ. За такую честь надобно отплатиться подарками: чѣмъ блистательнѣе и милосерднѣе является Шахъ, тѣмъ болѣе долженъ быть подарокъ. Докторъ величайшій скупецъ, чело-вѣкъ низкаго происхожденія и женатъ на невольницѣ, исключенной изъ Шахова гарема за немолодыя лѣта. Она гордится, что была нѣкогда въ гаремѣ Шаха и самовластно управляетъ мужемъ и всѣмъ домомъ.)

. . . Между тѣмъ, день отбытія Шахова въ загородный дворецъ приближался; по обыкновенію, онъ проводилъ время, которое оставалось у него до отъѣзда, посѣщая своихъ придворныхъ, и слѣдствен-но, пользуясь обильною жалвою подарковъ, коими обязаны посѣщаемые пла-тить ему и его свитѣ за оказанную честь и милость. Слухъ о посѣщеніи Шахомъ Мирзы-Ахмата подтвердился. Шахъ выбралъ его въ число пѣхъ людей, коихъ намѣренъ былъ осчастливить, ибо Докторъ слылъ большимъ богачомъ и съ давняго

времени считали его добычею, достойною когшей Шаха и свиты его. Назначили день, когда шакая новая и неслыханная милость Шаха къ его Доктору должна совершиться и Докторъ былъ извѣщенъ, что для блистательнѣйшаго доказательства благоволенія Шаха, привѣздъ его будетъ не простое посвященіе, но что Докторъ будетъ имѣть счастье угостить Шаха, что Шахъ назначаетъ у него свой *Shām* или *обѣдъ*.

Докторъ, восхищенный величіемъ милости и трепещущій при соображеніи, какую потерю причинитъ эта милость его кошельку, принялся за необходимыя приготовленія. Первое дѣло было въ условіи, что будетъ составлять и чего будетъ спойтъ *rah-enda* (*). Онъ зналъ, что объ этомъ будутъ говорить въ цѣломъ городѣ и что это будетъ служить для всѣхъ мѣрою благосклонности, какою пользуется онъ у Шаха. Съ одной спорной возбуждалось его честолюбіе, съ другою претожила его скупость. Показавъ роскошь, можно было возбудить новыя милости Шаха, которыя раззорятъ его; не показавъ великолѣпія, возбудилъ-бы онъ презрѣніе всего двора и соперниковъ своихъ. Съ давняго уже времени онъ не совѣщивался со мною; но теперь, вспомнивъ, какъ успѣшны были во многихъ случаяхъ мои совѣты, онъ призвалъ меня къ себѣ.

(*) Разстланіе драгоценныхъ матерій на пути Шаха.

«Что дѣлашь, Гаджи, въ шакихъ за-
 пруднипельныхъ обспояпельспвахъ?» ска-
 заль онъ. «Мнѣ говорять, что Шахъ
 ождаеть опъ меня значительной посшид-
 ки, и это говорилъ мнѣ самъ Главнѣйшій
 Казначей, котораго роскошь въ шакомъ
 случаѣ была предметомъ удивленія всей
 Персіи. Мнѣ не возможно съ нимъ сопер-
 ничать. Онъ наспаиваетъ, чтобы я ра-
 зоспмалъ понкое сукно опъ самага мѣста
 вспупленія Шаха въ улицу, до того мѣ-
 ста, гдѣ сойдесть онъ съ коня; чтобы оп-
 шуда Шахъ пошелъ по парчамъ до входа
 въ садъ, а чтобы опъ входа въ садъ до
 мѣста, гдѣ сядеть онъ, во всю длину двора
 наспланы были Кашемирскія шали, при-
 бавляя посшепенно цѣнность ихъ, шакъ,
 что шаль, на которую распелюшь
musnud или параднѣй коверъ, должна бытъ
 цѣны безмѣрной. Ты знаешь самъ: вѣдь
 мнѣ не вынеспи шакого великолѣпія? Я
hakim, ученѣй человекъ, а не богачъ. Впро-
 чемъ, очень ясно, что у Казначея еспъ на
 рукахъ и сукна и парчи и шали: все это
 хочеться ему сбытъ. Нѣтъ! не дѣзя мнѣ
 послушаться! Да какъ-же и не послу-
 шаться? Что дѣлашь?»

Я опшвѣчалъ: — Вы *hakim*, это правда,
 но вѣдь вы Шаховъ Докпоръ, вы занимае-
 те важное мѣсто. Къ тому-жь и по супру-
 гѣ вашей, вамъ должно сдѣлать что ни-
 будь достпойное споль великаго родства.

Шахъ будетъ недоволенъ, когда вы примете его такъ, что не дадите ему всяческихъ доказательствъ, какъ сильно чувствуете вы его высокую милость.

«Согласенъ», сказалъ Мирза, «все это правда, другъ Гаджи; но вѣдь я все не больше какъ докторъ и не лѣзя-же предполагать, чтобы у меня запасены были шали, сукны, парчи.»

— Но какъ-же хошите сдѣлать иначе? Вы Докторъ, но не лѣзя-же вамъ, какъ Доктору, усыпать дороги ялапою, а на почтеннѣйшее сѣдалище Шаха разосплатъ лоскутъ добраго плаштыра?

«Нѣтъ; но мы могли-бы дорогу усыпать свѣженькими цвѣтами; ну, а это не дорого; попомъ положишь на дорогу цѣлаго быка и разбишь подъ ногами Шахова коня множество спялянокъ съ ликѣрами. Довольно?»

— Не возможно! вскричалъ я. Поступите вы такъ, и Шахъ и соперники ваши найдутъ тысячу средствъ оголить васъ такъ, какъ гола моя ладонь. Не нужно, можете быть, дѣлать всего, что вамъ говорилъ Главный Казначей, но должно вамъ, по крайней мѣрѣ, усплатъ улицу Индѣйскаго кисею, мѣсто, гдѣ спупитъ Шахъ, бархатомъ, дворъ парчами, а комнапу шалами. Это спанетъ не очень дорого.

«Не худо говоришь», сказалъ Докторъ. «Такъ можете успроиться. Кисея есть дома: ее купили было на плашье женщи-

намъ, но онъ погодяшъ. Одинъ больной подарилъ мнѣ недавно штучку Испаганскаго бархата. Я продамъ почетный кафтанъ, подаренный мнѣ Шахомъ, и куплю парчи, а двѣ, при Кашемирскія шали найдемъ у женъ и ими заспелемъ комнапу. Съ благословеніемъ Али все пойдетъ ладно!»

— Про гаремъ вы и забыли? Вы знаете, что Шаху открытъ входъ во всѣ гаремы; ваши жены и невольницы должны быть одѣшы, какъ можно лучше.

«О! что до нихъ, онъ займутъ что надобно у своихъ знакомокъ: перспней, шалей, всякой всячины.»

— Нѣтъ! нѣтъ! закричала его Ханша, когда наши распоряженія дошли до ея ушей. Она шумѣла, спорила, называла своего мужа скупцомъ, негодяемъ, говорила, что онъ не достоинъ такой, какова она, супруги и настояла, что онъ долженъ вести себя пристойнымъ образомъ, судя по высокому опличію, какого сдѣлался предметомъ. Безполезно было съ ней спорить, и въ слѣдствіе того, приготовления сдѣланы были гораздо блиспательнѣе, нежели полагалъ Докпоръ. Всякій изъ его домочадцовъ казался оживленъ однимъ общимъ чувствомъ: выпормошить у хозяина сколько можно болѣе денегъ, которыя онъ такъ долго копилъ и собиралъ всеми средствами, добрыми и худыми.

Утромъ еще, въ шопъ день, когда для Мирзы-Ахмата должна была совершившя

великая почесть, астрологи повѣрили свои наблюденія, нашли, что день этотъ былъ счастливейшій — и весьма рано шумъ приготовленій раздался во всемъ сосѣдствѣ докторскаго жилища. Явились учредители Шаховыхъ шапровъ. Они завладѣли комнатами, разостлали ковры, расставили украшенія въ залѣ, гдѣ Шахъ долженъ давать аудіенцію, приготовили Шахскій *mistral* и покрыли его драгоценною шалью, полили дворъ водою, устроили фонтаны и повѣсили занавѣсы по стѣнамъ дома. За ними пришли Шаховы садовники и вездѣ насправили цвѣтнцы; на фонтанѣ, находившемся противъ Шахова сѣдалища, набросали розовыхъ листочковъ, такъ что изъ нихъ составились любопытные девизы. Померанцовыя деревья вездѣ видны были цѣлыми рядами; все это придавало двору и дому Доктора видъ веселый и живой.

Тогда повара Шаховы, самая многочисленная и всѣхъ болѣе своевольная толпа, приѣхали съ такимъ множествомъ горшковъ, козловъ, кофейниковъ, что Докторъ потерялъ терпѣніе и спросилъ у главнаго повара: что это значитъ и не хопяшь-ли они вмѣстѣ съ Шахомъ накормить весь городъ? — Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ поварь, но можете быть вы помните слова Саади:

»Когда Шахъ велитъ сорвать одну грушу съ дерева, рабы его кричатъ: «Руби дерево съ корнемъ! И если Шахъ

„попросить у когонибудь изъ подданныхъ
 „одного яйца куриного; но немедленно
 „весь ппичникъ подданнаго завершился
 „на вершелъ.“

Докшоръ замолчалъ. Повара овладѣли
 кухней, но тамъ не нашли они и чешвер-
 ти пространства, какое было имъ на-
 добно. Въ ближнемъ дворѣ успроили вре-
 менныя печи, поставили котлы и начали
 варить сарацинское пшено, которое обы-
 кновенно раздается при посвященіи Шаха
 всѣмъ присутствующимъ. Кромѣ пова-
 ровъ, толпа кандиперовъ заняла часть
 дома и начала гоповить конфекты, шер-
 беты, мороженое и фрукты. Они по-
 требовали такое множество приправъ,
 что Докшоръ взглянувъ на ихъ реэспръ,
 едва не задохся отъ ужаса. Наконецъ при-
 бѣжало множество пѣвцовъ, музыкан-
 товъ Шаховыхъ и *lûti bashi* или начальникъ
 Шаховыхъ шуповъ, съ двадцатью флей-
 щиками; за каждымъ шелъ барабанщикъ.

Часъ для посвященія Шахова былъ на-
 значенъ послѣ вечерней молитвы, при за-
 хожденіи солнца. Въ положенное время,
 когда полудневный жаръ уменьшился и
 обитатели Тагерана гоповились наслаж-
 даться прохладой вечера, Шахъ оставилъ
 дворецъ и отправился къ Докшору своему.
 Улицы были выметены и полишы; по
 мѣрѣ того, какъ приближался Шахъ со
 свитою, разбрасывали на нихъ цвѣшны.
 Мирза - Ахмашъ самъ отправился 'передъ

тѣмъ во дворець извѣстити Шаха, что все было готово и шель пѣшкомъ подлѣ ступени Шахова, въ толпѣ его придворныхъ.

Шествіе открывалось крикунами. Вооружась палками, съ опличіями по чину каждаго изъ нихъ, и въ парадныхъ одеждахъ, во все горло провозглашали они, что *Шахъ ѡдетъ* и разгоняли между тѣмъ народъ на пути его. Заборы по улицамъ были покрыты женщинами въ бѣлыхъ покрывалахъ; изъ богатыхъ домовъ, женщины смотрѣли не черезъ заборъ, а въ отверстія, нарочно усироенныя для этого въ сѣнахъ, закрывающихъ внутреннія террасы. Значительное число разбивателей шапра Шахскаго и поспилателей ковровъ слѣдовали за крикунами, также съ длинными палками и поже гнали народъ съ дороги. За тѣмъ ѡхала толпа конныхъ офицеровъ, въ пластьяхъ, богато вышитыхъ; далѣе, служители Шаха въ нарядныхъ пластьяхъ своихъ и держа въ рукахъ золотыя дубки; носитель туфлей Шаховыхъ, съ туфлями; носитель умыванья Шахова, съ своими кувшинами и горшками; носитель плаща; надзиратель коробочки съ опиумомъ и безчисленное множество другихъ. Такъ какъ выѣздъ Шаха былъ частный, а не торжественный и публичный, то передъ Шахомъ не вели ни одного изъ его коней, въ большомъ парадѣ умножающихъ блескъ и великолѣпіе. Но за

служителями Шаха слѣдовало, по два въ рядъ, множество скороходовъ, одѣтыхъ самымъ спраннымъ образомъ: одни съ золотыми монетами, нашитыми на черныя бархатныя плащя; другіе въ парчевыхъ и въ шелковыхъ плащяхъ. Послѣ нихъ ѣхалъ самъ Шахъ; подлѣ него шелъ первый скороходъ его, важный при дворѣ челоѡкъ, опличенный отъ другихъ плетью, съ эмалевымъ черенкомъ, зашкнутымъ за поясъ. Шахъ ѣхалъ на смирномъ конѣ, богато убранномъ и выступавшемъ иноходью. Коспюмъ Шаха былъ очень простъ и опличался только безцѣнностью шалей и другихъ матерій, изъ коихъ былъ оный составленъ. Въ 50-ти шагахъ за Шахомъ ѣхали прое изъ сыновей его, а потомъ значнѣйшій изъ значнѣйшихъ, великій учредитель обрядовъ, первый конюшій, придворный поэтъ и множество другихъ вельможъ, сопровождаемыхъ своими слугами. Словомъ, считая вообще гостей, которые должны были раздѣлять обѣдъ Мирзы-Ахмада, мы положимъ весьма умѣренное число, если скажемъ: *пятъ сотъ челоѡкъ*.

Шахъ сошелъ съ коня у воротъ: они были пѣсны и въѣхать въ нихъ на лошади было невозможно. Онъ прошелъ по аллеѣ цѣвповъ черезъ дворъ и сѣлъ на приготовленное для него мѣсто, въ большой залѣ. Всѣ, за исключеніемъ дѣтей его, оспались во дворѣ и на улицѣ; Докшоръ замѣшанъ былъ въ шолпѣ слугъ.

Когда Шахъ отдохнулъ нѣсколько, великій учредительъ обрядовъ, сопровождаемый первымъ конюшимъ, оба босыми ногами, подступили къ мѣсту Шахова свидѣльца. Послѣдній держалъ серебряный подносъ, на которомъ раскладено было сто томановъ, все новенькими золотыми монетами. Громко закричалъ тогда учредительъ обрядовъ: «Презрѣннѣйшій изъ рабовъ униженно доноситъ средоточію вселенныя, государю государей, тѣни Божіей на землѣ (*), что Мирза-Ахмашъ, первый Докторъ его величія, осмѣливается приблизиться къ священному праху стопъ его и молить средоточіе вселенныя принять сто томановъ золота.»

Шахъ отвѣчалъ: — Добро пожаловать Мирза-Ахмашъ. Вижу, что ты добрый рабъ. Шахъ чувствуетъ къ тебѣ особенное благоволеніе; лицо твое убѣлилось и важность приросла. Поди, благодари Бога, что Шахъ пришелъ въ домъ твой и принимаетъ твое приношеніе.

Докторъ приблизился, палъ на колѣни и цѣловалъ землю. Вступили другіе.

Шахъ обратился къ своему знатнѣйшему изъ знатнѣйшихъ и сказалъ (**): — Увѣряю головою Шаха, что

(*) Титуль Шаха.

(**) Слѣдующій разговоръ Шаха съ своими рабами не выдумка, и онъ вполнѣ показываетъ невѣжество и безсмысленность Персіянъ.

Мирза-Ахманъ добрый человекъ. Въ Персіи нѣтъ ему подобнаго: онъ мудрѣ Локмана и ученѣ Галліена.

»Такъ!« отвѣчалъ знатнѣйшій изъ знатнѣйшихъ. И что былъ Локманъ? что былъ эпоть щенокъ Галліенъ? Все происходитъ отъ вліянія блиспательной звѣзды государя государей: Персія не видала еще государя ему подобнаго и съ нимъ вмѣстѣ такого Доктора. Пусть хвалятъ докторовъ Европы и Индіи; но гдѣ кромѣ Персіи существуютъ знанія? Кто осмѣлится оспаривать въ чемъ нибудь наше преимущество, пока Персію будетъ освѣщать блескъ нашего Шаха, безпримѣрнаго и великаго.

— Вотъ что правда, сказалъ Шахъ. Персія, отъ начала свѣта донинѣ, всегда была земля славная умомъ обитателей, великолѣпіемъ и мудростью Монарховъ. Съ Каюмара, перваго Шаха въ свѣтѣ, до меня, вашего повелителя, какой рядъ совершеннѣйшихъ и славнѣйшихъ Государей! Въ Индіи были государи, въ Аравіи были Халифы, въ Турціи кровопійцы (khon-khors), въ Татаріи Ханы, въ Китаѣ Богдыханы. Что касается до Европейцовъ, пришедшихъ въ наши отчины (слава Богу! не знаемъ откуда) покупать, продавать, подносить намъ подарки, они бѣдные невѣрные! Слушайте: ни одно изъ именъ ихъ государей *ни* неизвѣстно!

»Belli! Belli! Такъ, такъ!« закричалъ знатнѣйшій, я швой рабъ: дѣлай со мной

что хочешь! Исключая Французовъ и Англичанъ, которые что-то значать въ міръ, всѣ другіе народы — менѣе нежели ничто.»

— Справедливо, справедливо, отвѣчалъ Шахъ смѣясь, ха! ха! ха!

»Удивительна мудрость Шаха!« воскликнулъ знавшійшій.

— Такъ! такъ! хоромъ закричали всѣ. Да живетъ онъ тысячу лѣтъ! сказалъ одинъ. Да не уменьшился никогда тѣнь его! сказалъ другой.

— Великъ и премудръ Шахъ Персіи! воскликнули опять всѣ присутствовавшіе.

»Но « сказалъ Шахъ, и всѣ умолкли. »Но, знаете ли вы самое смѣшное о Московитянахъ. У нихъ вѣтъ *андеруновъ* (женскихъ отдѣленій): женщины и мужчины живутъ вмѣстѣ; женщины у нихъ безъ покрываль; всякій мужчина видитъ ихъ лица! Скажи мнѣ, Мирза-Ахматъ, ты, Докіпоръ и философъ! какъ это устроено, что только мы Музульмане, одни въ цѣломъ свѣтѣ, дорожимъ своими женами и держимъ ихъ въ своей власпи? Ты живой примѣръ супружескаго счастія (прибавилъ Шахъ смѣясь); ты, котораго, какъ я слышала, жена слушается и любитъ!«

— Обладатель благоволенія и покровы государя государей, я счастливъ совершенно, ибо я, моя жена и все что имѣю, твое, ты мы твои недостойные рабы! Если твой рабъ чѣмъ нибудь обладаетъ,

это пришло къ нему чрезъ тебя и для тебя, благо міра! Мои слабости будутъ добродѣтели, когда ты велишь. Но какая лампада свѣтитъ, когда блискаетъ солнце? И какой минаретъ высокъ, при подошвѣ горы Алуенды? Что касается до женщинъ, то, презрѣннѣйшій изъ рабовъ твоихъ думаетъ, что, Европейцы ниже людей, то есть Музульмановъ, и выше скоповъ, то есть скоповъ, но ближе одинакожь къ скопамъ, нежели къ Музульманамъ.

»Хорошо, Докторъ, умно!« сказалъ Шахъ. »И такъ, теперь уже ясно, что кромѣ насъ, всѣ остальные народы не люди, а скопы! И нашъ Мугаммедъ (да будешь съ нимъ миръ и благословеніе) рекъ поже. Невѣрныхъ будутъ на томъ свѣтѣ жарить въ огнѣ, а мы будемъ сидѣть съ гуріями въ седьмомъ небѣ. Но мнѣ сказывали, Докторъ, что твой рай начался уже на землѣ и что у тебя есть уже и здѣсь гуріи? Сочти намъ, много-ли ихъ у тебя?»

Мирза - Ахмадъ низко преклонился. — Все что позволишь монархъ имѣть своему рабу, принадлежишь повелителю! Настанетъ часъ благополучія и глава Мирзы-Ахмада коснется небесъ, когда стопа государя государей переступитъ прагъ моего недостойнаго *андеруна!*

»Мы увидимъ сами, своими собственными очами,« отвѣчалъ Шахъ. »Взглядъ Шаха несетъ благополучіе! Иди и скажи сво-

ему гарему, что Шахъ посѣпшитъ его. Если есть изъ твоихъ женъ больная, если юная дѣва вздыхаетъ о своемъ возлюбленномъ, или жена хочетъ освободиться отъ своего мужа, пусть придутъ онъ, взглянуть на лицо Шаха — и благополучіе будетъ слѣдовать по стопамъ ихъ!»

При сихъ словахъ поэтъ Шаха, до того хранившій глубокое молчаніе и, казалось, погруженный въ размышленіе, вдругъ воскликнулъ: »Все, что рекъ Шахъ великій есть новое доказательство его милости и благости!» И потомъ громко заговорилъ онъ въ стихахъ. —

»Одно солнце на небѣ; одинъ Шахъ въ Иранѣ.

»Жизнь, свѣтъ, радость и благоденствіе слѣдуютъ тамъ, гдѣ они являющся.

»Лекаръ хвалилъ свои лекарства, но какое лекарство сравнится со взоромъ Шаха?

»Что *спиканаръ*, *безоаръ* и *мумія* въ сравненіи со взглядомъ Шаха?

»О Мирза-Ахматъ, счастливейшій изъ человѣковъ, счастливейшій изъ докторовъ!

»Ты обладаешь присутствиемъ Шаха, слѣдовательно, твой домъ вмѣщаетъ въ себя драгоценнѣйшее изъ драгоценнѣйшихъ лекарствъ въ мірѣ.

»Закрой своего Галліена, сожги своего Иппократа, брось въ уголь Авиценну! Здѣсь пошъ, кто опещъ ихъ по могуществу цѣленія!

«Кто промѣняетъ взглядъ Шаха на лекарства ихъ? Кто спроситъ пиласыря, когда взглядъ его цѣлитъ всѣ болѣзни?»

«О Мирза-Ахманъ, счастливѣйшій изъ челоуѣковъ, счастливѣйшій изъ докторовъ!»

Всѣ, кто ни былъ въ собраніи, всѣ молчали, пока поэтъ говорилъ стихи свои. Онъ умолкъ и Шахъ воскликнулъ: *«Asertn*, это славно! Ты истинный поэтъ, ты достоинъ своего вѣка! Что въ сравненіи съ тобой Фердуси? А Мухманъ, Газневидъ? Грязь, *Nak Bud!* Поди (сказалъ попомъ Шахъ, оборотясь къ знатнѣйшему изъ знатнѣйшихъ), поди, поцѣлуй его и наполни ротъ его сладчайшимъ сахаромъ! Всѣ наслажденія да сопровождаютъ того, кто сочиняетъ такіе стихи.»

Знатнѣйшій приложился густою бородою своею къ губамъ поэта и взявъ горстями конфетовъ съ блюда, нарочно поднесеннаго, набилъ ими поэту полонъ ротъ, соблюдая извѣстные обряды,

Поэтъ не радъ былъ своему благополучію, но старался показать, что онъ на верху славы и счастія. Съ ужасными крикляньями проглатывалъ онъ что набили ему въ ротъ и едва не подавился, такъ что слезы потекли изъ глазъ его.

Тогда Шахъ подалъ знакъ рукою; всѣ удалились и чиновники начали накрывать обѣдъ своему повелителю.

Кромѣ служителей, подававшихъ кушанья, въ залу, гдѣ обѣдалъ Шахъ, никого

не впускали. Только трое сыновей его были въ ней зрителями: они стояли подлѣ стѣны, въ нарядныхъ плащяхъ своихъ. Мирза - Ахмадъ ждалъ окончанія обѣда за дверьми. Первый изъ слугъ Шаха разостлалъ на коврѣ, вмѣсто скаперти, превосходнѣйшую Кашемирскую шаль, съ золотыми кистями и бахрамою. За тѣмъ подали Шаху умыть руки и начали носить кушанья. Каждое блюдо было опрѣдано и запечатано въ кухнѣ дворецкимъ Шаха, изъ опасенія опоравы, а печать снималъ дворецкій при самомъ Шахѣ. Въ пригошовленіи кушаньевъ истощена была вся утонченность восточной роскоши. Сарацинское пшено обдавало Шаха благовоными парами, разставленное передъ нимъ въ различныхъ приправахъ. Сперва подали его въ видѣ *шилава*, столь-же благаго, какъ снѣгъ; потомъ *пилава*, съ бараниной и пипицами, поджаренными особо и потомъ переваренными съ пшеномъ. Четверное блюдо было пшено сарацинское, окрашенное шафраномъ и усыпанное сухимъ горохомъ; наконецъ явилось кушанье, Шахъ всѣхъ кушаньевъ Персидскихъ, *parinj pilau*, пилавъ съ померанцовыми корками, пряностями всѣхъ сортовъ, миндалемъ и сахаромъ. На трапезѣ Шаха являлось множество и другихъ кушаньевъ: тушъ видны были лососи и сельди Каспійскаго моря и форели изъ рѣки Зенже, близъ Эривани; рагу, въ чашахъ Кишайскаго фарфора; шѣльня,

сваренныя въ бульонахъ, приправленныя пшеномъ, сладкими правами и лукомъ; душенное мясо, съ мозгомъ изъ костей, и мяса, поджаренныя въ сокъ; маленькiя тыквы, фаршированныя мясомъ и фрикасированныя съ масломъ; пареная дичина съ темнымъ соусомъ изъ грушъ; огромная яичница, пальца въ два толщиною; чаша полная мяснаго сока, съ бараниной; миндаль, груши и Тамириновыя плоды; блюдо выпускной яичницы, съ масломъ и сахаромъ и множество другихъ кушаньевъ, которыя долго было-бы описывать. Цѣлый баранъ былъ принесенъ прямо съ вертела; рябчики, и что считается самымъ лакомымъ и драгоценнымъ кушаньемъ въ Персiи, два рябчика *саркъ дерехъ*; Мазандеранскiе фазаны и лучшiя части дикаго осла и газелей. Выборъ и изобилiе превосходныхъ кушаньевъ изумляли всѣхъ и кушанья были обставлены кругомъ средоточiя вселенной въ такомъ изобилiи, что онъ самъ среди ихъ казался какимъ нибудь кушаньемъ. Ничего говорить о безчисленныхъ принадлежностяхъ стола: плодахъ въ сахарѣ, въ уксусѣ; сырахъ, маслахъ, луковицахъ, кореньяхъ, перцахъ, дуляхъ и проч. Описанiе завлекло-бы меня далеко; но надобно сказать что нибудь о шербетахъ. Они были въ огромнѣйшихъ Китайскихъ фарфоровыхъ чашахъ, самыхъ драгоценныхъ, и ихъ черпали ковшиками изъ грушеваго дерева, чудной работы. Нѣкоторые изъ

шербетовъ были произведеніе высочайшаго повареннаго искусства, составлены изъ пряныхъ кореньевъ, съ уксуомъ, сахаромъ и водою, такъ смѣшанными вмѣстѣ, что сладкое и кислое не превосходили одно другаго и были чувствуемы вдругъ, какъ горе и радость въ жизни человѣческой; другіе шербеты были изъ подсахаренной воды, съ розовою эссенціею; третіи съ гранатами, и всѣ вообще прохолождены льдомъ, плававшимъ въ чашахъ.

Средопочіе вселенныя смотрѣлъ на всѣ кушанья, нюхалъ многія, прогаль нѣкоторыя, нагибался къ другимъ, молча шевелилъ рукой пилавы и — въ кое-что. Между пѣвѣи дѣлалъ его, и пѣвѣи которыя служили при обѣдѣ, стояли, не смѣя дышать, опустивъ глаза и руки, неподвижны, со всеми знаками глубочайшаго почтенія. Наконецъ Шахъ кончилъ свой обѣдъ, всталъ и вышелъ въ другую комнату, гдѣ умылъ руки, хлебнулъ кофе и закурилъ свою трубку, въ которой дымъ проходилъ черезъ воду.

Пока онъ былъ еще за столомъ, одно блюдо пилавы, по приказанію его, отнесено было къ Мирзѣ-Ахмату. Такой подарокъ считается милостію необыкновенною и Докторъ щедро долженъ былъ опдаришь принесшаго блюдо. Такое-же отличіе сдѣлано было поэту за его экспромптъ и присланый съ блюдомъ былъ награжденъ отъ него богатымъ образомъ. Средопочіе все-

ленные послалъ еще одно изъ кушаньемъ женѣ Доктора и она не скупясь наградила посланника Шахова. Такимъ образомъ, не тратя ничего, Шахъ успѣлъ наградить и осчастливить шесть человекъ.

Послѣ Шаха сѣли за обѣдъ его дѣти; когда кончили они, блюда перенесли въ другую комнату, гдѣ знаменитѣйшій изъ знаменитѣйшихъ, поэтъ и другіе чиновники и придворные сѣли за обѣдъ и такимъ образомъ дождаемы были постепенно кушанья, начавшья среднопочіемъ вселенныя; блюда уменьшались мало помалу, переходя изъ рукъ въ руки, ниже и ниже, до того, что поваренкамъ досталось только лизать посуду.

Между тѣмъ, пока свѣта Шахова поропилась ѣсть и пить, Шахъ отправился въ гаремъ Доктора. Тамъ опъ имени жены Мирзы - Ахмапа поднесли ему подарки; танцовщицы и пѣвицы вспрѣпили его съ тамбуринами, а парчу, по которой прошелъ онъ въ гаремъ, схватили и раздѣлили между собою его эвнухи. Шахъ слушалъ музыку и пѣніе, смотрѣлъ на женъ и невольницъ Доктора. Одна изъ нихъ, прелестная дѣвушка, заслужила благосклонную похвалу Шаха и Мирза - Ахмапъ на колѣняхъ просилъ сдѣлать его счастливейшимъ изъ смертныхъ, принявъ невольницу въ подарокъ. Шахъ такъ былъ милосердивъ, что согласился на прошеніе

Доктора и невольницу увезли во дворець средоточія вселенной.

Когда возвратился Шахъ въ залу объѣда, крикъ: »*gitchin, бхатъ!*« раздавался по улицѣ; все устроилось прежнимъ порядкомъ. За исключеніемъ огромныхъ фонарей, по величинѣ которыхъ судили о значности чиновниковъ, предъ коими несены они были, возвращеніе Шаха представляло тоже самое, что и приѣздъ его въ домъ Мирзы - Ахмата. Съ Шахомъ удалилось все, что оживляло за нѣсколько времени жилище Доктора: онъ засѣлъ въ углу своего дома, разсчитывая, чего стоила ему благосклонность и милость средоточія вселенной, государя надъ государями. . .

II. С М Ъ С Ъ.

Письмо къ Издателю Московскаго Телеграфа.

Я хотѣлъ оставить безъ отвѣта критику Г-на Погодина (см. Но 9 Моск. Вѣстн.) на мое *Разсужденіе*, но совѣты многихъ уважаемыхъ мною особъ, побудили меня просить васъ о помѣщеніи слѣдующаго возраженія въ вашемъ Журналѣ. Жалю, что Рецензентъ предлагалъ большую частію требованія, кои уже исполне-

ны въ моемъ сочиненіи, или искалъ въ немъ того, что никакъ не могло войти въ составъ онаго, по моему собственному плану и по цѣли, для которой я писалъ его. Сочиненіе полной критической *Исторіи Россійской Исторіи* требуетъ обширныхъ трудовъ, для подъятія которыхъ я теперь (признаюсь безъ стыда) не имѣю средствъ и силъ. Я писалъ только *Разсужденіе о началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской Исторіи*, напечаталъ оное въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ и разослалъ не болѣе 30-ти постороннимъ лицамъ: все это обязывало Г-на Погодина говорить опредѣленіе о моемъ сочиненіи, ибо читатели М. В. не имѣютъ предъ собою опитщика, а видятъ одного истца. Почему рецензентамъ не поставили себѣ за правило: лучше пропустить нѣсколько ошибокъ, чѣмъ оуждать то, что не заслуживаетъ порицанія? По мнѣнію Г-на П. *Исторія критической Россійской Исторіи можетъ быть начата съ Байера*, а потомъ надлежитъ описать *кракъ, господствовавшій въ нашей Исторіи до принесенія въ оную свѣтильниковъ симъ славнымъ Критикомъ*. Я, послѣ общаго замѣчанія о критикѣ Россійской Исторіи и о томъ, почему самая древняя Исторія государства Россійскаго болѣе другихъ имѣетъ право на критическія изслѣдованія Историковъ (вопреки замѣчанію Г-на П., у меня нѣтъ ни слова о другихъ государствахъ, особенно важныхъ для Исторіи), приступилъ къ описанію эпохи младенчества Литтературы нашей Отечественной Исторіи, и *Байеру*, какъ основателю зданія критической Россійской Исторіи, далъ первое мѣсто между Критиками (см. стр. 14). Мнѣ кажется, я поступилъ основательно. Разсуждѣ

деніе мое могло быть начато многими и различными способами, но ни въ какомъ случаѣ не долженствовало начинаться по мнѣнію Г-на П., ибо это мнѣніе ошибочное. Не лучше-ли (прибѣгнемъ къ примѣру) описать прежде дикое состояніе древнихъ Грековъ и потомъ говорить о Цекропсѣ, Девкаліонѣ, Кадмѣ, Данатѣ, Пелопсѣ и т. д., чѣмъ сперва говорить о Цекропсѣ и потомъ о состояніи древнихъ Грековъ.

Далѣе Г-нъ П. говоритъ, что я описывалъ вдругъ всѣ матеріалы Русской Исторіи и представилъ каталогъ сочиненій общихъ и частныхъ о Русской Исторіи. Въ моемъ Разсужденіи вмѣсто описанія вдругъ (?) всѣхъ матеріаловъ, есть только указанія, гдѣ можно найдти сіе описаніе (см. стр. 9) и исчисленіе ихъ, или какъ-бы предварительное объясненіе читателямъ той цѣли, къ которой долженствовали сѣспремитъ изысканія Кришниковъ. Нѣтъ у меня также каталога сочиненій общихъ и частныхъ (??), а постепенное описаніе важнѣйшихъ открытій, сообразно съ порядкомъ, ясно опредѣленнымъ въ моемъ Разсужденіи. Замѣчанія Рецензента относительно расположенія всего сочиненія дѣйствительно были-бы полезны.

Въ сужденіяхъ о Писателяхъ (по мнѣнію Г-на П.) я придерживался Шлецера и прот. Придерживаться справедливыхъ мнѣній мнѣ необходимо было нужно, но не вездѣ рабски я слѣдовалъ Шлецеру: могу указать мѣста, гдѣ я опровергалъ его положенія. Въ сужденіяхъ о сочиненіяхъ требуетъ отъ меня Г-нъ П. опредѣленія достоинствъ каждаго. Я описывалъ, сколько могъ, труды авторовъ, и не лучшая-ли это оцѣнка заслугъ? По мнѣнію Г-на П. я не показавъ, что въ каждомъ изъ сочиненій

сказано новаго, какую новую точку зрѣнія нашель Согинитель, и проч. Далѣе (собственныя слова его): Г-нъ З. не представляетъ намъ даже гасто и содержанія оныхъ (на пр. изслѣдовацій Лерберга, кромѣ одного, изслѣдовацій Круга, Френа, Калайдовича, Строева, Эверса); о прочихъ во- все не говоритъ, на пр. о Мусинѣ - Пушкинѣ, Оленинѣ, Митрополитѣ Евгеніи, Клапротѣ, Добровскомъ, и пр. и пр.

Каждый-ли изъ приведенныхъ Сочинителей съ новой точки зрѣнія смопрѣль на Русскую Исторію? Нѣкоторые, напротивъ, разсматривали, разные спорные случаи, при коихъ выраженіе сіе не имѣетъ надлежащаго смысла. Къ чему было выписывать изъ печатныхъ Русскихъ книгъ изложенныя въ нихъ содержанія (какъ на пр. изъ Лерберга)? Напрасно Г-нъ П. пропустилъ въ сочиненіи моемъ 5 страницъ, на коихъ говорится о Френѣ. Изъ нихъ увидѣлъ-бы онъ ясное изложеніе всѣхъ трудовъ сего знаменитаго Ориенталиста, и даже тѣхъ, коимъ менте его занимались переводами съ Восточныхъ на Европейскіе языки, сочиненій, касающихся Россійской Исторіи. Относительно прочихъ пропусковъ, я хотѣлъ ихъ поподнять и доставить Издателю Московскаго Вѣспника; онъ обѣщаль помѣстити ихъ, но срочное изданіе Журнала не потерпѣло замедленія съ моей стороны: онъ правъ; послѣдуемъ далѣе. У меня сказано, что Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, предстарляетъ полный результатъ бывшихъ до него критическихъ изысканій, а Рецензентъ говоритъ, что я не опредѣлилъ достоинства сей Исторіи въ критическомъ отношеніи, и прибавляетъ, что къ такому Разсужденію не излишне

было-бы прибавить обстоятельное указаніе на тѣ предметы, кои требуютъ еще изслѣдованій. Важнѣйшіе предметы мною указаны на стр. 65. Наконецъ по мнѣнію Г-на П. *еще не настало счастливое время для критической Россійской Исторіи.* Должно-ли опровергать такую несправедливость, оскорбительную для современниковъ ?

Въ заключеніе, Г-нъ П. благодаритъ меня за сдѣланное (*); признателенъ ему за благодарность, но она излишняя, и вопль доказательства: *Критикъ* уподобляетъ мое Разсужденіе *канвѣ*. Канва, для нѣкоторыхъ художествъ, поже что полотно для живописца, поже что бѣлая бумага для Журналиста, слѣдовательно, и безъ меня было и будетъ Г-ну П. куда вставлять, и *прог.* Благодарю за сочувствіе не прибѣгать къ общимъ мѣстамъ; но не вижу сему примѣра изъ рецензіи Г-на П., наполненной общими мѣстами, а всего болѣе: *и пр. и пр.*

А. Зиновьевъ.

P. S. Есть еще одна рецензія. (Г-на Зубарева) на мое Разсужденіе (смотри № 64 Сѣв. Пчелы). Этотъ Рецензентъ освободилъ себя отъ всякихъ доказательствъ и повторяетъ замѣчанія, на кои приходится уже отвѣтить въ возраженіи Г-ну Погодину. Онъ прибавляетъ, что мое Разсужденіе написано *безъ порядка и связи*, необходимыхъ условій всякаго сочиненія, не представляя никакихъ доказательствъ. Впрочемъ, изъ рецензіи его видно, что онъ не слишкомъ уважаетъ *порядокъ*

(*) „Во всякомъ случаѣ (слова Г-на Погодина) начало, какъ канва, полезно ж для другихъ: есть что исправлять, *сечь* куда вставлять, и *прог.*“

Оставивъ безъ вниманія столь важное обстоятельство, онъ стремится доказать, что мое сочиненіе написано съ ошибками и о сихъ послѣднихъ распространяется. Въ слѣдствіе глубокомысленныхъ соображеній открылъ Г-нь З., что у меня *представляя* напечатано вмѣсто *предоставляя*, Ламбертъ *Ашафенбургскій* разжалованъ въ Амафенбургскаго, и что *Монголовъ* я именую *Мангулами*. Хвала и честь Крипику! Противъ воли однакожь долженъ я открыть читателямъ, что еще прежде нежели кто-либо имѣлъ мое сочиненіе, въ бѣздѣ съ Г-мъ З., я самъ указалъ ему нѣкоторые пропуски и погрѣшности, изъ коихъ послѣдніе опмѣчены мною почти во всѣхъ немногихъ экземплярахъ, розданныхъ читателямъ. Такая нескромность Рецензента давала-бы мнѣ полное право, увлекаясь духомъ критики Г-на Зубарева, разгласить, что, по собственному признанію его мнѣ, крипику свою направлялъ онъ не столько противъ меня, сколько противъ другихъ постороннихъ особъ, между прочимъ противъ Г-да Калайдовича, Погодина, Полеваго (*); что Г-нь Зубаревъ не въ состояніи

(*) Г-нь Зубаревъ въ Вѣстн. Европы (1825 г.) сказалъ, что Карамзинъ только что *перифразировалъ* Исторію Щербатова; теперь утверждаетъ, что Іоаннь Экзархъ Болгарскій *ни гдѣ не лучше* Іоакимовой лѣтописи, и что „*угенскій Каченовскій доказалъ это*“ (см. Сѣв. Пч. No 64). Не буду защищать Карамзина, не буду спорить объ учености Г-на Каченовскаго; но что Г-нь Каченовскій также неудачно написалъ крипику на Іоанна Экзарха, какъ и на шворенія Кирилла Туровскаго, это докажу въ моемъ разборѣ, который скоро будетъ помѣщенъ въ Телеграфъ и покажетъ цѣну и сущность крипики Г-на Каченовскаго. Г-нь Зубаревъ утверждаетъ, что я въ каждомъ засѣданіи Общества Исторій и Древн. предлагаю другимъ переводить книги и писать разсужденія, а самъ между тѣмъ ничего не дѣлаю для Обще-

судить о непереверденныхъ *Латинскихъ* и *Нѣмецкихъ* книгахъ мною упомянутыхъ, ибо не знаетъ ни того, ни другаго языка; но я не оправдываюсь побочными обстоятельствомъ и сіе возраженіе пишу не для Рецензента. Тѣ, кои имѣють мое Разсужденіе, увидяшь, что онъ даже не прочелъ его, а знающіе полное заглавіе книги Г-на Калайдовича: *Іоаннъ, Ексархъ Болгарскій, изслѣдованіе объясняющее Исторію Словенскаго языка и Литтературы IX и X столѣтій* — убѣдятся, что Г. Зубаревъ остановился на первомъ листѣ сего Историческаго сочиненія.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч

А. Зинковскъ.

ства. Дѣлаю или нѣшь, это будетъ видно въ послѣдствіи; но что касается до предложеній моихъ, то во все время, какъ я имѣю честь быть Членомъ Общества, я сдѣлалъ только одно предложеніе: *издате сводную Автописе Нестора избъ извѣстныхъ уже списковъ*. Планъ мой объяснилъ мнѣ въ No 1, 2 и 3-мъ Телеграфа, 1825 г., и исполненіе принялъ на себя; но подобныя предпріяшя дѣлаются годами, а не мѣсяцами. Обществу угодно было еще препоручить мнѣ надзоръ за переводомъ Герберштейнова путешествія и я охотно принялъ это препорученіе; но что переводъ медлился не отъ меня, это извѣстно всѣмъ Членамъ Общества. Удивляюсь, какъ беретъ Г-нъ Зубаревъ судить о томъ, чего онъ не знаетъ и говоритъ то, что опровергается при малѣйшей повѣркѣ! *Изд. Тел.*

Журналистика.

Въ Русскихъ Журналахъ никогда безъ диковинокъ. Десятая книжка Сына Отечества показала намъ примѣръ такой диковинки, о какой мы и не слыхивали. Нѣкто Г-нь М. предлагаетъ читателямъ біографію *Лорда Кокрена*. Хвалимъ его за желаніе подарить публику съашью, которая имѣетъ цѣну *животрепящей* новости. Кокренъ, хотя донинѣ не исполнилъ еще ни одной изъ надеждъ, возлагаемыхъ на него друзьями Эллиновъ, и хотя успѣлъ уже заслужить нѣсколько упрековъ за свою медленность и недѣлятельность, когда глаза всего свѣта обращены на его поступки, но все, онъ человѣкъ замѣчательный и біографію его прочитать любопытно. Представленіе публикѣ такихъ статей есть одна изъ существенныхъ обязанностей Журналиста. Читатели вправѣ однакожь сказать Журналисту: »Дайте намъ статью порядочную; скажите намъ, кто эіюль чело- вѣкъ, что онъ донинѣ сдѣлалъ, того отъ него можно надѣяться? Если вы не въ состояніи изобразить всего этого, покажите хотя просто факты его біографіи, но вѣрно — и мы будемъ довольны.« Статья о Кокренѣ, помѣщенная въ Сынѣ Отечества, принадлежитъ къ послѣднему роду біографій. Она заключаетъ въ себѣ голые факты. Не знаемъ: самъ-ли Г-нь М. составилъ ее изъ словарей и Журналовъ или перевелъ цѣликомъ изъ какой-нибудь новой газеты, но кромѣ нестерпимыхъ ошибокъ прошивъ Грамматики Русской, эта статья представляетъ такія странныя ошибки, что ни составленіи,

ни перевода ея не лзя почестъ одолженіемъ для Русской публики.

Вопъ начало статьи : *»Отець Лорда Томаса Кокрена, Графъ Дундональдъ,* подобно знаменитому нѣкогда Маркизу Ворчестеру, посвятилъ жизнь свою *достохвальнымъ предпріятіямъ* и полезнымъ изобрѣшеніямъ. *Мать его* была дочь опличнаго флорскаго Капитана Джилкреста. Онъ родился 27 Декабря, 1775 г.а — Спрашиваемъ : о комъ тутъ говорится? Г-нъ М., говоря: *мать его,* вѣроятно разумѣетъ мать *Тома (или Томаса) Кокрена,* а говоря: *онъ родился,* разумѣетъ, что родился эпошъ *Тома Кокренъ.* Но по смыслу рѣчи выходитъ, что все это говорится у него объ опцѣ *Тома Кокрена, Графъ Дундональдъ,* и что все это опносится къ этому опцу Кокрена, *посвятившему жизнь свою достохвальнымъ предпріятіямъ.* Но что до Грамматики. Г-нъ М. описываетъ далѣе подвиги Кокрена. *»Прослуживъ мичманомъ въ Америкѣ и Бискайскомъ заливѣ,* онъ произведенъ былъ въ лейтенанты и *мало по малу дослужился* до капитанскаго чина.а Послѣ : *прослуживъ,* надобно бы означить время, сколько Кокренъ былъ въ чиѣ мичмана, ибо иначе дѣепричасіе : *прослуживъ,* не имѣетъ здѣсь смысла, а еще менѣе соединенное съ слѣдующ. словами: *»прослуживъ мичманомъ въ Америкѣ и Бискайскомъ заливѣ.»* Чіо такое : *мигманъ въ Америкѣ и Бискайскомъ заливѣ?* Пошомъ Г-нъ М. заставляетъ Кокрена *завоевать 32 корабля* (завоевать корабль?!), *поднять флагъ на 32-хъ пушечномъ кораблѣ,* *садить на мѣль Французскіе корабли,* бытъ депутатомъ въ Парламентъ опъ мѣстечка *Гонишона* (вѣроятно *Гонитона,* ибо *Гонишона*

въ Англіи не слыхано), потомъ отъ Вестминстера и потчасъ опять вѣхашъ драшья. Г-нъ М. приписываетъ Кокрену исполненіе отчаяннаго предиріятія, когда въ 1809 г. Англичане хотѣли, такъ названною тогда *адскою машиною* (machine infernale) сжечь Французскій флотъ въ Рошфорѣ. За это Г-нъ М. называетъ Кокрена *вторымъ Нельсономъ*, жалуешь орденомъ Бани и возвращаетъ въ Лондонъ.

Друзья Филелиновъ вѣроятно порадовались, читая описаніе такихъ смѣлыхъ подвиговъ Кокрена; но къ сожалѣнію мы должны разочаровать ихъ и сказать имъ, что все написанное Г-мъ М. на 183, 4, 5 и 6 стр. Сына Опечесства есть *самая смѣшная ошибка*.

Надобно знать, что софамильцовъ Кокрену есть множество въ Англіи и многіе изъ нихъ родня другъ другу. Извѣстнѣе прочихъ въ послѣднее время были *Лордъ Арчибальдъ Кокренъ*, *Графъ Дундональдскій*, *мнимый отецъ* *Тома Кокрена*. Эпотъ *Лордъ Арчибальдъ* (род. въ 1744 г.) путешествовалъ по Африкѣ; потомъ занимался Химією и издалъ нѣсколько полезныхъ книгъ. Братъ его *Сиръ Александръ Фонестеръ Кокренъ* (род. въ 1748 г.), *Контръ-Адмиралъ* краснаго флага, отличался подвигами на моряхъ. Онъ сжегъ Вашингтонъ и другіе города Сѣверо-Американскіе въ 1815 г. Третій *Кокренъ* (*Лордъ Александръ*) былъ сынъ Арчибальда. Онъ-то родился въ 1775 г. и съ 1801 года производилъ первые подвиги свои подъ руководствомъ дяди. Не знаемъ: командовалъ-ли онъ *32-хъ пушечнымъ* кораблемъ и взялъ-ли *32 корабля*; но извѣстно, что онъ всегда отличался отчаянною, вѣшеною храбростью и охотно принималъ на себя

сожженіе Рошфордскаго флота адскою машиною. Прежде эшого онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ Вестминстера. Словомъ: *все то, что приписалъ Г-нь М. Томъ Кокрену, было сдѣлано Александромъ. Лордъ Тома Кокренъ*, нынѣшній начальникъ Греческаго флота, изъ фамиліи тѣхъ-же Кокреновъ, шолько *не сынъ Аргибалда*. Когда онъ родился, неизвѣстно; но вступивъ въ морскую службу, отличался своимъ корсарствомъ и за удачныя поимки кораблей получилъ орденъ Бани. Онъ совсѣмъ не былъ такимъ безкорыстнымъ героемъ какъ софамилецъ его Лордъ Александръ и отличаясь храбростію, всегда еще болѣе отличался жадностію къ богатству. Это довело его до низкаго обмана, причинившаго ему большія непріятности и бывшаго причиною его опъѣзда изъ Англии. Самый обманъ и слѣдствія онаго описаны Г-мъ М. справедливо и вѣрно, а потому мы должны увѣдомить читателей Сына Отеч., что *Біографія Лорда Тома Кокрена* *нагинается только съ 28 строки, 186-й страницы, Но 10 С. От.* Вошъ въ чемъ соспойшь дѣло; въ 1814 г. Кокренъ былъ депутатомъ въ Парламентъ отъ Вестминстера и располагалъ уже плыть въ Америку, начальствуя кораблемъ, въ чинѣ Капитана, какъ вдругъ обвиненъ былъ въ распространеніи ложнаго слуха на биржѣ для произведенія спекуляціи государственнымъ облигаціями. Накупивъ ихъ низкою цѣною, когда, послѣ разнесшагося слуха, онъ подвѣлся въ цѣнѣ, Кокренъ сбывъ свои облигаціи съ большимъ барышомъ. Опъѣздъ его былъ остановленъ и его позвали въ судъ, который и осудилъ Кокрена на 1000 ф. с. пени, выспавку къ позор-

ному сношенію и годовому заключенію въ тюрьму. Король освободилъ Кокрена отъ позорнаго столба, но онъ былъ лишенъ ордена, исключенъ изъ Парламента и посаженъ въ тюрьму. Головы оппозиціонисповъ находились тогда въ сильномъ волненіи и оппозиція сильно заступилась за Кокрена. Онъ былъ избранъ снова депутатомъ отъ Вестминстера, ушелъ изъ тюрьмы и явился въ Парламентъ. Его вывели насильно и заперли снова въ тюрьму. Подпискою была собрана и заплачена пеня. Кокренъ освободился, и въ тотъ-же день поспѣшилъ въ Парламентъ подать голосъ свой въ одномъ спорномъ дѣлѣ. Но Англіи уже не могла удовлетворять его надеждамъ. Въ 1818 г. онъ снарядилъ себѣ корабль и согласился на предложеніе Южныхъ Американцовъ, избравшихъ его начальникомъ надъ дѣйствіями противъ Испанцовъ. Кокренъ въ званіи Адмирала начальствовалъ надъ Хилійскимъ флотомъ, переходилъ изъ службы [въ службу и захватывалъ Испанскіе корабли. Увѣряють, что онъ нажилъ себѣ огромное богатство. Для чести челоѳчества пріятно думать, что соглашеніе его начальствовать Греческимъ флотомъ было слѣдствіемъ благороднаго челоѳколюбія и геройской рѣшительности, а не какихъ нибудь расчетовъ. Подвиги могутъ смыть съ него пятна прошедшей жизни, и Европа ожидаетъ подвиговъ Кокрена.

Но оставя Кокрена и его подвиги, спрашиваемъ читателей: не справедливо-ли назвали мы статью Г-на М. о Кокренѣ *неслыханною диковинкою* (*)?

(*) Статья присланная. Ж. С.

(*) Заглянувъ случайно на послѣднюю страничку No 8-го Вѣстника Европы, я увидѣлъ *Письмо къ Редактору*; случайно говорю, ибо въ этомъ мѣстѣ Редакторъ обыкновенно вставляетъ объявленія о разныхъ мѣлочахъ и пошому я никогда не догитываю *Вѣст. Европы до послѣдней странички*. Въ No 6, напротивъ, я увидѣлъ, что въ послѣдней страничкѣ рѣчь идетъ объ ученomъ дѣлѣ и касается именно *до меня*. Г-нъ Болдыревъ, посредствомъ *Вѣстника Европы* сообщаетъ или даетъ мнѣ совѣтъ (его слова), состоящій въ стихахъ Горація. Онъ *улыбнулся* (слова Г-на Болдырева) *читая мое извѣстiе о Персидской его Хрестоматiи*, сообщенное мною въ Телеграфъ. Я *улыбнулся* также, читая его совѣтъ: мы квитъ; но улыбки наши не поясняютъ дѣла.

Г-нъ Болд. называя меня за *библиографическое извѣстiе* мое объ его Хрестоматiи (см. Тел. No 5, стр. 85) *Рецензентомъ*, прибавляетъ Арабскую пословицу. Я плохо знаю Арабскій и Персидскій языки, и благодарю за Русскій переводъ, приложенный внизу страницы. Вотъ что гласитъ Арабская пословица:

«Оставь въ покоѣ того, кто не знаетъ, что можешь сдѣлать и кто не опскаетъ отъ дѣла, превышающаго силы его.»

Признаюсь, что хотя я съ Словарями читаю Персидскія книги, но не подумаю, что самое составленiе Персидской *Хрестоматiи* есть

(*) Статья присланная. Жур. Свѣт.

дѣло *превышающее силы*, ибо, что за трудность, изъ книгъ' изданныхъ Вилькеномъ, Джонсомъ, С. де Саси, Ричардсономъ и Руссо списать нѣсколько опривковъ, сшить ихъ въ тетрадку и напечатать? Тѣмъ менѣе затруднительно прочесть эти опривки, при помощи комментаріевъ, издаваемыхъ Европейскими ориенталистами. Но положимъ, что если-бы я взялся составлять или читать Хрестоматию Г-на Болдырева, дѣло это *превысило-бы мои силы и я отсталъ-бы отъ него*. Замѣчаніе-же мое, въ Телеграфѣ помѣщенное, было таково, что отъ подобныхъ замѣчаній я *не отстану*, ибо они *силы моихъ не превышаютъ*. Объяснивъ все это, дабы читатели В. Е. или Телеграфа не почли меня послѣ совѣта Г-на Болдырева какимъ нибудь сомнамбуломъ, или челоукомъ, который клеплетъ на себя званіе языковъ Восточныхъ, но убѣжись отъ встрѣчи съ настоящимъ Ориенталистомъ (какъ, на прим. славы Френомъ), оправдываюсь даде.

Извѣщая о книгѣ Г-на Болдыр., я сказалъ, что Грамматика въ ней помѣщенная *состоитъ изъ весьма немногихъ замѣчаній*. *Превышаетъ-ли это замѣчаніе силы мои?* Взглянувъ на Грамматику, я видя что она занимаетъ всего навсе *четыре осьмушки*, безъ всякихъ объясненій, представляя только примѣры немногихъ словъ, это я *могъ сказать* и это *силы моихъ не превышало*.

Но я сказалъ еще, что мнѣ *показалось сначала*, будто Г-нъ Болд. *перепечаталъ* свою Хрестоматию изъ Вилькена; я *прибавилъ* даде, что Г-нъ Болдыревъ дополнилъ Вилькеновы опривки опривками Геншія, Руссо, etc. Я *могъ судить* обо всемъ этомъ и *не зная Персидскаго языка*.

Дѣло очень простое. Названіа пьесъ, оставляющихъ Хрестоматію Г-на Болдыр., напечатаны по - Русски; Вилькенова Хрестоматія запечатана съ Латинскимъ переводомъ, и буди Латинскій языкъ мнѣ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ столько-же, сколько Г-ну Болдыреву Персидскій, сличеніе не превышало силъ моихъ. Г-нъ Болдыревъ высказалъ въ предисловіи названія тринадцати книгъ, изъ коихъ онъ выбралъ свою Хрестоматію. Въ томъ числѣ есть и Вилькеновы Institutiones ad fundamenta linguae Persicae. Почему-жь показалось мнѣ, что онъ перепечаталъ Вилькена, когда именно у него означено, что изъ Вилькена взято имъ только одиннадцать пьесъ, а остальные 58 изъ другихъ? Потому, что кромѣ означенныхъ, я нашель еще нѣсколько пьесъ изъ Вилькена взятыхъ и не означенныхъ, на прим. Басня Садовникъ и Соловей и стихотвореніе Четыре опасныя вещи (у Вилькена — Quae sint res Diaboli). Припомъ и то что означено, получило у Г-на Болдыр. особенныя названія, а слѣд кто можетъ поручиться, что все изъ Вилькена взятое означено. Не довольно-ли было добродушія съ моей стороны, что я на слово повѣрилъ Г-ну Болдыр. и упомянулъ о прибавкахъ его къ Вилькеноу изъ Генція, Руссо, etc. etc. — За что-жь было такъ щедро ссужать меня Арабскими и Латинскими софшмами? Смощра на книги, руководствовавшія Г-на Болдырева, и на Хрестоматію его, и за Арабскую пословицу, посредствомъ Телеграфа, передаю ему стихъ изъ Индійской Веды, и какъ въ шипографіяхъ Русскихъ нѣшь Санскритскихъ буквъ,

выписываю его, по обыкновенію моему, Русскими буквами:

*Кин тэ дш - ніатанр мудха махаджа
нурдхаранр анаюш-лиг карма критватмехорам*

Делибюрадеръ.

П а р и ж с к і я м о д ы (*).

Les robes habillées sont en étoffe de Lyon à larges raies; l'une en satin, l'autre en gaze.

En négligé, on porte des robes de mousseline à papillons ou oiseaux imprimés en noir sur un fond écru, ou bien en couleur sur un fond blanc.

L'aube-épine, blanche ou rosée, en couronne, ou en bouquets, est la fleur à la mode pour les chapeaux habillés, soit de moire, soit de crêpe crêpé.

Malgré le mauvais tems toutes les merveilleuses sont en été; elles portent des robes blanches ou imprimées, d'organdi, de jaconat, de cot-pali, de grenadine.

Pour les chapeaux de paille d'Italie, il y a deux modes bien distinctes. Les uns ont la passe très-grande et sont garnis de feuillage et d'un large ruban moitié gaze: les autres, plus habillés sont à passe demi-large, et ont pour garniture des biais de paille, bordés de rouleaux de satin, et de volans de blonde; plus, des aigrettes en marabouts.

Quelques chapeaux de sparterie sont tellement surchargés de boucles et de noeuds de ruban, qu'à peine peut-on voir la sparterie. A droite, sont quatre

(*) До 31 Мая, 1827 г.

grandes boucles ; à gauche , quatre rouleaux tendus du haut de la forme au milieu de la passe , qu'ils traversent au moyen d'entailles. Enfin , par derrière , figurent trois ou quatre rosettes en rubans de satin.

Dans un magasin renommé , on double en satin rose vif les chapeaux de crêpe crêpé blanc ; ce qui leur donne une teinte rosée. Le tour de la passe est aux trois quarts bordé d'une haute blonde. Au haut de la forme , à droite et à gauche , sont deux grandes boucles , moitié satin , moitié gaze ; et en dessous , deux bouquets à la jardinière.

Nous avons vu à la promenade une capote de gros de Naples blanc , dont la passe longue était côtelée d'un bout à l'autre. Un rouleau de satin bordait cette passe ; le tour de la forme était orné d'une guirlande de roses blanches.

Quelques élégantes portent des capotes de moire grise doublées en moire rose. La forme ou calote de ces capotes est à demi-recouverte par des pattes de moire rose bordées d'un rouleau gris et d'une blonde blanche.

Le roman chinois de M. Abel de Rémusat , intitulé *IU-KIAO-LI* a donné l'idée des éventails qu'on voit aux théâtres entre les mains des femmes à la mode. Sur un fond de couleur , satiné , sont des personnages chinois. Le revers est d'une couleur tendre et porte des caractères chinois imprimés en noir. Ce qu'il y a de plus beau , ce sont les baguettes en rouge et or , ou vert et or , brun et or , bleu et or.

Нарядныя платья дѣлають изъ Лионской шелковой матеріи (*en étoffe de Lyon*), съ ширскими пологими, атласными и газовыми.

Въ нарядъ *запросто* (*en négligé*) надѣваю кисейныя платья, съ *выпегатанными* (*imprimés*) чернымъ цвѣтомъ бабочками и птичками, по небеленой кисей, или бѣлыя кисейныя, съ цвѣтными бабочками и птичками.

Боярышникъ (*l'aube-épine*), съ бѣлыми или розовыми цвѣтами, въ вѣнкахъ и букетахъ, модная уборка для нарядныхъ шляпокъ, изъ морелевыхъ матерій и изъ крепъ-крепе.

Не смотря на холодную погоду, всѣ щеголихи одѣваюцца по лѣтнему, въ бѣлыхъ или *выпегатанныхъ* (*imprimées*) платьяхъ изъ органди, жакона, кошпали и гренадина.

Для Итальянскихъ соломенныхъ шляпокъ двѣ моды весьма различныя. По одной должны быть поля большія и уборка цвѣты съ листьями и съ широкою лентою, половина атласною, половина газовою; по другой модѣ (наряднѣе), поля шляпки полуширокія, уборка косяки (изъ такой-же соломенной плетушки, изъ которой сдѣлана шляпка), отороченные атласными руладками, блондовые *воланы* и *эгреты* изъ марабу.

Дроковыя шляпки иногда бывають такъ обременены буфами и бантами изъ лентъ, что едва можно узнать, изъ чего сдѣлана шляпка: на правой сторонѣ четыре большіе *буфа*; на лѣвой четыре *руладки*, протянутыя съ верха тульи къ срединѣ полей; сзади три или четыре *розетки* изъ атласныхъ лентъ.

Въ одномъ изъ модныхъ магазиновъ бѣлыя крепкокреповыя шляпки подбиваюшъ яркимъ розовымъ атласомъ: это даетъ имъ розовый опливъ. На верху тульи, вправо и влево по большому буфу половина атласному, половина газовому; внизу тульи два букета *à la jardinière*.

На прогулкѣ замѣтили бѣлую гроденаплевую шляпку-капотъ, у которой длинная сторона полей была загнута отъ одного конца до другаго. Атласная руладка окружала всю эту сторону. Тулья украшена была гирляндой изъ бѣлыхъ розъ.

Нѣкоторыя щеголихи носятъ шляпки-капоты изъ сѣрой морелевой матеріи, подбитой розовою морелевою матеріею. Тулья шакихъ шляпокъ полупокрыта лапами изъ розовой морелевой матеріи, ошороченной сѣрою руладкою и бѣлыми блондами.

Китайскій романъ, изданный Абель-Ремюза, подъ названіемъ: *Ю-Кіао-ли* (*), ввелъ въ моду вѣера, которые замѣчаютъ шеперь въ театрѣ у многихъ щеголихъ. На цвѣтномъ атласистомъ полѣ изображены Китайцы; другая сторона нѣжнаго цвѣта, съ черными Китайскими буквами. Всего лучше у этихъ вѣеровъ прупики, сосшавляющіе рукоятку вѣера. Они цвѣтновъ: краснаго, зеленаго, темнаго, голубаго, убранные золопомъ.

(*) Читательницы могутъ видѣть опривки изъ сего любопытнаго романа въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. *Кіао-ли*, какъ вѣкогда *Урика*, шеперь въ модѣ у Парижскихъ дамъ. *Пер.*

, На приложенных картинках:

1. Шляпка из шелковой морелевой материи, убранная газетными лентами. Платье из Лионской шелковой материи, убранное апласными бранденбургскими, с перламутровыми пуговицами.

2. Шелковая шляпа. Суконный фрак с бархатным воротником и шелковыми пуговицами. Жилетъ из пике. Канифасные панталоны.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Письма изъ Сибири ().*

(Продолженіе.)

*) *Письма изъ Сибири*, доставляемыя для помѣщенія въ Телеграфъ, извѣстны уже читателямъ сего Журнала (см. *Телегр.* 1826 г. т. X, 5) и Сибирскаго Вѣстника, гдѣ оныхъ было помѣщено нѣсколько. Обязанностію поставляю вновь благодарить Г-на Сочинителя и почитая всѣ замѣчанія и извѣстія его весьма любопытными и важными, прошу не оставитъ дальнѣйшимъ продолженіемъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, обращаюсь съ усердною просьбою ко всѣмъ любителямъ знаній и отечества о доставленіи подобныхъ свѣдѣній о разныхъ областяхъ нашего государства. За что сердитесь намъ на иностранцовъ, что они не вѣрно говорятъ о Россіи, когда мы сами молчимъ и не даемъ имъ средствъ исправлять ошибки по свѣдѣніямъ вѣрнымъ и точнымъ? Грузія, Сибирь, Сѣверная Россія, Бессарабія, Финляндія, представляють обширное и едва начатое поприще Статистикѣ, Историкѣ и Археологѣ; да и самыя бѣзпосредственныя къ центру имперіи области, кромѣ устарѣвшихъ и невѣрныхъ извѣстій, многое-ли могутъ представить Русскому Географу и Статистикѣ? Не лучше-ли намъ самимъ приниматься за дѣло и не складывать собственной вины на иностранцовъ, которые хотя что нибудь да дѣлають. *Изд. Тел.*

Ч. XV. No 11.

Н

Я (*) не могу забыть, какъ при объявленіи о Сибирской лѣтописи, въ 1821 году изданной Г. И. Спасскимъ и сопровождаенной лестными опъзывами нѣкоторыхъ журналистовъ, возбудилось и здѣсь тогда замѣтное вниманіе къ старинѣ Сибирской. Зауральскіе книгочте заглянули въ Миллера и Фишера, и я слѣдуя также полному впечатлѣній, желалъ какъ-бы осмошрѣшсь кругомъ Тобольска, и дабы лучше воспользоваться чтеніемъ ожидаемой лѣтописи, объѣхалъ достопамятную часть праваго берега р. Иртыша, пока не подоспѣла сюда лѣтопись.

Дозвольте мнѣ вывесить на свѣтъ тогдашнія мои примѣчанія, въ разсужденіи обзорнія мѣстнаго и въ чтеніи Сибирской лѣтописи. Поздно, очень поздно, скажете, пересматривать лѣтопись, которая обратилась для многихъ въ досповѣрную; да за чѣмъ-же было хвалить ее такъ рано?

1. Обзорніе мѣстное.

Правый берегъ Иртыша, въ пропаяженіи 30 верстъ, ш. е. отъ Абалака до Сузгуна, былъ, по письменнымъ сказкамъ, во время Кучума, цѣпью придворныхъ юрты; въ Искерѣ было пребываніе самого Хана; въ

(*) Письмо сіе, въ 1821 году писанное, имѣетъ вводиться въ общій рядъ Писемъ изъ Сибири, съ нѣкоторыми перемѣнами.

Абалакъ подмосковное его; въ Тобольскѣ на Паниномъ бугрѣ, который назывался тогда *Бицкикомб*, спойбище одной жены его; въ Сузгунѣ кочевье другой жены. Все это протяженіе берега къ приходу Ермака было укрѣплено, или поставлено въ наблюдательное состояніе, чему и нынѣ видны доказательствъ, п. е., спорожевые курганы или насыпи, обнесенные валами и рвами, полумѣсяцомъ къ краямъ нагорнаго берега склоняющіеся.

Одно изъ примѣчательнѣйшихъ мѣстъ сего нагорья есть то, гдѣ Ермакъ съ саблею въ рукѣ, пробившись сквозь толпы Татаръ, вскарабкался съ дружиною по крутой пѣсчинѣ на гору, и тупь-же взялъ укрѣпленіе, можетъ быть, самое главное. Это было у Подчувашскаго мыса, гдѣ и въ наше время, какъ-бы въ воспоминаніе, мѣстное артиллерійское начальство строитъ иногда пошвышнѣй городокъ.

Возвращаясь къ Искеру, какъ къ главной точкѣ древней населенности, нельзя не сдѣлать себѣ вопроса: съ чего ручей, текущій при подошвѣ сего мѣста, и у Татаръ не носящій никакого имени, названъ у насъ Сибиркою? Миллеръ замѣчаетъ, что еще въ половинѣ XVI вѣка Царь Іоаннъ Грозный шипуловался обладателемъ Сибирскихъ земель; а какъ обладаніе его около Урала простиралось по пупямъ звѣриной промышленности, въ пѣсномъ размѣрѣ между 59° и 61°, то и

Н а

надобно въ нарѣчіи жившихъ шупъ народовъ искашь корня слову: *Сибирь* (*). Жили шупъ Вогулы и Остяки, переселенцы средней Азіи, слѣдственно, происхождение сего слова занесено на Уралъ опынуда, чему есть и примѣта за Байкаломъ въ равнозвучныхъ именахъ, на пр. *Шибирѣ*. Но дѣло въ томъ, что дружина Ермакова, пока жила на Чусовой, льстилась за Ураломъ завоевать Сибирь, и покоривъ все до Искера, но не встрѣшивъ нигдѣ Сибири, стала называть, какъ видно изъ письменныхъ описаній и изъ простонароднаго названія, донинѣ здѣсь употребляемаго, столицу Кучумову *Сибирью*, и рѣчку, при подошвѣ ея текущую, *Сибиркою*. Легко чувствовать, что такъ наименованы два урочища по подобію (*per analogiam*), которое при встрѣчѣ незнакомыхъ предметовъ весьма сродно уму человѣческому, и которое, въ наспоющемъ случаѣ, было очень близко для удалцовъ Москвичей, помнящихъ, что въ Московской дер-

(*) *Сибиртка* по Татарски *борона*.

Сенбиръ по старо-Татарски, какъ толкуеть Тамищевъ (?), значить въ переводѣ *томъ главный*, отъ чего и родилось слово *Сибирь*.

Сибире по Карталински *старый*.

Птерофорисъ Плиніа старшаго, по толкованію Тамищева (?), есть *Сибирь*.

Вотъ всѣ изъясненія, какія мнѣ извѣстны о словѣ *Сибирь*.

жавъ и столица и рѣка сполочная называюся Москвою.

По случаю изъясненія, что слово Сибирь, можетъ бышь, взято изъ словаря Загобійскаго, не лзя не подивышься странной судьбѣ нѣкоторыхъ словъ, которыя слѣдовали за переселеніями своихъ народовъ изъ спраны въ спрану и копорыя, независимо отъ того, что народы сіи давно исчезли, давно пришли въ забвеніе, живупъ въ памяти смѣнившихся народовъ и свѣпящъ, какъ маяки, въ пустынь шествующихъ временъ. Я хочу къ сей мысли привязать свое примѣчаніе о словѣ *Уралъ*. Извѣстно, какой у насъ хребетъ такъ называется; но не всѣмъ, можетъ бышь, извѣстно, что также называется въ Иркутской Губерніи, близъ Тункинской крѣпости, кряжъ горъ, къ Китайской границѣ проспирающихся; также называется въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ хребетъ, по лѣвую сторону р. Уды, къ югу лежащій; также называется видимая къ югу между Каномъ и Енисеемъ цѣпь горъ. Всѣ приименные кряжа, какъ боковыя опмѣшы, должны примыкапъся къ составу Саянскихъ горъ; но повпореніе одинакаго названія отъ Байкала до устья Печоры, не показывается ли на шоль великомъ проспранствѣ бывшихъ ночлеговъ одного народа? — Я спѣшу возвратиться къ Сибирской Лѣшописи, тѣмъ болѣе любопытной, что Издашель, съ нѣкоторымъ

поржествомъ , держа ее въ рукѣ , опровергаетъ Миллерову хронологію.

II. Разсмотрѣніе Сибирской Лѣтописи.

Не касаясь тайны , какою Г. Издашелемъ покрываетъ счастливый случай открытія Лѣтописи и не позволяя себѣ подозрѣвать услужливость , съ какою онъ постарался выправить *недостатки правописанія и очевидныя писцовыя ошибки* (это слова его) , я хочу придержаться одного вопроса: спойшь-ли эта тетрадь имени Лѣтописи?

Для рѣшенія вопроса довольно будетъ примѣтить однѣ главныя черты , въ такъ называемой , Сибирской Лѣтописи выказывающіяся , и вопрь онѣ : а) Невозможныя движенія , которыхъ ни опытъ , ни здравый смыслъ не выдержатъ , Лѣтопись заключая въ краткій промежутокъ времени , ни какъ не можетъ показывать хронологическихъ погрѣшностей , если-бы погрѣшности и были доказаны вѣрною методою , а не per principium petitionis въ исторіи Миллера и Фишера ; б) За Югорскимъ камнемъ не зная ни имени урочищъ , ни времени происшествій , она очевидно избѣгаетъ исторической части о завоеваніи Сибири , не избѣгнувъ однакожь укоризнь въ невѣдѣніи ; в) Зная нѣкоторыя подробности на западной сторонѣ Урала , около Усолья и Чусовскихъ городковъ , и ревнуя чести одной помѣщичьей фамиліи , обнаруживаетъ она мѣста своего составленія ; странное заключеніе Лѣ-

пописи . служивъ пому подтверждені-
емъ ; г) Слогъ , уклоняясь ошъ повѣспво-
вашельнаго къ смѣшному пашепническому ,
показываетъ зашѣйливостъ Сочинише-
ля , любующагося своимъ велерѣчіемъ и
незабопящагося о предметъ сказанія ; на-
конецъ Лѣтопись , не только сама по
себѣ , но и по милоспи примѣчаній , ко-
порыми обогатилъ ее Издашель , сдѣлалась
жертвою рѣшишельныхъ пропивошѣій ,
въ существенномъ вопросѣ времени . Всѣ
сіи категоріи могутъ быти доказаны изъ
чтенія самой Лѣтописи .

а. На стр. 17 повѣспвуется , что
Спрогановы съ 1 Сентября 7090 года
ошпуетили Ермака и дружину его , чи-
словъ 840 человекъ , въ Сибирь , пропивиъ
Салтана Сибирскаго , и сіе ополченіе въ 6
дней дошло до Сибирской дороги , сдѣлавъ
на рѣкѣ Кокув городокъ того имени , и
чрезъ 20 поприць (что за мѣра?) перевез-
лось за Волокъ на одну рѣчку , съ кошорой
ополченіе вышло на р. Туру въ Сибирскую
спрану , а въ 9 й день (на стр. 26) , по пора-
женіи какихъ-то городковъ и улусовъ Та-
шарскихъ , доплыло по Турѣ до успья
Тавды . — Чудеса чудесь ! Пусть такъ ,
что 400 верспъ , припомъ пропивиъ воды и
въ мѣлководіе , по Чусовой и особенно по
рѣкѣ Серебрянкѣ , Ермакова флопилиа мо-
гла въ 6 сутокъ пройти до вершины Се-
ребрянки ; но въ 3 й день послѣшъ ошпуда

на устьѣ Тавды , спашочное-ли дѣло, если взглянуть на каршу? Ибо надлежало-бы:

1) Перешащить по суху 41 лодку, полагая на каждую по 20 человекъ , и около 20 шранспоршныхъ лодокъ , начиная отъ устья Серебрянки до Кокуя ;

2) Отшуда до Туры, гдѣ она способна для лодочнаго хода , перенести на плечахъ весь караванъ чрезъ крушыя, обрывистыя и донинѣ лѣсистыя Уральскія горы, полагая сей переходъ не меньше какъ во 100 верстѣ , если-бы въ самомъ дѣлѣ походъ направлялся на Туру , а не на Тагиль ;

3) Отсюда переплыть около 2000 верстѣ , считая безпрестанныя излучины Туры ;

4) Неоднократно воевать съ прибрежными улусами , и всѣ подвиги на сушѣ и на водахъ совершить въ двой съ половиною суши, когда и нынѣ , при свободномъ и облегченномъ судоходствѣ , четверть того хода , п. е. отъ Туринска до устья Тавды , пробѣгающъ въ пять сутокъ.

Послѣ сего, когда Лѣшопись сама у себя отнимаетъ довѣренность, я уже не замѣчаю сказки о Сибирской дорогѣ, небывалой въ этой степени широты; не замѣчаю и того, жъ чему были выпроены городокъ Кокуй, когда по размыру времени не лѣзя было шупъ опнутья ни на минушу.

Нѣшь, Милостивый Государь мой, лѣшописи, съ которыми соображались спа-

рые наши Академики, въ лѣтописи, разсказывая о Ермаковыхъ городищахъ, въ переходѣ чрезъ Уралъ строенныхъ, припомъ географически и исторически истинныхъ, не на обумъ дозволяющъ завоевателю Сибири зимовать при Уралѣ и въ Тюмени, не доходя Тавды. Того требовали непреоборимыя нужды чрезвычайнаго пуща. Если-бы Г. Издапель новой Лѣтописи, даже нынѣ перешель чрезъ Уралъ и проплыль помянутыя рѣки, по слѣдамъ Ермака, онъ-бы услышалъ изустныя преданія, подшверждающія Миллерову Исторію Сибири. Есть необыкновенныя происшествія, которыя безъ буквъ врѣзывающа въ память племенъ и вѣковъ.

Если такимъ образомъ доказано, что сокращашъ маршрутъ Ермакова каравана, отъ Чусовскихъ городковъ до Тавды, на число $8\frac{1}{2}$ сутокъ, было-бы прошивно всякой возможности, то отсюда выходящъ два непреложныя послѣдствія: или Ермакъ ранѣе, такимъ временемъ, которое требовалось на походъ, а не 1-го Сентября 1700 года, пошелъ съ Чусовой, или такимъ-же промежуткомъ времени позже долженъ былъ взять Искеръ, нежели какъ слѣдовало-бы по новой лѣтописи. Но какъ въ послѣднемъ изъ послѣдствій, происшествія слишкомъ-бы опоздали, вопреки даже нѣкоторыхъ правительственныхъ актовъ, или опять должны-бы опередить лѣто-

пись, то и выходить неминуемо, что время похода съ Чусовой, новою Лытописью означаемое, надобно будетъ по числится.

Если-бы за всѣмъ шѣмъ еще хотѣли основываться на грамотѣ, на Чусовую послѣдовавшей отъ 16 Ноября 7091 года, то опять встрѣчая ту-же физическую невозможность, какая представилась при разсмотрѣніи времени, Лытописью опредѣленнаго, я равномерно опасаюсь принять грамоту за основаніе времени событій.

Надобно припомъ замѣтить, что Г. Издапель напрасно опровергаетъ первый походъ Ермака на Сылву. Если-бы не было его, съ чего-бы Пелымскому Князю въ тоже число, того-же мѣсяца и того-же года, когда Ермакъ двинулся на востокъ, пойти на западъ проливнымъ, боковымъ маршемъ? Въ упомянутой грамотѣ Ермакъ обвиняется въ раздраженіи иновѣрцовъ: когда-же бы онъ имѣлъ случай раздражить ихъ, безъ похода на Сылву?

Присупимъ къ б. — Флопилія Ермакова плывешъ по Турѣ болѣе тысячи верстъ такъ покойно, какъ по Ладожскому каналу, и Лытопись, безмолвная на толикомъ пропяхеніи, разъ молвила о Таузакѣ Ташаринѣ, къ придворному Сибирскому шпату принадлежавшемъ. Съ сихъ поръ Лытопись, подслушавъ шайный совѣтъ Кучума, спановишся болшливѣе и говоришь пре

по и сѣ. Далѣе сказывается о вступленіи Ермака во градъ Сибирь, послѣди рекомый Тобольскѣ, какъ будто-бы хваленой Лѣтописи не нужно знать разницы между Искеромъ и Тобольскомъ.

Если будете читать и далѣе о тѣхъ и другихъ приключеніяхъ, вездѣ однакожь увидите счисленіе времени въ сѣдующей формулѣ: *той-же зимы, весны, лѣта, по малѣ времени, тогда-же*. Наши сказки ль правъ не знаютъ хронологіи, но Сибирской Лѣтописи приспойно-ли бышь также нерадивою?

в. Съ 1 до 26 стр. Лѣтопись посвящаетъ все свое вниманіе богатому дому Строгановыхъ, у которыхъ Ермакъ-завоеватель представляется въ видѣ зависящаго орудія; вошь въ этомъ случаѣ Лѣтопись очень памятлива.

Если приложитъ къ тому, съ какою подробностію на 26 стр. исчисляются рѣки и рѣчки, въ Каму и Чусовую впадающія, то нельзя не смекнуть, что едва ли пресловутая Лѣтопись не есть сочиненіе, составленное вблизи Чусовской или Усольской Конторы?

г. Когда, по завоеваніи Сибири, Лѣтопись оканчиваетъ свое сказаніе о низложеніи Магомешанства, о сооруженіи церквей, о постройкѣ городовъ и остроговъ, и когда добавляетъ еще послѣднюю главу о устройствѣ ясачнаго сбора, то какъ не подумать, что въ ней говорится о распо-

ряженіи подашей въ покоренныхъ улусахъ? Однакожь, вопреки 'порядка поняшій, лѣтописецъ исчезъ изъ Сибири, и очутился около Пыскорскаго монастыря. Тутъ онъ располагаетъ сборы съ иновѣрцовъ по Чусовой, отъ Чердыня до Уфы и Верхотурья.

Глава сія, или должна бытъ впереди послѣдствія, происшедшаго отъ появленія Ермака на Чусовую, или должна бытъ понимаема такъ, что до полученія вѣстей о взятіи Сибири, вся Чердынская округа отъ Уфы до Верхотурья оказывала неповиновеніе въ сборѣ ясачномъ. Въ послѣднемъ случаѣ, опять не лѣзя допустить совѣщанія между Спрогановыми и Ермакомъ; да припомъ, Верхотурье заведено воеводами гораздо позже жизни Ермаковой, позже и мнѣнія г. Издателя Лѣтописи. Короче сказать, что Лѣтописецъ, перемѣнивъ происшествія, годы и страны, обнаружилъ, что онъ жилъ не такъ давно и не въ Сибири. *Красивая скоропись и киноварь*, да будетъ извѣстно, въ употребленіи донинѣ по Уралу, частію заселенному старообрядцами.

д. На стр. 34, 35 и 36 Лѣтопись вѣсто дѣла занимается изобрѣщеніемъ рѣчи для Ермака; на 38 и 39 стр. введеніемъ Кучумова монолога, въ важно-смѣшномъ слогѣ. Сочинитель долженъ бытъ монахъ бывшаго Пыскорскаго монастыря, и припомъ не Великороссійскій уроженецъ, судя

по словамъ въ Лѣтописи замѣшными : подарова, повоевали, голкнетѣ, буйственнѣи вмѣсто храбрѣи, риторѣ, вмѣсто рейшарѣ. Не-знаю впрочемъ, не перемѣнены-ли слова подлинныя при поправкѣ ошибокъ.

е. Не дозволяя себѣ мѣлочныхъ прицѣпокъ въ разборѣ, я нахожусь однакожъ въ разсужденіи Сибирскаго лѣтосчисленія, которое будшо-бы поправлено Г. Спасскимъ, въ немаломъ затрудненіи, и не знаю, кому вѣрить : лѣтописи-ли разсмашиваемой, или грамошъ упомянушой, или самому Г. Издашелю, ибо нѣтъ между ними согласія?

Лѣтопись, какъ видѣли, полагаешъ походъ Ермака съ Чусовой въ 1 Сентября $\frac{7090}{1581}$ года ; Грамоша съ 1 Сентября $\frac{7091}{1582}$ года : и Г. Издашель, принимая одну за образцовую, какъ для славы и блага отечества изданную, а другую, какъ показывающую истинное время отправления Ермака въ Сибирь, негодуешъ (спр. 79) на Миллера вопреки своей Лѣтописи и грамошы, что будшо-бы сей Историкъ всѣ послѣдующія происшествія показалъ 2 годами, 2 мѣсяцами и 18 днями ранѣ самой истины. Я напрошивъ ушверждаю, что если-бы всѣ при свидѣшельства были согласны между собою, приговоръ Г. Издашеля и тогда не былъ-бы заключишель, какъ по недостатку свидѣшствія, такъ и per principium petitionis.

Далѣе, недоувѣрчивость мою къ премоу помянутому свидѣтельствую подшверждаю слѣдующими изъясненіями :

Первое. Издашелоу Лѣтописи, похваляющемуся, что имъ выправлены погрѣшности Сибирской хронологіи, надобно-бы напередъ знать правило (*), какъ соглашающъ старинное наше лѣтосчисленіе отъ с. м. съ лѣтосчисленіемъ отъ Р. Х., и вотъ причина, что онъ не-такъ смотришъ на свою грамошу и Лѣтопись, удвоивъ несовершенство послѣдней переводомъ лѣтосчисленія на новое, какъ въ текстѣ историческомъ, такъ и въ примѣчаніяхъ.

Второе. Взавъ по сему изъ Лѣтописи 1 Сентября $\frac{7090}{1581}$ года, выходяшъ прошивъ чаянія Г. Издашеля, что завладѣніе Иске-

(*) Правило состоишъ въ томъ, что-бы изъ суммы лѣтъ отъ с. м. вычиташъ 5509 въ первую шрешъ стараго года, а въ прочіе мѣсяцы 5508; но Г. Издашель безъ разбора вычиташъ одно послѣднее число, отъ чего и выходяшъ по его Ариѣметикѣ, что 1 и 9 Сентября 7090 года = 1 и 9 Сентября 1582 (стр. 17 и 26); 2 Ноября 7092 года = 2 Ноября 1584 (стр. 83); 7094 годъ въ Сентябрь = 1586 (стр. 60); 7145 г. въ Сентябрь = 1637 (стр. VI); 7206 г. 18 Сентября = 1698 (на той-же стр.); когда напрошивъ всѣ эти годы по истинному лѣтосчисленію должны бышъ меньше единицею. Но по какому счешу 6 или 16 Ноября 7091 года = опашъ 1582 году (стр. 22 и 25), а 10 Мая шого-же 7091 года = 1533 (стр. 83), этой исправленной хронологіи я не понимаю.

ромъ по Тобольскому лѣтописцу, Миллеромъ употребляемому, какъ и по Сибирской Лѣтописи, полагается 26 Октября 1581 года, сльдственно, время главнаго происшествія не разнится ни минушою, а разнится только началомъ похода, въ чемъ уже даны приличные допросы новой лѣтописи, кругомъ виноватой.

Третіе. Если взять 16 Ноября 1781 года, ш. е. время, въ которое состоялась грамота, перебующая еще разсмотрѣнія и соображенія, то и по ней выйдетъ взятіе Сибири позже только однимъ годомъ, а не по словамъ Г. Издателя.

Послѣ всего этого надлежитъ мнѣ оставить на вашъ судъ и ожидать вашего рѣшенія: къ чему Лѣтопись, несогласная съ возможностью физической, ни съ грамотою въ существенной почкѣ времени, ни съ сужденіемъ самого Г. Издателя, и согласная противъ чаянія съ шѣмъ Лѣтописцемъ, который имъ опорочивается, къ чему можетъ служить? Такая лѣтопись, которая припомъ не содержитъ въ себѣ цѣпи происшествій не только восточной, но и западной Сибири далье Тобольска, справедливо-ли названа важнымъ пицломъ *Сибирской Лѣтописи*?

Тобольскъ.

20 Ноября, 1826 года.

Опять, какъ намагниченный металлъ, я склонился къ сѣверу, и перенесся въ разспояніе 64 градусовъ нашей широты. Приѣхавъ въ Березовъ 30 Ноября, когда земля шекла по самому верху эклиптики и когда солнечные лучи только скользили по горизонтальнымъ здышнихъ параллелей, я долженъ-бы опасаться термометрическаго чувствованія, а вышло совсѣмъ иначе. Термометръ, въ теченіе всего Ноября показывалъ въ Березовъ (*) однажды — 14°, по большей части, отъ 2° до — 5°, и иногда даже отъ + 2° до + 7°. Столь чудесная мягкость температуры въ такой широтѣ, гдѣ рпушь въ это время, бывало, замертво лежишь въ прубкѣ, и гдѣ дышетъ самый пронзительный сѣверный вѣтеръ, естественно приводитъ меня къ двумъ (хотѣлось-бы блеснуть ученостію) труднымъ вопросамъ: откуда взялся нынѣшній толкій запасъ теплотвора? Второе, почему, въ нарушеніе коренныхъ замѣчаній, постоянно съ Апрѣля 1826 года дуешь

(*) Наблюденія надъ термометромъ, какъ и въспраи, взяты изъ записокъ Березовскаго уѣзнаго учителя Маломахова. Послѣ я извѣстился, что такое-же состояніе температуры и въспровъ продолжалось тамъ въ Декабрь, равно въ Январь и Февраль 1827 года, а 27 и 28 Февраля былъ въ Березовѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ порядочный дождикъ. Пожелаемъ успѣха мореходцамъ, ксшати рѣшившимся съѣздить въ гости къ полюсу.

здѣсь Ю. или ЮЗ. въспрѣ, когда по новѣйшимъ теоріямъ надлежало-бы дуть въспру сѣверному отъ полюса въ нижней атмосферѣ и въспру экваторіальному къ полюсу въ верхней атмосферѣ, для восполненія равновѣсія?

Ужъли полюсы земные, въ два или въ три послѣдніе года, гораздо больше ежегодно приближались къ равноденственной линіи, нежели на 58 секундъ? Ужъли большой астрономическій періодъ наспанешъ прежде, чѣмъ пройдушь —

Deux cents siècles par de là six mille ans ?

Нѣтъ, я увѣренъ, что никакія приключенія Метеорологіи не заставають васъ допустить, чтобы! истина природы, во многія тысячи лѣтъ себя изрекающая, вдругъ безвременно попорочилась сказаться, въ угодность пышливаго мечпанія. Это такъ; но шѣмъ не меньше справедливо, одно къ одному, и то, что я не видѣлъ въ здѣшней атмосферѣ великолѣпныхъ явленій, какими въ это время обыкновенно расписывается куполь ея въ здѣшнихъ широпахъ. Я надѣялся насмотрѣться на декорации сѣвернаго сіянія; не шупъ-то было: небо закапалось при мнѣ безъ воздушныхъ карпинъ, безъ всякой полярной поэзіи. Все то, что приличествуетъ преддверію холоднаго круга, можно было видѣть въ одномъ почти порядкѣ человеческого общежитія, въ порядкѣ явственно измѣнившемся.

Ч. XIV. No II.

О

Обширность дѣятельности человеческой путь свернулась въ прошлое физическое самопитаніе. Вы не увидѣли бы путь ни припряганнаго серпа или сошника, ни той цыли, которая въ доброй Сибири, по задворнымъ гумнамъ, стоить столпомъ отъ провѣвшаго зерна. Развѣшанные неводы, сѣти, морды; бережные запруживанія, луки съ спрѣлами, пшцеловные перевѣсы, въ таловыхъ просѣкахъ между водъ раскидываемые: вотъ всѣ орудія мѣстной промышленности и средства народнаго богатства. Человѣкъ, спряганый въ два или три ряда оленьихъ шюникъ, встрѣтитъ васъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: у чувала съ трубкой, на проруби съ мордой или съ лукомъ на лыжахъ. Какъ вы думаете онъ мѣряетъ глубину, ширину и вышину снѣга, воды и пр.? У него мѣра протяженій есть шесникъ, которымъ править оленей, подобно какъ у физика земный полупоперечникъ, на который прикидываетъ онъ величины солнечной системы. Не исчисляя прочихъ разностей; упомяну еще о томъ, что самыя живописныя, которыхъ мы употребляемъ на службу, здѣсь уже раскланиваются съ жителемъ, и другія опредѣляющія на снѣгу ихъ.

Не безъ гордости хочу вамъ донести о щегольскомъ выѣздѣ, какой я сдѣлалъ въ Березовъ на лешучей наршѣ, запряженной тройкою бѣлыхъ, быспроногихъ оленей,

которыхъ головы, кромѣ горделивыхъ въшвиспыхъ роговъ, были еще изукрашены пунцовыми коженными привѣсками. Носась по городу и около города на карпичныхъ Діаниныхъ санкахъ, я чувствовалъ себя въ какомъ-то новомъ, баснословномъ положеніи.

Прежде нежели изготовлю отчетъ о кой какихъ замѣчаніяхъ, опсрочиваемыхъ до слѣдующей бесѣды, теперъ я имѣю упѣшеніе довести до вашего свѣдѣнія одно рѣдкое, достопамятное явленіе въ нравственно-гражданскомъ порядкѣ, именно: изъ всѣхъ жилищей здѣшняго города и уѣзда, гдѣ считается ихъ (*) 23,803, не было полтора года ни одного арестанта; по всегдашнему же ихъ простодушію вовсе нѣтъ въ Березовѣ пюрмы. Я хотѣлъ было съ поэтомъ вспомнать saturnia regna, но въ недовѣрчивой мысли мелькнулъ вопросъ: не принадлежишь ли полъ многолюдное благонравіе къ физическимъ примѣсамъ полярнаго круга?

2 Декабря 1826.

Въ Березовѣ.

(*) Обоего пола, ш. е. въ городѣ 904 и въ уѣздѣ 22,899;

Примѣчанія мои въ пупи были слѣдующія :

А. Бдучи Иртышемъ до Самарова и опшуда Обью до Березова, я опять видѣлъ нагорный берегъ рѣки на споронѣ восточной, какъ и по прочимъ рѣкамъ, Чулыму, Енисею, Ангарѣ и Ленѣ. Недалеко было до вопроса: отъ чего произошелъ такой порядокъ единообразія при рѣкахъ, текущихъ параллельно меридіану? Прежде замѣчалъ я такое-же единообразіе въ Сибирскихъ рѣкахъ, которыя сперва льются поперекъ меридіановъ и потомъ склоняются къ сѣверу, какъ на пр. въ Исети, Тоболѣ, Ононѣ и пр. Не лзя-ли то и другое изъяснить сучочнымъ движеніемъ земли къ востоку, если только явленіе замѣчаемаго единообразія подтверждается и въ другихъ частяхъ нашего шара? Отъ круговращенія составныя части берега западнаго, омываясь рѣкою, всплѣскиваются къ верху на прошивномъ, въ слѣдствіе Гюйгенсовой силы.

Б. Нагорный берегъ Иртыша, во многихъ мѣстахъ мною знаемый, состоитъ изъ глины и больше изъ сухаго, несвязывающагося суглинка. Цѣпь осыпающагося берега казался мнѣ шаковымъ-же и по Оби, такъ, что заключеніе мое объ одинаковомъ составѣ его продолжалось до Аплымскаго погоста, гдѣ изъ разговоровъ случилось узнать, что берегъ этого селенія изобилуетъ бѣлымъ пескомъ и что

Тобольскія суда запасаются онимъ въ немаломъ количествѣ. Вы изволите увидѣть изъ засыпки сего письма, сколь былъ и мѣлкозернистъ эшопъ кремнистый песокъ. На слѣдующей-же спанціи подали мнѣ опломокъ камней, какіе частію находяща въ сославѣ продолжающагося Обскаго берега, и опломокъ былъ глинистый сланецъ, проникнушый слюдою и желѣзною окисью.

В. Изъ уваженія къ искусной проэктіи и къ превосходной отработкѣ картъ, которыя издаются при Депо картъ, я бы смѣлъ замѣнить небольшія неисправности, усмотрѣнныя на двухъ картахъ Россіи, на *генеральной* 1809 года, и на *подробной*, прежде того вышедшей. Вотъ онѣ, мѣстными свѣдѣніями подтверждаемыя :

I. На подр. к., пониже Самарова, Обь соединяется съ Иршышемъ двумя рукавами.

Прим. Тупъ Обь въ напурѣ соединяется однимъ усшьемъ.

II. На подр. к. соединенная рѣка черезъ 10 верстъ дѣлится на два рукава, изъ коихъ западный надписанъ: рѣка Обь.

Прим. Тупъ Обь не дѣлится, а только изъ нея выходитъ проливъ, *Прорвою* называемый, и эшопъ проливъ около деревни Бѣлогорской потчасъ падаетъ въ пропоку или спарицу, изъ Иршыша вышедшую выше Самарова. Пропока-же, пролегая по поверхности земли особымъ

пушемъ до *Нарыкарскихъ* юртъ, осенью мѣстами пересыхаетъ, и въ разныхъ разстояніяхъ носитъ разныя названія, напр. *Байбалаковской*, *Васнухольской*, *Ендерской*.

III. На генер. к. хотя начало проποка изъ Иртыша показано въ своемъ мѣстѣ, но чертежъ ея все неправиленъ.

Прим. Неправильность въ томъ: а) что проποка соединяется съ Обью при Кондинскомъ монастырѣ, а не въ поименованныхъ юртахъ, въ чемъ карта отъ истины разнится бо верстами; б) что кромѣ Бѣлогорской прорвы надобно бы означить еще при такія же, и именно въ юртахъ Ворочинскихъ; потомъ выше большаго Апдыма, и на послѣдокъ, между Кондинскаго монастыря и юртъ Алешокъ.

IV. На ген. к. Обь выше Алешокъ раздвояется, а пропоки уже не стало.

Прим. Напротивъ Обь, при продолженіи помянутой спарицы, вцѣрвые дѣлится, 7 верстами выше Чемашскаго погоста, на двѣ вѣтви. Воспочная называется Обью *Большою*, западная *Малою*. Малая, 20 верстами ниже того погоста, принимаетъ въ себя пропоку, у юртъ Нарыкарскихъ.

Еще *прим.* Выше г. Березова въ 20 верстахъ, Малая Обь соединяется новою прорвой съ р. Сосвою, и не иначе какъ чрезъ эту прорву, плывущія съверху суда приходятъ въ городъ.

V. На ген. к. Березовъ показанъ при самомъ устьѣ Сосвы.

Прим. Въ подлинникѣ, устьѣ Сосвы впадаетъ ниже города въ 20 верстахъ.

VI. На подр. к. Сосва названа Малою, а на ген. к. Большою, вѣроятно для различія съ Пермскою рѣкою сего-же имени.

Прим. Жители называютъ Сосву просто Сосвой, не зная ни мадой, ни большой, а карпъ не дается права переименовывать живыя урочища.

Заключивъ надобно пѣмъ, что гипотетическія погрѣшности, которыя происходятъ не отъ искуства, а отъ дальности, столь-же обыкновенны, какъ и извинительны.

Г. Желательнѣе-бы поговорить о происхожденіи Остяковъ, Вогуловъ и Самоѣдовъ, изъ числа которыхъ я видѣлъ только первыхъ; но матерія сія, по видимому рѣшенная, не требуетъ, во мнѣніи многихъ, новаго взгляда. Не льзя между пѣмъ не сказать, что Русская населенность, или Сибирь, прошедъ среди народовъ отъ Урала до Становаго хребта, разрознила ихъ на двѣ стороны до такой степени, что теперь трудно опознать, къ чему и гдѣ приславишь на споронѣ юга обрѣзки сѣвера, хотя по всемъ вѣроятностямъ должно полагать, что все эти обрѣзки суть происхожденія, или Финскаго, или Турецкаго, или Татарскаго, или Монгольскаго.

Трудность дойдши до начала наших сѣверныхъ народовъ увеличивается и отъ того, что когда они жили въ средней Азiи (а кромѣ Финновъ всѣ тамъ жили), Киншайцы, по извѣстному своенравію, давали имъ на обумъ странныя имена; когда являлись на глаза Европы, Греки и Римляне коверкали подлинныя ихъ названія; когда водворялись въ настоящихъ предѣлахъ жительства, опять новые сосѣди начинали называть ихъ новыми звуками, такъ, что теперь едва-ли сами они удержали въ памяти общія названія народовъ - предковъ, памятуя вѣроятно одни удѣльные. Исторія ихъ очень походитъ на исторію бабочекъ, проводящихъ разновременные періоды своего бытія, по въ личкѣ, по въ личинкѣ, по въ куколкѣ, до совершеннаго развитія.

На чемъ-же надлежало-бы особенно основываться въ изслѣдованіи вопроса? Конечно не на покроѣ одѣянія, которому народы по нуждѣ научающся у климата; ни на родѣ промысловъ, которые также указываютъ имъ инстинктъ самодхраненія, ни на обычаяхъ, которые часто измѣняющся отъ обстоятельствъ и сосѣдей. Я бы, въ семь случаевъ посовѣтовался съ языкомъ и съ физіогноміей народовъ, родства не помнящихъ, и больше съ физіогноміей, чѣмъ съ языкомъ, который скорѣе уступаетъ

времени, нежели обликъ (*). Изъ чего изволише заключишь, сколь далека я оцъ доврѣя книжнымъ рассказамъ о сѣверныхъ нашихъ сосѣдяхъ.

Знали-ли, не лишній вопросъ, древніе географы кого нибудь изъ сѣверныхъ нашихъ инородцовъ понынѣ существующимъ именамъ? Иродотъ зналъ Алазоновъ и Аримасповъ; Плиній старш. Финновъ, Кошповъ и Аринеевъ; Птолемей также Финновъ и Могуловъ; Констаншинъ Порф. Хазаровъ или Казаровъ.

Нашъ трудолюбивый Ташищевъ, иногда въ Аримасахъ, иногда въ Аринеехъ, видишь, какъ въ призмѣ, всѣхъ народовъ, отъ Лапландіи до Енисея живущихъ, слѣдственно: Вогуловъ, Оспяковъ и Самоѣдовъ, какъ будто-бы рѣшено, что населяющія орды тушь жили до временъ Иродота, или Плинія.

(*) Какое несходство между языкомъ Моисеева Пятикнижія и языкомъ Шкловскаго, на пр., Кагала, между языкомъ Конфуція и нынѣшняго Китайца, между языкомъ Русской Правды и языкомъ Александровыхъ учреждений! Но обликъ и цвѣтъ нынѣшняго Раввина не снимокъ-ли съ древняго Левита? Узкостъ глазъ и обликъ нынѣшняго Китайца не сходны-ли видомъ и размѣромъ съ древними изображеніями стражи? Тобольскіе Остѣки разныхъ рѣкъ, чтобы ближе бытъ къ дѣлу, чрезвычайно разнятся въ языкъ, но въ очертаніи лица и стана общій очеркъ очевиденъ.

Съ пѣхъ поръ, какъ Академики наши описали, между прочимъ, народовъ, о коихъ идетъ рѣчь, по чему по усамовилось общее мнѣніе, что Вогулы (Манзи) и Остяки (Хандыхо) суть такіе-жъ сучья Финскаго поколѣнія, какъ Чухонцы и Карелы. Описание народовъ Георги, хотя-бы и не было перепорчено поправками и пропусками Русскаго издашеля, повтораеть поже предубѣжденіе. Самъ знаменитый Карамзинъ безъ разсмотрѣнія причисляетъ Вогуловъ и Остяковъ къ Финнамъ.

Но повидавшись съ Остяками, говорящими тѣмъ-же языкомъ, какимъ и Вогулы, я смѣю со всею твердостію удостовѣрить васъ, что сіи племена отнюдь не Финскаго происхожденія, и вотъ основанія: 1, что языкъ обоихъ не сходенъ съ Финскимъ, кромѣ словъ, по сосѣдству къ нимъ вкравшихся; 2, что русый изрыжа цвѣтъ и не плоское расположеніе лица суть неразлучныя примѣты Финскаго племени, какъ напротивъ у моихъ Остяковъ увидѣли-бы вы волосы, какъ смоль, лицо смугло-широкое, какъ полный мѣсяцъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, а обликъ Вогула разнится отъ сего портрета только большею смугловатостію. Какіе-жъ суть Финны? Не правильнѣе-ли назвать ихъ переселенцами средней Азій, которымъ обликъ и цвѣтъ не измѣниди, даже по прошествіи несчетныхъ столѣтій?

Чтобы подкрѣпить нѣвніе дальнѣйшими доводами, я прошу принять въ замѣчаніе, 3-е, что способъ ловить сильныхъ звѣрей таково-же у Остяковъ, каково и у Монголовъ, т. е., дѣлая изгороды на нѣсколько вершъ со скрытыми ямами; 4-е, что живучи при большихъ водахъ, спрашивая купаться лѣшомъ, какъ дѣлаютъ сосѣди мои, значить выказываютъ, что предки ихъ вышли изъ сухихъ или безводныхъ странъ, каковы въ средней Азіи; 5-е, что Остяки не въ Гримвръ сѣвернымъ племенамъ сасподлюбивы, при волокишствѣ даже фантазируютъ пѣсни, и припомъ, давно ли (до крещенія ихъ Митрополитомъ Филофеемъ) вели частую войну за любовь въ своихъ Котскихъ городкахъ (*), и попеременно осаждали ихъ, какъ Трою Греки; 6-е, что щегольской обычай мушинъ прививать себѣ разряженныя косы, безъ всякаго сомнѣнія перенять у Гобійскихъ народовъ; 7-е, что шаманское вѣрослуженіе, еще незабытое у некрещеныхъ Остяковъ, есть коренной признакъ, что народъ происходитъ изъ теплой Азіи, и что онъ научился мнипельно сообщаться съ горными силами или у древнихъ Могуловъ, или Ин-

(*) Остякія деревни отъ Самарова почти до Березова называются въ нашихъ податныхъ книгахъ *Котскими городками*, а сами Остяки отъ жителей иногда Кондою. Около тѣхъ деревень видны и нѣмныя обводные, а слово Котскіе то же, что Кондекіе.

довъ, ибо и Дельфійская Пифія, прорекавшая въ равныхъ съ Шаманкою обстоятельству (т. е. первая среди куреній, а послѣдняя среди курева), есть благовоспитанная дочь одной магери Индіи; 8-е что кромѣ шаманства, у Оспяковъ есть много поклоненій идоламъ, много суевѣрій и колдованій. Послѣдняя историческая примѣта заставляетъ рѣшительно признавать въ Вогулахъ и Оспякахъ отродье Угровъ-Уйгуровъ, уклонившихся по Абулгазію къ Иртышу для ловли дорогихъ звѣрей.

Очередь доходитъ до Самоѣдовъ. По широкому окладу лица, уже выполаскивающегося въ бѣлый цвѣтъ (отъ долговременнаго-ли шупъ, или около Кавказа, водворенія), надобно и ихъ почитать также за первоселенцовъ средней Азіи. Въ настоящую эпоху Самоѣды, которая пропаялась отъ р. Мезени до залива Хапангскаго, называя своихъ дѣшей, мальчика и дѣвочку, однимъ словомъ *ниугу*, а взрослыхъ мужчинъ *хазово*, присвоить и себѣ самой, какъ народу, то же двойное имя: *Ниугу* и *Хазово* (*). Первобышнія ли эти названія орды или подспавныя, трудно разгадать, хотя не лзя отрицать, что то и другое по видимому засвидѣтельствованы Исторіей.

(*). Отъ какого корня происходятъ употребляемыя гостинодворцами слова: *хазовый конецъ*?

Китайская исторія, по словамъ Де-гюна (Degüines), въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтій, находить орду осѣдлую въ Печели, Шанси и Шенси, и даетъ ей имя *Шугу*. Нѣтъ сомнѣнїя, что эта орда состояла изъ однородцовъ нашей Самоѣди; но чѣмъ увѣришься, чтобы сѣверно-Китайское спойбище было самое мѣсторожденіе, а не спановье?

Другое историческое спойбище Самоѣди и, можетъ быть, и самое мѣсторожденіе, было на восточной сторонѣ Кавказа, тамъ, гдѣ бывало жили древніе *Хозоги* (попросту Косоги), такъ, по всей вѣроятности, переименованное изъ Хазово.

Третье историческое спойбище орды Хазово, подъ именемъ *Хизахи* (Казахіи), замѣченное Конспанпиномъ, было на западной сторонѣ Кавказа. Куда же Хозоги или Казахійцы потомъ исчезли мгновенно опъ глазъ Исторіи?

Я бы смѣлъ утверждать, что *Хазары*, въ послѣдствїи съ грознымъ именемъ приближившіеся къ Россіи и къ восточной Европѣ, были прежніе Хозоги или наши Хазово. Святославъ, въ 965 году, побѣдивъ Хазаровъ, называетъ ихъ (въ Несторѣ) Ясами и Косогами, слѣдственно, Хазары не по одному филологическому выводу, а по самой бывальщинѣ состояли изъ Хосоговъ, Ясовъ и вѣроятно другихъ соплеменныхъ наименованій. Преложеніе слова Ясы, въ Асы, въ Азы или въ Хазы, кажется, не мудрено для переначи-

ванья въ успахъ современныхъ, и въ поже время однозвучно для уха. Это служилъ образчикомъ, что одинъ народъ, Хазаво, могъ у Европейцовъ называться Хазарами, и Косогами и Асами. Известныя догадки нѣкопорыхъ, что подъ именемъ Косоговъ средней исторіи не были-ль Киргизъ - Кайсаки, а подъ именемъ Асовъ не должно ли разумѣть Кабардинцовъ; не найдуть себѣ мѣста въ крипической исторіи народовъ (*).

Въ большее оправданіе моего мнѣнія, надобно опддать справедливоѣсть Хазаво-обломкамъ, что хотя и загнашы въ пустынную и холодную глушь, не переспяютъ они при своемъ дородствѣ быть бодрыми, дѣятельными и достойными памяти славныхъ предковъ. Сохраняя въ фи-

(*) Почитаемъ приличнымъ сообщить здѣсь Сочинителю *Лисежъ изъ Сибири* догадку Клапрота, объясненную имъ въ 1-й части его *Mémoires relatifs à l'Asie* (Парижъ, 1824 г.). Находя, что городъ Хазарскій, построенный нарочно посланнымъ Спифарокандидатомъ Петроною, при Императорѣ Византійскомъ Теофиль (см. Лерберга, *Изсѣдованіе служ. къ объясн. древн. Русской Исторіи*, С.Пб. 1819, 321 и слѣд., называемъ былъ *Саркелъ* (Бѣла вежа, по-Русски); что Греки переводили *Бѣлгородъ*, Клапротъ доказываетъ, что это не могло быть Турецкое слово, и опровергая (весьма достаточно) другія свидѣтельства, что Хазары были Турецкаго происхожденія, утверждаетъ, что *Хазары могли быть именно изъ тѣхъ поколѣній, которыя называются*

этномія свидѣтельство рожденія въ лучшихъ климатахъ Азіи, они подѣкиваютъ истину родословія еще своими искусствами; приличными старой родинѣ. Я хочу сказать, что наша Самова умѣетъ хорошо закалявать желѣзо въ спаль, легко размягчать мамонтовую кость и искусно вырѣзывать изъ нее однимъ ножомъ курительныя трубки, въ Кипайскомъ рисункѣ (*), съ эллиптической около горлышка плоскостью, къ верху погнутою, со всею припомъ мягкостью въ соединеніи разныхъ плоскостей. Сіи занесенныя къ северу искусства ручаются, что наши Нючу не были чужіе извѣстной у Кипайцовъ ордѣ Нючу.

Можетъ быть, послѣ сего проспекта, вы сдѣлаете вопросъ: когда и какимъ путемъ часть ихъ уклонилась на сѣверныя тундры? Не принимая вопроса, можно за

нимі Остякамъ, Вогулкамъ и Самовамъ. Любопытно было-бы знать болѣе объ языкахъ сихъ народовъ. Много важныхъ сомнѣній разрешается выискиваніемъ новымъ средствомъ анатоміи вѣка прошедшаго. Принимая съ особеннымъ уваженіемъ замѣчанія Г-на Сочинителя Писемъ изъ Сибири, мы усердно просимъ его обращать вниманіе во время путешествій на сію важную и для Сибири весьма худо еще обработанную часть этнографіи. Изд. Тел.

(*) Я получилъ въ Березовѣ отъ Н. И. Андреева Самовадскую трубку, съ другими достопамятностями, и отослалъ въ Музей Иркутской Гимназіи.

просто думать, что она переселилась туда, или спустилась по р. Енисею, или обогнувъ Уралъ, когда пало Хазарское царство на Волгѣ. Остяки и Вогулы, называемая Самоѣды *Урьябъ*, т. е. горнымъ народомъ, кажется, тѣмъ намекаютъ, что они встрѣтили сихъ пришельцовъ нѣ за Уральскихъ горъ.

Палласъ причисляетъ Самоѣды къ Кавказскимъ народамъ и кажется, больше по замѣчаемому сходству въ языкѣ, который, надобно признаться, для слуха долженъ быть пріятенъ по частому соединенію буквъ гласныхъ съ согласными, особенно носовыми. Не отъ одного-ли корня происходитъ языкъ Самоѣди и Гурин? Я дѣлаю эту смѣлую догадку не поному, что и въ Гурин и въ Самоѣди есть р. *Петора*.

Окончивъ свою рѣчь о происхожденіи трехъ племенъ, особо представляю на ваше разсмотрѣніе *поколѣнную роспись* сихъ и другихъ сосѣдей, расположенную по одному сходству ихъ языковъ. Пришомъ, чтобы исчерпать матерію до дна, попытаюсь спарыя имена нѣкоторыхъ народовъ, у древнихъ географовъ выше мною замѣченныя, перевести для примѣра на настоящія, и вошь какъ:

Иродотовы *Алазоны*, могутъ быть *Альзоны* Монгольскаго народа, нынѣ живущіе въ числѣ нашихъ Бурятъ. Родъ, который прежде могъ идти за цѣлымъ на-

родъ, могъ послѣ сдѣлаться малочисленною горстью.

Плиніевы *Котты* должны быть Сибирскіе *Котовцы*, живущіе нынѣ между Абаканомъ и Канскимъ.

Птолемеевы *Могулы* и *Матеры* безъ сомнѣнія суть извѣстные *Монголы* и *Моторы*, даромъ что у Птолемея *Матеры* приурочиваются къ р. Кумъ.

Иродотовы *Аримасы*, жившіе за Исседонами, т. е. въ Монголіи, и Плиніевы *Аринѳеи*, жившіе около Меопійскаго моря, могутъ быть нынѣшніе *Аримы* или *Аринцы*, въ числѣ уменьшившіеся. Кому неизвѣстно, что не только Аримы, но и славные народы убавлялись, убавлялись, да и исчезли.

Изберите кого нибудь съ большимъ проптивъ моего терпѣніемъ, и мы увидѣли бы любопытный сводъ Сибирскихъ народовъ, старыхъ и новыхъ.

Д. Я чуть не пропустилъ включить въ замѣчанія, сколь гибельна была для здѣшняго края необыкновенная жара, лѣтомъ и осенью не къспани здѣсь продолжавшаяся. Пожары еще лѣтомъ запыдали по лѣсамъ Березовскаго уѣзда, и огонь мѣстами не погасъ до сего даже времени. Лѣса, на пространствѣ, заключавшемся между Сургута, Самарова и Оби, обгорѣли до иундристыхъ мѣстъ къ сѣверу. Жители Котскихъ городковъ свѣдуютъ о поврежденіи кедровыхъ лѣсовъ, какъ пло-

випныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объ уходѣ бѣлки, не находящей уже корма въ ихъ сосѣдствѣ.

Въ другихъ мѣстахъ западной Сибири рыбныя озера обмѣляли, опъ чего рыба, или подохла, или исчерпана снаспими: и вошь причина, что, нынѣ на ярмаркахъ она продавалась за безцѣнокъ, а на будущее лѣто уловъ ея по озерамъ долженъ послѣдовать самый скудный.

3 Декабря.

Въ Березовѣ.

Поколѣнная роспись Сибирскихъ и другихъ народовъ, по одному сходству ихъ языковъ.

Имена народовъ. Какого происхожденія по языку.

Чухонцы	}	Финскаго = Варяжскаго = Чудскаго.
Карелы		
Олончане		

Лопари	}	особаго, хопя по образованію шлѣсному и по Исторіи со-племенны Финнамъ.
--------	---	---

Вошяки	}	особаго, и едва-ли не сопле-менны Аринцамъ.
Зыряне		
Перцяки		

Вогулы	}	особаго.
Осшяки		

Самоѣдъ } особаго.

Койбалы }
Моторы } Самоѣдскаго.
Камачи }

Якушы, какъ }
и Барабинцы }

Ламушы }
Чапогиры } Манжуйскаго.
Тунгусы }

Прилѣт. Въ семь раздѣленіи я основывался на Сравнительныхъ Словаряхъ, въ 1787, 89, 90 и 91 годахъ изданныхъ (*).

(До слѣд. книжки.)

(*) Какое великое одолженіе ученому свѣту можно сдѣлать, повѣря на мѣстахъ *сравнительные словари* сіи, которые донныи еще не подверглись ученой новѣркѣ! *Изд. Тел.*

II. КРИТИКА.

Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X. B. Saintines, en 1826, à l'époque du couronnement de S. M. l'Empereur, par M. Ancelot ().* — *Шесть мѣсяцовъ въ Россіи. Письма, писанныя Г-мъ Ансело, въ 1826 году, въ эпоху Коронаціи ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВѢЛИЧЕСТВА, и прот.* Парижъ, 1827 г. in 8.

(Письмо изъ Парижа въ Москву къ Сергѣю Дмитріевичу Полторацкому.)

Съ той поры, какъ прочелъ ты во Французскихъ Газетахъ объявленіе о вышедшей книгѣ Г-на Ансело, вѣрно не проходило дня, чтобы ты не поминалъ меня лихою и не гопорилъ съ досадою: «А онъ не присылаетъ этой книги и ничего не пишетъ о ней. Хорошъ принципъ! хорошъ корреспондентъ!» Предчувствую илюе неперпѣніе и пользуюсь первою удобностью, чтобы, хотя задашккомъ, успокоить

(*) Французскій молодой Поэтъ, извѣстной Трагедіями: Людовикъ IX, Палатный Меръ (le Maire du Palais), Заговоръ Фіэски, офранцузеннымъ подражаніемъ Шиллеру и Поэмою: Марія Брабаншская. Онъ въ числѣ нынѣшнихъ хорошихъ стихотворцовъ Франціи, и слогомъ и напѣвомъ своимъ приближается къ школѣ Ламаршина. Онъ призжалъ въ Россію, въ слѣдъ за посольствомъ Герцога Рагузскаго, и въ свидѣтельство пребываніи своего у насъ ославилъ Оду на Коронацію. Онъ сказывалъ, что пишетъ Трагедію Русскаго содержанія; но на вопросы любопытныхъ никакъ не могъ опредѣлить ни эпохи, ни событія, ни героя своей драмы. Вѣроятно, для полнѣйшей свободы въ созданіи, не хочеть онъ связывать себя историческими оковами, а уже послѣ прибереть и раму и имена для своей картинны.

твое сердце и твою библиографическую жадность. Вѣроятно, не лзя будетъ доставить тебѣ эту книгу въ Москву. Довольствуйся тѣмъ, что я прочелъ ее и будь сытъ моимъ насыщеніемъ или преосыщеніемъ. Впрочемъ, право жалѣть тебѣ нѣчего. Не подумай, что я въ оправданіе малаго усердія, хочу отбить въ тебѣ охоту. Нѣтъ! съ моей стороны нѣтъ никакой уловки, никакого злаго умысла. Отлагая обиняки и всѣ вносказанія, постараюсь тебѣ дать кое-какъ понятіе о шестимѣсячномъ пребываніи въ Россіи Г-на Ансело и если успѣю изложить ясно и внятно сущность этой книги, то безъ сомнѣнія умѣрю твое неперпѣніе и неудовольствіе на меня. Слушай! Первые пять Писемъ заключаютъ въ себѣ прверхностный отчетъ въ поѣздкѣ Автора отъ Парижа до Митавы. Въ нихъ замѣчательнѣе развѣ одинъ уважительный рпзывъ Французскаго Поэта о Гёше. Тамъ слѣдуенъ стихотвореніе, написанное Авторомъ на полѣ Люценской битвы. Въ послѣднихъ стихахъ обращеніе къ Наполеону благородно и кажется хорошо выражено.

Quand ton sceptre pesait sur le monde asservi,
 Quand la France tremblait, ma lyre inexorable
 D'un silence obstiné peut-être eût poursuivi
 De ton pouvoir sans frein la majesté coupable:
 Mais tu connus l'exil et sa longue douleur,
 Mais la mort t'a frappé sur un rocher sauvage;
 Je te plains, et ma lyre adresse un libre hommage
 A la majesté du malheur.

Тутъ должно замѣтить окривенное *peut-être*. Въ царствованіе Наполеона, Поэтъ не былъ еще извѣстенъ и не лзя знать, не иначе-ли заговорила-бы

диря его. Отъ седьмого письма изъ Петербурга начинаются именно Русскія Письма. Всего навсе въ книгѣ ихъ 44, а страницъ 422. Большая часть изъ нихъ посвящена мѣстнымъ описаніямъ и, такъ сказать, спаминсшико - топографико - живописнымъ подробностямъ, какъ ты и самъ увидишь изъ влеченія оглавленій писемъ, которое здѣсь сообщаю. Александрo-Невскій монастырь, Екатерингофъ, дрожки, Биржа, Арсеналь, Царское Село, погребеніе ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢВНЫ, Семякъ, Лѣтній Сады, гулянье въ Лѣтнемъ Саду, въ Духовъ день (Fête des mariages), ИМПЕРАТОРСКАЯ Библиотека, Кронштадтъ, С. Петербургская крепость, Соборъ Петро - Павловскій, водосвятие, Смольный монастырь, Зимній дворецъ, Эрмитажъ, видъ Петербурга, Казанскій Соборъ, Гробница Морозова, Острова, дорога изъ Петербурга въ Москву, Новгородъ, Валдаи (la Suisse Russe), Москва, Китай-городъ, Кремль, Пешовское, Цыганы, судебныя мѣста, шюрмы, Бородинское поле, Церковь Василия Блаженнаго, Сухарева башня, обрядъ Коронаціи и описаніе праздниковъ, данбыхъ при этомъ случаѣ. Все это, должно признаться, за исключеніемъ нѣкоторыхъ погрѣшностей, неумѣстныхъ замашекъ учености, умничанья и либерализма, тѣмъ болѣе неумѣстнаго, что Авторъ дома совѣтъ не въ радахъ оппозиціи, а либеральничаетъ только въ гостицѣхъ, все это описано довольно вѣрно, прибавимъ NB, для путешественника и для Француза; но все безцвѣтно, безмысленно и по крайней мѣрѣ для насъ Рускихъ ни мало не занимательно и не любопытно. Остальное содержаніе Писемъ, политическое и нравственное, еще ниже и сквознѣе. Не

льзя сказать, чтобы Авторъ, какъ многіе изъ со-
брацій его, былъ движимъ какимъ нибудь недобро-
желательствомъ къ Русскому народу и увлеченъ
предубѣжденіями противъ Россіи; но зрѣніе его сла-
бо и близоруко. Говоря о злоупотребленіяхъ, о не-
доспашикахъ нашихъ (и какой-же народъ не подвер-
женъ имъ?), онъ не рѣдко кружился около истины,
но не настаиваетъ ее и не въ силахъ за нее уха-
нуться. Россія, можетъ быть, опчасти и видна
въ его книгѣ, но видна какъ въ зеркалѣ пускломъ
и къ тому-же съ пятнами, которое отражаетъ
предметы слабо и темно. Въ этомъ отношеніи вина
не Автора и Богъ проститъ ему: не каждому даны
зоръ орлиный, умъ зоркій и наблюдательный; но
каждый образованный и воспитанный человекъ ош-
вѣчаетъ за личности, когда онъ себя ихъ дозво-
ляетъ. Въ этомъ отношеніи Г-нъ Ансело иногда
осиупаетъ отъ законовъ общежитія и шѣмъ ос-
корбилъ не Русскихъ, которые недоступны оскор-
бленіямъ Г-на Ансело, но своихъ согражданъ и со-
варищей путешествія своего, хотя и говоритъ въ
предисловіи, что онъ не числился при посольствѣ
Герцога Рагузскаго и что наблюденія его, неиз-
вѣстныя членамъ посольства, принадлежатъ ему
одному, что одинъ онъ за нихъ отвѣчаетъ.

Впрочемъ, не лзя сказать, чтобы Авторъ
худо помнилъ хлѣбъ - соль, по крайней мѣрѣ,
авторскую. 8-е Письмо содержитъ благодарное
описаніе обѣда, даннаго ему Г-мъ Гречемъ.

«Нѣсколько Русскихъ Литтераторовъ,“ гово-
ритъ онъ, «узнавъ о приѣздѣ моемъ въ Петербургъ,
хотѣли доказать мнѣ, что Музы сестры, и я за
нѣсколько счастливыхъ минушъ обязанъ ихъ друже-

любному гостепримству. Русскій Литтераторъ, Г-нъ Гречъ, одинъ изъ библиошкарей Императорскихъ, ученый Филологъ, Сочинитель Грамматики, которая имѣетъ законную силу въ Россіи (fait autorité en Russie), хотя и не была еще вполне издана, и Редакторъ лучшаго Журнала въ Имперіи, Сѣверной Пчелы, далъ вчера большой обѣдъ, на коемъ присутствовали всѣ отличные Литтераторы, находящіеся нынѣ въ Петербургъ. Тутъ видѣлъ я Г-на Крылова, который прелестными комедіями, а болѣе еще Баснями своими обязанъ за извѣстность Европейскую: его прозвали Русскимъ Лафонтеномъ и въ самомъ дѣлѣ въ твореніяхъ его находимъ простосердечіе, прелесть, придающія ему нѣкоторое сходство съ нашимъ безсмертнымъ добрякомъ. Въ свѣтѣ имѣетъ онъ какую-то молчаливую разсѣянность, которая довершаетъ сходство и оправдываетъ его славное прозваніе. Г-нъ Бургаринъ (Bourgarine), сотрудникъ Г-на Греча (*), человекъ ума весьма замѣчательнаго (d'un esprit des plus remarquables); онъ занимается нынѣ сочиненіемъ, коего отрывки уже напечатанные, приняты были съ большимъ успѣхомъ; прозваніе его: Русскій Жилблазъ (**). Цѣль сочиненія описаніе нравовъ и обычаевъ разныхъ областей Русскаго народа; ожидаютъ здѣсь книгу эту съ большимъ нетерпѣніемъ и если позволено заранѣе судить о достоинствѣ сочиненія по разговору Автора, то можно сказать утвердительно, что въ отношеніи оригинальности картинъ, тонкости и остроумія наблюдений, сія книга вполне удовлетворитъ ожиданіямъ.

(*) Ужь не Г. Булгаринъ-ли?

(**) Не Польскій-ли Жилблазъ?

«Возлѣ меня сидѣли за столомъ Г-нъ Лобановъ, которому Русскій театръ одолженъ переводами Федры и Ифигеніи и нынѣ готовящій переводы Гоэоліи и Британики; Г-нъ Измайловъ, уважаемый баснописецъ; Г-нъ Сомовъ (Soumoff), коего талантъ показывается съ блескомъ, и Графъ Толстой, искусный рѣщикъ на медаляхъ, который хотѣлъ придать славу искусствъ знаменитости происхожденія. Кромѣ энихъ, собраніе составлено было изъ поэтовъ, ученыхъ и грамматиковъ (*). Предлагали здравные *тоасты* въ честь Литтературы Французской, *старшей и любезнѣйшей сестры Литтературы Русской* (la soeur aînée et bien aimée de la littérature Russe); въ честь ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го, Который благотвореніемъ, истинно достойнымъ Великаго Царя, почтилъ письмена въ лицѣ Г-на Карамзина.“ — Въ концѣ обѣда пили за здоровье Г-на Жуковскаго, одного изъ лучшихъ нынѣшнихъ Поэтовъ Русскихъ.»

Вообще Авшоръ довольно справедливъ и благосклоненъ въ сужденіяхъ своихъ о нашихъ Поэтахъ, женщинахъ и простолюдинахъ. И за то ему спасибо! О талантѣ Александра Пушкина отзываясь онъ съ уваженіемъ и жалѣетъ, что не удалось ему познакомиться съ Поэтомъ. Въ книгѣ своей предлагаетъ онъ переводъ, прозою, но довольно вѣрною и красивою, Свѣпланы Жуковскаго, Черепа, сочиненія Барашинскаго, отрывка изъ Полярной Звѣзды и другаго стихотворенія неизданнаго. Говоря о Бара-

(*) Жаль, что Грамматики Г-на Греча и Господа Русскіе Грамматики, до сей поры болѣе извѣстны Г-ну Ансело, чѣмъ намъ. Не знаемъ, что было за эшимъ обѣдомъ, но мы пока судимъ еще наощахъ, безъ Русской Грамматики Г. Греча и безъ Русскаго Грамматики.

тынскомъ, жалуешь онь его въ Князя (*le jeune prince E. Baratinsky*), но за то съ другой стороны разжалываетъ его еще неумѣстнѣ въ подражателѣ Французскихъ нововведеній: передъ переводомъ стихотворенія: *Черепъ*, сказываетъ, что „оно уважается Рускими, которые начинаютъ нынѣ перенимать у насъ нашу недавнюю любовь къ грезамъ поэтическимъ, мистическимъ и наркотическимъ (сношворнымъ), коими мы наводнены.“ Въ подлинникѣ нѣтъ ничего мистическаго, а еще менѣе наркотическаго. Черепъ, предметъ философическій и поэтическій, и нововведеніе, которое ведется со смерти Авеля. Но Французу не лзя не похвастать и не обращаться всего къ Французамъ. Мелькомъ онь и строго судитъ нашу Литтературу, но и шутъ не безъ основанія. „Не должно,“ говоритъ онь, „требовать хода (allure) оригинальнаго и свободнаго отъ Литшературы Русской: въ ней упражняются люди, конкъ воспитаніе иноплеменное, образованность, понанія и самый языкъ заимствованы у Франціи, и слѣдовательно, она не можеть быть иначе, какъ литшература подражательная. Донныѣ она неосшущно повторяла формы, физиогномію и даже предразсудки нашей. Съ нѣкотораго времени, Рускіе Поэшы, кажется, хотять отходить отъ классическихъ образцовъ и искать образцы свои въ Германіи, но и въ этомъ они только намъ подражаютъ.“ Въ началѣ сужденія есть, какъ ни говори, много справедливаго; но въ послѣднихъ словахъ опять одна голая выходка Французскаго самохвальства. Мы еще съ Карамзина ознакомились съ Нѣмецкою Литтературою, а съ Жуковскаго приняли за нее. Французы же слышали о Нѣмецкихъ авторахъ шолько съ появленія книги

Г-жи Спаль о Германіи. То, что путешественникъ говоритъ о женскомъ полѣ въ Россіи, заслуживаетъ по моему мнѣнію безусловное утвержденіе. Вотъ слова его:

»Некоторые путешественники, а именно Авторъ *Тайныхъ Записокъ о Россіи*, донесли Европѣ о невѣжествѣ Русскихъ женщинъ: не знаю, были-ли они безпристрастны въ эпоху такого мнѣнія, но я съ ними не согласенъ. Пользуясь правами, присвоенными званію моему иностранца, я не одинъ разъ переходилъ за межу разграниченія, проведеннаго между обоими полами« (выше Авторъ замѣчаетъ, что въ гостинныхъ и столовыхъ нашихъ оба пола ве сходятся); я разговаривалъ съ этими женщинами, обвиненными въ невѣжествѣ, и по большой части находилъ у нихъ свѣдѣнія разнообразныя, соединенныя съ необыкновенною тонкостью ума, познанія не рѣдко глубокія во многихъ Литтературахъ Европейскихъ и прелесть выраженія, которой могли бы позавидовать многія Француженки. Особливо-же, между молодыми, сіи качества блистательнѣе обнаруживаются: это доказываетъ, что съ прошедшаго столѣтія образованіе женщинъ въ Россіи приняло новое направленіе, и что истинное лѣтъ штому тридцать перестаетъ нынѣ походить на правду. Часто въ Петербургѣ встрѣчаешь двѣиць съ равною свободою изъясняющихся на языкахъ: Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ и Русскомъ; я могу назвать такихъ, которыя пишутъ на сихъ языкахъ слогомъ замѣчательнымъ по необыкновенной исправности и красивости (*). Обширность этихъ

(*) Положимъ, что Авторъ могъ судить о степени свѣдѣній ихъ въ трехъ языкахъ; но какъ-же берется онъ судить и о познаніи ихъ въ Русскомъ языкѣ?

«познаній, это превосходство нравственное, объясняютъ, можетъ быть, причину одиночества, въ которомъ молодые люди оставляютъ ихъ въ обществѣ и нежеланіе ихъ сближаться съ ними (et la répugnance qu'ils éprouvent à se rapprocher d'elles).»

Я радъ, что иностранецъ гласно призналъ превосходство образованности женскаго пола надъ нашимъ въ Россіи. Я всегда былъ этого мнѣнія и увѣренъ, что наши свѣтскія общества холодны и безжизненны опъ нашей браціи. Если просвѣщеніе нашихъ женщинъ и не утверждено на истинныхъ основаніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, согласиться должно, что Изящныя Искусства, чтеніе иностранныхъ книгъ и отечественныхъ, сколько ихъ есть, входятъ въ число любимыхъ занятій новаго поколѣнія. И если молодыя дѣвицы, поступивъ въ званіе супругъ, не рѣдко охлаждаются къ симъ просвѣщеннымъ вкусамъ, то по большой части виноваты мужья, которые не рѣдко не умѣютъ ни поддерживать, ни цѣнить благородныхъ склонностей подругъ своихъ. Ты скажешь мнѣ: «хорошо тебѣ за глаза обвинять своихъ товарищей, думая, что за отсутствіемъ, ты изъемишься изъ общаго приговора.» Нѣтъ! я и съ вами на лицо признавалъ преимущество женщинъ надъ нами, и право не изъ одной любви къ нимъ, а изъ любви безкорыстной и къ истинѣ. Я довольно бздилъ по Россіи, жила въ губернскихъ и въ уѣздныхъ городахъ, и вездѣ находилъ *безъ всякаго лицепріятія*, что сумма, какова-бы она ни была, мыслей, утонченныхъ чувствъ, образованности и свѣдѣній, перестягиваетъ всегда на сторону женской.

Не знаю, какъ ты и вы всѣ господа столичные; но я готовъ многое простить Авшору за опъ

въ его о нашемъ просномъ народѣ. Почти всѣ шестипвенники кадили нѣкоторымъ вершинамъ нашего политическаго общества, чтобы потомъ безказаннѣе и смѣлѣе бить по нижнимъ рядамъ свода предательскою камильницею. Г-нъ Ансело не поажалъ имъ и вопль нѣкоторыя черпы изъ его характеристики Русскихъ простолудиновъ.

»Болѣе всего съ перваго взгляда иностранецъ удивляется въ Русскомъ крестьянинѣ презрѣнію опасности, которое онъ почерпаетъ въ чувствѣ силы и ловкости своей. За него испугавшись, выказываете на бѣду; онъ улыбается и отвѣчаетъ вамъ: *небось!* Это слово у него всегда на языкѣ: оно знаменуетъ неуспрашимость, истинное основаніе его характера. Догадливые и услужливые Рускіе крестьяне прилагаютъ всѣ способности свои, чтобы понять васъ и вамъ услужить: нѣсколько словъ достаточны иностранцу для объясненія мысли своей. Русскому крестьянину, который устремля глаза свои на ваши, угадываетъ ваши желанія и спѣшитъ имъ угодить. Ничто такъ удивительнымъ не кажется, какъ омиѣнная въжливостъ, которая опличаетъ этихъ простолудиновъ и являетъ странную противоположность съ ихъ дикими лицами и грубою одеждою: не только говоря съ вышними себя употребляютъ они учтивыя поговорки, которыхъ не слышишь во Франціи среди низшихъ званій, но и между собою приводятъ они ихъ при каждомъ случаѣ: встрѣчаяся, они снимаютъ шляпу другъ передъ другомъ и кланяюшся съ учтивостью, которая, казалось-бы, должна быть плодомъ воспитанія, а у нихъ она слѣдствіе природной благоклонности. На каждомъ шагу иностранецъ на

улицъ встрѣчаетъ примѣры этой общезнательности, свойственной Русскому народу: всегда ласковым словомъ остерегаютъ прохожаго и вмѣсто грубаго *протъ, посторонись* (*gare!*), которыми привѣтствуетъ васъ нашъ носильщикъ и часто послѣ этого, какъ уже свалишь васъ съ ногъ, здѣсь слышите вы: *варимъ! остерегитесь!* и проч. (*).

Далѣ приводить онъ примѣры мастерства и проворства Русскаго работника, который однимъ шпоромъ замѣняетъ не рѣдко цѣлую артель мастеровыхъ, вооруженныхъ разными орудіями. Вотъ чѣмъ довершаетъ онъ свои наблюденія: «Знаю, что и у Француза найдешь готовность услужить; но разсмашивая приспально оба народа, замѣчаешь ощутительную разницу въ свойствахъ ихъ услужливости. Французъ, помогая вамъ, слѣдуетъ своей природной живости, и вы, пріемля отъ него услугу, видите по важности, которую онъ придаетъ ей, что онъ знаетъ ея цѣну: Рускій одождаетъ васъ по природному побужденію и по чувству религиозному. Одинъ исполняетъ обязанность, возлагаемую общезнательствомъ, другой долгу любви христіанской. Честію добродѣтели народовъ образованныхъ, вѣсятъ и побужденіе и возмездіе перваго; другой не упоминаетъ о достоинствѣ своего поступка: онъ дѣлаетъ просто, что другіе дѣлали-бы на его мѣстѣ, и не понимаетъ возможности поступить иначе. Если дѣло идетъ о спасеніи человѣка, Французъ видитъ опасность и предается ей; Рускій видитъ впередъ собою одного несчастнаго, гонимаго по-

(*) Г-жа Спаль въ своемъ *десятилѣтнемъ изнаніи* описывается такъ-же похвально о вѣжливости и радушіи нашего крестьянина.

згвбушь : смѣлость одного обдуманная , неустра-
шимость другаго въ его природѣ.»

Подъ Французскимъ перомъ замѣчательны так-
же наблюденія безпристрастныя о нашемъ Русско-
Французскомъ воспитаніи. Говоря, что языкъ Фран-
цузскій сдѣлался для насъ потребностью , что во-
обще молодежь образуется Французскими наставни-
ками , онъ прибавляетъ : »Наше народное често-
любіе должно конечно быть довольно эшою данью
уваженія , плашимою нашему языку , нашимъ нра-
вамъ , нашей лихтературѣ ; но разсмашривая сію
систему глазомъ философическимъ , не найдешь-
ли въ ней много важныхъ неудобствъ ? Разстояніе,
раздѣляющее высшія званія общества отъ того , ко-
шорое называется народомъ , непомѣрно. Образъ воспи-
танія , предназначенный для молодыхъ баръ , не уве-
личиваешь-ли еще сего разстоянія ? Не уничтожаетъ-
ли оно всѣ сношенія между ними и званіями нижни-
ми ? Обдѣлка ума , чувства , языкъ , обычаи , все
различно. И притомъ , иностранные наставники
могутъ-ли внушить воспитанникамъ любовь къ
отечеству ? Могутъ-ли они образовать Рускихъ ?
»Не полагаю , и смѣю думать , что истинный патрио-
тизмъ должно искать въ одномъ народѣ. Кажется ,
»Правительство убѣдилось въ эшомъ неудобствѣ и
говоритъ о скоромъ учрежденіи Императорскихъ
учебныхъ заведеній , въ которыхъ основы воспита-
нія будутъ въ лучшемъ согласіи съ нравами , зако-
нами и постановленіями Россіи.»

Добросовѣстно показавъ себѣ нѣкоторыя хо-
рошія черты изъ книги Г-на Ансело , жаль мнѣ , что
я долженъ , по той-же добросовѣстности , изложить
передъ тобою недостатки и погрѣшности его.

Путешественники любятъ давать мнѣніямъ и замѣчаніямъ своимъ объемы общіе. Известенъ анекдотъ о Французѣ, который проѣзжая черезъ Нѣмецкій городокъ, остановился въ гостинницѣ для перемѣны лошадей и увидя въ ней рыжую хозяйку, которая была мальчика, записалъ въ своей путевой книгѣ: «Въ здѣшнемъ городѣ всѣ женщины рыжи и злы.» Этотъ анекдотъ можетъ быть примѣненъ и къ нашему путешественнику. Случалось-ли ему, что въ какомъ нибудь Русскомъ домѣ принявъ онъ былъ хуже въ слѣдующіе разы, чѣмъ въ первый, онъ поспѣшь вносилъ въ свой журналъ опредѣленіе: «Русскій начинаешь съ того, что сказывается вашимъ искреннимъ другомъ, скоро спановитесь вы простиымъ знакомцемъ, и тѣмъ кончится, что онъ перестанетъ вамъ кланяться.» Положимъ, что Авторъ испыталъ это на дѣлѣ; не станемъ разбирать, кто виноватъ въ этомъ охлажденіи взаимныхъ отношеній; но зачѣмъ-же, если Г-нъ Ансело попалъ на Рускаго, или даже на нѣсколько Русскихъ, которые не умѣли, или не хотѣли, поддержать пламя учтивостей, съ перваго приѣма оказанныхъ иностранцу, заочно знакомому имъ по литературному имени, за чѣмъ-же сей часъ подводить всѣхъ иностранцевъ и всѣхъ Русскихъ подъ одного общаго знаменателя? Надѣюсь, не столько для чести Русскихъ, сколько для собственной чести Автора, что и онъ въ шестимѣсячномъ пребываніи своемъ у насъ, умѣлъ сохранить знакомцовъ, которые кланялись ему до конца.

Релячество нѣкоторыхъ наблюденій его доходитъ до неимоверности. Описывая Эрмитажъ и упоминая о библіотекѣ Вольперовой, въ немъ храня-

щейся и которой онъ не видалъ въ подробности , за отсутствіемъ того , у коего хранился ключъ отъ нее , говорить онъ съ забавною важностью : »Не могу приписать неблагосклонности путеводаителя своего , или даннымъ ему приказаніямъ , лишеніе , во коемъ сожалью ; но яотъ , кому поручено храненіе сихъ книгъ , былъ въ оплучкѣ и никшо не могъ ни не хопѣлъ-бы взять на себя должность на другаго возложенную. Подобное неудобство встрѣчается въ Россіи ежеминутно : въ общеспвенныхъ-ли заведеніяхъ , въ частныхъ-ли домахъ , каждый имѣетъ свою долю занятія и отвѣтственности , за которыя не переступаетъ. Такимъ образомъ случилось мнѣ однажды у знашнаго барина не допроситься спакана сахарной воды , попому что чловѣка смотрящаго за буфетомъ не было , а между тѣмъ въ эшомъ домѣ болѣе спа служителей.«

Что за мудрость , что ключъ отъ библіотеки Вельперовой хранился въ рукахъ чловѣка именно къ ней приставленнаго и что другіе длжностные не взялись изъ угожденія Г-ну Ансело выломать замки книжныхъ шкафовъ ? Что-же касается до другаго примѣра , приведеннаго Авторомъ , то не лзя-ли истолковать его слѣдующею гипотезою ? Нашъ путешественникъ поэтъ ; Французскіе поэты любящъ читающъ стихи свои ; Французъ не иначе примется за чтеніе вслухъ , какъ поставивъ передъ собой крафинъ съ водою , спаканъ и сахаръ. Хозяинъ дома , въ которомъ Авторъ имѣлъ эшу неудачу , можешь быть , не охотникъ до стиховъ вообще , или въ особенноти до стиховъ Г-на Ансело , и для избѣжанія чтенія ему угрожающаго , онъ свалилъ бѣду на оплошнаго буфетчика. Въ эшомъ случаѣ сказашь

Ч. XV, No 11.

Р

можно: les absens ont tort, mais les présens avoient peut être raison.

Анекдоты имъ разсказываемые, какъ и наблюденія его, отзываются какимъ-то малолѣтствомъ, примѣчательнымъ въ лишператорѣ, извѣстномъ во Франціи, и довольно выгодно. Анекдоты его нелюбопытны и не вѣрны. И тутъ вертится онъ около истины, но она ему не дается. Говоря на примѣръ о строгости Цензуры нашей, разсказываетъ онъ, что кто-то изъ Рускихъ хотѣлъ издать путешествіе свое во Францію съ 1812-мъ году; что Цензура одобрила книгу, но съ требованіемъ, чтобы имя Франціи было въ ней вездѣ замѣнено именемъ Англіи, потому что Рускому неприлично признаться, что онъ въ 1812-мъ году путешествовалъ по Франціи. Вѣримъ, что Авторъ не выдумалъ этой нелѣпой сказки; но жалѣемъ о немъ, что онъ могъ ей повѣрить, а еще болѣе о томъ, который ему передалъ ее. Въ другомъ мѣстѣ, разсказываетъ онъ, что какой-то воръ подмѣнилъ пукомъ пустыхъ бумажекъ пукъ ассигнацій, данныхъ Епископу за обрядъ бракосочетанія. Въ такомъ плутовствѣ, если оно и было, нѣтъ ничего замѣчательнаго, и къ тому-же, у насъ Епископы не вѣнчаютъ на бракъ. Книга кончается стихотвореніемъ: *Воробьевы горы*; тутъ болѣе всего поэзіи въ свободѣ, съ которою Поэтъ переноситъ эту гору съ мѣста на мѣсто. То она очутится у него за заставою по Владимірской дорогѣ, и тогда служитъ проѣздомъ въ Сибирь; то она за Дорогомиловскою, и тогда представленъ на ней Наполеонъ, приближающійся съ войскомъ къ Москвѣ и ожидающій на ней депутатовъ, съ городскими ключами. Положимъ, что Авторъ можетъ не знать,

что дорога въ Сибирь не мимо Воробьевыхъ горъ ; но какъ-бы , кажется , не знать ему , что Наполеонъ не изъ Сибири-же шель въ Москву ?

Довольно-ли тебѣ эствъ выписокъ? Право, не изъ лѣни, но по недостатку ограничиваюсь ими. Если тебѣ этого мало, то, пожалуй, цѣликомъ выпишу пѣсколько писемъ и доставлю тебѣ при случаѣ. Эта книга такого рода, что вѣчему въ ней радоваться, ни сердиться не за что. Настоящій стаканъ воды: примешься за нее отъ жажды, проглотишь, и ни какого вкуса, никакого ошзыва въ тебѣ не останется: развѣ на днѣ отстоятся кой-какія соринки. Нѣтъ намъ счастія на пишущихъ путешественниковъ. По большой части все напечатанное иностранцами о Россіи составлено изъ пустяковъ, живыхъ разсказовъ и ложныхъ заключеній. Впрочемъ, мы также съ своей стороны не правы въ неосновательныхъ сужденіяхъ о насъ Европейскихъ гостей. Они не умѣютъ смотрѣть на Россію, а мы не умѣемъ ее показывать. Мы сами худо знаемъ свое отечество и превратнымъ образомъ обращаемъ на него взгляды иностранцовъ. Угощая приѣзжихъ Россію, многіе изъ насъ спѣшатъ выказывать имъ все подлежащее осужденію, ; чпобы такою уловкою вить въ себѣ изыятіе изъ общаго правила. Таинствѣ югрѣшности свои не нужно; но указывайте на ихъ съ патриотическимъ соболъзнованіемъ, а не по изсчету личной суешности. Я, признаюсь, былъ-бы радъ найдти въ иностранцѣ строгаго наблюдателя судію нашего народнаго быта: со стороны можно видѣть яснѣе и цѣнить безпристрастнѣе. Отъ прогихъ, но добросовѣстныхъ наблюденій постоянного, могли-бы мы научиться; но отъ-глупыхъ

насмѣшекъ, отъ безпрестанныхъ улькъ, устремлен-
ныхъ всегда на одинъ ладъ и по одному направленію,
отъ поверхностныхъ указаній, ничему не научишься.
Многіе признають за патриотизмъ безусловную по-
хвалу всему, что свое. Тюрго называлъ это *лакей-*
скимъ патриотизмомъ, *du patriotisme d'antichambre*.
У насъ его можно-бы назвать *кваснымъ патри-*
отизмомъ. Я полагаю, что любовь къ отечеству
должна быть слѣпа въ пожертвованіяхъ ему, но не
въ щеславномъ самодовольствѣ: въ эту любовь мо-
жетъ входить и ненависть. Какой патриотъ, кото-
раго-бы онъ народа ни былъ, не хотѣлъ-бы выдрать
нѣсколько страницъ изъ Исторіи отечественной и
не кипѣлъ негодованіемъ, видя предразсудки и пороки
свойственные его согражданамъ? Истинная любовь
ревнива и взыскапельна. Равнодушный вѣкъ дово-
ленъ, но что отъ него пользы? Безстрастный въ
чувствѣ, онъ безстрастенъ и въ дѣйствіи. Но по-
вторяю, можно-ли дождаться намъ отъ иностранца
хорошей книги о Россіи, которую видитъ онъ,
или изъ коляски, или изъ гостинныхъ, или знаешь
еще невѣрнѣе изъ рѣчей людей, знающихъ ее шакже
худо.

Г. Р. К.

III. БИБЛЮГРАФІЯ.

1826 года.

201. *Руководство для исчислений тригонометрической съемки, и работу Военно-Топографическаго Депо, съ принадлежащими къ онымъ таблицами, сочинено для Офицеровъ Корпуса Топографовъ Генераль-Маіоромъ Шубертомъ. Спб. 1826 г. in 8, V и 92 стр.*

202. *Anleitung zu den Berechnungen einer trigonometrischen Aufnahme, und zu den Arbeiten des topographischen Bureaus; nebst den dazu gehörigen Hülftafeln. Verfasst für die Offiziere des Corps der Topographen von dem General - Major T. F. v. Schubert. Спб. 1826 г. in 8, V и 90 стр.*

Какъ Нѣмецкій подлинникъ, такъ и Русскій переводъ сей, отличной по расположенію и изложенію, книги, напечатаны вмѣстѣ. *Приложенія* къ ней писаны на Русскомъ языкѣ и составляютъ отдѣльную размѣтку страницъ. »Я чувствовала часто,« говоритъ Авторъ, »недостатокъ ручной книжки, въ которой были-бы собраны всѣ практически полезныя формулы и таблицы, употребляемыя при тригонометрическихъ измѣреніяхъ. Это подало мнѣ мысль составить такую книжку для офицеровъ, служащихъ подъ моимъ начальствомъ. Она отнюдь не составляетъ теоретическаго сочиненія, ибо теоретическія свѣдѣнія предполагаются, и должна служить только руководствомъ, къ которому можно прибѣгнуть во всей геодезической части тригонометрическаго измѣренія, и при которомъ можно обойдши-

ся безъ всѣхъ прочихъ книгъ, исключая логоримическихъ таблицъ. Въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Генеральномъ Штабѣ введенъ въ употребленіе повторительный теодолитъ Рейхенбаха, почему и выпущены здѣсь всѣ формулы, относящіяся къ поправкамъ угла, измѣреннаго повторительнымъ кругомъ. Приборъ, принятый для измѣренія основанія, подобенъ прибору Делабра, только чіпо въ нѣкоторыхъ частяхъ усовершенствованъ. Описаніе и употребленіе сихъ инструментовъ не принадлежитъ сюда, ибо всякій офицеръ предполагается совершенно съ ними знакомымъ. Во второмъ отдѣленіи, заключающемъ вычисленія, принадлежащія болѣе къ занятіямъ Топографическаго Депо, я равномерно не коснулся теоріи различныхъ проэкцій. Я привелъ только проэкцію Бонна, которая признана теперь вообще лучшею для картъ большаго масштаба, и потомъ меркаторскую, которая важна для страны только великаго береговаго протяженія.

Такимъ образомъ, составляя книгу для офицеровъ Военно-Топографическаго Депо, Авторъ изясняетъ въ первомъ отдѣленіи, *Геодезическія измѣренія*, приводя всѣ оныя къ пяти статьямъ: *Вычисленіе измѣреній основанія; Вычисленіе трехъ-угольниковъ; Вычисл. разстояній отъ главнаго меридіана и главнаго перпендикуляра; Вычисл. долг. и шир. тригонометрич. точекъ и построеніе меридіановъ и параллельныхъ круговъ; Вычисл. барометрич. измѣреній.* Въ окончаніи описано *Введеніе книги при тригонометрическомъ измѣреніи.* — Во второмъ отдѣленіи излагаются *Занятія Топографическаго Депо*, приведенныя къ двумъ статьямъ: *Приведеніе картъ къ иному масштабу и нанесеніе ихъ*

на данную географическую карту; Вычисленіе стокъ и нанесеніе на нихъ тогекъ, астрономически опредѣленныхъ.

Приложенія, въ числѣ 32 страницъ, заключають въ себѣ разныя таблицы, образцы книгъ, выкладки, сравненіе мѣръ разныхъ странъ, и наконецъ, (полнѣйшее, какое донынѣ существуетъ) собраніе *Астрономическихъ опредѣленій мѣстъ въ Россійской Имперіи*: здѣсь означены 1361 пунктъ, опредѣленныхъ (Астрономически и Тригонометрически) разными наблюдателями. Новѣйшія наблюденія будутъ издаваемы въ видѣ Прибавленій. Четыре чертежа принадлежатъ къ книгѣ; какъ сіи чертежи, такъ и самое изданіе книги превосходно произведены при Депо и въ Типографіи Главнаго Штаба.

203. *Scholae semestres, in Caesarea Universitate Litteraria, quae Dorpati constituta est, a d. 23 Jul. usque ad d. 19 Dec. anni 1826, habendae, indicuntur a Rectore et Senatu Academico. Inest Caroli Morgensternii Dissertatio de Theodoro Santabareno, partis tertiae Commentationis de numismate Basilii tschernigoviae nuper effosso epimetrum.* Дерптъ, въ пол., XII и 6 стр.

Сія роспись лекцій Дерптскаго Университета, за вторую половину 1826 года, показываетъ намъ, что число кафедръ Университета простирается тамъ до 28, раздѣляется на IV отдѣленія: *Богословское* (4 кафедры), *Юридическое* (6 каф.), *Медицинское* (8 каф.) и *Философическое* (10 каф.), не считая отдѣльнаго изученія Русскаго, Французскаго, Нѣмецкаго, Италіянскаго, Англійскаго, Латинскаго и Эстонскаго языковъ; также уроковъ Фехтованья, Танцованья, Музыки, и проч. Впрочемъ, названіе оц-

дѣленій не показываешь существеннаго назначенія ихъ, ибо къ Юридическому причислена кафедра Исторіи, къ Философическому кафедры Фармаціи, Математики, Химіи, Архитектуры, Астрономіи, Древностей и Русской Литтературы (для исторіи сей Литтературы приняты въ руководство *Словарь Духовныхъ Писателей* и *Словарь Писателей, Новикова*).

Приложенная къ росписи лекцій диссертация Профессора Моргенштерна есть прибавленіе къ третьей части разсужденія его о Черниговской гривнѣ (см. Телегр. 1825 г. т. II 29 и 1826 г. т. X 227). Здѣсь Г-нъ Моргенштернъ входитъ въ историческія разысканія о Θεодорѣ Сантабаренскомъ, Архіепископѣ Евхаишарскомъ; опровергая нелѣпую сказку о явленіи Василию Македонянину умершаго сына его, явленіи, произведенномъ будто-бы Θεодоромъ Сантабаренскимъ, Г-нъ М. называетъ эту повѣсть *бабьимъ разсказомъ* (*anilem monachorum fabulam*) и опровергаетъ разныя обстоятельства изъ жизни Θεодора. Онъ приводитъ свое разысканіе въ доказательство, какой критикѣ подлежатъ еще Византійцы. Не сомнѣваясь въ этомъ, мы должны отдать полную справедливую похвалу Г-ну Моргенштерну за его обширныя и трудныя соображенія и разысканія.

204. *Part third of the catalogue of the English circulating library*, etc. *Третье отдѣленіе каталога Англійской Библіотеки для чтенія*, находящейся въ Москвѣ, между Кузнецкимъ мостомъ и Малымъ Театромъ, въ домѣ Кантонишвовъ Военно-Сиротскаго Отдѣленія. М. 1826 г. in 12, 16 стр.

Для любителей ошечественнаго просвѣщенія конечно пріятно будетъ узнать, что Англійская

Библиотека въ Москвѣ не только не уничтожается, но напротивъ получаетъ большее распространеніе. Можно, кажется, предвѣщать, что Англійскій языкъ, Англійская Литтература безпрерывно будутъ входить у насъ въ обширнѣйшее употребленіе. Нынѣ къ предметамъ воспитанія нашихъ молодыхъ людей почти уже постоянно причисляется изученіе Англійскаго языка. Байронъ, Шекспиръ, В. Скоттъ диктаторствуютъ почти безспорно въ нашей Литтературѣ. Соглашаемся, что *Англоманія* все не будетъ доказательствомъ самобытности духа народнаго, но признаемся, что если суждено намъ еще нѣскольکو времени *перенимать у другихъ*, пока другіе начнутъ *перенимать у насъ*, то Англоманію рѣшительно предпочесть должно *Галломаніи*. Еще много такого могутъ перенять Рускіе отъ Англичанъ, чего никогда не узнали-бы они отъ Французовъ: Философія, знанія, общественность находятся въ Англии на степеняхъ высокой, болѣе намъ сродной, и высшей во многихъ отношеніяхъ нежели у Французовъ. Если въ Англии менте блеска, за то болѣе прочности. Не говоримъ объ Изящныхъ Искусствахъ, о Поэзій Англійской, которую не смѣемъ и сравнивать съ Французскою. Впрочемъ, не должно впадать изъ одной крайности въ другую, а нашимъ литераторамъ однакожь пора-бы бросить забавную привычку знакомиться съ Литтературою Англійскою черезъ Французскіе переводы.

Англійская Библиотека для чтенія, открыта въ Москвѣ въ 1824 г. Изъ *третьяго* прибавленія видимъ, что нынѣ заключаетъ она въ себѣ до боо сочиненій и переводовъ и соплавлена съ большимъ выборомъ. Въ ней находятся классическіе авторы,

множество пушешествій и книгъ для полезнаго и приятнаго чшенія, кромѣ богатыхъ изданій Англійскихъ книгъ, которыя особенно продаются. Небольшая цѣна за членіе (50 р. въ годъ, 25 р. въ полгода, 15 руб. въ три мѣсяца и 6 р. за мѣсяць) доставляетъ всякому удобство пользоваться Библиошекою.

1827 года.

53. *De localibus morborum causis, quae sic dictam constitutionem climaticam spectant, et de diverso morborum caractere exinde oriundo.* Oratio, in anniversariis solemnibus inaugurationis Universitatis Caesariae Literarum Mosquensis habita ab Arcadio Alphonsky, Med. et Chir. D., Professore, etc. die 27 Junii anni 1827. М. 1827 г. въ Универс. тип. in 4, 15 стр.

54. *Рѣчь о тѣхъ отличительныхъ качествахъ, которыми преимущественно древніе Грецескіе Классики заслужили неоспоримое право быть всегдашними руководителями хорошаго вкуса въ Словесности, не только во время политическаго существованія Греціи, но и по уничтоженіи онаго,* произнесенная въ торжественномъ собраніи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, Юня 27 дня 1827 года Коллежскимъ Совѣтникомъ, Публичнымъ Ординарнымъ Профессоромъ Греческой Словесности и Кавалеромъ, Семеномъ Ивашковскимъ. М. 1827 г. въ Универс. Тип. in 4, 52 стр.

55. *Краткая Исторія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета съ 3-го тисла*

мѣсяца Юля 1826 по 27 число Юня 1827 года, М. 1827 г. въ Унив. Тип. in 4, 19 стр.

Двѣ означенныя Рѣчи Г-дѣ Профессоровъ Альфонскаго и Ивашковскаго, Стихотвореніе Профессора Мерзлякова и Отчетъ, или Краш. исторія М. У. за учебный годъ, протекшій съ Юля 1826 г., читаны были въ торжественномъ собраніи Университета, Юня 27 д. сего 1827 года. Особенное любопытство посѣщителей привлекало новое устройство Университетскихъ Кабинетовъ и Библіотеки, каждадневно открытой нынѣ для всѣхъ желающихъ пользоваться книгами въ ней находящимися. — Извлекаемъ важнѣйшія статьи изъ Отчета Университета. Въ семь году начато въ Университетѣ преподаваніе Италіянскаго языка; умножено число вспомогательныхъ кафедръ и закрыта кафедра Философіи. Ректоромъ Университета избранъ на новое трехлѣтіе Профессоръ И. А. Двигубскій. — Произведены: Докторами Медицины 4, Магистрами разныхъ отдѣленій 9, Кандидатами 30; въ Университетѣ обучается нынѣ, по отд. *Физико-Математическому*, 6 канд., 48 студент., 12 слуш.; по отд. *Словесному*, 16 канд.; 102 студ., 43 слушателей; по отд. *Медицинскому*, 35 лекарей, 267 студ., 31 слушатель и по отд. *Этико-Политическому*, 11 канд., 269 студ., 51 слушатель; всего-же 891 (Кандидатовъ 33, лекарей 35, студ. 686, слушателей 137). — Число учебныхъ заведеній въ округѣ Москов. Университета умножилось 8-ю уѣздными училищами, 5 приходскими и 15 частными пансіонами и школами, а число всѣхъ учащихся въ оныхъ простиралось до 11,453. — Въ Цензурномъ Комитетѣ одобрено къ напечатанію 39 книгъ и 185 рукописей. — Замѣ-

чательныя приношенія въ Университетѣ и его округѣ были слѣдующія: Статск. Сов. Сшевень продалъ Университету собраніе насткомыхъ за 12,000 руб. и предоставилъ деньги сіи обратно, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нихъ получаемые, содержимы были два студента, преимущественно занимающіеся Естествознаніемъ. Купеческ. жена Кулакова пожертвовала въ Университетъ 10 т. рублей и машину дѣлителя. Почетн. Членъ З. П. Зосима подарилъ Университету дачу свою, находящуюся въ Москвѣ, на Трехъ Горахъ. Капитанъ Князь Щербатовъ обязался отстроить для училища въ городѣ Павловскѣ каменн. домъ, въ 20 т. рублей; Графъ Дивіеръ внесъ въ Приказъ Об. Призр. 5000 руб, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ нихъ были содержимы въ Воронежской Гимназій и Валуйскомъ училищѣ 4 воспитанника изъ бѣдныхъ людей. — Университетъ предлагаетъ для рѣшенія на сей 1827 годъ слѣд. задачу: «Какое было содѣйствіе Римскаго Права въ положительномъ законодательствѣ Европейскихъ народовъ, съ представленіемъ слѣдствій, отъ того происходящихъ, по части Гражданскаго Судопроизводства.» Награда за лучшее рѣшеніе оной 250 руб.

56. *Записки*, издаваемыя Государственнымъ Адмиралтейскимъ Департаментомъ, относящіяся къ мореплаванію, Наукамъ и Словесности. Часть XII. С.Пб. 1827 г. въ Морской тип. in 8, XLVI и 356 стр.

Въ семь томѣ, кромѣ *Записки о занятіяхъ Адмиралтейскаго Департамента по угеной галсти, во второй половинѣ 1826 года; Инструкціи о пробѣ и приѣмѣ пороха*, составленной Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба и Вы-

сочайше утвержденной 6 Сентября 1826 года; *Выписки изъ журнала Кронштатской Штурманской школы, съ Апрѣля по Декабрь 1826 года и Выписки метеорологическихъ наблюдений въ Кронштатъ за 1826 годъ*, не помѣщено ни одной оригинальной статьи. Изъ статей переводныхъ, кромѣ *Проспекта* (на 54 страницахъ) *объ изданіи путешествій Капитановъ Фрейсине и Дюперре* (изъ коихъ первое еще въ 1825 г. было издано, и впорое давно уже издается) и продолженія *Путешествія Малеспины въ Южное море* (на 163 страниц.), помѣщены только три статьи: *О пользѣ цѣпныхъ канатовъ*, письмо Капитана Галла, взятое изъ Brewster Philosophical Journal, въ коемъ Авторъ излагаетъ пользу; могущую произойти отъ введенія на корабляхъ желѣзныхъ цѣпей, вмѣсто пеньковыхъ канатовъ; *О разрушеніи мѣдной обшивки кораблей морскою водою и о способѣ предупредить оное*: здѣсь Гумфри-Девинъ изложилъ свое мнѣніе о предупрежденіи поврежденій мѣдной обшивки кораблей, чрезъ соединеніе мѣдныхъ листовъ съ оловянными пластинками. Жаль, что не переведены другія статьи, коими оспариваемо было предложеніе Девинъ и коими отвѣчалъ онъ на возраженія. Сии статьи мы видѣли въ разныхъ журналахъ 1825 года. *Замѣтанія объ Южной Шетландіи*: это извлеченіе изъ Записокъ, приложенныхъ къ картѣ Южнаго Океана, изд. Повелемъ и, вѣроятно, есть переводъ изъ какого нибудь Англійскаго Журнала. Сочинишель доказываетъ, что такъ названная нѣкоторыми географами *Южная Исландія* есть ничто иное, какъ *Повелева Кула* (Powell's Group), открытая симъ мореплавателемъ, въ 1821 г. Кажется, подобную статью должно-бы помѣщать такъ-

же съ дополненіями новѣйшихъ открытій. Мы осмѣливаемся указать въ семъ случаѣ на изданное въ 1825 г. Путешествіе Ведделя (а Voyage towards the south pole etc. Лондонъ, 1825 г. in 8, съ картами).

Въ Запискахъ о занятіяхъ Адмиралшейскаго Департамента помѣщена вполнѣ Инструкція, составленная Г-мъ Профессоромъ Щегловымъ, для отправлявшихся въ путешествіе кругомъ свѣта Естествоиспытателей (стр. II-XXVI). — Мы нашли тамъ еще извѣстіе о предположенномъ изданіи четырехкратнаго путешествія Кап. Лейт. Липке въ Ледовитое море, Лейт. - Демидова въ Бѣлое и Штурм. Иванова на рѣку Печору. Какъ путешествія сіи, такъ и карты и виды, къ нимъ принадлежащіе, будутъ изданы на счетъ Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. — По случаю поврежденія молніею Сурупскаго маяка, определено всѣ маяки снабдить громоотводами. — Путешествіе Ванкувера переводятъ на Русскій языкъ, подъ смотрѣніемъ Контръ - Адмирала Крузенштерна. — Нѣкто Англичанинъ Галль представилъ Начальнику Морскаго Штаба проектъ, что по вновь открытому имъ способу «доставлять ели, березъ, вязу и осинѣ преимущество въ прочности предъ лучшимъ дубомъ, для кораблестроенія и другихъ потребностей,» онъ готовъ передать свою тайну Россіи, съ тѣмъ чтобы его и другаго Англичанина сдѣлать управляющими приготовленіемъ деревь, на пять лѣтъ, съ платою по *милліону рублей* въ годъ, или выдачею единовременно милліона и привилегіею въ теченіе 20 лѣтъ приготовлять весь строевой лѣсъ, платя имъ по 2 рубли за каждый кубич. футъ; открытіе Г-на Галла, какъ ничѣмъ не-

поддерживаемое, не могло возбудишь довѣренности, а самое предложеніе его почтено совсѣмъ несообразнымъ.

57. *Второе Прибавленіе къ описанію Славяно-Россійскихъ рукописей*, хранящихся въ Библіотекѣ Тайнаго Совѣтника, Сенатора, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Дѣйствиельнаго Каммергера и Кавалера, Графа Федора Андреевича Толстова. Издалъ Павелъ Строевъ, Академіи Наукъ Корреспондентъ, и проч. М. 1827 г. въ шип. С. Селивановскаго, in 8, IX и 100 стр.

Каталогъ рукописей, находящихся въ Библіотекѣ Графа Ф. А. Толстова, изданный въ 1825 г. Г-ми Калайдовичемъ и Строевымъ, уже извѣстенъ ученой публикѣ и заслужилъ вниманіе даже иностранныхъ библіографовъ и археографовъ. Въ томъ же году издано было *первое Прибавленіе* къ оному. Мы порадовались *второму*, нынѣ изданному *Прибавленію*, видя, что Графъ Ф. А. не оставляетъ своего достохвальнаго старанія собирать памятники старинной Русской Литтературы, спасая ихъ отъ гибели и доставляя всѣмъ способъ пользоваться ими при ученыхъ трудахъ. Извѣстно, что имѣющіе надобность въ справкахъ и выпискахъ могутъ относиться къ Библіотекарю, П. М. Строеву, который подтверждая объ этомъ въ предисловіи къ новому *Прибавленію*, выѣстъ съ тѣмъ радуешъ насъ извѣстіями о нѣкоторыхъ ученыхъ своихъ предпріятіяхъ. Онъ надѣется выдать въ будущемъ году Собраніе Сибирскихъ Лѣтописей и Историческихъ Отрывковъ, все, извлеченное изъ Библіотеки Графа Толстова. Вскорѣ выданъ будетъ имъ подробный Каталогъ богатаго собранія старо-печатныхъ

книгъ , въ сей Библиотекѣ находящихся. Любви Графа къ отечественнымъ древностямъ мы обязаны будемъ прекраснымъ изданіемъ сего Каталога, ибо предположено присовокупить къ нему до 30 снимковъ. Изданіе выписокъ изъ рукописей , о которомъ говорено было въ 1825 г., ошлагается впредь до неопредѣленнаго времени.

Новое *Прибавленіе* представляетъ каталогъ 192-хъ, вновь, въ теченіе двухъ лѣтъ приобретенныхъ Графомъ О. А. рукописей (въ томъ числѣ четыре *харатейныхъ*). Расположеніе *Прибавленія* совершенно сходствуетъ съ первымъ Каталогомъ , о которомъ подробно говорено было въ Библиографическихъ Листахъ, Варшавскомъ Журналѣ и Моск. Телеграфѣ. Прибавленіе представляетъ намъ въ числѣ новыхъ приобретений многія весьма любопытныя. Въ немъ означены бывшія у Исторіографа *Морозовская* Лѣтопись и списокъ сочиненія Гваньини о Царѣ І. В. — Вообще по опредѣленію Г-на Спроева , изъ новыхъ приобретений Графа Толстова , 1 рукопись принадлежитъ къ XIII вѣку (*Псалтирь*), 4 къ XIV (Миней празднич., Тріодь, etc.) , 3 къ XV (Евангеліе etc.), 43 къ XVI, 69 къ XVII и 72 къ новѣйшему времени. Хотя здѣсь мы и не видимъ многого числа памятниковъ древнѣйшихъ , или имѣющихъ особенное общее достоинство , но кто можетъ отрицать , что и въ новѣйшихъ спискахъ (при строгой только критикѣ) не лзя отыскать множества любопытныхъ предметовъ для Исторіи и вспомогательныхъ ея знаній? Г-нь Спроевъ въ предисловіи къ Прибавленію , указываетъ на замѣчательнѣйшія счастыя , въ немъ заключающіяся.

58. *Объ искусствъ смотрѣть на художества по правиламъ Зульцера и Менгса*, сочин. Ф. Милиціи. Переводъ съ Испаліянскаго Валеріана Лангера. Спб. 1827 г. въ тип. *Генеральнаго (Главнаго?) Штаба*, in 8, XII и 186 стр.

Имя Автора столь-же мало извѣстно въ Историі Изыщн. Художествъ, какъ непонятно Русское названіе книги его. Не говоря о томъ, что безъ прилагательнаго: *Изыщныя*, слово: *Художества*, неопредѣленно и темно; спрашиваемъ: можешь-ли быть *Искусство* смотрѣть на *Искусство*? Вѣроятно здѣсь найдемся пропускъ: Переводчикъ долженъ былъ сказать: *Объ Искусствѣ смотрѣть на произведенія Изыщныхъ Художествъ*. Но что это будетъ за *Искусство*? Развѣ можно *смотрѣть* не *разсуждая*, *разсуждая* не *имѣя познанія въ общей теоріи*, и не однихъ Из. Худ., но вообще *Изыщныхъ Искусствъ*? Слѣд.; вошь гдѣ должно искать этого Искусства, которому Милиція хочеть научить художниковъ своею небольшою книжкою, въ коей, безъ всякаго порядка, набросаны замѣчанія и мысли, основанныя на теоріи неосновательной и несправедливой.

Учите живописца, ваятеля, зодчаго, механическимъ приемамъ ихъ искусствъ, старайтесь образовать въ нихъ понятіе объ общей теоріи Изыщ. Искусствъ; потомъ покажите имъ отдѣльно кришки вкуса, въ произведеніяхъ искусства, каждому собственно назначеннаго; покажите образцы, разверните воображеніе: вошь путь, коимъ долженъ идти художникъ. Общія теоріи, творенія Винкельмана, Лессинга, новѣйшихъ мыслителей-критиковъ; описанія великихъ произведеній: вошь въ чемъ должны со-

стоять руководства художника. Надобно стараться удалить отъ него произведенія мѣлкихъ писателей, безсистемныя книжки, гдѣ находимъ кришику и мысли какого нибудь стариннаго кришяка; ибо подобныя руководства приучаютъ художника къ мѣлочничеству, устрояютъ его отъ истинной теоріи, заставляють отставать отъ вѣка, оковываютъ умъ и воображеніе, и болѣе вредны, нежели полезны.

Книгу Милиціи причисляемъ къ сему разряду. Это былъ Итальянскій писатель XVIII вѣка, составившій, лѣтъ сорокъ тому, небольшую книжку, которую теперь перевелъ Г-нъ Лангеръ на Русскій языкъ. На стр. V находимъ, что Милиція «способствовалъ сочиненіями своими къ лучшему направленію художества» (?); на стр. VII, что онъ былъ «Писатель-философъ»; на стр. IX, что онъ былъ «просвѣщенный человекъ, одаренный чистымъ вкусомъ, судилъ по собственнымъ своимъ чувствамъ и руководясь природою»; на стр. VI говорятъ намъ, что онъ руководствовался собственнымъ чувствомъ, *слѣдуя правиламъ Зулцера и Менгса*, а на стр. X читаемъ совсѣмъ непонятное, что *«слѣдуя правиламъ Зулцера и Менгса, Милиція слѣдовалъ влеченію собственнаго своего генія и природѣ!»* Искренно совѣтуемъ писать предисловія яснѣе.

Недостатокъ системы основательной доказывается самымъ расположеніемъ книги. Сначала идетъ, безъ всякихъ предварительныхъ разсужденій, краткое обзорнѣе 22 извѣснѣйшихъ произведеній Ваянія. За шѣмъ слѣдуютъ, подъ именемъ: *Разсужденій*, 40 §, гдѣ Авторъ говоритъ о теоріи Из. Художества, и преимущественно о Ваяніи. Въ за-

ключеніе помѣщены при отдѣльныхъ статьи: *Живопись*, *Архитектура*, *Гравированіе*, въ которыхъ разсуждаешь о сихъ отрасляхъ Из. Художествъ.

Мы имѣли случай говорить въ Телеграфѣ объ истинной теоріи Из. Искусствъ; полагаемъ, что истинная теорія ихъ столь извѣстна уже въ Россіи, что не нужно доказывать ошибку тѣхъ людей, которые донинѣ держатся старой невѣрной теоріи Баттё, Зульцеровъ и Менгсовъ. Книга Милиціи можетъ быть яснымъ доказательствомъ, къ какимъ заблужденіямъ можетъ вести основная ошибка теоретика, и какъ невѣрны и несправедливы могутъ быть отъ того всѣ выводы и послѣдствія. Изъ мнѣній и правилъ, находимыхъ въ его книгѣ, можно представитъ самыя противорѣчащія и забавныя положенія, тѣмъ болѣе, что выводы теоретическіе смѣшаны у Милиціи съ ученическими замѣчаніями, ученые выводы съ такими, которые знаютъ ученики, едва начиная рисовать. Дабы показать духъ, въ какомъ писана вся книга, довольно привести нѣсколько спрочекъ:

Стр. 37. *Главное дѣйствіе* всѣхъ вообще Изящныхъ Искусствъ, основанныхъ на рисункѣ, состоитъ въ доставленіи удовольствія зрителю.

Стр. 97. Цѣль Живописи состоитъ въ наученіи насъ, доставленіемъ удовольствія зрѣнію, посредствомъ изображенія предметовъ изящной природы.

Стр. 142 Архитектура касается Из. Искусствъ только тою частію, которая способна быть изящною; но механической-же своей частіи скорѣе мо-

жетъ опнестись къ *Физикѣ, Математикѣ, Химіи, Естественной Исторіи*, и проч. (?).

Стр. 38. *Совершенное* въ отношеніи къ слуху и зрѣнію составляетъ то, что называется *изящнымъ*.

Idem. Выборъ лучшихъ частей, соглашеніе оныхъ между собою и составъ изъ нихъ *совершеннаго* или *изящнаго* - цѣлаго называется изящносноію идеальною или подражаніемъ *изящной природы*.

Стр. 39. Предметомъ занятій художника должна быть *изящная природа* . . . Змѣи, чудовища и прог могутъ назваться *изящными* . . . не смотря на отвращительный видъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, всѣ они въ своемъ родѣ могутъ быть совершенны, т. е. *изящны*.

Стр. 68. Видъ *изящнаго* какого-либо предмета доставляетъ удовольствіе; но ежели изъ удовольствія сего не протстекаетъ пользы, то оно недостаточно. Чѣмъ живѣе удовольствіе, тѣмъ *необходимѣе и полезнѣе*; удовольствіе-же *самое высшее* есть *необходимѣйшее и пріятельнѣйшее*. Истинныя наслажденія доставляютъ весьма много пользы; недоставляющія-же никакой, или весьма малую, есть наслажденія пустыя, ничтожныя, злоупотребленія или шолько призраки наслажденія. Конскій бѣгъ доставляетъ зрителямъ наслажденіе ничтожное; хозяйву-же лошади, выигравшему закладъ, *существенное.*

Довольно выписокъ; опровергать подобныя теоріи и прошиворѣчія не стоить труда. Покажемъ частныя замѣчанія Миллиціи. (Стр. 111) «Совершенно шемная шѣнь всегда непріятна; для избѣжанія сего должно пользоваться *отраженіями*. Рафаэль не имѣлъ понятія

объ отраженіяхъ, столь много способствующихъ ясности и пріятности картины» (Спр. 120). «Предметы аллегорическіе, метафорическіе и мнѳологическіе совсѣмъ для насъ не занчмательны, или занимательны весьма мало. — (Спр. 140) (Рчь о формахъ человеческого тѣла) «Рафаэль списывалъ ихъ съ природы, въ такомъ точномъ видѣ, въ какомъ находилъ, и не зналъ сущности истиннаго изящества оной.» — Мы видѣли выше, сколько зналъ эпо Милиція и потому не удивляемся ни мало, находя на 183 стр. смѣшной прозкъ Г-на Милиціи. Онъ негодуешь на мозаику и говоритъ, что если-бы сумна, издерживаемая на одну мозаическую картину Ватикана, предоставляема была тому, кто превзойдетъ Рафаэля, а черезъ десять лѣтъ опять превзошедшему побѣдителя Рафаэлева, то Живопись сдѣлала-бы исполинскіе шаги въ теченіе ста лѣтъ. Подлинно, исполинскіе: тогда ей, какъ у Гомера конямъ боговъ, на земль не куда было-бы шагнуть въ другой разъ.

Мы упомянули, что у Милиціи находятся обзорнія важнѣйшихъ произведеній Ваянія; прибавимъ: и Зодчества, въ статьѣ: *Архитектура*. Если-бы сіи обзорнія сдѣланы были систематически, они по крайней мѣрѣ были-бы полезны. Напротивъ, сіи обзорнія жалко читать. Аполлонъ Бельведерскій кажется Милиціи копіею съ древней статуи, *второстепеннымъ* произведеніемъ искусства Грековъ, потому что Зульцеръ и Менгсъ инакъ думаютъ. Почему Фальконецъ утверждаетъ проотивное, говоритъ Милиція, почему сказалъ онъ: «Аполлонъ есть статуя перваго класса, ou jamais statue n'en fut? Это надобно доказать.» — Доказательство на 82 стр. книги Милиціи: *возьми глаза мои*, отвѣчалъ Тимомахъ спор-

щичу съ предразсудками, и ты будешь видѣть такъ, какъ я! — О Венерѣ Медицинской. Милиція не говоритъ ни слова, утверждая только, что Венера Капитолійская лучше ее (стр. 22).

Жалѣемъ, если Италіянскіе художники учаща по книгѣ Милиціи, и охотно цовшоремъ стихъ Крылова

Избави Богъ и насъ отъ эшакихъ судей!

59. *Опытъ въ антологическомъ родѣ* или собраніе краткихъ басенъ и сказокъ, нравственныхъ мыслей, мадригаловъ, эпиграммъ, эпиграфій и другихъ мѣдкихъ стихотвореній Алексѣя Иличевского, С.Пбургскихъ Общ. Любителей Слов., Наукъ и Художествъ Дѣйствительнаго Члена и Вольнаго Любим. Росс. Слов. Члена-Корреспонд. СПб. 1827 г. въ три. Дея. Нар. Просв. in 16, IX и 132 стр. съ загл. грав. листкомъ.

Авторъ, въ предисловіи своемъ, хотя и говоритъ, что подлѣ разсужденія Батюшкова о достоинствѣ легкой Поэзіи *«излишне было-бы оправдывать опыты въ антологическомъ родѣ,»* все еще какъ будто старается оправдываться въ своемъ предисловіи. И въ самомъ дѣлѣ совершенно излишне. Кому же неизвѣстно, что антологическіе цѣлы Грековъ, что эпиграммы Марціала, Ж. Б. Руссо, Пирова признаны поэтическими драгоценностями и пользуются славою неотъемлемою? Разумѣется: хорошая эпиграмма не стоить хорошей оды, хорошей трагедіи; но неоспоримо и то, что хорошая эпиграмма лучше помянутыхъ одъ и трагедій въ пяти антахъ, въ которой нѣтъ ни дѣйствія занимательно изложеннаго, ни чувства вѣрно выраженнаго, ни свѣтлой мысли, ни стиха живо написанна.

го. Знаемъ, что есть у насъ, а можетъ быть и вездѣ, судии, копорые судяшь о книгахъ по заглавннхъ, какъ о людяхъ по чинамъ, и спѣсь пишула приемяшь за достоинство содержанія. Но къ чему же поэту оправдываться передъ такими людьми? Намъ случилось слышать отъ подобнаго оцѣнщика: *за тѣмъ нападаете вы все на такого-то? Онъ конетно худой стихотворецъ, но по крайней мѣрѣ выбираетъ важные и дѣльные предметы.*

Въ опытахъ Г-на Илличевскаго видимъ *Аллегоріи, Басни, Сказки, Мадригалы, Эпиграммы, Надгробныя, Эпитафіи* (что значить это различіе?), *Десятистишія, Двустишія, Куплеты* и проч и проч. Оглавленіе пьесъ раздѣлено на 23 рода: раздробленіе излишнее. Въ каждомъ изъ главныхъ родовъ встрѣчаешь нѣсколько хорошихъ опытовъ. Жаль, что не всѣ этъ бездѣлки одинакаго достоинства, на примѣръ, съ слѣдующими: *Разсѣтланный скупецъ, Оцѣнка стиховъ, Злая собѣдка, Несчастный трубадуръ, Лисица и лань, Мадригалъ, на 5 й страницѣ*, и многими другими. Жаль, что есть между хорошимъ и посредственнымъ, а между посредственнымъ; хопя и очень, очень мало, почти совершенно ничтожное. Но впрочемъ, Марциаль сказалъ давно, что иначе не составляется книга. Въ подражаніяхъ иностранцамъ нашъ Поэтъ не всегда былъ разборчивъ и выбиралъ иногда то, что не стоило выбора. Иное остро; когда сказано на лешу въ первый разъ; въ повтореніи оно прищупляется. На примѣръ слѣдующее:

Траги - Комику.

Клантъ нависалъ одну трагедію всего,

И это лучшая комедія его!

Французская эпиграмма забавна; Русское повествование вяло и холодно.

Рецензентъ Сѣверной Пчелы неудачно похвалялъ собраніе Г-на Илличевскаго, говоря, что онъ не подражалъ другимъ стихотворцамъ, которые составляютъ свои стихотворныя мозаики изъ лоскутковъ сочиненій Вольтера и Буало (давно-ли мозаики составляются изъ лоскутковъ?). Собраніе Г-на Илличевскаго есть точно стихотворная мозаика, и жаль, что онъ не болѣе заимствовалъ изъ хорошихъ запасовъ и не чаще испытывалъ силы свои въ соперничество съ мастерами, подобными Вольтеру и Депрео. Если Г-ну Рецензенту неизвѣстны иностранныя языки, то по крайней мѣрѣ могъ-бы онъ въ предисловіи Автора прочесть признаніе, что многія изъ его пьесъ заимствованы изъ Французской, Нѣмецкой и другихъ Литтературъ. Тогда похвала его не сбивалась-бы на укорительную насмѣшку. Дѣло въ томъ, что хвалить труднѣе, чѣмъ бранить. Была-бы охота и удалъ, можно бранить съ плеча, сколько душъ угодно; хвалишь-же надобно съ головою, а этого у многихъ и нѣтъ.

Прочитавъ книгу Г-на Илличевскаго, подумали мы, что хорошо издать-бы Русскую Антологію и собрать въ ней все, что имѣемъ хорошаго въ Антологическомъ родѣ, разсѣяннаго, и часто погребеннаго въ собраніяхъ стихотвореній и въ журналахъ, старыхъ и новыхъ. Начиная отъ старика Сумарокова до Г-на Илличевскаго, который былъ-бы однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ вкладчиковъ въ антологию нашу, можно составить-бы томикъ порядочный, но именно томикъ, а не томъ. Если эпиграммы наши возмущаются на ошкупъ книжнымъ барышникомъ, то и шутъ

стануть подливать воду въ вино и мѣшать съ эпиграммами, забирающими всѣ водяныя и прѣсныя эпиграммы нашихъ невинныхъ Марціаловъ.

60. *Письма о Франціи въ 1825 году*, Сира Валтера Скопша, подъ именемъ Павла. Съ Французскаго перевелъ М. П. . . въ. — 2 части. М. 1827 г. въ шип. Рѣшетникова, in 8, 188 и 199 стр., съ линограф. картинкою.

61. *Письма Павла къ своему семейству*. Сочиненіе Сира Валтера Скопша. Перевелъ съ Французск. Г. П. . . въ. — 3 части. М. 1827 г. въ шип. Театра Московск., in 12, 184, 118 и 113 стр.

62. *Владѣтель острововъ*, Поэма въ 6 пѣсняхъ. В. Скопша. М. 1827 г. въ шип. А. Семена, in 12, 275 стр.

63. *Награда супружеской вѣрности*. Одно изъ любопытныхъ сочиненій Валтера Скотта. Переводъ. М. 1827 г. въ шип. А. Семена, in 12, V и 79 стр.

64. *Потерянный рай*, Поэма героическая (?). Твореніе Мильшона. Переводъ съ иностраннаго (?) языка. Изданіе шестое. М. 1827 г. въ шип. Театра Московск., in 8, XVI и 504 стр., съ поршретомъ и картинками.

Пять новыхъ книгъ и все переводы Англійскихъ сочиненій: говорите послѣ этого, что Англійская Литтература намъ мало извѣстна! Но призракъ нашего знакомства исчезнешъ, когда мы разсмотримъ его поближе. Три первыя книги, изъ коихъ одна является въ двойномъ переводѣ, а другой В. Скопшъ и въ глаза не видывалъ, есть, однакожь, доказательство сильнаго вліянія В. Скопша на современниковъ, вліянія, проникшаго и въ нашу Литтературу; имя В.

Скопша и у насъ дѣлается для книгъ почти дипломомъ на вниманіе читателей. Недавно видѣли мы объявленія въ Газетахъ о нѣсколькихъ вдругъ переводимыхъ романахъ его; съ десятокъ ихъ уже передано въ переводъ. Теперь передъ нами Русскіе переводы его: Paul's letters to his kinsfolk, и поэмы: The Lord of the Isles. О наградахъ супружеской вѣрности скажемъ отдѣльно.

Письма Павла къ своему семейству писаны В. Скопшомъ въ 1815 году, и приняты были съ особеннымъ восторгомъ въ Англіи. Въ два года вышло ихъ *четыре* изданія. Чему приписать такой блестящій успѣхъ? Въ 1815 г., правда, извѣстенъ уже былъ *Веверлей*, и выданы были почти всѣ *поэмы* В. Скопша; но слава В. Скопша основывается не на поэмахъ его, и извѣстность В. Скопша, какъ стихотворца, не могла, кажется, заставить такъ сильно дорожить всѣмъ, что онъ ли напишетъ. Мы опыскиваемъ другую причину успѣха *Писемъ Павла*: они были изданы ко времени. Головы Англичанъ горѣли тогда патріотическимъ жаромъ; подвиги ихъ во Фландріи казались имъ чѣмъ-то необыкновеннымъ; Веллингтона носили они на рукахъ. Вдругъ вышло сочиненіе, въ которомъ публика нашла множество подробностей, собранныхъ Авторомъ на мѣстѣ, живя описанія событій, взглядъ на Парижъ, на Францію и что болѣе могло *тогда* повравиться, все написанное съ патріотическою *нетерпимостью* (intérogance), въ насмѣшливомъ тонѣ. Вотъ, кажется, причина успѣха *Писемъ Павла*! Переводы ихъ, Французскіе и Нѣмецкіе, явились и перепечатываются потому, что теперь все В. Скопшовское читаютъ, если не сказали рѣшительнѣе, что многіе *его толь-*

ко и *глаголютъ*. Въ силу этого, на ряду съ романами, являюшися и у насъ *Письма Павла*. Впрочемъ, очиниваюшися уже Русскія перья, коими передадутъ намъ немедленно и Исторію Наполеона, сочиняемую В. Скопшомъ, передадутъ не боясь огромности шомъ и не смотря на шо, какова она будетъ, ни на шо, какъ и съ подлинника-ли станушь переводишь. Объ ашомъ у насъ еще мало думаютъ и гошовы-бы переводишь Англійское хоть съ Ирокезскаго, если-бы ашомъ дакъ былъ знаемъ нашими переводчиками. Въ Но 10 и 11 Вѣстника Европы, сего года, ми видѣли повѣсть Ирв. Вашингтона, переведенную съ Польскаго, и что за дѣло? Вздумалось Переводчику переводишь, а хорошо ли вздумалось, пусть додумываютъ другіе. Оба Русскіе перевода *Писемъ Павла* сдѣланы съ Французскаго перевода. Послѣ сего Рецензенту не должно уже сличать ихъ съ подлинникомъ. Само по себѣ разумѣтся, что въ списокъ съ списка едва найдемъ шолько главные очерки подлинника, особливо подлинникъ писанъ масперскою кистью.

Говоря о В. Скопшѣ (Тел. 1826 г. Т. XI, 185), мы не включили *Писемъ Павла* въ шѣ сочиненія, коими утверждается его слава; начальный успѣхъ сей книги объясняя выходомъ *кстати*, мы объяснимъ поддержку успѣха цѣмъ, что ее писалъ В. Скопшъ, а разсматривая хладнокровно, не смотря на достоинства сочиненія, не дѣзя не пожалѣть, что В. Скопшъ написалъ ее. Это не должно пугать Русскихъ читателей: пусть они прочитають *Письма Павла*, ибо много любопытнаго и неизвѣстнаго имъ найдутъ они въ ашой книгѣ, особливо, зная мало изъ шого, что писано въ Англии, Фран-

ціи и Германіи объ эпохѣ нашего времени. В. Скоптъ, какъ *Писатель*, не падаетъ. Описаніе Ватерлооской битвы читаете у него, какъ главу ист. романа; анекдотовъ, замѣчаній множество. Но духъ, въ которомъ писана книга, по Сочинителю, разсматриваемый, какъ космополитъ, какъ Историкъ, возбуждаетъ негодованіе. Въ *Письмахъ Павла* ярко выпечашана неприязнь Джона Булля къ его заморскимъ сосѣдямъ. В. Скоптъ смотритъ и судитъ не какъ полицистъ и философъ, но какъ затѣжій помѣщикъ Абботсфортскій; прибавьте, такой, который воюетъ съ непріятелемъ; хочетъ битъ его чѣмъ ни попало, и дѣдовскимъ копьемъ и кухоннымъ сковородникомъ. Неприязнь надѣваетъ ему желтые очки и — все желто кажется ему, все что Французское. Думаетъ, что В. Скоптъ, *Историкъ Наполеона*, не будетъ говорить такъ, какъ говорилъ онъ, путешествуя въ 1815 г., въ слѣдъ за Англійскими войсками, отъ Ватерлоо до Парижа. Предувѣдомляя читателей о томъ, какъ написаны Письма Павла, мы не указываемъ, чему въ этихъ письмахъ должно вѣрить и чему нѣтъ; читатели сами увидятъ. Духъ неприязни дѣлалъ Сочинителя столь близорукимъ, что онъ радовался слыша, какъ Прусскіе солдаты высѣкли нѣсколько Французовъ, видѣлъ во Французскихъ солдатахъ разбойниковъ, въ Наполеонѣ почти атамана какой-нибудь шайки, а что говорилъ онъ о своихъ Англичанахъ, о Кастельре, о Веллингтонѣ, то нынѣ почти похоже на саширу.

Одинъ переводъ *Писемъ Павла* сдѣланъ Г-мъ М. П. . . *вымъ* и изданъ имъ самимъ; другой Г-мъ Г. П. . . *вымъ* и изданъ книгопродавцомъ. При первомъ приложено прекрасно литографированное изоб-

раженіе Наполеона (только непохожее); второй перевод, не знаемъ почему, напечатанъ со многими исключеніями противъ перваго. Книгопродавецъ - Издатель обезобразилъ еще эшотъ второй переводъ портретомъ: какая-то нелѣзная рожица представлена читающею книгу и внизу подписано: *Баронетъ Сиръ Валтеръ Скоттъ!*

Владѣтель острововъ (что впрочемъ столько-же выражаетъ неправильно Англійское названіе: The Lord of the Isles, какъ Русское названіе: *Поэма послѣдняго барда*, выражала: The lay of the last Minstrel) есть *Русскій переводъ, въ прозѣ, съ Французскаго перевода, въ прозѣ, Англійской Поэмы*; довольно для тѣхъ, кто можетъ понимать; но видно что находящіяся охотники читать такіе, сквозь рѣшето Французской прозы, простѣнные переводы Англійскихъ поэмъ В. Скотта: вошь уже *третья*, ежели не *четвертая*, поэма переводится такимъ образомъ. Что-жь дѣлать намъ съ переводчиками и читателями? Переводите, Мм. Гг., читайте Мм. Гг. — *Лучше читать что нибудь, нежели не читать ничего.* Кто знаетъ? Можеть быть, поэмы В. Скотта въ Русскихъ переводахъ, съ легкой руки, изъ мѣлочныхъ книжныхъ лавочекъ начнутъ расходиться по рукамъ, стоятъ на полочкахъ читателей рядомъ съ Письмовникомъ и Ерусланомъ Лазаревичемъ? Дивишья нечему: мало-ли что на свѣтѣ бываетъ!

Повѣрятъ-ли Англичане, что Русскій переводъ Поэмы ихъ великаго соотечественника, Мильтоновъ *Потерянный рай*, у насъ находится именно въ отдѣлѣ книгъ *простонародныхъ*? Старинный переводъ его изъ Французской прозы (съ *иностраннаго*

языка, сказано на заглавномъ листѣ) въ обѣщанную Русскую прозу, съ лубочными портретомъ и картинкамъ, въ нынѣшнемъ году напечатанъ уже въ *шестой* разъ. Другой, такой-же переводъ, напечатанъ былъ въ СПб. въ 1824 г., тоже не въ первый разъ. Въроятно съ Нижегородской ярмарки повезуть въ провинціи воза два новаго изданія Пошерянаго Рая, и читатели сыщутся.

Награда супружеской вѣрности названа на заглавномъ листкѣ однимъ изъ любопытныхъ сочиненій В. Скотта. Это совершенная неправда. Небольшая повѣсть эта, какъ по всему видно, есть *Русская композиція* и составлена человекомъ не знающимъ ни языка, ни логики: В. Скоттъ даже и не думалъ писать такой вздорной сказки, въ которой нѣтъ ни складу, ни ладу. Вошъ уже въ третій разъ выдають Русской публикѣ нелѣпости за романы В. Скотта. Читатели, наши припомянь, что въ Телеграфѣ было писано о *Густавѣ Валдгеймѣ* и *Бѣглецѣ*, романахъ, которые въ объявленіяхъ книгопродавцовъ и донывъ называются сочиненіями В. Скотта. Удивляемся, что переводчикъ, или сочинитель, *Награды супружеской вѣрности* не посовѣспился выставить свое имя, въ концѣ посвященія чешскими буквами: *Мартынь Скабертинь*.

65. *Ночь въ замкѣ Лары* (Лорда Байрона). Взято изъ XIV книжки Журнала: *Славянинъ* (пер. И. Козлова). СПб. 1827 г. in 8, 4 стр.

Сказавъ читателямъ о неушъшимъ явленіяхъ нашей Словесности, спѣшимъ подѣлиться съ ними подтвержденіемъ приятной надежды, что вскорѣ, можешь быть, увидимъ мы явленіе изящное и приятное. Мы говорили уже о началѣ перевода Байроновой

Поэмы: *Ара* (Тел. 1827 г. No IX стр. 57). Получивъ теперь отдѣльно отпечатанный отрывокъ перевода, мы, по праву библиографіи, хошимъ сказать о немъ нѣсколько подробнѣе.

Имя переводчика уже включено у насъ въ число именъ отличныхъ современныхъ поэтовъ, и его поэзія, его необыкновенная судьба, извѣстны уже вноспранцамъ. Недавно сообщена была намъ изъ Дрездена Біографія Козлова, которую напечатали въ новомъ *Conservations Lexicon*. Переводимъ ее для нашихъ читателей, ибо она хорошо знакомитъ съ жизнью Поэта, показывая въ то-же время вниманіе Германцовъ къ нашей Словесности.

Козловъ (Иванъ), Русскій дворянинъ, родился въ 1780 г. Какъ человекъ и Поэтъ, онъ примѣчательное явленіе. Исполненный ума, воображенія и чувствительности, онъ издержалъ свою молодость въ большомъ свѣтѣ. Отлично принятый въ лучшихъ обществахъ Московскихъ и Петербургскихъ, онъ велъ жизнь болѣе безпокойную, чѣмъ дѣятельную; гений его дремалъ непробужденный; однакожь, онъ любилъ литературу, зналъ совершенно языки Французскій и Италіанскій, и классиковъ ихъ; но онъ видѣлъ въ нихъ, за недостаткомъ занятій, одинъ источникъ удовольствій въ праздности своей и отдохновенія послѣ суетныхъ разсѣяній. Вся его дѣятельность была обращена на забавы свѣта и заботы о семействѣ своемъ. Около сороковаго года постигнутъ онъ былъ болѣзною, лишившею его употребленія ногъ. Вдругъ ошлученный отъ общества, котораго любилъ, вынужденъ онъ былъ уединеніемъ искать въ себѣ самомъ зачѣны свѣтской жизни, долготѣ ему извѣстной. Сей ударъ Судьбы не сразилъ

его; душа его пріяла высшее направленіе: онъ сталъ поэтомъ; сотворилъ себѣ міръ идеальный, съ избыткомъ вознаградившій его за міръ существенный, у него отъятый; на ложѣ спраданія позналъ себя и открылъ въ себѣ дарованіе, хранившееся подъ снудомъ. Въ скоромъ времени познакомился онъ съ языкомъ и литературою Англичанъ; но сильнѣйшее испытаніе ожидало Козлова: онъ ослѣпъ. Сіе несчастіе не удручило духа его и было для него новою ступеню къ возвышенію нравственному и духовному. Со слѣпотою тѣлесною просіялъ для него во всемъ блескѣ день поэзіи. Ослѣпнувши уже, началъ онъ учиться Нѣмецкому языку и вскорѣ могъ понимать Нѣмецкихъ классическихъ авторовъ. Съ той поры живеть онъ въ области воспоминанія и воображенія. Одаренный памятью необыкновенною, Козловъ затверживаетъ наизусть все что читаетъ, или правильнѣе говоря, что ему читають. Онъ переводитъ Байрона съ памяти: восптваетъ и воскрешаетъ свое прошедшее въ блестящихъ сновидѣніяхъ Поэзіи. Онъ написалъ нѣсколько посланій къ друзьямъ своимъ, которые собираются вокругъ него, не съ тѣмъ, чтобы приносить утѣшенія ему, но чтобы наслаждаться его бесѣдою, потому что не одно дарованіе, но духъ, чувства его, вся возвышенная жизнь раскрылись въ немъ необыкновенно. Провидѣніе, лишая его зрѣнія, сказало душѣ его: *да будетъ свѣтъ!* Сей свѣтъ, озаряющій умъ его, вмѣстѣ и живить и согрѣваетъ

Разговоръ Козлова занимателенъ и блестящъ; воспоминанія о прошедшемъ, безцвѣтномъ, и шакъ сказать, безжизненномъ, не мѣшаютъ ему возноситься до высоты настоящаго и принимать горячее

участіе во всемъ томъ, что благородно, великодушно и близко челоуѣчеству. Козловъ извѣстенъ нѣкоторыми счастливыми переводами съ Испанскаго и съ Англійскаго и поэмою *Чернецъ*, которая, не теряя ничего въ сравненіи, напоминаетъ о *Гуртѣ*, Байрона, Извѣстенъ также его прекрасный переводъ *Абдасской Невѣсты*. Нынѣ занимается онъ сочиненіемъ поэмы, коей содержаніе, удачно избранное, принадлежитъ Русской Исторіи и царствованію Императрицы Анны (*). Такимъ образомъ имя Козлова уже внесено въ лѣтописи Литтературы Русской. Несчастіе открыло впередъ ниму прекрасное поприще. Силою генія будетъ онъ господствовать надъ судьбою своею и въ урнѣ воспоминаній и сердца своего найдетъ, по словамъ Грея, *мысли, которыя дышутъ, и слова, которыя горятъ.*

Такъ думаютъ о нашемъ Поэтѣ Нѣмецкіе Биографы и вѣроятно еще многое прибавятъ они, прибавимъ и мы, въ наши литературныя лѣтописи, когда Провидѣнію угодно будетъ продлить земное бытіе Поэта нашего. Переводъ *Лары*, вѣроятно, будетъ прекраснымъ листкомъ въ лавровомъ вѣнкѣ его.

Не говоря уже о трудности переводить вообще Байроновы поэмы, скажемъ, что поэма *Лара*, по нашему мнѣнію, представляла Переводчику затрудненій больше всѣхъ другихъ поэмъ. Здѣсь все *дѣйствія*, все *описанія*, а мы привыкли ко вставкамъ, и 1272 стиха Байроновы въ *Ларѣ*, сильные, сильные, дышащіе силою мрака, если Козловъ побѣ-

(*) Нашалья Долгорукова. М. Т.

дншъ всѣ затрудненія, будутъ завоеваніемъ блестящимъ.

Въ отрывкѣ перевода мы находимъ 6 стансовъ изъ 1-й пѣсни Лары (съ 9-го до 16-го). Мы говорили подробно о переводѣ *Абидосской Невѣсты* и судили о немъ, можетъ быть, съ привязчивою строгостію. Не смѣемъ думать, чтобы критика показала путь Поэту къ лучшему способу перевода: его собственныя силы зрѣютъ: и Козловъ въ *Лартѣ*, является намъ Поэтомъ болѣе постигнувшимъ, свой подлинникъ и болѣе сильнымъ обладателемъ собственного языка, нежели прежде. Мы находимъ многія мѣста, переданныя, выраженные совершенно. Пусть сличать сами читатели Русскій переводъ съ подлинникомъ и они увидятъ вполне справедливость нашихъ словъ; приведемъ примѣръ изъ начала 11-го станса. Сумрачный Лара уходитъ изъ сада, гдѣ

. . . прекрасный видъ

О прежнихъ дняхъ невольно говорить,
О той странѣ, гдѣ сводъ небесъ яснѣй,
Свѣшлѣй луна, ночь тихая милѣй;
О тѣхъ сердцахъ . . . Нѣтъ, нѣтъ! Шуми надъ
нимъ,
Бушуй гроза! Онъ, дерзкій, нещадимъ,
Душою твердъ; но свѣшлая красой,
Такая ночь смѣется надъ душой.

XI.

Вступилъ онъ въ залъ, весь полный женщины:
Тѣнь длинная мелькнула вдоль стѣны;
Поршрешы тамъ людей минувшихъ лѣтъ;
Онъ пышности злодѣйствъ другихъ остатковъ
нѣтъ:

Преданій дымъ и шемный сводъ , гдѣ прахъ
 Съ пороками , грѣхами спитъ въ гробахъ ;
 Полустолбцы , вѣдущіе до насъ ,
 Изъ вѣка въ вѣкъ , сомнительный разсказъ ,
 Укоръ , хвалу : вошь все — и чѣмъ древнѣй
 Тѣхъ харшій ложь , тѣмъ съ правдою сходнѣй.
 Тамъ ходитъ онъ и смотритъ , а луна ,
 Въ голическомъ опверстіи окна
 Видна ему , и блескъ бѣжитъ спруей
 На полъ изъ плитъ , на потолокъ съ рѣзбой ;
 И образа на стеклахъ расписныхъ ,
 Молящихся угодниковъ Свяпыхъ ,
 Въ панишвенныхъ видѣніяхъ , луной
 Оживлены , но жизнью не земной.
 Кудрей густыхъ цвѣтъ черный , мракъ чега
 И зыбкій склонъ широкаго пера
 Даютъ ему весь ужасъ мершвецовъ ,
 Все спрашное , все тайное гробовъ .

Второй стихъ X-го станса переданъ превосходно :

And his high shadow shot along the wall,

Въ четвертомъ стихѣ мы желали бы исправнѣй-
 шаго устройства стопъ ; въ шестомъ исключеніи
 предлога , ослабляющаго смыслъ. У Байрона ска-
 зано просто : Their dust, their faults, and their
 faults. Надѣмся, что подобныя поправки не избѣгнутъ
 вниманія Переводчика , по окончаніи всего перевода.
 Для этого мы согласимся нѣсколько продлить не-
 терпѣливое ожиданіе наше ; но уже и изъ приведен-
 ныхъ отрывковъ можно примѣтитъ , что Козловъ ,
 послѣ перевода Абидосской Невѣсты , шагнулъ вне-
 редъ : этого мы всегда ожидали и ожидаемъ .

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛЬТОПИСИ.

Состояніе Наукъ и Словесности въ Италіи въ 1826 году (*). Хотя не можемъ мы читателямъ нашимъ дать отчетъ о *всѣхъ* новыхъ произведеніяхъ Италіанской Литтературы, ибо не имѣемъ средствъ получать ихъ всѣ; но и шѣ книги, о которыхъ извѣщали мы читателей (**), достаточно могутъ показывать состояніе Литтературы Италіанскаго полуострова. Мы видимъ изъ нихъ опыты и усилія, довольно доказывающія, что не смотря на обстоятельства, мало благоприятныя, Италіанцы не оставляютъ ничего, дабы поставить себя на равный путь съ народами просвѣщенными, и превзойти другихъ въ ревностномъ занятіи Науками и Словесностію. Повсюду замѣчаемъ слѣды сего движенія въ Литтературѣ Италіанской, и съ величайшею силою обнаруживается оно, по мѣрѣ того, какъ обстоятельства споспѣшествуютъ внутреннему его стремленію.

Тоскана, и особенно Флоренція, столица сей земли, по своимъ успѣхамъ въ просвѣщеніи, по

(*) Соч. Ф. Сальфи, Италіанскаго Литтератора. Статья его объ Италіанскомъ переводѣ Басей Крылова извѣстна читателямъ Телеграфа. Онъ доканчиваетъ теперь *Исторію Итал. Литтерат.*, начатую Женгено. Статья, которую предлагаемъ мы, взята изъ Rev. Encycl. (Днев. и Февр. 1827 г.). Изд. Тел.

(**) Г. Сальфи занимается особенно Италіанскою библіографіею въ редакціи Rev. Encyclopedique. Изд. Тел.

своему нарѣчію, самому чистому и правильному, нѣкоторымъ образомъ болѣе другихъ способна къ дальнѣйшему ходу; она гордится славою знаменитыхъ гражданъ своихъ Данте, Маккиавелли и Галилея, и не пренебрегаетъ ихъ уроками, ихъ примѣрами. Здѣсь занимаются Науками, Словесностію и Художествами въ одно время, почти съ равнымъ успѣхомъ. *Пизскій Университетъ*, *Ливорнское Либроническое общество*, *Академія della Crusca*, *Флорентійская Георгофиловъ*, *Журналь ученыхъ*, издаваемый въ Пизѣ, и особенно *Флорентійская Антологія*, соревнуютъ другъ другу споспѣшествовать наклонности вѣка и участвовать въ общемъ просвѣщеніи Италіи. Многія благотворительныя заведенія, и особенно училища взаимнаго обученія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи, по странному предразсудку, почитаемыя вредными, здѣсь поддерживаются и улучшаются ревностнымъ усердіемъ нѣкоторыхъ почтенныхъ гражданъ. Прекрасное изданіе *Исторіи Валлія*, соч. *Графомъ Чиконьяра*, и изданіе сочиненія Азинкура, съ успѣхомъ приняты однимъ издательемъ (*Чіаньетти*); также, изданіе огромнаго сочиненія Масканьи *объ Анатоміи*, не упоминая уже о другихъ важныхъ книгахъ, показываютъ, какое благородное употребленіе дѣлаетъ Тоскана изъ книгопечатанія и какое участіе беретъ она въ успѣхахъ Изящныхъ Искусствъ.

Ломбардійское Королевство поддерживаетъ звѣстность, какую оно приобрѣло въ новѣйшее время, особенно знаніями Математическими и Физическими. Музы, не смотря на усилія Парини, казалось, не хотѣвшія быть обитательницами богатыхъ долинъ Ломбардіи, въ тѣхъ поръ, какъ *Мок-*

там основали: здѣсь свое пребываніе, водворились въ Ломбардіи; также, какъ и въ другихъ областяхъ Италіинскихъ.

Брерская Академія Художествъ всегда похваляется себя достойною общаго уваженія, по дарованіямъ ея правителей и по наградамъ, какія приобрѣтающъ ея воспитанники. Необыкновенное число книгъ, издаваемыхъ въ Ломбардіи, преимущественно въ Миланѣ, есть доказательство, сколько занимающъ здѣсь науками и словесностію. *Г. Джіоіа* часто печатаетъ здѣсь новыя сочиненія Статистическія и Философическія; что дѣлаетъ онъ для Политической Экономіи, что выполняетъ *Г. Романьози* для Юриспруденціи. *Общество типографическое, для изданія Италіанскихъ классиковъ*, продолжаетъ новыя изданія замѣчательнѣйшихъ по всѣмъ родамъ книгъ, какія появились въ Италіи въ послѣднее столѣтіе. Творенія Беккарія, Верри, Джіаннино, Филанджіери являютъ намъ, какой родъ ученія предпочла-бы Италія, если-бы склонность умовъ не встрѣчала препятствій.

Между новыми книгами, заслуживающими вниманіе наблюдателя, надобно отличить книги относящіяся къ просвѣщенію и наученію многочислнѣйшихъ званій народа, что было пренебрежено донынѣ. *Г. Сильвестри* и другіе издатели заслуживаютъ благодарности Италіянцовъ за обнародованіе такого рода книгъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Хотя привилегія, установленная для надзора за средствами просвѣщенія, закрыло училища взаимнаго обученія, но поддерживаетъ, такъ называемыя, *Нормальныя* училища, и возстановило и умножило другія подобныя заведенія. Упомянемъ о военной

Миланской Коллегии, кажется, единственной во всей Италіи и заслуживающей быть образцом повсюду. Полковникъ *Одоардъ Юнгъ*, директоръ оной; его *Основанія гимнастики или курсъ аналитическій и постепенный, упражненій, могущихъ раскрыть и укрѣпить организацію теловѣтскую*, служатъ доказательствомъ его усердія и свѣдѣній. Число журналовъ литературныхъ - собственно и ученыхъ, издаваемыхъ въ одномъ Миланѣ, весьма значительно. Заимѣемъ, издаваемую для Словесности, Наукъ и Искусствъ *Италіанскую Библіотеку и Ricoglitore (Собиратель — подражаніе Англійскому Зрителю)*; для Медицинскихъ знаній *Всеобщія Лѣтописи Медицины, Доктора Омоден; Критическій Журналь, Доктора Спрамбіо; Журналь Химической Фармаціи*, издав. Г-мъ Каштанго; наконецъ: *Всеобщія Лѣтописи Статистики и Путешествій, Астрономическія Эфемериды, Лѣтописи Технологіи, Земледѣлія и Искусствъ*, и проч.

Города Ломбардо - Венеціанскіе споспѣшествуютъ дѣятельности, какая видна въ Миланѣ и другихъ городахъ. Каждый изъ нихъ заимѣемъ въ какой-либо изъ отраслей человѣческихъ знаній, Бреція и Тревиза многимъ пользуются отъ своихъ Аенеевъ, что свидѣтельствуютъ *Записки Бреціяйскаго Аенеля* и журналъ, издаваемый Тревизскимъ Аенеемъ о состояніи Наукъ и Словесности въ областяхъ Венеціанскихъ. Верона, всегда вѣрная служенію Музъ, не забываетъ и наукъ: Сельскою Экономіею занимается здѣшняя *Академія Земледѣлія*. Павія и Падуа, хотя оплакивають потерю многихъ знаменитыхъ Профессоровъ, сла-

вятся однакожь великимъ числомъ учениковъ, слушающихъ лекціи въ Университетахъ сихъ городовъ, и полезными трудами доказывающихъ свои успѣхи. Изданіе сочиненій классическихъ метафизиковъ, всѣхъ народовъ, производимое въ Павіи Г-мъ Сакки, и поддерживаемое нѣкоторыми отличными воспитанниками Университета, показываетъ расположеніе ихъ къ философскимъ наукамъ. Италія одолжена также нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ Профессоровъ хорошимъ *Журналомъ Физики, Химіи и Естествознанія*, такъ какъ Университету Падуанскому *Журналомъ Италіанской Литтературы*, котораго Издатели должны-бы однакожь усилить свою ревность и дѣятельность.

Что можно сказать нынѣ о Венеціи, о семъ городѣ, котораго паденіи, не смотря на усилія Правительства, не лзя не предчувствовать, какъ прежде не лзя было не удивляться его величію? Въ Венеціи есть отдѣленіе Италіанскаго Института, коего другія части находятся въ Миланѣ и Падуѣ. Въ Венеціи занимаются также и художествами, въ Академіи, ввѣренной управленію просвѣщеннаго Графа Чиконьяры. Въ семъ городѣ находятся отличные ученые люди. Упоминаемъ изъ нихъ о Г-нѣ Гамба и Г-жѣ Альбридзи. Здѣсь не печатаютъ нынѣ того величайшаго количества книгъ, котораго, хотя издаваемыя весьма неисправно, наводняли Италію. Венеція уступила это преимущество Милану, отличающемуся нынѣ огромнымъ числомъ выходящихъ въ немъ книгъ, и столько же при томъ ихъ исправностію и изящностію. Замѣтимъ, что иногда, за недостаткомъ сочиненій, здѣсь многимъ пользуются изъ Французскихъ журналовъ и книгъ.

Генуа не живетъ уже нынѣ самобытною жизнью: въ Литтературѣ она дополняетъ славу Пьемонта, коего нынѣ сдѣлалась областію. Замѣтимъ здѣшній *Институтъ глухо-нѣмыхъ*, управляемый Аббатомъ Вагупши, при коемъ ученики оказываютъ большіе успѣхи; въ Генуѣ есть также обсерваторія, устроенная Барономъ Цахомъ.

Науки и Искусства успѣшно цвѣтутъ въ Туринѣ; Словесность также дѣлаетъ здѣсь усилія сохранить по вниманіе, коимъ одолженъ былъ Туринъ знаменитому гражданину Альфіэри. Если на поприщѣ Трагедіи не видимъ поэта, который нынѣ могъ-бы приближаться къ Альфіэри, за то Г. *Нота* даетъ надежды на блистательные успѣхи въ Комедіи. Его почитаютъ уже превосходнѣйшимъ поэтомъ-комикомъ, изъ воѣхъ явившихся со временъ Гольдони.

Словесность и Художества нынѣ болѣе покровительствуемы въ Пармѣ, нежели въ Моденѣ. Но и въ семь государствъ есть отличные ученые люди, есть и *Италіанская Академія*; но, по видимому, здѣсь боятся взять дѣятельнѣйшее участвіе въ распространеніи просвѣщенія.

Папскія владѣнія, и особенно столица ихъ, кажется, назначены блистать только въ филологическихъ изысканіяхъ и въ занятіяхъ древностями и художествами. Всѣ почти выходящія здѣсь книги относятся къ симъ предметамъ. Означимъ между прочими: *Римскія записки о древностяхъ и художествахъ*, составляемыя Г-ми Л. и К. *Кардинали*, М. Дж. *Мелькіори* и К. П. *Висконти*. *Аркадскій Журналъ* особенно посвященъ Словесности и Поэзіи; онъ благоговѣнно держитъ школы Классиковъ. Осо-

большое вниманіе обращено въ немъ на знанія Медицинскія ; Астрономіею занимаются также съ усердіемъ : Римскій Календарь показываетъ необходимость заняться прилежнѣе симъ знаніемъ. *Записки Астрономическія*, изданныя въ недавнемъ времени Г-ми Каландрелли, Конци и Риккебакомъ, заставляютъ желать продолженія сего ученаго журнала. Еще утѣшительнѣе для любителей Философій должно быть то, что *Основанія Оптики и Астрономіи* Г-на Сетеля, гдѣ доказывается справедливость Коперниковой системы, приняты въ главной Римской Гимназіи (*). Старались было здѣсь возстановить знаменитую Академію *des Lincei*; но чего можно надѣяться отъ добрыхъ намѣреній новыхъ Академиковъ, въ такой землѣ, гдѣ не позволено публично воздать почести памяти Князя Чези, основателя прежней Академіи ?

Политическія знанія находятся здѣсь не въ такомъ состояніи, какъ - бы, должно имъ быть. Въ *Журналѣ Аркадскомъ*, говоря о Политической Экономіи, ссылаются на духовныя сочиненія, что кажется довольно несовмѣстно. Творенія Г-дъ Феа и Спедалиери совсѣмъ забыты. Училище Духовнаго Права устроенно въ Римѣ, и Профессоръ, монахъ ордена Феашиновъ, шоржественно увѣряетъ своихъ учениковъ, что Папа есть источникъ всякой власти на землѣ, ибо онъ единственный намѣстникъ Божій ; по этому судите и о прочемъ.

Изъ всѣхъ городовъ Папскаго владѣнія *Болонія* отличаетъ болѣе другихъ : здѣсь менѣе оказывающ-

(*) Изъ словъ Г-на С. замѣтно, что до нынѣ этого не слѣди говорить въ Римскихъ училищахъ. Пер.

ля вліяніе Папскаго духа; Словесность и Науки въ почтеніи. Г. Томассини поддерживаетъ Медицинскую систему, донынѣ первенствующую въ Италіи. Споры, возникшіе по поводу системы Г на Разори (*), подали поводъ къ изданію *Журнала новѣйшей Италіанской методы леченія*. Книжки, изданны Г-ми Оріоли, Мондини и друг., помогаютъ успѣхамъ Физическихъ знаній. Г. Оріоли, одинъ изъ ревностнѣйшихъ распространителей новой теоріи, или лучше сказать, опытовъ, касательно градоотводовъ; но занимаясь преимущественно Физикою и Химіею, онъ не оставляетъ изученія древностей, и при обширныхъ своихъ познаніяхъ можетъ дѣлать такія открытія, коихъ гораздо труднѣе достигнуть аншикваріямъ не столь опытнымъ въ другихъ знаніяхъ. Болонія никогда не пренебрегала Словесностію и Поэзіею. Вліяніе Императора *Пертикари*, распространившееся по всѣмъ болѣе другихъ просвѣщеннымъ городамъ Церковной области, замѣтите прочихъ въ Болоніи: сочиненія Г-на Косты и другихъ писаны въ его духъ. Предметы одъ Г-на *Леоларди* достойны Музы Италіи, и его примѣръ, вѣроятно, не останется безъ подражаній.

Множество книгъ Медицинскихъ, Математическихкихъ и Минералогическихкихъ, особенно о произве-

(*) Это та самая система, которую вводилъ было во Францію Докторъ *Леруа*, система пагубная и изгнанная повсюду. Упоминаемъ о ней, ибо, къ сожалѣнію, мы слышали, что нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, и особенно соотечественницъ, *вдрятъ еще этой системѣ*, и что шарлатаны тайно осмѣливаются пользоваться больныя пагубнымъ универсальнымъ лекарствомъ сей системы. Мучительнадъ смерть ожидаешь тѣхъ, кто ихъ слушается! *Пер.*

деніяхъ Везувія , показываютъ , что сими знаніями занимаются въ Неаполѣ. Бурбонское Общество , замѣтившее нынѣ Геркуланскую Академію и Академію Наукъ , производитъ однакожь мало и его труды не всегда обращены на важнѣйшіе предметы. Не знаемъ , Академики-ли сами , или обстоятельства , ятому причиной? *Понтаніева Академія* , именемъ своимъ напоминающая намъ литературныя заслуги основателя оной въ XVI вѣкѣ , мало приноситъ пользы , идя по старымъ слѣдамъ. *Общество ободренія* можетъ бысть гораздо полезнѣе , если слава его не ограничится однимъ названіемъ. Извѣстія о всѣхъ сихъ заведеніяхъ не слишкомъ выгодны для современной исторіи Наукъ и Словесности въ Королевствѣ Неаполитанскомъ; но по сему не должно думать , что науки , коими занимались Вико , Женовези , Пагано и Филанджіери , остаются здѣсь безъ вниманія ; напрошивъ , ими занимаются въ Неаполѣ болѣе , нежели когда нибудь прежде. Мы могли-бы показать многія тому свидѣтельства ; но будетъ-ли благоразумно сдѣлать это , въ то время , когда въ Неаполѣ выходятъ книги *о необходимости инквизиціи* ? Не хотимъ думать , чтобы подобныя книги были ободряемы Правительствомъ ; но согласиться должно , что гдѣ являюся сіи признаки , тамъ прудно развернувшись народному генію въ полной его силѣ.

Сии замѣчанія можно отнести и къ Сициліи. Какія ни были-бы тому причины , число писателей и ихъ произведеній , здѣсь , по пропорціи , гораздо менѣе другихъ мѣстъ Италіи. Впрочемъ , сочиненія Г-дъ Счины , Ферари и проч. , также различныя

опыты Г-на Фодера, показывають, къ чему способны Сицилійцы.

Изъ всего можемъ замѣтить, что хотя вообще всѣ знанія, болѣе или менѣе, не оставлены бездѣйствовать въ различныхъ областяхъ полуострова Италіянскаго, но нѣкоторыя однакожь болѣе другихъ обрабатываются, и особенно тѣ, въ коихъ Правительство Италіи не находятъ мнимыхъ опасностей, о которыхъ не перестаютъ еще думать, особливо въ земляхъ, гдѣ влияние Папы сильнѣе. Изысканія, и разсужденія объ языкѣ и грамматикѣ всегда занимали и занимають многихъ Италіянскихъ императоровъ. Читая ихъ сочиненія, можно подуматъ, что языкъ Италіянскій, при семивѣковомъ развитіи своемъ и при множествѣ классическихъ писателей, все еще не столько обработанъ, какъ другіе новѣйшіе языки. Надобно, впрочемъ, отдѣлять отъ толпы грамматиковъ и риторовъ незначительныхъ, во все время наводнявшихъ Италію, многихъ просвѣщенныхъ критиковъ, которые въ спорахъ показали новый свѣтъ ума и знаній и привели оныя въ систему. Въ числѣ твореній подобныхъ критиковъ, должно замѣтить опыты Грасси, Никколини, Пеззаны, Герардини, Аббата Романи, и особенно оконченныя нынѣ Г-мъ Монти *Proposta, di alcune correzioni al vocabolario della Crusca.*

Большое количество критиковъ занимается нынѣ изъясненіемъ *La divina Commedia*, Данте. Никогда не было на нее столько комментаторовъ, какъ нынѣ. Со времени *Варано* и особенно *Монти*, почтенатели Данте, кажется, сѣдняють въ Италіи Петраркистовъ XVI вѣка. Между тѣмъ, какъ многіе ошачные поэты стараются подражать красотамаъ

великаго Данте; комментаторы безъ усталости изъясняютъ его. Читая ихъ можно сказать, что они видятъ въ твореніи Данте новый Апокалипсисъ, изыскивая въ немъ то, чего совсѣмъ нѣтъ. Такимъ образомъ, ихъ твореніи, нѣкоторымъ образомъ служація къ прославленію Поэта, дѣлаются мученіемъ для читателей. Скажемъ, что нѣкоторые издѣиснители увѣряютъ, будто-бы Италіяны должны всю жизнь свою посвящать изученію Данте, видя въ немъ единственный источникъ всего, что можно знать. Подобное заблужденіе воспорга съ нѣкоторыхъ сторонъ похвально, но впрочемъ большая часть комментариевъ есть ничто иное, какъ лабиринтъ грамматическихъ замѣчаній. Не должно смѣшивать однакожъ съ сочинителями подобныхъ изысканій писателей, имѣвшихъ цѣлю представить замѣчанія новыя и остроумныя, о томъ, что касается до историческихъ отношеній, дѣйствительныхъ достоинствъ: эпопей и собственныхъ, принадлежащихъ Данте, достоинствъ. Таковы были послѣднія изысканія *Фосколо*, *Россетти*, *Троа* и друг.

Италіяны всегда занимались изученіемъ Древнихъ и Восточныхъ языковъ; ни одинъ народъ болѣе ихъ не способствовалъ познанію древностей и религій. Съ нѣкотораго времени казалось, что великіе филологи и антикваріи Италійскіе исчезли съ Висконти, Морцелли, Марини, и проч. Можешь быть, цѣль подобныхъ изслѣдованій не соответствовала уже направленію духа времени, спремиающегося только къ великимъ и важнѣйшимъ опорышамъ. Мы узнаемъ теперь, что Шамполіонъ далъ Италійскимъ ученымъ направленіе важное и полезное, своимъ открытіемъ членія Египетскихъ гіероглифовъ. Послѣ-

щая Италію, онъ вездѣ оставлялъ послѣ себя учениковъ и любителей, съ жаромъ устремлявшися по слѣдамъ его. Неаполь, Болонія, Флоренція, Туринъ и особенно Римъ признали достоинство сего новаго Гермеса, открывшаго новый міръ предъ любопытными взорами антикваріевъ. Ученые Италіи, самые знаменитые, каковы Г. Да Ман, Пейронъ, Оріоли и друг., отдали ему справедливость; самый Г. Валеріацци, во Флоренціи, оспаривавшій его систему, наконецъ откровенно сознался въ своемъ согласіи.

Италія нынѣ, кажется, болѣе всѣхъ другихъ земель, занята спорами Классиковъ и Романшиковъ. Хотя большая часть правилъ, на коихъ утверждаются классики, кажется намъ болѣе благоразумною и основательною, нежели правила ихъ противниковъ, мы охотно сознаемъ справедливость нѣкоторыхъ возраженій, сдѣланныхъ и сими послѣдними, отвергая тотъ всеобщій догматизмъ классицизма, который хотѣлъ владѣть словесностью и искусствомъ, также самовластно, какъ владѣла некогда ученостью схоластическая философія. Между тѣмъ, замѣтимъ, что классики повноряютъ правила и подражаютъ примѣрамъ древнихъ, а большая часть романшиковъ, говоря о независимости въ произведеніяхъ Поэзіи, кажется, еще превосходитъ въ подражательности своихъ противниковъ: большая часть романшиковъ нейдетъ впередъ безъ авторитета другихъ; вѣрится только тому, что сказали ихъ начальники и считаетъ вѣрнымъ свой усилъ, когда можешь захватить себѣ благопріятное мнѣніе какого нибудь журналиста своей школы. Такъ шляется родъ какого-то лиштературнаго отголоска, въ которомъ скорѣе узнаешь духъ партіи, нежели

ту любовь къ истинному и изящному, которая должна оживлять истинныхъ друзей Наукъ и Искусствъ. Не смѣшиваемъ съ полною писателей по наслышкѣ, тѣхъ людей, которые, по убѣжденію обширнаго ума, не хотятъ оставить безъ вниманія средствъ и выгодъ романтизма; о нихъ хотимъ мы сообщить отдѣльно наше мнѣніе.

Миланская *Италіанская Библіотека* и Флорентійская *Антологія* обыкновенно сражаются, одна за классицизмъ, другая за романтизмъ. Антологія заключаетъ въ себѣ иногда по нѣскольку страницъ, благопріятствующихъ классикамъ, но преимущественно покровительствуетъ она романтиковъ. Можно сказать, что сіи два Журнала поощрили все, что можно было сказать въ пользу защищаемыхъ каждымъ изъ нихъ створовъ. *Римскій Аркадскій Журналъ* поддерживаетъ классицизмъ, но часто больше съ усердіемъ, нежели съ Философією: статьи сего Журнала совсѣмъ не имѣютъ той занимательности, какую находимъ въ статьяхъ Библіотеки Италіанской или Антологіи. Г. Герардини въ своемъ переводѣ *Курса Драматической Литтературы*, А. Шлегеля, опровергнувъ нѣкоторыя мнѣнія сего писателя. Онъ изслѣдовалъ попомъ довольно основательно правила и теорію романтизма, и въ изданныхъ имъ *Основаніяхъ Поэзіи*, отдалъ преимуществво ученію классиковъ. Уважая достоинства Шлегеля, Сисмонди и Г-жи Сталь, которыхъ Италіанскіе романтики считаютъ своими корифеями, Г-нь Герардини находить, что сіи корифеи несогласны между собою и ошвергаетъ все, что кажется ему болѣе ново, нежели справедливо. Въ тоже время Г-нь *Гермесъ Висконти*, по при-

иру Беккарія, хотѣвшій приложить филозофическій анализъ къ дѣлу Литштературы и вкуса, назвалъ *Разговоръ объ единствѣ времени и мѣста въ Драмѣ*. Если криптики и не убѣдились основательностію мнѣній автора, они не могли отказать ему въ великой провицательности. Г-нъ Манзони, одаренный рѣдкими достоинствами и богатый многоразличными свѣдѣніями, ничего не пренебрегъ для поддержанія своей теоріи романтической драмы, которая ни Шекспирова, ни Шиллерова, но его собственная. Ей слѣдуютъ нынѣ многіе романзики Италіянскіе. Манзони изложилъ свою теорію въ *Письмѣ къ Г-ну Ч. объ единствѣ времени и мѣста въ Трагедіи*. Въ двухъ Трагедіяхъ своихъ (*Графъ Карманьола* и *Adelghis*) Манзони хотѣлъ показать практически правила своей теоріи. Онъ, кажется намъ, не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Красоты, правда, ясны въ упомянутыхъ швореніяхъ его; но онѣ обезображены величайшими недостатками, и можно сказать, что красотою обязанъ Поэтъ своему гению, а недостатки его суть слѣдствія дурнаго рода литштературныхъ мнѣній, имъ принятыхъ, которыя щещно старается онъ оправдать въ письмѣ своемъ, выше упомянутомъ.

Весьма-бы важно было наблюдать такое различіе и оно разувѣрило-бы многихъ криптиковъ, которые, смѣшивая дѣйствія генія съ правилами какой нибудь системы, думаютъ имѣть право оправдывать странности сей послѣдней блескомъ перваго. Отъ сего являющся посредственные подражатели, лишенные дарованій, и шѣмъ болѣе достойные осужденія, что у нихъ находимъ мы только ошибки

Ч. XV. Но 11.

У

системы и не находимъ никакого достоинства. Въ доказательство того, что мы говоримъ, можно представить историческую трагедію *Беатриса Тенда*. Сочинитель, Г-нъ *Тедальди-Форесъ*, прежде нее, издалъ еще трагедію: *Бондельмонта*: объ трагедіи весьма незамѣчательны; въ обѣихъ видно стараніе идти по слѣдамъ Манзони, но многого недоспало сочинителю для достиженія образца; и объ трагедіи; хотя написанныя по системѣ знаменитаго писателя, не представляютъ ни одной изъ красотъ, какія находимъ въ его твореніяхъ. *Беатриса Тенда* болѣе другой незанимательна; дѣйствіе оной распянуто и слогъ неопрышенъ.

Замѣчанія, сдѣланныя нами касательно драмы, можно приложить и къ эпосѣ. Тома Гросси, юный поэтъ, у котораго геній не по лѣшамъ, заслуживъ похвалы за свою повѣсть въ стихахъ (*Ильдегонда*), отважился на гораздо обширнѣйшее твореніе; онъ издалъ эпическую поэму: *Лонгобарды въ первый Крестовой походъ*. Въ Италіи говорили, что эта поэма превосходитъ *Освобожденный Иерусалимъ*. Рецензіи, спорныя статьи, шепрадки летѣли со всѣхъ сторонъ. Среди такихъ шумныхъ преній, мы не боимся сказать, что поэма Г-на Гросси заключаешь въ себѣ величайшія красоты и недостатки, и снова повторимъ, что недостатки ее обезображивающіе суть слѣдствія романтической теоріи, а красоты принадлежатъ собственно Автору. Онъ ошибся, думая, что шѣже средства, которыхъ могли одушевить небольшую повѣсть; какова *Ильдегонда*, могутъ поддержать интересъ большой эпоса, и весьма въ этомъ обманулся.

Иностранцы, путешествовавшие по Италіи полагаютъ, что число ученыхъ людей въ сей землѣ гораздо меньше, нежели у другихъ народовъ. Самые Французы безъ оспоровки повторяютъ, что они рѣдко встрѣчали ученыхъ людей, даже въ значительныхъ городахъ Италіанскихъ. Мы позволимъ себѣ замѣтить, что литератураторы Италіанскіе не соединены и не сосредоточены тамъ въ одинъ городъ, какъ во Франціи все соединяется въ Парижѣ. Исключивъ столицы государствъ, болѣе другихъ успѣвшихъ въ просвѣщеніи, пусть скажутъ намъ, какіе второстепенные города можемъ сравнить, по соспоянію учености, не только съ Миланомъ, Флоренціею, Римомъ, Неаполемъ и Туриномъ, но даже съ Пизою, Болоніею, Пармою, Моденою, Павіею, Бресчіею, Вероною, Падуею, Палермо?

Италіанцы занимаются Науками и Словесностію по страсти, а не по ремеслу; они преслѣдуютъ предметы своихъ занятій въ шинивѣ кабинетовъ, и если хотимъ узнать ихъ, тамъ искать ихъ должно, а не въ большомъ свѣтѣ, гдѣ они рѣдко появляются. Вольперъ, говорилъ: *«Статуи являются въ Италіи повсюду, а люди мыслящіе прячутся; ихъ надобно отрывать (déterrer).»*

Не трудно убѣдиться въ томъ, что знанія распространены въ Италіи болѣе, нежели полагаютъ, если сообразимъ великое число Академій и Обществъ Литературныхъ и ученыхъ (изъ коихъ главнѣйшія нами означены) и великое множество журналовъ всѣхъ родовъ, которые въ Италіи выходятъ: въ одномъ Миланѣ ихъ двадцать, сверхъ множества печатаемыхъ тамъ книгъ.

Наше обозрѣніе (хотя весьма неполное) нынѣшняго состоянія Наукъ и Словесности въ Италіи, даетъ понятіе о направленіи умовъ въ сей прекрасной землѣ и объ литературныхъ заслугахъ Италіянцовъ, не менѣе благодѣтельствованныхъ природою въ отношеніи нравственныхъ и умственныхъ способностей, какъ и въ отношеніи климата, благопріятнаго тихой мечтательности, ученому досугу и высокимъ впечатлѣніямъ.

НЕКРОЛОГІЯ. *Іосифъ Піацци*, Директоръ Неапольской и Палермской обсерваторій, Членъ Академій Наукъ: Неапольской, Санктпетербургской, Туринской, Берлинской, Парижской и мног. другихъ, родился въ Вальтелинѣ (близъ Поите), въ нынѣшней Миланской области, 16 Іюля, 1746 г. Онъ останется въ лѣтописяхъ современнаго просвѣщенія, какъ одинъ изъ славнѣйшихъ Астрономовъ нашего времени. Делаамбръ, въ историческомъ обозрѣніи своемъ, сказалъ, что для познанія звѣзднаго неба Маскелинъ и Піацци сдѣлали болѣе, нежели всѣ другіе астрономы отъ Иппарха до нашихъ временъ. Піацци учился сначала въ Миланѣ, потомъ въ Брерѣ, гдѣ между наставниками его были Тирабоски и Беккарія. Онъ въ юныхъ лѣтахъ вступилъ въ монашескій орденъ Феатиновъ и приготовленный къ преподаванію Философическихъ и Математическихъ Наукъ, былъ Профессоромъ въ Генуѣ. За нѣкоторыя мнѣнія, показавшіяся дерзкими Доминиканамъ, онъ принужденъ былъ удалиться въ Мальту, гдѣ преподавалъ Математику. Тогда раскрылась вполнѣ

клонность его къ Математическимъ наукамъ, и особенно къ Астрономіи. Онъ былъ еще нѣсколько времени Профессоромъ Философіи въ Римъ и Равеннѣ; пошомъ Богословія въ Римъ; но вездѣ почитали его за дерзкаго безбожника, и въ 1780 г. Піацци отказался совершенно отъ Богословія и Философіи, удалился въ Сицилію и былъ назначенъ Профессоромъ высшей Математики въ Палермо. Здѣсь начинается настоящая жизнь Піацци, ибо человекъ начинаетъ жить только тогда, когда выполняетъ назначеніе свое для блага человѣчества. Спараясь разсвѣять шму невѣжества, облекавшую новое его отечество, и рѣшась совершенно посвятить себя Астрономіи, Піацци убѣдилъ Короля устроить въ Палермо обширную обсерваторію. Онъ самъ отправился во Францію за астрономическими снарядами; познакомился здѣсь съ Лаландомъ, Бальми, Деламбромъ, и пользуясь отправленіемъ Кассини, Мешени и Лежандра въ Англію, для измѣренія разности между Гринвичскимъ и Парижскимъ меридіанами, поѣхалъ съ ними въ Лондонъ, гдѣ заказалъ Рамздену инструменты. Піацци самъ придумалъ устройство огромнаго круга (cercle vertical), 5 футовъ въ діаметръ, съ азимуфами (azimutal). Англійское Правительство не хотѣло допустить вывоза сего новаго инструмента изъ Англіи, полагая его Англійскимъ изобрѣтеніемъ; но Рамзденъ призналъ изобрѣшателемъ Піацци; новый снарядъ и всѣ другія принадлежности обсерваторіи были привезены въ Сицилію. Піацци съ тѣхъ поръ ревностно занялся своимъ любимымъ дѣломъ и продолжалъ его всю жизнь. Онъ почелъ первую необходимостію въ тогдашнемъ состояніи Астрономіи, составленіе каталога звѣздъ. Не при-

нияя условій Маскеллина, коими руководствовались
 современные астрономы (*утвержденная позиция*
36 звѣздъ, какъ пунктовъ сравненія вѣрныхъ),
 онъ рѣшился все снова подвергнуть самому спро-
 гому, практическому наблюденію; съ 1792 года
 начался его трудъ, и черезъ девять лѣтъ подтвер-
 дилось мнѣніе Пиацци, что если-бы Фламстеды,
 Майеры и Лемонье слѣдовали образу наблюденій имъ
 принятому, открытіе Урана было-бы сдѣлано го-
 раздо прежде Гершеля. Января 1 д., 1801 г.,
 Пиацци открылъ новую планету, которую назвалъ
 онъ *Церерою*, присовокупивъ къ тому имя своего
 покровителя *Фердинанда*, бывшаго тогда Короля
 Сициліи (что однако жъ въ послѣдствіи оставлено
 астрономами). Немедленно издалъ Пиацци извѣстіе о
 своемъ открытіи (*Risultati delle osservazioni della nuova*
stella. Палермо, 1801 г., in 12) и потомъ описалъ
 его подробнѣе въ *Della scoperta del nuovo pianeta*
Cerere Ferdinanda (Палермо, 1802 г., in 8). Въ
 слѣдующемъ году изданы имъ были плоды многолѣт-
 ныхъ наблюденій его въ книгѣ: *Praecipuarum stella-*
rum inerrantium positiones mediae, incunte seculo XIX,
ex observationibus habitis in specula panormitana ab
anno 1792 ad 1802. Здѣсь представилъ Пиацци ката-
 логъ 6748 звѣздъ. Трудъ его принятъ былъ съ величай-
 шимъ уваженіемъ; но не смотря на старость свою, онъ
 неутомимо занялся усовершенствованіемъ его и въ
 1814 г. выдалъ *второе изданіе* своей книги, гдѣ
 описалъ уже 7646 звѣздъ; между тѣмъ онъ отвлека-
 емъ былъ другими трудами по своей Наукѣ, и из-
 далъ слѣд. важныя сочиненія: *Memoria sull' obliquità*
dell' ecclittica (въ XI Т. *Актовъ Италіянск. Обще-*
ства); *Memoria sulla precessione degli equinozi* (въ Ми-

ланскихъ Эфемеридохъ, 1804 г.); *Ricerche sulla parallasse di alcune principali stelle* (въ XII Т. Актовъ Италіянск. Общества); *Sulla misura dell' anno tropico solare* (ibid. въ XIII Т.); *Saggio su' movimenti proprj delle stelle fisse* (въ I Т. Актовъ Италіянскаго Института). Въ 1812 г. онъ издалъ описаніе кометы, тогда явившейся (*Della cometa del 1811 — Палермо, 1812 г., in 8*), гдѣ сказалъ свое мнѣніе, что почитаетъ кометы шълами, составляющимися въ безконечности пространства и попомъ разсыпающимися въ прежнее небытіе. Твердо увѣренный въ это, онъ не занимался наблюденіемъ кометъ, считая сей трудъ безвыводнымъ и мало полезнымъ. Еще до того времени Піацци поручено было уравненіе мѣръ и вѣсовъ въ Сициліи, о чемъ издано имъ нѣсколько сочиненій. Онъ отвергалъ всѣ выгодныя предложенія Наполеона, переживавшаго его въ Болонію. Около 50 лѣтъ прожилъ Піацци въ Палермо, непрерывно трудился и не хотѣлъ уже переѣхать въ Неаполь, куда въ 1817 г. Король предлагалъ ему переселиться. Піацци ревностно старался о просвѣщеніи Сицилійцевъ, всегда былъ истиннымъ другомъ просвѣщенія, мало думалъ о самомъ себѣ, и все отдавалъ въ пользу наукъ и своихъ согражданъ. Онъ скончался въ глубокой старости, 22 Іюля, 1826 года. Славный Бодэ родился только полугодомъ послѣ его и умеръ въ одномъ съ нимъ году, переживъ его только 4-ю мѣсяцами. Почти въ одинъ годъ Европа лишилась Ладласа, Піацци, Бодэ и Шуберта.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

На конзину ***.

(Изъ Жанъ - Поля.)

Въ ту минуту, когда ты, въ бѣлой брачной одеждѣ,
Вашняго тайнаго міра невѣста, зяпную корону
Тихо сняла, и земля возвращила, и въ свѣжѣмъ, изъ
зрѣлой
Житвы; вѣнкъ, опъ насъ полетѣла — все зарыдало!
Плакаль, кто только слыхалъ о тебѣ; но болѣ пла-
каль
Зрѣвшій тебѣ, а ты, кого прижимала ты къ сердцу;
Слезъ найдти не могли, а послѣ ихъ, счастье не умѣли.
Время придетъ: намъ завидовать будущъ въ вели-
комъ; въ прекрасномъ,
Будущъ завидовать въ счастьи, насъ поспѣившемъ;
по скорби,
Скорби, съ какой мы его опъ себя проводили; не
вспомнить!
Въ ту минуту, когда бытіе для нее начиналось,
Ангель жизни ея предсталъ предъ Судьбой и ска-
заль ей:
Много вѣнкобъ у меня для младенца: изъ лилій спле-
танный,
Свѣжій вѣнецъ красоты; и брачный изъ миртъ; и
короля;

Ч. XV. No 11.

§

Есть и лавровый вѣнецъ, Германскія правды и чести;
Есть и шерновый Который избрать назна-
чаешь младенцу?.

— Всѣ избираю! — сказала Судьба . . . Но остал-
ся единый,

Все-награждающій! Въ день испытанья, когда по-
явился

Смерти вѣнецъ на высокомъ чель, унывающій Ангель
Снова предсталъ, и однѣ лишь слезы его вопрошали;
Голосъ воскликнулъ: *воззри!* Онъ воззрѣлъ . . . а
надъ ней — *Искупитель!*

С м е р т ь Д а н т а .

(Дантъ, изгнанный изъ своего отечества Фло-
ренціи и до сего скитавшійся по Италіи, нако-
нецъ пріютился у Гвида Поленша, владѣтеля Ра-
венскаго, котораго дочь Франческа Римминя, уби-
шая мужемъ въ объятіяхъ любовника, была вос-
пѣта Даншомъ, въ пятой пѣсни его Ада. Знаме-
нитный пѣвецъ умеръ изгнанникомъ, въ объятіяхъ
великодушнаго друга своего Поленшы.)

Д а н т ѣ .

Пѣвца-изгнанника послѣдній покровитель,
Поленша! я иду въ ту мирную обитель,
Которую давно отъ бурь себѣ избралъ:
Для гостя твоего послѣдній часъ насталь!
Ты Данша не отвергъ, ты старцу въ утѣшенье
Скитавшемуся былъ . . . прими благодаренье:
Да наградишь тебя небесный нашъ Отецъ!

П о л е н т а .

Нѣтъ, нѣтъ! твоихъ друзей, божественный пѣвецъ,
Еще не оставляй! Тебѣ вѣнки лавровы

Италія плещеть; сограждане гонимы
Тебя со славою принять въ родимый градъ . . .

Д а н т ъ.

Ужь поздно! Мертваго они не воскресяшь!
Приподыми меня, Поленша, дай мнѣ руку:
Хочу я воздухомъ мою развѣять муку . . .
Веди ослабшаго . . . Я сяду близь окна;
Дорога изъ него къ Флоренціи видна . . .
Ночь такъ; благодарю.

(Садится.)

П о л е н т а.

О чемъ мечшасты ты?

Д а н т ъ.

Вы измѣнили мнѣ, любимыя мечшты!

(задумывается)

Когда я пѣлъ, землею и небомъ вдохновенный,
Высокій гимнъ Творцу, былъ голосомъ вселенны;
Къ жестокой родинѣ любовію горѣлъ,
И въ славѣ я искалъ изгнанія предѣлъ,
Мечшаль поэмою открыть спезю къ опчизнѣ
И упокоишь памъ остатокъ бурной жизни!
Тогда-бъ въ шопъ свѣшлый храмъ, гдѣ смертныи
грѣхъ омыль

Водой крещенія, я въ шоржествѣ вступилъ
И надъ купелию принялъ вѣнокъ мой. . . Гдѣ я?
Ахъ! я въ Равеннѣ! . . .

П о л е н т а.

Давшь! или во мнѣ злодѣя

Ты здѣсь нашель?

Д а н т ъ.

Прости, мой благородный другъ!

Ахъ! рѣчь невольную, и горе, и недугъ
 И въ сердца вырвали! Нѣтъ, вѣтъ, мѣмъ страданья
 Ты облегчилъ! Прости! Не знаешь ты изгнанья,
 И на престолѣ ты его не испытала;
 Я по Италіи скитаюсь, узналъ,
 Какъ солонъ хлѣбъ чужой и какъ крута дорога
 На чуждое крыльцо. Полента! много, много
 Я странникомъ шерсть: на шарца не сердись.

П о л е н т а.

Друзьями вѣчно бышь взаимно мы клялись.

Д а н т ѣ.

Такъ! ты одинъ мой другъ! Флоренція! съ тобою
 Я узы всѣ распоргъ; ты адскою враждою,
 Непримиримая, всю жизнь меня гнала,
 И въ ранній, чуждый гробъ, бездомнаго сведа. . . .

. . . Ты мнѣ не родина! не признаю тебя!
 Не твой пѣвецъ, не сынъ! здѣсь въ землю слягу и!
 Не погребешь меня! Я мертвою рукою
 Твой камень гробовой съ моей могилы срою!
 Полента! поклянись не выдавать мой прахъ!

П о л е н т а.

Не выдамъ, Дантѣ!

Д а н т ѣ.

Клянись!

П о л е н т а.

Или въ моихъ словахъ
 Ты сомнѣваешься?

Д а н т ѣ.

Клянись!

П о л е н т а.

Клявусь святыней!

Д а н т ъ.

Но клишва на тебѣ де на одномъ ; на сынѣ ,
 На вцукѣ , правнукахъ , на родѣ всеи дежиши ,
 И горе племени , когда ей измѣнишь !
 Клянись за весь швой родъ !

П о л е н т а.

Клянусь всесильнымъ Богомъ !

Д а н т ъ.

Теперь спокоенъ я. — Поленша ! объ убогомъ
 Ты въ счастья не забылъ , все далъ ему , что могъ ;
 Прими-же отъ пѣвца , отъ спранника , въ залогъ
 Признательности , все , что съ жизнью оставляю :
 Мои шворенія . Тебѣ ихъ завѣщаю !
 Сей свитокъ сохрани ; онъ съ Даншомъ не урешь ,
 И скоро вся сюда Италия придетъ ,
 Какъ къ свѣжему ключу , въ немъ черпашь вдохно-
 венья ,

И будушь ей мой оракуломъ видѣнья !

П о л е н т а.

О Дантъ , безсмертный Дантъ ! Ахъ , ежели знакомъ
 Тебѣ моленій гласъ , и если эпочъ домъ
 Приютомъ былъ тебѣ , забвеніемъ спрадаишъ ,
 Не отвергай , молю , отцовскихъ заклинаній ;
 Ты самъ отецъ , о Дантъ !

Д а н т ъ.

Что хочешь ? говори ?

П о л е н т а.

Еще ты живъ , и вотъ швой свитокъ ; ахъ ! сопри
 Любовь , судьбу и смерть , воспѣшмя шбою ,
 Франчески дочери !

Д а н т ъ.

Безумный!

П о л е н т а. (Бросается къ ногамъ его)

Предъ тобою

Здѣсь повергаюсь я, пѣвецъ, какъ предъ судомъ
Всего потомства! Дантъ! ты сжался надъ ошцомъ,
Несчастной дочери не разглашай позора,
Изъ ада выведи, оставь безъ приговора!
Она мнѣ сполна споль многихъ, многихъ слезъ;
Когда-бъ ты зналъ ее

Д а н т ъ.

Пеленша! много слезъ

Я самъ пролилъ въ часы подземнаго свиданья;
Какъ трупы падаютъ, упалъ я ошъ рыданья,
Увидя тѣнь ея. Тебѣ прощаю я
Безумную мольбу: Франческа дочь твоя!
Возстань: иль ты мечталъ, я могъ безъ вдохновеній
Духовный мѣръ воспѣшь, и видѣшь безъ виданій?
Пройдши сквозь Адъ и Рай, живой въ толпѣ тѣней,
И мертвый, хладный мѣръ, создашь въ душѣ моей? . . .
Пеленша — я не богъ! Взгляни, я умираю,
Какъ смертный! Хладный трупъ: вотъ все что
оставляю;

Но вѣкогда сей трупъ былъ духомъ оживленъ
Божественнымъ, былъ имъ въ святилище введенъ,
И не мои слова въ устахъ моихъ гремѣли.
Когда-бъ не истину они запечатали,
Тогда-бъ спрашала жизнь межъ тѣми потеряна,
Которые сей вѣкъ минувшимъ будутъ звать.

П о л е н т а.

Безмолвствую, о Дантъ! въ слезахъ благоговѣю.

Д а н т ъ

Но время . . . омершь въ очахъ : я гасну и хладью.
 Дай руку мнѣ , сожми ; прости , не забывай
 Богъ искупитель мой ! прими меня въ Твой рай . . .

А. Муравьевъ.

Д о х ъ Л о м о н ъ (*).

Первое замѣчательное мѣсто, означенное въ моемъ дорожникѣ, было Дунфѣонъ или гора Фингала, еще сохранившая нѣкопорые слѣды древняго спана сего героя. Далѣе проспирается Рушай - Дель (Rushy - Dale), или Тростниковая долина, извѣстная кровавой сшибкой Колкгуновъ съ Макгрегорами, около начала XVII столѣтїя. Ломонское озеро показывалось вправо и украшало безпредѣльность небосклона немовѣрнымъ разнообразїемъ видовъ своихъ. Напрасно ожидали-бы опъ меня щепетнаго усилїя описать оное. Кпо можетъ передать уму и сердцу, посредствомъ хладныхъ чернилъ и бесплодныхъ буквъ, шѣ ощущенїя, копорымъ самъ дивисься, прежде не обрѣтая силы, попребной для испытанїя оныхъ ! Кпо можетъ описать сіе озеро, лежащее между горъ и усыпанное островами разнообраз-

(*) Озеро въ Шотландїи, въ Дунбаршонской области. Пер.;

ными, изъ коихъ одни, важные и величественные, покрыты мрачными тѣнями деревь, сливающимися съ цвѣтомъ водъ, ибо озеро Каледоніи суть мрачныя озеро Оссіана; природа другихъ еще болѣе уныла и угрюма: кой-гдѣ на ихъ поверхностяхъ подъемлются обнаженные скалы, на коихъ отблескъ свѣта отражается чудесными тѣнями, или купы цвѣтущихъ горныхъ кустарниковъ; многіе изъ сихъ острововъ украшаются прохладною береговою, прекрасными рощами, букетами высокихъ деревь, стоящими, какъ-бы великія цѣвни, на шелковистой муравѣ: предельный садъ, гдѣ душа въ упоеніи предается восторгу и копораго ведеръчивая краса говорить сердцу! Я видѣлъ поселеница неподвижнаго передъ озеромъ: устремивъ взоры свои на оное, онъ, казалось, погружался въ глубокое размышленіе. Я приближился къ нему и отвлекъ его отъ созерцанія. Онъ взглянулъ на меня и поднявъ руку къ небу, сказалъ со вздохомъ: Fine country (прекрасная земля)!

Ломонское озеро, по своей пріятности, величинѣ, разнообразію живописныхъ видовъ и дѣйствій имъ производимыхъ, говоритъ отличнейшій путевождецель Чапмана, можетъ почесаться занимательнѣйшимъ и великолѣпнѣйшимъ въ Великобританіи. Что касается до меня, видѣвшаго много странъ, находя, что оно есть одно изъ важнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ зрѣ-

лицъ природы, я надѣюсь, что чашатель, сколько-бы онъ ни былъ недоступенъ къ таковымъ красотамъ, также его оцѣнитъ безъ помощи гиперболъ. Пускай онъ представитъ себѣ озеро, съ тридцатью двумя островами, на поверхности его лежащими, изъ коихъ многіе простираются на нѣсколько миль длины, озеро, окруженное на небосклонѣ своемъ цѣпью горъ, изъ коихъ многія болѣе 500 сажень вышины; пусть прибавитъ онъ къ сему топографическому очерку дѣйствіе, производимое разнообразіемъ растений, всегда прекрасныхъ или величественныхъ, и непосредственно свѣта и тѣни въ сихъ глубокихъ ущеліяхъ, гдѣ солнце является и исчезаетъ безпрестанно, проходя за горами ихъ окружающими; чудесный видъ паровъ, вѣнчающихъ вершины сихъ горъ, въ странѣ, такъ сказать, освятившей мифологию облаковъ; странный грохотъ опзызовъ, передающихъ на безконечныя пространства одинъ другому малѣйшій шумъ волны, и наконецъ, приносящихъ какое-то благозвучное шрепетаніе, подобное исчезающему въ послѣднемъ опзывѣ издаваемомъ струною арфы; преданія сихъ первыхъ временъ и имена Оссіана, Фингала, Оскара, перешедшія съ пампью ихъ подвиговъ и пѣсней, къ жителямъ сихъ странъ, такъ живо, какъ пѣсни героевъ позднѣйшихъ временъ, и сего самаго Робъ-Роя, копорытъ Каледонянинъ, движимый вели-

кимъ удивленіемъ или предметомъ необычайнаго страха, клянется еще нынѣ, подобно Римлянамъ, клявшимся именемъ Геркулеса. Наконецъ, я не упомянулъ въ семь исчисленіи о прехъ чудахъ Ломонскаго озера, на которыя перевозчики всегда указываютъ путешественникамъ; о пловучихъ островахъ, волнахъ безъ вѣтра и рыбахъ безъ плавательнаго пера. Сія весьма обыкновенная рыба, употребляемая жителями края и почитаемая за змѣю путешественниками, есть ужъ, весьма невинный, *coluber natix*, если не ошибаюсь.

Древніе назвали Ломонское озеро прекраснымъ именемъ *Линкилидоръ*, съ Гальскаго *Ityn-celyd-l-dur* (воды оснненныхъ горъ). Названіе Ломонскаго оно получило отъ высочайшей и чудеснѣйшей изъ горъ своихъ, Бенъ - Ломона, замѣчательной по совершенно обнаженному конусу, который вѣнчаетъ ее. *Llwmongu* значитъ лысая гора. Сיםъ прекраснѣйшимъ видамъ Валшеръ Скоптъ обязанъ счастливымъ вдохновеніемъ своимъ. Но какого Поэта не поспило бы оно при видѣ *Линкилидора* и какое живописное мѣсто не возбудило бы вдохновенія въ блестящемъ Оссіанѣ новѣйшей Шотландіи? Только такая природа можетъ произвести такую Поэзію.

(Съ Французск. М.)

Необходимость переписки между родными.

Что противъ дяди и невѣжества?

Кн. Одоевскій.

Здравствуйте, дядюшка, сказала я, входя въ комнату дяди моего, недавно, приѣхавшаго въ Москву.

Здорово, мой милый, сказалъ онъ. Что это братъ? ты совершенно забылъ меня! Хоть-бы спрочкой порадовалъ?

Я. Помилуйте, дядюшка, я писалъ къ вамъ нѣсколько разъ.

Онъ. Да, хоть ужь съ мѣсяць, какъ я не получалъ отъ тебя писемъ; послѣ того, какъ ты извѣстилъ меня о помолвкѣ сестры твоей и выходѣ своемъ изъ пансіона, ты вдругъ замолчалъ.

Я. Да, о чемъ-же мнѣ писать, дядюшка? Если наполнишь письмо только одними учтивыми фразами и увѣряешь въ покорности своей къ услугамъ вашимъ, такъ объ этомъ пишешь нѣчего: надобно доказывать любовь свою къ роднымъ не на письмѣ, а на дѣлѣ.

Онъ. Да, все таки, хоть-бы что нибудь да написалъ.

Я. Ахъ, дядюшка! — Письмописание доведено у насъ до такой степени совершенства, что если примемся за перо, то напрасно будемъ искаать новыхъ выраже-

ній; всѣ они ежедневно развѣзжаютъ по губерніямъ, такъ, что иногда подумаешь, будто играешь въ воланъ съ швѣць, съ кѣмъ имѣешь переписку. Посылаешь фразу; чрезъ нѣсколько времени она летитъ назадъ, и я не удивляюсь, что говорятъ, будто намагниченные могутъ читать письма, не будучи въ состояніи сомнамбулизма: я берусь рассказать вамъ содержаніе многихъ писемъ. Припомъ-же уцѣпившія фразы, эти уродливыя дѣшкі моды, вовсе не должны-бъ быть употреблены между родными. Я обязанъ почтитать ихъ и не хочу давать подписки въ моемъ почтеніи; на что имъ она? Развѣ въ случаѣ моего неуваженія уличить меня собственной рукою?

Онъ. Да, иногда желаешь знать о здоровьѣ отсутствующаго.

Я. Но если кромѣ этого пишутъ не о чемъ, такъ надобно написать только, что я здоровъ, или дополнишь письмо, опять повторяю, уродливыми дѣшкими обыкновенія.

Онъ. Ну, сказать о здоровьѣ . . . спросить о здоровьѣ того, къ кому пишешь, и пожелать ему здоровья, счастья, благополучія . . . сказать, какъ проводишь время. . . .

Я. И поговоришь о погодѣ, спросишь какова у васъ! Нѣтъ, дядюшка, не знаю какъ вамъ, а мнѣ скучно читать и писать такого рода письма. Да, припомъ, они опле-

какуюсь оми занятій, а въ нихъ — не най-
дете ничего! Чтожь касается до пожела-
нія здоровья, то я желаю его всѣмъ и
каждому, шѣмъ болѣе роднымъ и вообще
людямъ, мною уважаемымъ и любимымъ.
Слѣдовательно, вы и безъ моего письма
можете быть увѣрены, что я вамъ же-
лаю здоровья, счастья, а съ своей сторо-
ны я увѣренъ, что и вы мнѣ того-же же-
лаете.

Онъ. Но если, сверхъ чаянія, ты бо-
лѣнь, если тебѣ нужна будетъ моя по-
мощь, мои совѣты!

Я. А! нужна помощь: вотъ въ такомъ
случаѣ я напишу къ вамъ.

Онъ. Слѣдовательно, надобно писать
только тогда, когда принудить необходи-
мость? Но можетъ случиться, этого никог-
да не случится, или будетъ случаться
рѣдко, и такъ ты будешь переписываться
изъ году въ годъ?

Я. Напрощивъ; напривѣрь, если-бы я
куда нибудь уѣхалъ, то конечно увѣдомилъ
бы васъ о томъ, благополучно-ли я довхалъ;
можетъ быть, вздумалось-бы мнѣ расска-
зать какія нибудь новости, что очень час-
то случается; но если ихъ нѣтъ, если я
увѣдомить не о чемъ, и рассказать нѣчего,
тогда, что прикажете писать? Опять
повторяю: пустыя увѣренія въ любви, въ
почтеніи?

Онъ. Да, хотѣ-бы ты мнѣ написалъ,
что ты дѣлалъ въ продолженіи этого мѣ-
сяца.

Я. И такъ я долженъ буду посылать вамъ ежемѣсячный журналъ моей жизни; ибо, можетъ быть, и въ будущій мѣсяцъ ничего не будетъ описывать кромѣ моего времени препровожденія, положимъ, веселаго, но оно весело было для меня, а вамъ что въ этомъ пользы? Припомъ-же, жизнь моя почти всегда единообразна, и чтобы не надоесть вамъ однимъ и тѣмъ-же, чтобы занять васъ, я долженъ буду прибѣгнуть къ вымыслу, или, не желая наскучить и писать небывальщину; прибѣгнуть къ наполненію письма вздоромъ учтивостей!

а? Онъ. Да чтожъ такое? Хоть вздоръ, хоть однѣ учтивости, я и тѣмъ доволенъ; только непременно надобно писать, потому что между родными такъ водится.

По неволѣ скажемъ съ К. Одоевскимъ, думалъ я: кто противъ дяди и невесты; согласился; и по опъздѣ своего дядюшки каждую почтупишу къ нему и не рѣдко играю съ нимъ въ волянь, слова: я здоровъ, тебѣ и вамъ желаю. Признаюсь, что писать письма, для того только, чтобы писать, очень незанимательно; но что дѣлать? Не пишешь: говорятъ забылъ, не любитъ! и — вотъ перо снова должно уверить въ любви и почтеніи, и писать, что уже писано было несколько разъ, а между тѣмъ жалъ бѣднаго времени! Изволь прудиться такимъ образомъ въ перебрасываніи *сѣмо* и *оамо* обыкновенныхъ выраженій и убивай часы,

иногда нужные для другихъ или для себя самого. Ахъ, Милостивые Государя! такія письма цѣлыми кипами ежедневно приѣзжаютъ во всѣ почтампы. На примѣръ, если имѣюте случай переслать письмо чрезъ кого-либо, то пишуте такимъ образомъ:

Милостивый Государь (дядюшка, дѣдушка).

(N. N. P. P.)

При сей вѣрной оказіи не могъ преминуть, чтобы не засвидѣтельствовать вамъ моего низжайшаго почитанія и преданности. Я, слава Богу, здоровъ, того и вамъ отъ всего сердца (отъ всей души, сердечно, душевно) желаю. Засвидѣтельствуйте мое почтеніе (дядюшкѣ, тетюшкѣ и проч.); пишете къ намъ потаще.

За симъ съ почтеніемъ и преданностію пребыть честь имѣю, покорный ко услугамъ вашимъ,

Милостивый Государь,
такой-то.

Если нужно отвѣчать на письмо, то пишуте такимъ образомъ:

Пріятыѣйшее письмо ваше имѣлъ я удовольствіе получить. Очень радъ, что вы здоровы; о себѣ скажу, что я, слава Богу, здоровъ. За симъ, желая вамъ счастья и благополуція, съ истиннымъ почтеніемъ

*и неизцѣлѣнною предаиностію пребыть
вѣстѣ илюбю, вилѣ,*

Милостивый Государь,
покорный ко услугамъ
такой-то

Разумѣется, что здѣсь могутъ быть иногда прибавки; какъ на примѣръ: если письмо пишется женатымъ, то мужъ прибавляетъ: *жена моя вамъ кланяется, а не пишетъ потому, что въ отлучкѣ или нездорова* (хоть это по большой части и вздоръ). Иногда заочно цѣлуютъ родительскія руки, просятъ родительскаго благословенія, жалуются на нездоровье, которому причиной полагаютъ нещогоду (хоть-бы это произошло отъ чрезмѣрнаго аппетита); заочно цѣлуютъ милыхъ малютокъ: Сашеньку, Петиньку, Мишрофанушку и пр. Если-же супруга, съ трудомъ преодолевая лѣнь, наконецъ рѣшился взять перо, то приписываетъ къ письму мужа экстрактъ изъ его вѣжливостей, начиная: «При семь и я, Милост. Государь...» и пр. Еще скажемъ, что дѣвушка къ дѣвушкѣ пишетъ обыкновенно: *Ma chère cousine*. Но если она ей неродня? скажетъ Кристикъ. Нужды нѣтъ, Мил. Гос., У нашихъ красавицъ такое обыкновеніе, что какъ скоро познакомились, такъ и говорятъ: *Кажется, мы съ вами свои*; начинаютъ выводить родословную (едва-ли не отъ Адама), и наконецъ *кузятся* (т. е. сшива-

хотся узами родства). Попробуйте переписать всѣхъ кузинъ, на примѣръ, у двѣиць *ABC. DC. VT.* и пр. Нѣтъ, Мм. Гг., не спанешъ бумаги! Красавицы наши желаютъ быть всѣ сестрами, желаютъ золошаго вѣка, если не для насъ, то по крайней мѣрѣ, для своего пола. — За симъ съ почтеніемъ и преданностію пребыть честь имѣю, вамъ, Мил. Госуд., чипашели или Мм. Гг., чипательницы (какое счастье, если онъ найдутся!), покорный ко услугамъ,

И. Н—сб.

II. С М Ъ С Ъ.

Журналистика.

Недавно, во *Всеобщей Библиотекѣ* (Bibliothèque Universelle) мы съ удивленіемъ читали статью о Русской Литтературѣ: и не лзя было не удивляться, смотря на ошибки и странныя мнѣнія, какими она наполнена. Надобно знать, что эша статья извлечена Издавателями *Библиотекки* изъ книги, изданной въ половинѣ прошлаго года, въ Парижѣ, Адрианомъ Бальби, подъ названіемъ: *Этнографическій Атласъ земнаго шара* (Парижъ, in 8, CXLIII и 415 стр. и огромный атласъ in fol.), которая получена теперь и въ Москвѣ. Г-нъ Бальби посвятилъ Русскому языку и Русской Литтературѣ огромную статью. Объ языкахъ всѣхъ почти другихъ народовъ доставили ему свѣдѣнія извѣстнѣйшіе ученые: *Агубъ, Шези, Шамполлионъ, Дюперре, Фрейсине, Гарсенъ-де-Тасси, Галатинъ, Гумбольдтъ, Жомаръ, Жоберъ, Клапротъ, Копитаръ, Крузе, Марциусъ, Молльенъ, Пашо, Риттеръ, Абель-Ремюза, Сель-Мартенъ, Шпиксъ, Варденъ* и проч. Только наша бѣдная Литтература досталась не въ такія руки. Какой-то молодой Русскій дворянинъ и Литтераторъ (un jeune seigneur russe, jeune littérateur: слова Г-на Бальби, на стр. 192 и 321), не пожелавшій объявлять своего имени, объѣздившій Европейскую и Азіатскую Россію, бывшій въ Тобольскѣ, Харьковѣ, Москвѣ и Санктпетербургѣ, а потомъ въ Парижѣ и оставившій Парижъ въ 1825 году, составилъ

для Г-на Бальби ешашью о Русскомъ языкѣ и Русской Литтературѣ. По всѣмъ примѣшамъ не можемъ угадать, кто эшошь юный Литтераторъ, нашъ соошечественникъ, и весьма жалѣемъ, что на благонамѣренный вызовъ иностранца онъ подарилъ его спашью, самую невѣрную и ошибочную. Правда, онъ принялъ на себя всю отвѣшвенность за погрѣшности, и пошому мы спѣшимъ предупредить чашапелей, что по спашь о Русской Литтературѣ, они не должны заключать о всей книгѣ, которая ешть превосходное ученое произведение, стоящее полной благодарности проевѣщенныхъ чашапелей. Спашь о Русской Литтературѣ мы назначаемъ въ Телеграфѣ подробный разборъ, кошорый въ то же время будетъ переведець на Французскій языкъ и отосланъ къ Парижскимъ Журналистамъ. Мы поспѣшимъ сдѣлать эшо тѣмъ болѣе, что книга Г-на Бальби, принятая съ отличною похвалою, уже переводится на Нѣмецкій языкъ, и невѣрныя сужденія и ошибки нашего соошечественника могутъ внести въ заблужденіе не знающихъ нашей Литтературы и появляясь въ книгѣ замѣчательной составишь нѣкоторый авторитетъ. Къ спашь неизвѣшнаго Литтератора, присовокупилъ еще прибавленіе Г-нъ Нейенкирхень, знаемый у насъ по переводамъ нѣсколькихъ книгъ и спашей съ Русскаго на Нѣмецкій языкъ. Эшой прибавочной спашью не лзя читать безъ изумленія. Скажемъ для примѣра, что главнѣйшимъ изъ Русскихъ юриспуденшовъ въ ней названъ — Г-нъ Филимоновъ (издавшій лѣшь за Зошь брошюрку объ Ешественномъ Правѣ); главнѣйшимъ изъ Русскихъ пошовъ и прозаиковъ названъ, онъ-же Г-нъ Филимоновъ, за его Собраніе сочиненій и переводовъ.

(*Проза и Стихи*, В. Филимонова. М. 1822 г.) :
лучшими драгедіями Русскими показаны: *Марса По-
садница*, соч. О. Иванова, *Персей*, соч. Г-на Ро-
сшовцова и *Сафо*, соч. Г-на Сушкова!! Послѣ сего
вѣрите иностранцовъ, когда имъ Рускіе, или изъ
Россіи доставляютъ подобныя свидѣнія, и надобна-ли
грашка для ошраженія нашихъ либературныхъ
евранностей?

Въ сей книжкѣ Телеграфа помѣстили мы
статью объ Испаліанской Либературѣ, соч. Г-нъ
Сальфи. Предупреждаемъ читателей, что переда-
вая оную исполнѣ, мы не соглашаемся безусловно
со всемъ шмѣмъ, что говоритъ Г-нъ Сальфи о Тео-
ріи Изящныхъ Искусствъ: читатели видятъ его
вѣрнія, во многошъ, какъ намъ кажется, весьма
ошибочныя и требующія повѣрки. Трудно согла-
ситься безъ справокъ, что-бы Г-нъ Герардини до-
казалъ несправедливость вѣрній Шлегеля, и чтобы
погрѣшности Г-дъ Манзони и Гросси происходили
отъ ложныхъ правилъ, а не отъ чего нибудь дру-
гаго. Романтизмъ имѣетъ сильныхъ защитниковъ въ
самой Испаліи. Услышимъ что они будутъ отвѣ-
чать Г-ну Сальфи, который, кажется, и не впол-
нѣ понимаетъ, чего хотятъ нынѣшніе романтики и
не можеть отстать отъ милыхъ ему предразсуд-
ковъ. Не странно-ли приписывать романтизму, что
многіе послѣдователи сей теоріи пишутъ дурно?
Беремся предсавить Г-ну Сальфи столько-же при-
мѣровъ дурныхъ классиковъ, сколько представилъ
онъ примѣровъ дурныхъ романшиковъ. Присовокуп-
лятъ примѣчанія къ его статьѣ мы почли неуж-

нымъ. Читатели Телеграфа могутъ знать наше собственное мнѣніе о романшизмѣ, которое раскрываемо было во многихъ статьяхъ Телеграфа; вѣроятно, еще довольно случаевъ представится намъ говорить о семъ важномъ предметѣ.

Журальный сыщикъ.

Парижскія моды ().*

Des bérets en moire, en gros de Naples rose ou bleu sont recouverts de tulle ou de blonde, et ornés, à droite, de deux longs esprits à pied rose ou bleu, placés l'un au-dessus de l'autre. Au côté gauche, est une rosette d'étoffe bordée de blonde, d'où pendent deux larges brides en blonde.

La coiffure la plus générale est un bonnet de gaze lisse bleue ou rose, à grandes ailes, et à calote plate. Les bonnets de ce genre sont ornés de fleurs légères, telles que muguet, clématite, myosotis, ou aube-épine.

Les capotes les plus à la mode sont de gros de Naples bleu: leur forme ou calote est ronde; et leur passe très-longue, mais un peu cintrée sur les oreilles.

On a remarqué à Tivoli une mantille d'une nouvelle forme; ses bouts pendans sont en tulle uni et coupés carrément. Vers le bas, une large marguerite est brodée en reprises. La mantille n'est arrondie ni sur les épaules ni sur le dos. Le derrière, froncé dans le bas, est retenu par une ceinture en ruban de gaze qui passe dans les fronces et vient former noeuds à deux coques et deux bouts très-courts sur le devant. Cette mantille ressemble à un canezou qui ne serait pas fermé sous les bras. Des jockeis ronds, doubles et croisés

(*) До 20 Юня (м. с.) 1827 г.

offrent quatre marguerites brodées en reprises. Un collet renversé présente deux pointes et une marguerite dans chacune.

Les sacs les plus nouveaux sont de moire rose, bleue ou jaune oiseau-de-paradis; ils ont la forme d'un coeur et sont bordés d'un liseré dont la couleur diffère de celle du sac. L'ouverture est placée à la pointe du coeur. En cet endroit sont deux larges pattes doublées d'étoffe de la même nuance que le liseré et froncées. Deux rubans attachés à ces pattes servent à suspendre le sac.

Jamais on n'a tant porté de cot-pali brodé en soie plate que cette année.

Береты, изъ морелевой матеріи и гроденапля розоваго или голубаго, дѣлающся, съ шюлемъ или съ блондами, и убирающся, съ правой стороны двумя длинными *эспри*, у которыхъ концы розоваго или голубаго цвѣща. Съ лѣвой стороны розетка изъ шелковой матеріи, окруженная блондами; ошъ нея висящъ двѣ блондовыя завязки (*brides*).

Самый употребительный головной уборъ: чепчикъ, изъ гладкаго газа, голубаго или розоваго цвѣта, съ большими крыльями и плоскою тульею. Сіи чепчики убирають небольшими цвѣщами, какъ-то: ландышами, жигучкой (*clématite*), соколей шравою (*puozotis*) и боярышникомъ (*aube-épine*).

Самые модные капоты (шляпки) гроденаплевья, голубыя. У нихъ тулья круглая и поля весьма длинныя, надъ ушами немного выгнушыя.

На прогулкѣ въ Тиволи замѣтили маншилью новаго рода: висячіе на передѣ концы изъ неразрѣзнаго шюля и обрѣзаны квадратно. Низъ вышитъ маргеритками. Маншилья не округлена ни на плечахъ, ни на спинкѣ: задняя сторона ея въ складкахъ и придерживается поясомъ (изъ газовой ленты), который проходитъ въ складки и образуешь на переди талии баншъ, съ корошкими кончиками. Вообще маншилья походитъ на канезу, только не обхватываетъ рукъ подъ плечами. Круглые, двойные и перекрестные лацканы вышиты маргеритками. Два цвѣточка такихъ-же вышиты на двухъ углахъ лежачаго воротничка.

Самые новые *ридикюли* дѣлають изъ морелевой матеріи, розоваго, голубаго или желтаго-райской япочки, цвѣповъ. Они имѣють фигуру сердца и окружены лизере цвѣта отличнаго отъ цвѣта самаго ридикюля. Ошверстіе ихъ въ верхней сторонѣ; его закрываютъ двѣ лапы со складками, съ подкладкою изъ матеріи того-же цвѣта, какъ лизере. На двухъ лешахъ, прикрѣпленныхъ къ лапамъ носятъ ридикюль.

Никогда не носили столько плащей изъ кошпала, вышитаго шелкомъ, сколько носятъ ихъ въ нынѣшнемъ году.

На приложенной картинкѣ :

Италянская соломенная шляпка, убранная пѣ-
ннми, колосьями и лешами ашласными. Органди-
ное плаще, убранное воланами. Кисейное *фншю*,
вышитое, и убранное шюлемъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

Письма изъ Сибири.

(Продолженіе.)

Березовъ, при всемъ отдаленіи, не только опъ есапра славы, но и опъ обыкновеннаго общежитія, имѣеть своя воспоминанія, косвенно принадлежащія къ безсмертнымъ временамъ Петра Великаго. Здѣсь въ започеніи кончиль свою жизнь, сполько-же необыкновенную, какъ и поучительную, сотрудникъ и любимецъ Преобразователя Россіи, Меньшиковъ.

При имени сего знаменитаго изгнанника не лзя было удержашься, чшобы не вспомнить о правахъ его на побѣды, въ Польшѣ, подъ Лвснымъ и подъ Пюлтавой; о его заслугахъ, какія онъ оказалъ въ новой сѣверной столицѣ, въ присутствіи и отсутствіи единственнаго Монарха. Но — «Вошь слѣды могилы Меньшикова, указываютъ мнѣ, а вонъ шамъ, близъ другой церкви, развалины хижины его.» Какое мрачное, неизмѣримое разстояніе

Ч. XV. No 12.

Ф

между Полшавы и Березова! Но оно было пройдено, и пройдено не по лавровымъ вѣтвямъ. Такъ, я сегодня видѣлъ, гдѣ помѣщался подъ конецъ, и гдѣ наконецъ вмѣстился этакъ обширный исполинъ, которому, за сто лѣтъ, если правда, тѣсно было у подножія престола.

Жизнь Князя Меньшикова, конечно, принадлежитъ Исторіи; но жизнь Меньшикова принадлежитъ всякому христіанину. Вотъ нѣсколько словъ, дошедшихъ до меня изъ успъ втораго поколѣнія Березовскихъ жителей; вы посудите изъ нихъ о послѣднихъ занятіяхъ этой сильной души.

Меньшиковъ своеручно пособлялъ строить деревянную церковь, которая уже сгорѣла. Онъ ходилъ звонить въ колоколъ, когда наступало время церковнаго служенія; пѣлъ и читалъ въ церкви. По окончаніи служенія, любилъ оставаться тамъ же, и читать простолюдинамъ назидательныя книги. Не только не ропталъ онъ на свою участь, но при всякомъ случаѣ съ живостію благодарилъ Бога, что Онъ смирилъ его. Узнаете-ли вы въ этихъ чертахъ Генерала и Министра Петра Великаго?

Какъ не узнать, гдѣ есть истинное величіе! Меньшиковъ служилъ Великому, и послѣ, когда думали унижить его, онъ пошелъ служить Всемогущему, съ превосходнѣйшимъ самоопроверженіемъ. Чѣмъ больше мечтала сперва возвыситься у престола, тѣмъ больше сиделся онъ послѣ унижить себя

у алтаря: одинъ и пошъ-же духъ, разнообразно несшійся къ высокому, попому что высокое его (первое и послѣднее) развилось безконечностію.

Не знаю, извѣстны-ли вы, что онъ двѣ орденскія звѣзды, которыми былъ украшенъ опъ десницы Монаршей, здѣсь возложилъ на оплечья двухъ богатыхъ священническихъ ризъ. Я видѣлъ одно изъ сихъ облаченій. Звѣзда и фризонъ ризы уже начали осыпаться; но приношеніе, можно-ли не чувствововать, какъ единствен-но и какъ прогашельно! Кто-бы во всѣхъ поступкахъ изгнаннической жизни не прочиталъ чувствъ души сильной, пылкой и парящей, парящей уже къ Царю Царей?

Sunt hic etiam sua proemia laudi,
Sunt — — — et mentem mortalia tangunt.

4 Декабря.

Въ Березовѣ.

Посмотрите, подвѣзжая съ востока къ Тюмени, посмотрите на эту открытую и усмѣхающуюся физиогномію города: не правда ли, что восточный абрисъ его живописенъ?

Тюмень расположена по крупому, высокому берегу Туры; нѣсколько каменныхъ зданій выглядываютъ изъ за крышъ передовой линіи, а по цѣлой дугѣ городского берега бѣлѣются храмы Господни, воздвигнушыя не сполько благочесшіемъ нашимъ,

Ф 2

сколько услугою времени. Надобно признаться, что дѣлу Божію и время служишь.

Посмотрите, говорю, на открытое лицо города, и угадывайте о внутренности города! Нѣтъ, если сдѣлаете шагъ внутрь его, вы увидите части, а не цѣлое, увидите не ряды спелющихся улицъ, но буераки, разрознивающіе городъ. Это можетъ служить и вмѣсто иносказанія, хотя и не хотѣлось-бы намѣкать вамъ о раздѣленіи мнѣній по части вѣроисповѣданія.

Прогуляемся лучше туда, гдѣ всѣ Тюменцы, безъ различія полковъ, соединяются въ одну мысль, посмотримъ на многочисленную ярмарку, выставку низшихъ искусствъ города и округа. Мы увидимъ шупъ мочалы (не пренебрегайте первоначальною основою Русской мануфактурной промышленности), увидимъ подлѣ мочаль цыновку, ленъ и пеньку, со всѣми издѣліями, шерсть и разноцвѣтные ковры, разноименныя кожи и щеголеватую конскую сбрую; увидимъ колеса, повозку, пѣлегу, соху, кресла, скрипку и кляшкы съ соловьемъ, если-бы была весна; словомъ, мы найдемъ шупъ все нужное для обихода сельскаго и полугородскаго, все, что выдѣлывается для сего двоякаго употребленія изъ царствъ расписительнаго и живописнаго, что производится гибкостью перстевъ, не дорогими инструменшами вооруженныхъ.

Огромное скопленіе издѣлій, при стеченіи волнующагося народа, появляется каждую недѣлю въ установленный день, и въ одинъ день все исчезаетъ съ площади, за цѣну или на обмѣнъ, по требованіямъ разныхъ округъ. Этотъ день, даже безъ поэзи, можно-бы назвать праздникомъ Минервы земледѣльской.

Послѣ сего я-бы думалъ, и не безъ основанія, утверждаю, что немногіе въ Сибири города такъ хорошо поняли тайну своей промышленности, какъ Тюмень. Во многихъ изъ нихъ слышны жалобы, то на упраздненіе годовыхъ ярмарокъ, то на отводъ большаго тракта; но городъ, гдѣ есть своя основная промышленность, едва-ли отъ подобныхъ перемѣнъ подвергнется чувствительному упадку.

Теперь оставляю васъ въ покоѣ и самъ уединяюсь въ Троицкій монастырь, чтобы еще разъ взглянуть на священную твердыню, съ дѣтскихъ лѣтъ для меня достопамятную. — Какія воспоминанія, какія пихія, опроческія воспоминанія вспыхнули въ душѣ и грѣли ее нѣсколько минутъ! Такъ, душа насладились ими; она молча свидѣлась съ собою и, какъ-бы сказала, съ собою опроковицей. *Alter ab undecimo tum me jam seperat annus, jam fragiles poteram a terra contingere ramos.* Уже могъ я тогда засматриваться на иконостасъ съ выпуклой рѣзбою, допрогивался руками до вися-

чихъ лампадъ , и въ невинной простотѣ умѣлъ молился иконамъ. Теперь я въ томъ-же храмѣ опознаю тѣ-же разныя украшенія, тѣ-же иконы и тѣ-же лампы. Все то-же , кромѣ меня и позолоченой бѣлояровой свѣчи ! Доска и плинѣа сохранили мертвыя повапленныя формы, потому что онѣ не теплились , не горѣли въ эти пятьдесятъ лѣтъ. Вы по дружбѣ чувствуете силу словъ.

Поднявшись вверхъ, въ боковымъ сводамъ храма, я очутился среди двухъ горнихъ церквей , сооруженныхъ Митрополитомъ Филофеемъ , который, кажется, желалъ-бы , если-бы возможность слушалась ревности, заселить жертвенниками и ашмосферу, во славу Всевышняго.

Шагъ за порогъ, и вотъ простое надгробіе сего Іерарха , завѣщавшаго похоронить свой прахъ внѣ церкви, на пупи, дабы мимоходящіе попирали его своими ногами. Напротивъ , кто не поклонился почивающимъ костямъ чловѣка Божія, который благовѣстилъ Евангеліе среди Котскихъ городковъ, который былъ ходатаемъ за Тюменскую обитель у Петра Великаго, и который, на закапѣ жизни, скрылся отъ свѣта въ святомъ образѣ схимника. Я видался съ именемъ сего боголюбиваго старца еще въ Иркутскѣ, гдѣ есть памятникъ съ поновленною надписью, что въ 1719 и 1720 годахъ онъ посѣщаль тамошнюю пашву.

Благополучна паспва, когда евангельская жизнь Архипастыря бываетъ для нея живою проповѣдью, въ силѣ, а не въ звукѣ!

12 Декабря.

Въ Тюмени.

Не чувствительнѣе очутившись при скапѣ нагорья, увидѣлъ я внизу городокъ, и съ удовольствіемъ смогрѣлъ на небольшой, но правильный, красивый городокъ энопъ: это былъ Туринскъ.

Пять сотъ пятьдесятъ домовъ, и среди нихъ возносятся шесть благолѣпныхъ церквей и столькожъ колоколенъ.

Покровская колокольня изъ всѣхъ зданій сего рода есть башня примѣчательная; примѣчательная не по вышней пестротѣ готическихъ прикрасъ. Посмотрите, какая стройность въ вышинѣ, какая легкость въ массѣ, кромѣ основанія, какая силъность въ ширинѣ пролетовъ, на которые отважился Туринскій зодчій въ двухъ верхнихъ ярусахъ! Колокольня держится на однихъ углахъ; она отсюду прозрачна, и сосѣдняя башня, какъ и луна, очаровательнѣе смотряшея вечеромъ сквозь нее.

Радуйтесь, Сибирскіе юноши, рожденные съ понкимъ организмомъ, радуйтесь и вы, переимчивые Якушы, столь удачно начинающіе работашь въ преддверіи зод-

чества! радуешься: Минерва уже на Уралѣ; но ея наугольникъ и масштабъ, ея палитру и кисти, ея веселбелъ и шпунповникъ со множествомъ пилочекъ (*) я видѣлъ по сѣю сторону Урала.

Мысленно обращаюсь къ Якутску, Енисейску и Березову, къ поoliko сѣвернымъ городамъ, опличающимся числомъ каменныхъ церквей, не соразмѣрнымъ со счетомъ жителей, подобно Туринску, я задалъ себѣ вопросъ: чему надобно приписывать въ элихъ городахъ успѣхи церковнаго зодчества? Совокупности разныхъ причинъ, какъ думалъ я послѣ.

Частію набожности, потому что за небывалостію искусственныхъ зрѣлищъ и такъ называемыхъ собраній, жители охотно продолжаютъ посѣщать церковь; грамотѣи ихъ участвуютъ въ пѣніи съ прогательною любовію, и проспой хоръ гражданъ мечтался мнѣ отголоскомъ, тянущимся отъ первой апостольской церкви. Частію древности городовъ, потому что зауральское наше водвореніе прежде всего шло по сѣверовостоку. Частію щедростямъ шорга, потому что въ сѣвер-

(*) Въ Туринскѣ довольно рѣзчиковъ на липѣ и кедрѣ, равно иконописцовъ и каменщиковъ съ своими рисунками, но въ рѣзбѣ на деревѣ, Рафайлова слобода, что на р. Исети, имѣетъ двное превосходство.

ныхъ городахъ скоплялись капиталы, для закупа мягкой рухляди высылаемые, и по пропокамъ естественнаго кругообращенія, а иногда и по особымъ движеніямъ благочестія текли на дѣла богоугодныя. Частію неуспѣшно-сти въ земледѣліи, потому что настояла необходимость обезпечивать свое продовольствіе искусствами. Частію надобно приписывать тамъ успѣхи церковнаго здѣшскаго и естественному прискорбію чело-вѣческаго ума, которъ видя себя заключеннымъ въ негостепримныхъ, сумрачныхъ предѣлахъ земной широты, силился на переборъ природы украшать горизонтъ своего пребыванія приличными искусственными памятниками.

Такъ я изъяснялъ Туринскъ въ Туринскѣ, на досугѣ; но повѣрише-ли, что въ теченіе прехъ дней, мною тамъ проведенныхъ, оснавалось у меня мало досуга отъ должностныхъ занятій и неожиданной бесѣды. Какъ надѣявшись вспрѣтнуть въ Туринскѣ непринужденный разговоръ о Естественной Философіи, слышать между прочимъ о Галилеевыхъ открытіяхъ въ разсужденія тяжести тѣлъ земныхъ, или, слышать повповореніе Кеплеровыхъ законовъ, и ш. п.? И эшой справлею познаній я любовался, не безъ удивленія, въ домъ почтеннаго судьи NN.

Правду сказать, что для умозрительныхъ знаній самый лучший пріютъ есть шакой городъ, который споятъ въ тѣни отъ модныхъ преисрожденій времени. Ни ужины, ни каршы, ни собранія не придушъ возмутить бесѣды съ Ураніей.

Ахъ! какъ скучно должно быть въ такомъ мѣщанскомъ городѣ, гдѣ надобно звать отъ скуки, и убаюкивать ее мечтательными припѣваніями Музъ, говорилъ мнѣ NN, въ опивѣ моего живаго пересказа.

Вѣрно онъ не знаетъ, что у досужливой скуки не рѣдко качалось прекрасное дитя: изобрѣшеніе или усовершеніе.

Знаетъ, да думаетъ, что очень, очень немногимъ изъ сучливыхъ мыслипелей достаеся эта честь!

Согласенъ, но удовольствіе отъ знанія, покойное и ровное удовольствіе, что тайны вещеспвеннаго міра, что нравственно-физическія отношенія человека ко вселенной, что сокровенныя отношенія человека ко вселенной, что сокровенныя отношенія между духочеловѣкомъ и Богочеловѣкомъ, постигнуты и свѣтятся въ умѣ, это независимое, это самодержавное удовольствіе, подъ часъ бесѣдою воспламеняемое, можетъ-ли споятъ въ одной цѣнѣ съ мѣлочными и дорогими, съ

скоропреходящими и упоминательными забавами?

Me doctarum hederæ proemia frontium
 Diis miscent superis, me — —
 Secernunt populo.

Horat.

18 Декабря.

*Въ Тюмени на
 обр. пути.*

Повозка моя шаркнула подлѣ спѣвнѣ Рафайлова монастыря, копорого верхи и померклые кресты я видѣлъ за 16-ть лѣтъ, какъ проѣзжалъ съ Урала въ Барнаулъ. И такъ, въ эту годину, я совершилъ свой эллипсисъ по Сибири, описавъ его къ югу черезъ копи серебряныя, а къ сѣверу черезъ мѣста, содержащія подлѣ мерзлымъ черепомъ мамонтову кость.

Теперь я долженъ остановиться на письмѣ В. П., въ копоромъ замѣтивъ, что не всѣ письма, какія имѣлъ я честь писать изъ Сибири къ извѣстнымъ лицамъ, были вами читаны, вы возлагаете на меня обязанность отвѣтствовать на вашъ вопросъ: какаа судьба ожидаетъ впереди Сибирь, послѣ толикихъ попеченій о ней со стороны благотворнаго нашего Правитель-ства? Достигнетъ-ли она той спелости, къ какой назначена запасами физическихъ своихъ богатствъ, и къ какой прочія части Россіи на перерывъ направляются?

Сомнѣваясь, чтобы вопросы, въ наукѣ Государственнаго Хозяйства почерпнутыя, могли бытъ кспати примѣняемы въ такой странѣ, гдѣ населенность въ сравненіи съ пространствомъ земли ничтожна, гдѣ съ одной стороны пустоша, а съ другой тѣсноста продажи, прошиваются добрымъ мѣрамъ троякой промышленности, я тѣмъ не меньше готовъ представить въ вашу угодность краткое обозрѣніе по главнымъ отдѣленіямъ.

А. Земледѣліе, и въ тѣсномъ и въ пространномъ смыслѣ взятое, не представляеть широкихъ надеждъ, въ наспоющемъ географическомъ состояніи Сибири.

Земледѣліе, въ тѣсномъ смыслѣ разумѣемое, подлежаще еспешивнымъ бѣдствіямъ и другимъ препятствіямъ, спольже уцорнымъ, какъ и первыя.

Еспешивныя бѣдствія, южную или иначе лучшую Сибирь распроивающія, состоятъ въ засухѣ, въ раннихъ морозахъ и въ повальномъ скотскомъ падежѣ, копорый, въ двоякомъ значеніи и орудія и маперіи, опнимаеть у пашни вождедѣльныя силы къ удобренію. Пораженіе живошняго организма свирѣпсшвуеть шолько въ Западной Сибири.

Помянутыя препятствія состоятъ въ невѣдннн ученыхъ способовъ земледѣлія и въ ограниченности расхода на зерно.

Ибо могутъ-ли когда нибудь наставленія Экономическаго и Агрономическаго обществъ сдѣлаться понятными для Сибирскихъ земледѣльцовъ, и что еще труднѣе, перейдти въ ихъ навыки, когда предъ глазами ихъ нѣтъ практическихъ образцовъ? Какія припомъ могутъ быть побужденія къ распространенію земледѣлія, когда по дикому, необщежительному склоненію многоводныхъ рѣкъ затрудняется внутреннее перемѣщеніе запасовъ, даже между губерніями, рука объ руку лежащими; когда съ юга прилегаютъ плошодныя орды, которыя Сибирь давно, но безъ успѣха, учитъ питаться хлѣбомъ, и когда пространныя моря, полуокружность страны омывающія, не представляють ни одного исхода для хлѣбныхъ запасовъ?

Земледѣліе, въ пространномъ смыслѣ понимаемое, можетъ съ меньшимъ затрудненіемъ придти въ надлежащее преспѣваніе.

Посѣвъ коноплянаго и льнянаго сѣмента довольно замѣтный въ Западной Сибири, далѣе къ востоку очень скуденъ.

Огородничество народное еще не умѣетъ водиться съ зеленью, которая даетъ приправу и пріятность скромному столу. Сельдерей, шпинатъ и пр. госпятъ только въ огородахъ приѣзжихъ чиновниковъ, которые умѣютъ хозяйничать.

Садоводство, изъ подражанія такъ здѣсь называемое, довольствуется разсаживаньемъ около домовъ мѣстныхъ безплодныхъ де-

ревья и даешь наслаждаться въ жары одною тѣнью и дерновымъ диваномъ. Впрочемъ, Сибирь, подвинувшись къ югу посредствомъ учреждаемыхъ въ степи округовъ, увидишь въ садахъ новыхъ городовъ деревья плодовые.

Хмѣлеводство у крестьянъ въ бросовомъ состояніи. Никто донынѣ не наставлялъ ихъ способу правильно разводиться сію спашью, такъ многозначущую въ хозяйствѣ и торговѣ.

Обладаніе вишнею, дикорастущею въ южныхъ уѣздахъ Тобольской Губерніи, принадлежитъ, по старому заведенію, ближнимъ деревнямъ, хотя не лѣзя не видѣвъ, что размноженіе и сбереженіе сей плодовой лозы преобладало-бы лучшаго вниманія, лучшихъ рукъ, и можешь бышь другаго установленія.

Б. Мануфактурная частная промышленность, исключая казенные металлургическіе, гранильные заводы и Тельминскую фабрику, ни въ чемъ не ознаменовала видныхъ производствъ, показывая однѣ какъ бы пробы.

Въ царствѣ животномъ выработываются шерстяные ковры, для употребленія мѣщанскаго, мыло и юфлевыя кожи на Азіятскую руку; но разборчивый Сибирякъ носитъ и башмакъ и сапогъ изъ привозныхъ кожъ Русскаго дѣла. По такой скудости можно судить, сколь многихъ заведеній въ кожевенныхъ спашьяхъ должна

желать Сибирь, где кожи разныхъ живописныхъ могли-бы служить обильными добычами для передѣльнаго искусства. За тѣмъ былъ положенъ сему искусству хорошей начинь, въ окрестности Тобольска; но духомъ обстоятельствомъ (будь это сказано для исторіи искусства) дѣло разрушено до основанія.

Одни можетъ быть заведенія сего рода и имѣли-бы обширный расходъ. При дешевомъ пропитаніи мастеровыхъ, и при сходной покупкѣ кожъ изъ первыхъ рукъ, можно было предполагать, что въ семь дѣлъ Сибирь скоро спала-бы соперничать съ Россіей.

Въ царствѣ расписельномъ писчая бумага низшихъ добротъ выдѣлывается въ достаточномъ количествѣ. Остячки Обскія приготовляютъ для себя изъ крапивы порядочную холстину и съ Исетскихъ кросенъ свиваются трубки тонкихъ холстовъ; отъ сихъ провинціальныхъ издѣлій можно взойдти выше съ вопросомъ: для чего-бы капиталистамъ не подумать о заведеніяхъ для разныхъ полотень?

Въ царствѣ ископаемомъ частію пользующаяся мамонтовой костью Якутскъ, Енисейскъ и Самоѣдъ. Также начинаютъ дѣлать фаянсъ и даже, если можно причислять издѣлія Шадринскія къ Сибирскимъ, фарфоръ, котораго основа лѣтъ за 50 указана была Академиками, по Челябинскимъ восточнымъ покашосшамъ Урала. Совшо-

валъ-бы я Шадринскому фабриканту быль бережливей и въ массѣ и въ позолотѣ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что многое можно быль завести въ Сибири; но гдѣ предприимчивые капиталисты, гдѣ мастера, гдѣ мастеровые, и гдѣ, говоря короче, капиталъ и искусство? Когда-же водворится искусство и дѣятельность, не будутъ ли опять спрашивать, гдѣ мѣсто для продажи?

Если всмотрѣться ближе въ надобности и недостатки Сибири, не льзя не встрѣтитесь съ неизбѣжнымъ замѣчанiемъ, что настоящее шествiе Сибирской промышленности далеко не въ смежномъ съ мануфактурами расположенiи, но еще въ промежуточномъ состоянiи, въ которомъ настоятель общая нужда въ цѣховыхъ мастерствахъ. *His labor, his opus*. Представьте себѣ, какiя груды мягкой рухляди вывозятся изъ Сибири, и ни кто еще не рѣшился здѣсь выдѣлывать и составлять мѣховъ, такъ, что Тобольскiй купецъ, какой бы ни опправлялъ торговъ пушными товарами, долженъ выписывать себѣ мѣхъ Сибирскiй изъ Москвы. Какое изобилiе въ рыбъ всякаго рода, но умѣть солить ее совсѣмъ не наше дѣло. Мы начинаемъ только выходить изъ лѣсовъ, но на случай прогулки покупаемъ прости и простиочки Московскiя. Берега многихъ озеръ завалены гусиными перьями; но перо, которымъ шеперь пишу,

заваривалось гдѣ-то въ Россіи. Ишимскій уздѣ снабжаетъ излишками своего сала Финскій или Архангельскій порты, но свѣчу, при которой читаю въ Тобольскѣ, заблаговременно выписываю изъ за Урала. Какое множество подобныхъ спашей, которыми можно укорять Сибирь въ безконечной ея нерукодѣльности!

В. Изъ сихъ усмопрѣній легко заключить, между кѣмъ и кѣмъ посредничаетъ Сибирская торговля, и въ чьи руки переносятъ плоды своихъ трудовъ. Прикажете-ли пояснить?

Внутренняя городская торговля, въ удовлетвореніе издерживателей, ищетъ приличныхъ поваровъ на двухъ государственныхъ ярмаркахъ и въ Москвѣ; она щечится нѣкоплыми издѣльями съ Линіи и съ Кяхты. Такимъ образомъ, торговля сія, посредствуя между Сибиряками и Русскими мануфактурами, не меньше обслуживаетъ и рукодѣліямъ Бухарскимъ и Китайскимъ. Она не обширна, по небольшому количеству покупателей, изъ числа которыхъ надобно еще выключить инородцовъ и почти всѣхъ крестьянъ, одѣвающихъ и питающихся опъ своихъ рукъ, въ годы оскуднѣнія. Она спала медленна въ своихъ оборотахъ, и опъ того частію, что сами продавцы едва ли не затрудняютъ движеній ея накладкою несоразмѣрныхъ процентовъ. Сумма оборота рѣдко у нихъ выручается даже въ годовой срокъ,

какъ напротивъ, при умѣренности процентовъ, соблюдая впрочемъ тѣже обстоятельства, она могла-бы три раза очищаться въ году, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ стаіяхъ. Желательно, чтобы силы, какими обыкновенно оживляется внутренняя торговля, успѣли отбросить неблагоприятное вліяніе стекающихся помѣхъ.

Внѣшняя торговля, пользуясь на границѣ правомъ обмѣна въ неважныхъ мѣстахъ, сосредоточивается въ одной Кяхтѣ главные отпуска, собираемые не только по Сибири, но частію и въ Россіи. Привозъ на Кяхту издѣлій Русскихъ превосходитъ противъ привоза Сибирскихъ, точно такъ, какъ привозъ произведеній въ сыромъ видѣ значителнѣе со стороны Сибири противъ Россіи. Посему, заведенія Русскія больше участвуютъ въ торговлѣ Китайской, чѣмъ Сибирскія, больше участвуютъ въ ней инородцы, какъ ловчіе, нежели крестьяне. Но, чтобы узнать, какими прибылями въ какіе годы купечество пользовалось отъ торговли съ Китаемъ и какимъ переворотамъ она подвергалась въ теченіе XVIII столѣтія, я смѣю указать для прочтенія одно изъ моихъ писемъ 1814 года.

Сколь ни кратка предлагаемая стѣпань, не трудно однакожь усмотрѣть прочеркнутыя въ ней пути, по которымъ массы товаровъ движутся изъ разныхъ по-

чекъ съвера и запада къ пограничному селенію Маймачинамъ, какъ и обратно; слѣдственно торговля наша съ Кипчаемъ, въ окончателъномъ выводѣ, благопстворна вообще для Сибири цѣнами за провозы чрезъ великія разстоянія. Короче скажемъ, Сибирская торговля, внутренняя и внѣшняя, по недостатку собственныхъ фабрикъ и по далекому перемѣщенію поварныхъ статей, есть *транзитная* торговля, и вопъ подлинное имя ея. Имя сіе тѣмъ съ большею справедливоостію прилично Сибирской торговлѣ, чѣмъ меньше она повелѣваетъ цѣнами по своему соображенію, и чѣмъ больше покоряется жеребьямъ преобраній.

Описавъ Сибирскую дѣятельностъ въ оказательстввахъ проякой промышленно-сти, я предчувствую, по оцупи понятій, что вы будете любопытны знать, въ какихъ степеняхъ ознаменовались умственыя способности Азіяццевъ-Русскихъ?

Когда художникъ конной шапуги Петра Великаго хотѣлъ изобрѣсти достойное изваніе, конечно трудный урокъ предлежалъ уму не въ лавровомъ вѣнкѣ, не въ подножій, не въ балюстрадахъ, но въ царствующемъ идеалѣ головы, въ подражаніи душъ великой, которая выражалась-бы и въ державномъ маніи руки, и во всей державной осанкѣ тѣла. Жизнь души, все преоборающей, надъ всѣмъ поржествующей, и повелѣвающей даже съ вершины

упеса — вошь первоначальный эскиз, копорымъ завладѣлъ художникъ, и копорый пышался онъ оживлять, шо карандашемъ, шо гипсомъ, шо пробною опливкой; вошь въ чемъ задача, а все прочее подчинялось первенствующему образованию. Такъ превосходное изваяніе воспріяло свое безсмертіе опть руки художника! Такъ Россія съ Европой увидѣла Пепра Великаго на уподобительной высотѣ, послѣ того, какъ она видѣла его на высотѣ иешинной. Прибавьше къ тому, что и самъ Преобразовашель Россія, въ змашливомъ своемъ рисункѣ, поступалъ одинако съ художникомъ спашуи, ибо спремившись образовашь народъ, онъ шакже началъ съ головы, а не съ подножія, началъ Академіей Наукъ, и посылалъ въ чужіе краи молодыхъ дворянъ учиться прямымъ знаніямъ.

Такъ - ли поступающъ Сибиряки въ своемъ образованіи, какъ поступалъ художникъ спашуи и самъ художникъ Россіи, вы изволише усмотрѣть изъ послѣдующаго. Они исполнены природнаго разсудка, благоразумны по шорговль, какъ купцы, способны къ гражданской службѣ, какъ чиновники, и въ самодовольствіи опшдавая себѣ справедливостъ, копорой не могутъ у нихъ оспоривашь привъзжающіе на службу Рускіе, они при своей письменности, индѣ восходящей до подражанія лѣпопис-

цу Неспору (*), продолжають учиться жить, пока живуть. Посему наука житейскаго поведенія, хоша теорія ея ни кѣмъ не изложена, содержишь у нихъ много мудрости въ приложеніяхъ къ случаямъ. Далѣе? Далѣе, по всей Сибири, съ недавнихъ лѣтъ, введено въ обычай употребленіе ручныхъ хронометрическихъ каршъ, измѣряющихъ время степенями досады или забавы, а между тѣмъ выигрывается упражненіе въ вычисленіяхъ ариѳметическихъ. Правду скажешь, что принятый способъ препровождать такимъ образомъ время, къ сожалѣнію, необходимъ въ Сибири, гдѣ человекъ скорѣе изнемогаетъ подъ чувствомъ одиночества, гдѣ душа часто видитъ себя сиротой и гдѣ утѣшенія жизни такіе рѣдкіе гости.

Лѣтъ за 35, нѣсколько соревнователей чпенія вздумали мушный *Иртышъ превращать въ Иллокрену* (**), но усиліе сіе не столько по забавному наименованію, сколько по испытанной невозможности, вскорѣ причислилось къ баснословнымъ превращеніямъ. Недавно также одинъ любитель умнаго препровожденія времени хотѣлъ въ Красноярскѣ учредить *бесѣду* ученую; голосъ его, сперва громко повшо-

(*) Въ Иркутскѣ и въ мою бытность продолжалась *Лѣтопись*.

(**) *Иртышъ, превращающійся въ Иллокрену*: сіе ежемѣсячное сочиненіе издавалось въ Тобольскѣ.

рившійся среди памошнихъ горъ , исчезъ въ послѣдствіи, какъ исчезаетъ голосъ чело-вѣка въ пустынь. Двукратныя сіи пред-пріятія (честь честью, кому она принад-лежитъ) затѣвались призжими , а не шу-земными особами. Ужь-ли должно изъ по-го заключить , что цвѣты просвѣщенія никогда не развернутся на Сибирской по-чвъ? Ужь-ли кой-какіе иностранные меч-татели , которымъ нравился приурочи-вать способность ума къ своимъ широ-пацъ , остануся правы , опказывая въ семь даръ сѣвернымъ жителямъ?

Нѣтъ , успѣхи въ Словесности, успѣхи въ наукахъ принадлежатъ условіямъ по-рядка, принадлежатъ принятымъ въ об-щезжитіи понятіямъ и сильному почув-ствованію необходимости въ сихъ успѣ-хахъ. Какая напротивъ необходимость въ приобрьненіяхъ сего рода Сибиряку , въ настоящее время , когда онъ видитъ при-ѣзжающихъ изъ столицы на службу чи-новниковъ безъ вѣдѣнія о наукахъ , и когда не давая отчета въ своемъ знаніи и слѣд-ственно не винясь предъ начальствомъ въ невѣдѣніи , онъ въ правѣ достигать выс-шихъ чиновъ и мѣстъ почетныхъ съ одною смѣлливостію въ поведеніи ?

Я спану защищать способности Сибиряковъ шѣмъ опытомъ , какой за 50 лѣтъ Тобольскъ видѣлъ въ драматическомъ *представленіи Ермака* , представленіи , изобиловавшемъ мыслями и счастливыми

стижами (*). Стану защищать и тѣмъ явленіемъ, что не смотря на данную свободу служить въ Сибири безъ наукъ, нечувствительно расштеть скромное семейство людей, которые считаютъ за честь своего званія посвящать досуги наукамъ. Они, таясь въ уединеніи Гимназій, естественнo не представляютъ видныхъ лицъ, тѣмъ паче, что при тихихъ вечернихъ лампахъ у нихъ не освѣчивается постороннихъ фигуръ, которыя бы лучъ бесѣды умѣли преломлять опшуда въ общество; но когда нибудь эшотъ лучъ превратится въ свѣшильникъ.

Когдажь эшотъ блѣдный лучъ превратится въ свѣшозарный свѣшильникъ для цѣлой Сибири? Третьяго дня, успокоясь опъ дороги въ богатомъ крестьянскомъ домѣ, эшимъ вопросомъ я питался въ мысляхъ цѣлый вечеръ, со стороны утѣшительной и проотивной. Въ первомъ смыслѣ, просвѣщеніе, обогативъ Естественными науками, показало бы намъ способы пользоваться всѣми разсыпанными дарами природы, умягчило-бы нравы, умѣрило-бы стремленіе къ чувствственности и открыло-бы новыя удовольствія, скрывающіяся у самого человека по въ трудѣ, по въ размышленіи, по въ переливѣ мыслей. Въ другомъ смыслѣ я, какъ Сибирякъ, опасался, чтобы подѣ личиной просвѣщенія

(*) Сочиненіе Свещенника И. А. Флоровскаго.

со временемъ не вкралась блестящая философія, помрачающая старыя истины и украшающая заблужденія новыя, чтобы не вкралось, подъ именемъ полипическихъ знаній, полуученіе, ослѣпляющее юность неуважительными идеями и не поспигающее истиннаго назначенія роду человѣческому. Блудящіе огни, которые надъ оградою монастырскою по временамъ черпнули атмосферу по линіи оптической, составляли какую-то гармонію съ переборомъ моихъ мыслей.

Сегодня, кончивъ письмо, я пошелъ помолиться въ монастырь, спѣшилъ отпуща зайти на открытое мѣсто, съ котораго, какъ сказывали крестьяне и какъ прежде я не однократно слышалъ, Рафаиловскія окрестности представляющія въ одной плавнительной картинѣ, гдѣ поворачивающійся глазъ совокупляетъ рѣку, группы березниковъ, поля зеленѣющія, выставляющіяся деревни и семь сельскихъ церквей. Я оборачивался туда и сюда, но въ зимнемъ ландшафтѣ, покрытомъ какъ бѣлою холстиной, видѣлъ призраки селеній и одну повсемѣстную бѣлизну снѣга. Такъ мало разстоянія между нынѣшнимъ днемъ и весною, и я не могъ усмотрѣть вождѣльной очаровательной картины; можно-ли послѣ сего взыскивать съ меня, если не берусь проникать въ закрытое будущее и не смѣю предсказывать, превра-

пится-ли когда нибудь блѣдный лучъ
просвѣщенія въ свѣшозарный свѣшильникъ
для моей опчизны?

23 Декабря 1826.

Въ Рафайловой

слободѣ.

(*Продолженія ожидаемъ.*)

II. КРИТИКА.

Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, précédée d'un tableau politique et militaire des puissances belligérantes; par le Général Foy. Publiée par M-me la comtesse Foy. Paris, Baudouin frères, éditeurs (*Исторія войны на Испанскомъ полуостровѣ, во время Наполеона и прот. Соч. Генерала Фуа*). Парижъ, 1827 г., in 8. XV и 403 стр. (*).

Имя Генерала Фуа извѣстно всѣмъ друзьямъ возвышенныхъ чувствъ и безкорыстной любви къ отечеству. Новое сочиненіе Фуа показываетъ, что Франція лишилась въ немъ не только вѣрнѣйшаго изъ сыновъ своихъ, но и писателя необыкновеннаго, которому предстоялъ блестящій, славный путь на поприщѣ Исторіи.

Французскіе Журналисты съ полгода повторяли, что Фуа оставилъ Записки о войнѣ Испанской. Неперпѣнне публики возрастало наравнѣ съ объявленіями публицистовъ; всѣ неперпѣливо желали видѣть, какъ пламенный, благородный Фуа пред-

*) Сообщено. Изд.

ставить одно изъ любопытнѣйшихъ событій нашего времени: войну народа противъ притѣснителя своего, борьбу свободной независимости противъ деспотизма неограниченнаго, для котораго война на Испанскомъ полуостровѣ была только ступеню къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Радуюсь, что могу представить Русскимъ читателямъ обзоръ сего любопытнаго явленія, имѣя въ рукахъ первый томъ *Исторіи войны на Испанскомъ полуостровѣ*, недавно появившейся въ Парижѣ.

Въ 1815 году, послѣ Ватерлооской битвы, Генераль Фуа увидѣлъ, что военное поприще его кончилось. Не на полѣ битвы долженъ онъ былъ впередъ защищать мнѣдія, заславившія его двадцать лѣтъ назадъ взявшаго за оружіе. «Мѣста не удовлетворяюшъ честолюбію души возвыщенной!» сказалъ Фуа, когда ему представился случай при новомъ правительствѣ занять выгодное мѣсто. «Не здѣсь могу я быть полезнымъ.»

Онъ еще не всступилъ тогда на кафедру народа, куда влекла его сила души. Но умъ, ненасытимый дѣятельностью, не могъ осцаваться бездѣицей и прозябать въ бесполезномъ бездѣйствіи. Всегда внимательный, всегда мучимый жаждою познаній, Фуа и среди бурной, безпокойной жизни въ странѣ ратномъ, среди гремящихъ битвъ, вездѣ находилъ страну для наблюденій, событіе достойное памяти, книгу для чтенія и разговоръ, изъ котораго могъ что нибудь занять. Онъ не просто *собиралъ*, но имѣя умъ болѣе практической нежели созерцательный, онъ изъ всего хотѣлъ извлекать пользу. Знать основательно и судить своимъ умомъ было для него необходимо. Онъ всякій день записывалъ, что ви-

дѣть, слышалъ или думалъ. Множество потомъ дневника служатъ свидѣтельствомъ его дѣятельности.

Оставивъ жизнь лагерную, Фуа рѣшился описать Испанскую войну. Конечно были эпохи, болѣе славныя для Французской арміи; но въ Испаніи Фуа совершилъ всѣ кампаніи; воспоминаніе о нихъ было ближе къ нему, было достойно вниманія общаго. Война Испанская составляетъ эпизодъ, отдѣльный отъ другихъ войнъ Французовъ; къ тому-же въ ней живѣе чѣмъ въ другихъ отражались духъ и мнѣнія народовъ, отношенія политики и характеръ могущественнаго Наполеона, царствовавшего *надъ всѣми волями*. И Генераль Фуа болѣе нежели кто-нибудь имѣлъ права судить о немъ. Служа въ Рейнской арміи, онъ проливалъ кровь свою за отечество и отказался отъ мѣста адъютанта при начальникѣ Италіанской арміи. Онъ удивлялся великому чловѣку, но видѣлъ въ немъ героя, а не гражданина.

«Я сдѣлалъ все, что чловѣчески возможно было, дабы воспротивиться его власти. Я отказался отъ его даровъ и могу говорить о немъ добро: его слава есть наша собственность.» Это слова Ген. Фуа.

При началѣ сего сочиненія, одна мысль привела его въ безпокойство: какъ разрѣшить видимое противорѣчіе въ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ Французовъ? Они шли въ огонь, несли жизнь за отечество, за свободу и — съ жаромъ дрались подъ знаменами Наполеона. Утвердивъ независимость родной земли, они съ равнымъ геройствомъ, съ равнымъ мужествомъ шли поработать отдаленныя государства. Какъ могли друзья собственной свободы нарушать

спокойствіе Европы и простирашь замыслы на независимость цѣлаго міра? Эпоть вопросъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ историческимъ задачамъ, рѣшеніе которыхъ освѣщаетъ исторію цѣлыхъ эпохъ. Фуа рѣшилъ его окончательно. Мы въ послѣдствіи обратимся къ сему важному вопросу, излагая содержаніе книги Генерала Фуа, но шеперь скажемъ, что главнѣйшею причиною успѣховъ Наполеона былъ самый ходъ дѣлъ, приготовленный дальновиднымъ умомъ его: Франція и армія ея всегда находились въ опасности; честь народа и безопасность государства всегда шребовали защиты, войны.

»Пусть не говорятъ, « восклицаетъ Фуа, «что солдаты наши не думали объ отечествѣ, сражаясь вдали отъ него, за дѣло и по волѣ завоевателя... Побѣда подъ Москвою или при Арапилахъ была въ тысячу разъ важнѣе, не только въ сравненіи съ Жеммапомъ или Вальми, но въ сравненіи съ Фонтенуа и Росбахомъ... Чѣмъ опдаленнѣе была страна, тѣмъ важнѣе дѣйствіе, тѣмъ кровавѣе послѣдствія его... Москва привела **АЛЕКСАНДРА** въ Парижъ.»

Съ такой возвышенной точки глядя на свой предметъ, Фуа зналъ, что простое повѣствованіе, всегда сбивающееся на реляціонный тонъ, не освѣтитъ огнемъ истины его описаній. Собирая матеріалы, онъ не только не упустилъ изъ виду ничего, что могла представить ему сама Франція, но два раза ѣздилъ въ Англію, дабы изучить составъ и образованіе арміи Англійской и узнать рассказы Англичанъ о войнѣ Испанской. Кромѣ замѣчаній, собранныхъ имъ самимъ, на мѣстѣ, во время войны,

нѣ узнавалъ ошъ Испанцовъ ихъ мнѣнія и пересказы, вездѣ находя случай повѣрять, изыскивать и находить истину.

Эта работа занимала его въ 1816 и 1817 годахъ. Но слишкомъ прилежное занятіе кабинетное, послѣ дѣятельной военной жизни, сильно разстроило его здоровье. Онъ принужденъ былъ на время оставить свой трудъ для возстановленія силъ, а съ 1819 года, будучи избранъ Депутатомъ, занялся другою обязанностью къ обществу. Такимъ образомъ, трудъ его оспался не совсѣмъ конченнымъ. Вдова Генерала издала вынѣ, по совѣту друзей его, первую часть *Исторіи Войны на Испанскомъ полуостровѣ*. Не зная, будущъ-ли выданы остальныя части сего сочиненія, приступаю къ обзорѣ первой части онаго.

Она раздѣляется на двѣ книги. Въ первой Авторъ представляетъ краткій историческій обзоръ Франціи ошъ начала революціи до 1808 года, военное состояніе Франціи при Наполеонѣ, характеръ сего необыкновеннаго чловѣка, и наконецъ неизбѣжныя причины войны Французовъ съ Испанцами и Англичанами. Во второй книгѣ, также послѣ краткаго историческо-политическаго обзора Англіи, ошъ начала Французской революціи, представлено состояніе арміи Англійской и послѣ общаго взгляда на все описанное, приложены нѣкоторыя военныя постановленія Англіи. Фуа можетъ быть названъ соперникомъ Наполеона въ искусствѣ писать. Онъ умѣлъ начертать столь полную картину всего здѣсь нами упомянушаго, что читая его книгу, вы какъ будто

видите передъ глазами своими описываемое Испіоріюмъ. Самые сухіе предметы оживляются въ его очеркахъ.

Французская революція, низпровергнувъ весь прежній порядокъ вещей, заставивъ всѣ страсти отыграть свои роли; утомила не только народъ, но и самыхъ эфемерныхъ его повелителей во время ужасовъ. Французы чувствовали внутреннюю силу свою, свои способы и готовы были успокоиться подъ защитною законнаго правленія.

Явился Наполеонъ и верховная власть скоро была въ его рукахъ. Дѣла ручались за него. Онъ ненавидѣлъ революціонеровъ за ихъ правила и нравы, но видя, что они были сильнѣе другихъ, предводительствовалъ ими 13 Вандеміера, и положилъ на всѣ парши, 18 Фрутидора, свою шпагу. По избранію и необходимости сдѣлавшись главою новыхъ выгодъ, славою война онъ разувѣрялъ страшившихся успѣховъ иноземца. Его любовь къ наукамъ, глубина помысловъ и Оссіановская возвышенность рѣчей, казались друзьямъ опечества свидетельствомъ, что онъ разделяетъ ихъ мысли; не смотря на прежнее свое поведеніе. Образованный классъ людей болѣе ожидалъ отъ знаменитаго Генерала; нежели отъ буйныхъ демагоговъ, возросшихъ среди сатурналій послѣдняго времени. Народъ желалъ порядка.

Наполеонъ доказалъ себѣ, что Небо не всегда для счастья народовъ посылаетъ первоспешныхъ гениевъ.

Онъ родился въ Корсикѣ, въ нравовъ Франціи и своего вѣка. Природа одарила его, вмѣстѣ съ желѣзнымъ сложеніемъ, могущественнымъ умомъ;

пламеннымъ воображеніемъ и непобѣдимою твердостью характера. Литтература смягчаетъ характеръ: на нее клеветушъ, говоря, что она ослабляетъ умъ, выдавая слова за сущность. Наполеонъ не плѣняла она. Математика нравилась Наполеону какъ истина: болѣе занимаясь ею, онъ былъ бы Ньютономъ или Лагранжемъ. Но самая нагота ея охлаждала его. Онъ искалъ болѣе существеннаго. Свои идеи объ истинной сущности вещей обратилъ онъ къ обществу: современныя происшествія обратили его къ войнѣ и политикѣ. Освѣщаемый пламенникомъ изслѣдованій, поддерживаемый силою характера, онъ скоро опередилъ всѣхъ слѣдовавшихъ по избитой дорогѣ.

Французская революція многимъ казалась еще таинствомъ: Наполеонъ уже видѣлъ ея слѣдствія. Въ 1792 году одинъ соотечественникъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Корсику и тамъ идти по слѣдамъ стараго Паоли: »Нѣтъ,« отвѣчалъ молодой человекъ, исполненный предвѣдѣнія, «легче сдѣлаться Французскимъ, нежели Корсиканскимъ Королемъ». Съ этого времени, вездѣ видно стремленіе его быть первымъ. При Тулонѣ, батальонный начальникъ артиллеріи, второй по своей чести, среди ужасныхъ представлений народа, онъ дѣйствовалъ самовластно. Въ Испаніи, Директорія велѣла ему начальствовать солдатами и драться: онъ принималъ посланниковъ, заключалъ трактаты, низлагалъ и возвышалъ государсва, дѣйствовалъ какъ законодатель. Въ тридцать лѣтъ онъ былъ славнѣе всѣхъ своихъ современниковъ. Жажда власти и желаніе не дать опомниться удивленію, сопровождали его въ Египетъ. »Востокъ ожидаетъ человека,« говорилъ онъ пер-

ходъ пустыни, отдѣляющія Африку отъ Азіи. Онъ не зналъ, что Западъ отвергнетъ шакого челоуѣка.

Наполеонъ не вдругъ выказалъ всего себя; пылая страстью къ войнѣ, онъ предложилъ Европѣ миръ. Отказъ Англіи заставилъ Перваго Консула побуждать противниковъ своихъ. Предводительствуя конскриптами, онъ однимъ маневромъ, одною побѣдою завоевалъ Италію, которая за четыре года стоила ему и солдатамъ его одиннадцати мѣсяцовъ усилій героическихъ и трудныхъ соображеній. Переходъ его черезъ Альпы переноситъ мысль во времена Аннибала; движенія, окончившіяся битвою при Маренго, показываютъ, до какой степени возвысилось искусство. Капитуляція Генерала Меласа не имѣла примѣра въ лѣтописяхъ войны.

Столь-же великій на другихъ пусяхъ, Наполеонъ преобразовалъ государство, далъ ему твердые, неизмѣнные законы, утвердилъ общественную довѣренность и независимость каждаго. Порядокъ, примѣта силы и долготпнія, былъ возстановленъ въ судахъ; финансы поправлены; законы исполняемы строго. Передъ такимъ блескомъ, умѣряемымъ мудростью, умолкли заговоры и всѣ междоусобія исчезли.

Наполеонъ сталъ Императоромъ. Здѣсь встречаемъ противорѣчіе въ его поведеніи. Онъ гналъ смѣлую истину отъ своего прона и покровительствовалъ лишшерапурѣ, наукамъ, искусствамъ, жалѣлъ, что не можешь болѣе распространить ихъ. Это изъясняется влеченіемъ его ко всему ослѣпляющему сильнымъ блескомъ. Въ его царствованіе построены мосты на всѣхъ рѣкахъ, множество каналовъ прорыто или прожектировано, проложены дороги сквозь отвѣсныя скалы; торговля, промышленность оживи-

лись. Нѣтъ примѣра въ Исторіи, чтобы какое-либо государство шакъ процвѣло и возвынилось во время непрерывныхъ войнъ.

Перемена образа правленія произвела мало вліянія на толпу, потому что была постепенною переменою. Гордость волновала Наполеона, и онъ имѣлъ право гордиться собою. Но къ этой благородной гордости, которая есть совѣсть генія, онъ присоединялъ несчастное пристрастіе къ древности дворянства. Повѣришь-ли попомство? Герой пирамидъ, славнѣйшій человекъ своего времени, любилъ повторять, что онъ родовой дворянинъ! Конечно въ немъ было это однимъ изъ шѣхъ впечатлѣній дѣтства, которыя оспаюцца въ насъ на всю жизнь, на зло размышленію и здравому разсудку. Желая придать больше блеска своему двору, онъ призвалъ прежнихъ придворныхъ. »Я ошворилъ дворянамъ переднія Императорскаго двора моего,« сказалъ Наполеонъ, и они бросились въ нихъ.»

Послѣ Маренго Франція приняла миръ; послѣ Гогенлиндена она заставила принять его. Англія не охотно дала мирный опдыхъ человечеству. Наполеонъ возвратилъ въ отечество пятьдесятъ тысячъ эмигрантовъ. Они были бѣдны, лишены прежнихъ преимуществъ, но пришны въ обхожденіи, а это совершенно Французская сила, для Французовъ почти равная силѣ ума. Они первенствовали въ залахъ и могли-ли не любить Англичанъ, недавно облагодѣшительствованные ихъ гостепримствомъ. Новая слава Франціи была не ихъ слава. Не равно-ли было-бы имъ, если-бы чужеземцы оставили ихъ только въ стѣнахъ Буржа, но позволили имъ пользоваться общесшвенными преимуществами? Такъ явились они

проживитками новаго порядка вещей. Когда имъ возвратили часть народныхъ имѣній, люди, послѣ революціи сдѣлавшіеся владѣльцами, успрашили и не знали, чѣмъ кончится эпошъ обратный ходъ дѣлъ? Наполеонъ рѣшился загладить свою политическую ошибку поступкомъ ненавистнымъ, какъ-бы ни разсуждали о немъ. Голова Герцога Энгіемскаго была принесена въ жертву собственнымъ подозрѣніямъ Наполеона и пользамъ вспревоженныхъ революціонеровъ.

Казалось, на минушу всѣ паршіи примирились, потому что революціонеры и эмигранты, республиканцы и роялисты изъявили равное негодованіе.

Эпошъ поступокъ, столь несогласный съ просвѣщеніемъ нашего вѣка, есть однакожъ единственное пятно въ жизни Наполеона. Если честолюбіе его заставило пролить много слезъ и крови, эпо было слѣдствіемъ общаго направленія его ума, а не жестокости сердца. Не будемъ смѣшивать деспотизма, ограничивающагося собственною пользою, съ тиранствомъ слѣпымъ, страшнымъ и кровавымъ. Наполеонъ не былъ золъ сердцемъ; напрошивъ, вездѣ видимъ его снисходительнымъ; онъ не умѣлъ даже ни долго, ни жестоко ненавидѣть своихъ враговъ. Читайте исторію людей, изъ проспаго сословія возвысившихся до верховнаго влестительства, и вы увидите, чѣмъ и какъ большая часть изъ нихъ купила свою корону!

Наполеону не довольно было повелѣвать великою націею: онъ открыто думалъ о всемірной монархіи. При эпой гигантской мысли, можетъ быть, воображеніе его плѣвалось не столько самою цѣлью, сколько путемъ, по которому должно было слѣдовать для достиженія къ ней, потому что волненіе

было его стихіей: онъ радовался бурямъ; весь земной шаръ едва-ли-бы могъ удовлетворить его стремленіе еще болѣе прославить свое, такъ рано славное имя. Онъ раскошествовалъ на войнѣ, онъ любилъ ее какъ юноша свою любовницу; онъ оправдывалъ самъ себя, говоря, что «призванъ не только правительствовать во Франціи, но покорить ей весь міръ, безъ чего міръ поглотитъ ее.» Съ этою цѣлю онъ устраивалъ Имперію для войны и для войны вѣчной. Не за право быть самовластнымъ государемъ дрался онъ подъ всѣми ширшами, и что ишло ему сдѣлаться государемъ безъ такихъ трудовъ? Напротивъ, Имперія была у него средствомъ творить, оживлять и вѣчно возобновлять стихію войны. Люди непричастные военному ремеслу не могутъ понимать этого бурнаго безпокойства, сопровождавшаго Александра на берега Гангеса и Карла XII подъ Полшаву. Война есть сильнѣйшая и обольстительнѣйшая изъ всѣхъ страстей, она страшъ, которую разжигаютъ голодъ, жажда, раны, и даже вѣчное присутствіе смерти производить при ней какое-то упоеніе.

Воинственный гений Наполеона нашелъ сильного возбудителя: это былъ Кабинетъ Сен-Джемскій. Императоръ дѣлалъ противъ Англіи страшныя приготовления. На пятнадцать мѣсяцевъ Римъ и Карфагенъ ожили. Наполеонъ шочно хотѣлъ сдѣлать высадку въ Англію и смиритъ ее. Пять маршей по берегу Темзы привели-бы Французовъ ближе къ цѣли — завоевать міръ — нежели шридцать побѣдъ на твердой землѣ.

Гоненіе лишило Францію многихъ республиканскихъ Генераловъ. Не было пламеннаго, благороднаго

Гоша; Клеберъ, кошораго не умѣли оцѣнить, палъ подъ ударомъ убійцы; молчаливый, мрачный Пишегрю умеръ за Францію, поддавшись обѣщаніямъ Англичанъ. Моро жилъ еще : генераль превосходный, но характеръ его былъ ниже шанаша. Наполеонъ свергнувъ Моро и приверженцовъ своихъ осыпалъ милостыями. Сульшъ, Даву, Ней и другіе искусные генералы, забыли о первыхъ побужденіяхъ своихъ подвиговъ и предалися одной оспраши къ войнѣ, подъ знаменами Императора.

На землѣ Англіи онъ хотѣлъ сдѣлаться посредникомъ Европы, и возсталъ противъ державъ швердой земли, надѣясь сокрушить Англію. Этошъ ходъ былъ долговременнѣе, ненадежнѣе перваго и могъ стоить болѣе крови. Онъ былъ выгоднѣе для Бришанцовъ. Пишшъ не переставалъ проповѣдывать новый крестовой походъ, и весною 1805 года Австрія явилась въ грозномъ видѣ на границахъ Италіи, подъ предлогомъ предохранить свои владѣнія отъ желшой горячки; но истинное намѣреніе ея было истребить болѣе страшное и сильнѣйшее зло: Французскую революцію, сосредоточившуюся въ одномъ человекѣ. Россія принимала участіе въ семь ополченій.

Наполеона не шакъ легко было взять въ распложъ. Скоро его колонны явились на берегахъ Дуная. Подъ Ульмомъ онъ взялъ руками цѣлую Австрійскую армію и славнаго Генерала Макка. Это было дѣйствіемъ одного страшегическаго движенія, обдуманнаго съ предусмотрительною дерзостью и съ удивительною точностью исполненнаго. Битва подъ Аусшерлицомъ можешъ почесшъся одною изъ ученѣйшихъ и рѣшительнѣйшихъ битвъ нашего времени.

Послѣ Пресбургскаго прапаша Наполеонъ могъ остановишь свою шоржештвенную колесницу. Власть Франціи имѣла сильнѣйшее вліяніе на Германію и на южныя государства Европы. Наполеонъ поставилъ старшаго своего брата властителемъ Неаполя и другаго сдѣлалъ Королемъ Голландіи.

Подъ скромнымъ названіемъ Пропектора, Наполеонъ овладѣлъ деньгами и солдатами половины Германіи; его арміи всегда были гошovy овладѣшь другою половиною ея. Пруссія первая находилась прошивъ всего пламени его власти. Послѣ войны Авспрійской, въ замѣну Аншпаху и нѣкоторыхъ другихъ частей Прусскаго владѣнія, онъ ошдалъ ей Ганноверъ, не имѣя на то права, потому что Ганноверъ никогда не былъ уступленъ ему. Такое насиліе оскорбило всѣхъ благородныхъ Пруссаковъ. Ошкрылась война.

Эта война не была сообразна съ пользами Франціи, потому что Франціи не за что было сражаться. Но въ Парижѣ не понимали намѣреній завоевателя, явно обнаружившихся черезъ два года въ войнѣ съ Испанцами. Наполеонъ воспользовался недоразумѣніемъ Французовъ и славою хотѣлъ загладитъ свою несправедливость. Іенская битва рѣшила судьбу Пруссіи, не столько въ слѣдствіе отличныхъ тактическихъ эволюцій, сколько потому, что такъ сосредоточены были войска. Послѣ сей несчастной битвы, для завоеванія, казалось, надобно было только идти впередъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ снова явился на защиту царей и народовъ. Обишатели Сѣвера и Юга сошлись на равнинахъ Польши. Въ третій разъ войны Наполеона встрѣшились, не съ учаше-

лями, потому что въ военномъ искусствѣ не было у нихъ учителей, но съ могучими соперниками, по числу, презрѣнію къ смерти и свяшой преданности къ Государю. Французы дрались за чепыреста миль отъ отечества, на линіи дѣйствій ненадежной; Рускіе вблизи границъ своихъ, магазиновъ, подкрѣпленій всякаго рода и съ помощью ошашка Прусскихъ войскъ. Не будь одного человѣка противъ нихъ, и борьба была-бы неравна удивительно. Но одинъ Наполеонъ спомалъ сна тысячь человѣкъ. Занятіе Варшавы не избавило его отъ второй кампаніи, которая при другомъ предводителѣ могла-бы почесться дерзкою и быстрой, но Французамъ казалась робкою и продолжительною. Битвы при Пульсукъ и Эйлау должны-бъ были навѣять на душу героя спасительными внушеніями. Это были не уроны; но какая армія, какая держава могла-бы снова начинать такими побѣдами! Битвою подъ Фридландомъ Наполеонъ выигралъ свиданіе въ Тильзитѣ.

На полѣ битвы, преданность вождей, храбрость солдатъ, тысяча непредвидимыхъ обстоятельствъ, всякую минушу разстроиваютъ паланшъ предводителя и успѣхъ не всегда достается искуснѣйшему. Въ битвѣ одинъ на одинъ, гдѣ умъ служилъ оружіемъ, Наполеонъ былъ увѣренъ, что онъ достигнетъ своей цѣли. Въ разговорѣ его заключалось какое-то неизяснимое волшебство и мы не знаемъ человѣка равнаго ему въ искусствѣ пѣлять сердца слушавшихъ его. Справедливая, оживленная картина неприязненныхъ поступковъ Англіи расстрогала душу Императора Россійскаго. **АЛЕКСАНДРЪ** и Наполеонъ обѣщали одинъ другому вѣчный миръ. Но

слѣдствіе великихъ усилій было-бы незначительно : если-бы Наполеонъ не достигъ главной своей цѣли : склонилъ Россійское Правительство къ одной системѣ въ отношеніи Англіи. Испребленіе флотовъ и эскадръ не позволяло и думать объ открытомъ боѣ съ нею : Наполеонъ рѣшился смирить ее другимъ образомъ. Это была конинивеншальная система.»

Здѣсь Историкъ оканчиваетъ историческую картину постепеннаго возвышенія Наполеона, направленія его генія , его страстей и приступаетъ къ описанію военной силы Франціи.

Выражаясь почти словами самого Автора въ сѣтъ начертаніи , также послѣдуемъ за нимъ и далѣе. Читатели не должны пугаться сухости слѣдующихъ выписокъ : Наполеонъ и здѣсь является оживляющимъ геніемъ ; искусство Фуа оказывается еще блестяще въ описаніи предметовъ , необходимыхъ равною для всѣхъ читателей занимательности.

(Оконч. въ слѣд. книжкѣ.)

III. ВИБЛІОГРАФІЯ.

1826 года.

205. *Краткое изложение правил для составления ручного Словаря нынѣшняго языка Русскаго, съ приложеніемъ пробныхъ листовъ Словаря.* (Читано въ Моск. Общ. Люб. Рос. Слов., Апрѣля 3 дня 1826 года. Соч. Ивана Федоровича Калайдовича.) М. 1826 г. in 8, 28 стр.

Эта небольшая книжка служишь предварительнымъ извѣстіемъ о предпріятіи важномъ. Авторъ, одинъ изъ отличныхъ знашюковъ Русскаго языка, излагаетъ здѣсь свои мысли о составленіи ручнаго Словаря языка Русскаго. Предлагая суду занимающихся Русскимъ языкомъ правила, которыми намѣренъ руководствоваться при исполненіи своего шруда, Авторъ приглашаетъ *любителей не оставитъ его своимъ совѣтамъ* (стр. 10). Кто изъ Рускихъ, занимающихся Липшерашурою отечественною, не захочетъ приложить своей лепшы на дѣло общее, ибо таковымъ почишаемъ мы предпріятіе Г - на Калайдовича. Съ своей стороны мы докажемъ уваженіе наше къ Автору и шруду его нѣсколькими замѣчаніями.

Всѣ занимающіеся Русскою Липшерашурою чувствуюшъ необходимость справочнаго Словаря языка Русскаго. Авторъ говоритъ, что мы пользуемся большимъ Словаремъ изд. Академіею Россійскою, но не имѣемъ ручнаго Сл. яз. Русскаго. «Всякому любителю Словесности,» прибавляетъ онъ, «было-бы пріятно появленіе таковой книги на нашемъ отечественномъ языкѣ».

тественномъ языкѣ, а учащемуся юношеству даже необходима небольшая уюшная книжка, гдѣ - бы въ немногихъ строкахъ заключалось все нужное. Эпо мнѣніе подлежащъ сильной кришикъ. 1 е, Словарь Академическій ушарѣлъ во многихъ отношеніяхъ, пошому что послѣ перваго изданія онаго языкъ Русскій далеко подвинулся впередъ. Да и какъ первый опышъ, онъ не могъ бытъ возможно - совершеннымъ сочиненіемъ. 2 е, Любителямъ Словесности должно бытъ не шолько пріяшно, но необходимо изданіе крашкаго и вмѣстѣ полнаго Словаря языка Русскаго, ибо шеперь у насъ почти нѣгдѣ справишь въ сомнишельныхъ случаяхъ, а всякому лишператору извѣшно, какъ часто нужны справки касательно языка и особенно Русскаго. Последнихъ словъ Авшора: «юношеству необходима небольшая уюшная книжка, гдѣ - бы въ немногихъ строкахъ заключалось *все нужное*» — мы не понимаемъ. Если Авшоръ говоритъ о Словарѣ, шо юношеству нуженъ Словарь подробный, ибо опышному писателю не шакъ часто и не шакія обширныя справки нужны, какъ юношѣ.

Опредѣленіе Грамматики и Словаря, представляемое Авшоромъ, кажешся намъ шакже недостащочнымъ. Вошъ слова его: «Предметъ Грамматики есть аналишическое изслѣдованіе языка, изъясненіе механизма его и систематиическое изложеніе правилъ составленія рѣчи.» Напрошивъ, предметъ Грамматики есть синшешическое изслѣдованіе языка (ибо во всѣхъ Грамматикахъ идущъ опъ общаго къ частному) и систематиическое изложеніе законовъ построенія періодовъ. «Предметъ Словаря есть храненіе и изъясненіе словъ, яко матеріаловъ языка, и собраніе

неподлежащихъ поспояннымъ правиламъ примѣчаній, относително наждаго слова.» По опредѣленіямъ Авшора не лзя оплчить Грамматики отъ Словаря, ибо и Грамматика также заключаетъ въ себѣ изясненіе словъ, какъ Словарь аналитическое изслѣдованіе языка.

Далѣе встрѣчаемъ очень смѣлое и не совсѣмъ справедливое мнѣніе, что *«наша Грамматика еще младенцествуетъ.»* Можно-ли сказать это послѣ прозы Карамзина, Жуковского и нѣкоторыхъ другихъ писателей, послѣ всѣхъ старыхъ и новыхъ изслѣдованій, свершенныхъ нашими и иноспранными филологами? Авшоръ и самъ пошчасъ прибавляетъ, что *можно и должно составить Грамматику*, и хочешь самъ заняться составленіемъ Грамм., но Грамматика его будетъ шолько, въ чемъ мы не сомнѣваемся, лучше расположена, дополнена новыми наблюденіями; существуетъ-же она и нынѣ уже не въ дѣшскомъ возрастѣ; иначе, или Авшоръ беретъ на себя слишкомъ многое, или слишкомъ унижаетъ свой шрудъ.

Желая Авшору всѣхъ возможныхъ успѣховъ въ благородномъ и почтенномъ его предпріятіи: сочинишь Русскую Грамматику и составишь *недорогой, немноготомный*, но полный Словарь или справочную книгу языка Русскаго, мы долгомъ почицаемъ изложитъ нѣкоторыя сомнѣнія наши касательно правилъ, которыми онъ намѣренъ руководствоваться. Главное въ чемъ мы несогласны съ нимъ, есть самый порядокъ Словаря. Онъ хочешь составишь Словарь по азбучному порядку; намъ кажется это совершенно неудобнымъ: для Словаря Русскаго языка единственнѣй порядокъ есть этимологическій.

Правило II e. »Помѣстипь слова древняго языка нашего, слова *единоплеменныхъ намъ народовъ* и слова областныя (провинціалныя), ежели шолько, при богатствѣ своего значенія, они близки къ нынѣшнему, общеупотребительному нарѣчію.»

Съ этимъ мы никакъ не согласны, потому что Авшоръ въ 1 мѣ правилѣ именно говоритъ: »Собрашь *всѣ Русскія* слова, общеупотребительныя въ *нынѣшнемъ* чистомъ разговорномъ и книжномъ языкѣ нашемъ.« Если же помѣщать тушь древнія, областныя и другихъ Славянскихъ народовъ слова, то многія слова будутъ три раза повторяемы не шолько безъ пользы, но даже ко вреду нашего языка, и Словарь будетъ не одного, а шрехъ языковъ. Къ чему эта ненужная роскошь? И знаешь-ли Авшоръ, что ввело его въ это ошибочное положеніе? То, что онъ хочеть соежавипь Словарь не производный, а по азбучному порядку. Неудобства азбучнаго Словаря Русскаго языка очевидны, ибо въ нашемъ языкѣ большая часть словъ наши производныя, а если при каждомъ производномъ словѣ ставипь, опъ какого оно происходитъ, то весь Словарь будетъ испещренъ ссылками и это сдѣлаеть его, можеть бышь, огромнѣе, нежели нѣсколько листовъ азбучныхъ реэстровъ въ концѣ производнаго Словаря. Да если-бы производный Словарь и былъ огромнѣе азбучнаго нѣсколькими листами, то можеть-ли это оспановипь предпріяшіе важное, долженствующее сдѣлать эпоху въ Русскомъ языкѣ? Въ Словарѣ производномъ найдушь свое мѣсто у коренныхъ словъ и корни ихъ, какого-бы языка они ни были, древнія или новыя, Славянскія, Еврейскія, Греческія, Латинскія и проч.

Слова областныя могутъ быть допущены только въ такомъ случаѣ, когда они занимають праздное мѣсто, то есть, когда нѣтъ общаго, замѣняющаго ихъ слова. Такъ на примѣръ, вошло въ употребленіе слово: *тундра* и могутъ войдши многія другія, на примѣръ: *гарки*, *хворосты*, *бурунь*, *живузь*, и проч.

Авторъ упустилъ изъ виду важную отрасль языка: слова ремесленныя и употребляемыя промышленнымъ классомъ народа, ибо сія слова составляютъ необходимую часть языка. Мы увѣрены, что десятый изъ насъ не съумѣетъ поддержать разговора съ ремесленникомъ, касательно занятой сего послѣдняго; каково-же будешь изъясненіе, когда по службѣ или по какому-бы то ни было случаю придется писать о такомъ предметѣ? Мы совсѣмъ не понимаемъ, почему Авторъ не упомянулъ въ своемъ планѣ о техническихъ словахъ ремеслъ: эти слова большею частью чисто Русскія, безпрестанно употребляемыя, но ихъ надобно собирать, потому что они употребляются только въ языкѣ разговорномъ ремесленниковъ, и до сихъ поръ почти совсѣмъ не были записываемы.

Правило IV. Грамматическое значеніе каждаго слова показать со всѣми необходимыми этимологическими перемѣнами, неправильностями и особенностями, съ приложеніемъ замѣчаній для Синтаксиса, Просодіи и Орфографіи.

Это такъ темно сказано, что мы испинно не знаемъ, чего хочетъ Авторъ. Каждое слово изъяснять Грамматически? Для кого-же это? Для знающихъ Грамматику довольно замѣчать неправильности въ измѣненіи словъ, ибо это бываетъ нуж-

но, особенно въ словахъ малоупотребительныхъ. Еще пеннѣ у Автора изъясненіе этого положенія, особенно когда онъ ссылаешся — на Г. Болдырева!

И Г. Калайдовичъ, въ слѣдъ за другими, видить сходство между *oculus*, *око*, и подобными имъ! Для предполагаемаго имъ Словаря это вовсе не нужно.

»Опредѣленія важнѣйшихъ предметовъ не художы выбрать изъ лучшихъ писателей, какъ сдѣлалъ Буасъ (стр. 8).« Едва-ли было-бы это и хорошо, пошому что и при богатствѣ Французской Литтературы у Буасша въ примѣрахъ по большой части несносное пустословіе, а у насъ не изъ чего выбрать и краснаго выраженія для многихъ словъ.

»Приложишь синонимы, антонимы и примѣры.« Это можешь чрезвычайно увеличыть Словарь: не надобно упускать изъ вида, что дѣло идешь о Словарѣ ручномъ, крашкомъ.

Мы также не согласны съ Авторомъ, что изъ Словаря надобно исключишь слова *искусственныя*, по ешь принадлежащія особенно къ наукамъ и искусствамъ. По этому правилу надобно будетъ исключишь слова: *человѣкъ*, *орелъ*, *слонъ*, *рѣзецъ*, *свѣтотѣнь* и мн. другія, ибо всѣ они относятся къ Естественной Исторіи и Изящнымъ Искусствамъ. Буасъ, на кошораго опять ссылаешся Авторъ, несправедливо отдѣлалъ отъ настоящаго Словаря номенклатуру Естественной Исторіи и Медицины; надобно исключишь только *собственныя имена*, и пошому имена историческія, мнѣологическія, названія городовъ, рѣкъ и проч., естественно не войдутъ въ Словарь, а слова употребляемыя въ нау-

какъ и искусстввахъ, какъ нарицательныя, никакъ не могутъ быть исключены.

Напрасно Авторъ полагаешь, что Словарь долженъ быть составляемъ однимъ лицомъ: въ именахъ изъ наукъ и ремеслъ ему необходимы сотрудники.

Касательно *пробныхъ листовъ Словаря*, приложенныхъ въ концѣ, замѣшимъ, что они, какъ слѣдствіе правилъ, съ которыми мы во многомъ не согласны, и какъ первый опытъ, не могутъ подлежать нашей критикѣ. Во всякомъ случаѣ просимъ Автора принять замѣчанія наши съ тѣмъ-же радушіемъ, съ какимъ мы старались изложить оныя.

Кс.

206. *Новые разговоры Французскіе, Нѣмецкіе и Россійскіе*, изданные Яковомъ Лаггеномъ. Третьимъ писаніемъ. Спб. 1826 г., in 8, V и 266 стр.

Эти разговоры суть не иное что, какъ выборъ изъ книги такого-же рода, изданной мною въ Страсбургѣ книгопродавцемъ Левро (*Französische und deutsche Gespräche. Ein Mittel, durch praktische Anweisung Anfängern in Französischen das Sprechen zu erleichtern*). Переводъ сихъ Разговоровъ на Русскій языкъ не исправенъ. На примѣръ: »Вы совсѣмъ *зари-ты книгами*. — Въ сей послѣдней (въ биржѣ) должно-бы намъ прежде всего побывать, потому что наши кошельки совсѣмъ оскудѣли (*C'est cette dernière que nous devrions visiter avant tout, car la nôtre est presque à sec*). Совсѣмъ не то на Французскомъ (и Нѣмецкомъ) и гдѣ шутъ разговорный слогъ?»

Жалѣемъ, что Переводчикъ вновь издалъ книгу совершенно бесполезную, и еще болѣе жалѣемъ, что понадобилось шретье изданіе оной. Выучиваніе раз-

говорить наизусть должно быть оставлено, потому что оно не ведетъ къ успѣхамъ ни въ какомъ отноше-
ніи. У насъ, видно, еще не убѣдились въ этомъ. Иное
дѣло, если-бы издать книгу, гдѣ-бы собраны были
непереводимыя Французскія или Нѣмецкія выраженія
(идіюшизмы) и пословицы, съ вѣрнымъ переводомъ смы-
сла оныхъ и съ буквальнымъ словъ: это было-бы
очень полезно. Такая книга принесла-бы очень мно-
го пользы, потому что идіюшизмовъ и пословицъ не
льзя выучить изъ Грамматки. Разговоры-же, при
необходимомъ навыкѣ и Грамматическомъ знаніи язы-
ка, всякій ученикъ сочинишь самъ, и можешь быть
лучше Гг. Левро и Лангена.

— *Театръ Августа фонъ Коцебу*, содержащій
собраніе *новѣйшихъ* театральныхъ сочиненій сего
славнаго Писателя, переведенный съ Нѣм. О. Эптинг-
геромъ. Часть VII. СПб. 1826 г., in 12, 422 стр., съ
литографированною картинкою. (Относятся къ No
24-му Библиографіи 1826 года М. Т.)

О самомъ предпріятіи и достоинствѣ пере-
вода сего *Театра* помѣщены были удивительныя
извѣстія въ Моск. Телеграфѣ (Ч. VII. с. 389, Ч.
VIII. с. 356, 1-го отд.). Въ сей Части, 7-й новаго
собранія и 27-й *Театра Коцебу* на Русскомъ
языкѣ, помѣщены: *Мщеніе любви и ненависти*,
драма, *На дѣлѣ правы, душою виноваты* и *Скрыт-
ный по неволѣ*, комедіи. Слогъ Переводчика не по-
правляется; выборъ пьесъ также неудаченъ какъ и
прежде.

— *Опытъ Библіотеки для военныхъ людей*,
вслучае изданный Василиемъ Соцомъ, Членомъ

С.Пбургскаго Общ. Люб. Сл., Наука и Художествъ.
СПб. 1826 г. in 8, XIX и 377 стр. (къ No 22-му
Библ. М. Т. 1826 г.)

Первое изданіе сей книги разошлось чрезвычай-
но быстро. Желая споспѣшествовать Автору въ
трудѣ полезномъ, мы замѣтили (М. Т. Ч. VII, с.
376-я I-го отд.), что казалось намъ необходимымъ
для усовершенствованія его сочиненія и помѣстили
подробный разборъ онаго, написанный челоуѣкомъ
знающимъ (см. М. Т. Ч. IX, с. 36-я, I-го Отд.).
Было сказано, что Авторъ слишкомъ и безъ разбо-
ра заимствовалъ матеріалы у Ронья, и во многихъ
мѣстахъ просто переводилъ изъ его *Considérations
sur l'art de la guerre*; переводя, часто ошибался; ис-
числяя писателей военныхъ, при многихъ не упоми-
нулъ объ изданіяхъ сочиненій оныхъ и лучшихъ пе-
реводахъ; о Россійскихъ военныхъ писателяхъ гово-
рилъ съ излишнимъ пристрастіемъ; въ сущности *O во-
енномъ искусствѣ и силахъ Россіи* не сказалъ
того что должно было сказать и наговорилъ много
лишняго, и проч. и проч. Воспользовался-ли Авторъ
сими безпристрастными замѣчаніями? Совсѣмъ нѣтъ!
Какъ что было, шакъ и осталось. Даже явныя ошиб-
ки и пропуски сохранены съ дипломатическою поч-
тностью, на примѣръ, что въ новѣйшія времена бом-
бардированіе признано сильнѣйшимъ средствомъ для
завоеванія крѣпостей, « что конница занимала са-
мые крайніе фланги.» Правда, мы замѣтили одно
прибавленіе: Авторъ, къ сонму военныхъ писателей
Русскихъ причислялъ *Θ. В. Булгарина*, который ни-
чего не писалъ *собственно военнаго*. Какъ челоуѣкъ
просвѣщенный, *Г. Булгаринъ*, вѣроятно не доволенъ
сею незаслуженною почестью; но ужь напрасно Ав-

торы на заглавномъ листкѣ втораго издачія не прибавилъ: *неисправленное и дополненное издание.*

— *Антенскій Пустынныйкъ*, или изображеніе Парижскихъ нравовъ и обычаевъ въ началѣ XIX столѣтія. Соч. Жуи. Пер. съ Французскаго С. де Шаплетъ. Ч. III-я, IV-я и V-я. СПб. 1826 г., in 8, 331, 322 и 322 стр. (къ N 100-му Вибл. М. Т. 1825 года.)

Пустынныйкъ Сен - Жерменскаго предмѣстія, или замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ Французовъ въ началѣ XIX столѣтія. Соч. Г-на Кольне, служащее продолженіемъ собранію Французскихъ нравовъ Г. Жуй. Пер. съ Франц. А. О. Ч. II л. СПб. 1826 г.; in 8, 145 стр. (къ N 124 Вибл. М. Т. 1826).

Сочиненія Жуи, извѣстныя подъ именемъ *описанія нравовъ*, напечатаны по нѣскольку разъ во Франціи, переведены на многіе языки, имѣли многихъ подражателей; кажется, поблѣ этого излишне было-бы доказывать достоинство ихъ. Но что составляетъ ихъ достоинство? Новость предмета? Нѣтъ, потому что не только Парижанамъ, но вообще Французамъ, и даже иностранцамъ, нравы Французскіе знакомы очень хорошо. Жуи описываетъ современное, существующее передъ глазами всѣхъ. Новость описаній, или рода сочиненія? Нѣтъ, потому что въ этомъ родѣ Жуи имѣлъ многихъ и славныхъ предшественниковъ. Не говоримъ о слогѣ, потому что это необходимое условіе всякаго хорошаго, чисто - литературнаго сочиненія.

Намъ кажется, что Жуи поставилъ себя на новую точку зрѣнія, и отъ того предметы самыя обыкновенныя кажутся въ описаніяхъ его новыми, разнообразными, оживленными; отъ того нашель

онъ новыя стороны въ ежедневно встречаемыхъ предметахъ, наконецъ онъ того поработилъ онъ вниманіе читателей и породилъ подражателей своими описаніями. Но въ чемъ состоитъ его новый взглядъ на предметы? Вопросъ довольно затруднительный, но его, кажется, можно разрѣшить, назвавъ *описанія Жуи* общественнымъ критицизмомъ. Дѣйствительно: Жуи не все порицаетъ; часто онъ только *описываетъ* избранный предметъ, описываетъ съ удивляющею истинною, различаетъ общественное добро и зло, обращаетъ вниманіе читателя на незамѣчаемое, и оно получаетъ новую игру, новый блескъ въ глазахъ нашихъ.

Но Жуи писалъ первоначально почти на подрядъ, для ежедневнаго-Парижскаго листка и все въ одномъ родѣ, слѣдовательно невозможно, чтобы каждая изъ его статей имѣла одинаковое достоинство. Надобно прибавить, что онъ уже слишкомъ *записался*, потому что, кромѣ 5-ти *томнаго* Антенскаго Пустынника, онъ написалъ еще *Вильгельма откровеннаго* 2 тома, *Пустынника Гвианскаго* 3 тома, *Пустынника въ провинціи* 6 томовъ, *Пустынниковъ въ тюрьмѣ* 2 тома, *Пустынниковъ на свободѣ* 2 тома, сверхъ того послѣ прѣдѣлъ къ нимъ 2 тома *введенія*, такъ что всѣ Пустынники его, съ принадлежностями своими составляющіе, за исключеніемъ 2-хъ томовъ, написанныхъ другомъ его Же, 20 томовъ! Такая плодовитость, слѣдствіе перваго успѣха, даешь знать, и при повѣркѣ точно открываешь, что Жуи не всегда одинаково хорошъ. Нѣкоторыя статьи его суть просто Французская *volubilité* (многоговоривость).

Самозванный продолжатель Жуи далеко отстаетъ отъ него во всѣхъ отношеніяхъ. У Кольне нѣтъ ни того глубокаго взгляда, ни тонкой насмѣшливости, ни мастерства въ описаніяхъ, какими отличается Жуи. Ничего и удивляться: Кольне подбираетъ колосья посягъ своего предшественника. Описанія его не добираются ни до самородныхъ глупостей, ни до сердца читателя, оскорбленнаго невѣжествомъ и низоспями современнаго вѣка. Публику можно сравнить съ кокеткой: она прельщаетъ всякаго своими розовыми вѣтками; но ихъ не лзя заслужить ни обыкновенными разказами, ни излишнею колкостью, ни безцвѣтнымъ потворствомъ. Въ первомъ случаѣ она невнимательна, въ другомъ слишкомъ самолюбива, и потому не любитъ признаваться, въ третьемъ не будетъ уважать васъ. Надобно чтобы она любила и боялась искателя.

Оба Переводчика исполнили свое дѣло очень хорошо, особенно Г-нъ де Шаплетъ. Г-на А. О. мы снова упремъ за то, что онъ сдѣлалъ, и безъ того изъ щедушнаго Кольне, вытѣжку, а не переводъ. Во второй части Сень - Жерменскаго Пустынника, въ подлинникѣ находится 24 статьи; въ переводѣ 11-ть.

1827 года.

66. *Астраханская Флора.* Карманная книжка на 1827 годъ. Изданная Николаемъ Розенмейеромъ. СПб. 1827 г. въ тип. А. Смирдина, in 16, 291, съ картинкою, заглавіи: гравированн. листкомъ и ногами.

67. *Литтературный Музеумъ на 1827 годъ,* Владимира Измайлова. Изданіе Александра Шираева. М. 1827 г. въ тип. С. Селивановскаго, in 16, III и 320 стр., съ ногами.

68. *Сѣверныя Цветы на 1827 годъ.* Изданы Барономъ Дельвигомъ. СПб. 1827 г. въ тип. Департ. Народн. Просв. in 16, 348 стр., съ заглавн. гравир. листкомъ, портретомъ и двумя картинками.

(Статья 1.)

Вотъ три запоздалые Альманаха и разборъ нашъ еще болѣе запоздалый! Впрочемъ, книги наши все имѣютъ срочной поры, послѣ которой не удовлетворяютъ онѣ минувнымъ требованіямъ, временному любопытству. Русская книга всегда въ пору, можетъ быть, именно отъ того что она никогда не во время. Самое слово *l'á propos* не имѣетъ значенія ни въ языкѣ, ни въ быту нашемъ. Нѣтъ недостатка, который не граничилъ-бы съ выгодною: не распочая силъ своихъ въ гонѣннѣ за минувными успѣхами, обратимся мы, можетъ быть, въ свое время къ дѣламъ вѣковѣчнымъ; не волочась за молвою, сочетаемся со славою, то есть, съ пользою, ибо истинная слава бываетъ возмездіемъ только истинной пользы. До сей поры всѣ книги наши, за такимъ малымъ исключеніемъ, что стыдно и сказать, и за твореніями первоклассныхъ поэтовъ нашихъ, только одни упражненія въ искусствѣ писать, по которымъ мы судимъ о степени способностей каждаго упражняющагося и о успѣхахъ общихъ въ самомъ искусствѣ. Этого приговоръ строгъ, но справедливъ. Докажемъ истину его слѣдующимъ вопросомъ: можетъ-ли человѣкъ не запоздалый, а понятіями и умственными требованіями современникъ настоящей эпохи, можетъ-ли онъ ограничиться однимъ пріодовольствіемъ Русскихъ сочиненій? Гдѣ могъ-бы онъ не только найдти источникъ для приобрѣтенія по-

выхъ понятій, но даже побудительную силу для приведенія спараго запаса въ движеніе? Грустно признаться, но большая часть литераторовъ нашихъ отстала не только отъ Европейскихъ собратій своихъ, но даже и отъ многихъ соотечественныхъ читателей. Мы удивляемся, что насъ мало читають. Но кому-же насъ читать? Наши необразованные люди не любятъ чтенія, а иначе они были-бы образованными: образованнымъ у насъ читать почти нѣчего. Мы для однихъ не пишемъ и пишемъ не для другихъ. Вотъ рѣшеніе задачи непріятной; но это такъ. Между тѣмъ, мы и не замѣчаемъ, что желаніе оправдаться въ замедленіи разбора книгъ, за нѣсколько мѣсяцовъ вышедшихъ, завело насъ слишкомъ далеко. Оправдываясь передъ читателями, всоримся съ своею братіею, которая не посмотритъ на то, что и мы кладемъ повинную голову. Это и не побратски и не расчепливо. Читатели, люди посторонніе и къ тому-же незлопамятные; писатели свои, а между своими уже нѣтъ прощенія. Отвлеченныя же наши сѣпанія тѣмъ болѣе здѣсь неуспѣшны, что мы собираемся дать отчетъ въ чтеніи трехъ книгъ, изъ коихъ каждая, по своему размѣру, имѣетъ внутреннее достоинство. Начнемъ съ гостыи небывалой и издалека.

Астраханская Флора. Карманная книжка на 1827 годъ. Заглавіе два раза вводитъ читателя въ обманъ. По первому прозванію подумаешь, что это сочиненіе ботаническое; по другому можно подумать, что наподобіе другихъ карманныхъ книжекъ на такой-то годъ и эта представляеть собраніе сочиненій и

переводовъ разныхъ писателей, однимъ словомъ, *Литтературный Альманахъ*, хотя впрочемъ и это названіе принято у насъ злоупотребительно. *Календарь*, *Альманахъ*, слова изъ коихъ первое производятся изъ Греческаго и Римскаго языковъ, а другое по мнѣнію иныхъ изъ Арабскаго, другихъ изъ Арабскаго и Греческаго, третьихъ изъ древняго Саксонскаго, означаютъ по смыслу своему раздѣленіе годоваго времени: во Французскихъ и Нѣмецкихъ Альманахахъ, посвященныхъ Литтературѣ, все есть одно отдѣленіе, содержащее въ себѣ то, что именно до Альманаха относится. Мы въ своихъ книжкахъ отбросивъ существительное, удержали одно прилагательное. Это не бѣда: замѣчаемъ не въ укоризну, а такъ, глядя на другихъ, пришлось къ рѣши поеданштствовать съ лексикономъ передъ глазами. Такимъ образомъ Аспраханская Флора не Флора, Карманная книжка не Альманахъ, и книжка едва-ли карманная, по крайней мѣрѣ, по нынѣшнему покрою нашихъ плащей. Но и это не бѣда. Г-нъ Розенмейеръ, Издатель Аспраханской Флоры, и по видимому единственный участникъ въ стихахъ и прозѣ, въ ней помѣщенныхъ, можетъ быть, обманулъ некоторыхъ читателей двусмысленнымъ заглавіемъ, но во многомъ трудами своими оправдалъ требованія тѣхъ, которые ожидаютъ отъ книги имъ предлагаемой чтенія пріятнаго. Это главное. Весело думать, что изъ Аспрахани, которая донынѣ подчивала столицы однимъ хваленнымъ арбузами, получаютъ стихи и проза, которые были-бы не лишними въ любомъ столичномъ Журналѣ. Весело узнать, что тамъ, гдѣ по предубѣжденію нашему, пускаются въ оборотъ одни ограниченныя понятія полудикой торговли, тамъ между тѣмъ мы

слад и чувства Клейста, Гедера, Шиллера, Машинсона, Тидге находятъ ошзыть и передаются намъ на языкъ ошечественномъ, вмѣстѣ съ мыслями и чувствами оригинальными. Для полнаго патриотическаго удовольствія, можно желать, чтобы книга, составленная въ Астрахани, была тамъ и напечатана; но видно легче нѣтъ авторовъ, чѣмъ типографщиковъ. У насъ есть Державинъ, но нѣтъ еще Дидота. Впрочемъ на этомъ можно помириться: пуская пока печатаюшъ въ столицахъ, а мыслятъ вездѣ. Однако-же мы можемъ похвастаться старинною библиографическою рѣдкостью въ этомъ родѣ.

Въ Tobольскѣ, въ типографіи В. Корнильева, въ 1791-мъ годѣ, издавалось отъ Tobольскаго главнаго народнаго Училища, и съ дозволенія *Управы Благотимія*, ежемѣсячное сочиненіе, подъ названіемъ: *Иртышъ, превращающійся въ Иппокрему*. Панкратій Сумароковъ былъ главнымъ Редакторомъ его и нѣкоторыя изъ его стихотвореній, шуть помѣщенныхъ, перепечатаваны послѣ въ Дондахъ.

Въ людяхъ и въ книгахъ должно добираться всегда до характеристическаго, до мѣстнаго, и первые наши выборы въ Астраханской Флорѣ пали на слѣдующія сташы: *Повѣдка на батагу, Странствованіе по протокамъ Волжскимъ, О концертѣ въ Астрахани, Ветеръ въ Татарскомъ аулѣ, Разговоръ между Астраханскимъ помѣщикомъ и тамошнимъ Армякомъ*. Изъ сташей, здѣсь упомянутыхъ, узнаемъ о красотахъ живописной природы Астраханской, о нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностяхъ, свойственныхъ этому краю, объ удовольствіяхъ общества въ городѣ и имъ рады, что узнаемъ объ этомъ изъ описаній концертныхъ, которыя при-

узнають уши Персидскія, Индійскія, Армянскія къ согласнымъ строямъ Моцарта, Роде, Фильда, Чимарозы. Изъ послѣдней статьи узнаемъ о нравственности Армянина Хачатура Аракеловича, чего, кажется, ни намъ, ни другимъ читателямъ нужды знать не было. Изъ переведенныхъ цѣло въ прозѣ лучшею по языку и отдѣлкѣ показалась намъ *Отрывокъ изъ Маттисоновыхъ воспоминаній: Гора Св. Бернарда*. Въ переводѣ нѣкоторыхъ параміей Гердеровыхъ, языкъ, кажется, слишкомъ тяжелъ: въ изложеніи подобныхъ аллегорій нужно болѣе игривости и свободы. Есть въ рукописи полный Русскій перевод всего замысловатаго шѳоренія Гердера: желаледьно, чтобы Переводчикъ, извѣстный у насъ по своей ясной и твердой прозѣ, хотя и рѣдко онъ является у насъ на авторской сценѣ, напечаталъ свой переводъ, который безъ сомнѣнія будетъ подаркомъ нашей Литтературѣ. Въ числѣ другихъ переводовъ, помѣщенныхъ въ Аспраханской Флорѣ, находимъ Нѣмецкую повѣсть: *Семейственный романъ и Волшебный колпакъ*, комедію Коцебу, переложенную на древніе Русскіе нравы. Въ нихъ нѣтъ прямо литтературнаго достоинства и напрасно занимають онѣ оное прѣти книжки, которая отъ нихъ толще, но не лучше. Нѣмецъ, передѣланный на Славянскій ладъ, смѣшеніе Коцебу, Добрыни и Бояна, все это слишкомъ сбивается на *бенефисную литтературу* нашихъ драматическихъ присвѣтниковъ. Можетъ быть, эта комедія на сценѣ и позабавила-бы зрителей и Переводчикъ ее, не хуже водевильныхъ переводчиковъ былъ-бы, какъ водится, послѣ представленія вызвать кликушамъ пріятелями на помазъ передъ публику, на

читатели хладнокровные и разсудительные зрителей; къ тому-же Г-нь Розенмейеръ, по выбору другихъ переводовъ своихъ, являетъ въ себѣ свѣдущаго Литтератора и следовательно, долженъ быть строже самъ къ себѣ. Намъ сдается, что Издашеля Астраханской Флоры еще молодой человекъ, недавно поступившій въ ряды писателей. По крайней мѣрѣ, желаемъ достовѣрности нашему предположенію: тогда при дальнѣйшемъ упражненіи и прилежнѣйшемъ изученіи свойствъ нашего языка и образцовъ нашей Литтературы, онъ, безъ сомнѣнія, успеетъ исправить слогъ свой въ прозѣ и набить руку въ стихахъ, которые у него иногда отзываются ученическою неопытностью; однимъ словомъ, заступилъ онъ почетное мѣсто въ числѣ хорошихъ писателей нашихъ. Если-же онъ уже въ лѣтахъ и можетъ начесть нѣсколько шевроновъ въ службѣ Музамъ, то отбирая надежды свои на будущее, останемся съ благодарностью при томъ что есть, надѣясь только, что и на будущій годъ Астрахань удержитъ свое мѣсто въ статистико-литтературной картѣ Россіи. Пускай только болѣе знакомитъ она Россію съ собою, съ природою своею, съ жителями, обычаями ихъ, съ преданіями историческими, и мы общаемъ литтературному представителю ея уваженіе и признательность читающихъ соотечественниковъ.

Литтературный Музеумъ. Въ Литтературномъ Музеумѣ явился вновь, какъ Издашеля Авторъ, и Писатель заслуженный, которому наша Литтература обязана хорошими журналами, хорошими переводами и сочиненіями, которыхъ

рид читаешь съ удовольствіемъ. Радуется новому обращенію его къ авторской дѣятельности. Начальная статья въ Литшературномъ Музеумъ: *Краткое обзорніе 1826 года*, писанное Издателемъ. Первая половина въ ней политическаго или лучше сказать газетнаго содержанія и кажется неумѣстна. У насъ еще нѣтъ и быть не можетъ языка политическаго; ибо ни языкъ офиціальный, ни языкъ дипломатическій не есть еще истинный языкъ публициста. Краткое обзорніе современныхъ событій не политическая исторія, а просто цвѣтущая амплификація современныхъ газетъ. За чѣмъ-же Автору приниматься не за свое дѣло? Событія, которыя онъ описываетъ, еще свѣжи въ памяти читателей современныхъ; пошломкамъ-же описаніе его будетъ излишне и недостаточно, ибо оно ничего имъ не разгадаетъ и ни въ чемъ не различествуетъ съ тѣмъ, что газеты передали подробнѣе и полнѣе. Есть время для лѣтописей которыя нынѣ называются газетамъ: будетъ время для Исторіи. Современники могутъ быть только рукописными лѣтописцами или печатными газетчиками. Въ переходѣ отъ Политики къ Литшературѣ, Авторъ изложилъ весьма хорошо нѣсколько нравственныхъ мыслей о самомъ достоинствѣ Литшературы нашей и заключенія его не благосклоннѣе тѣхъ, которыя мы обнаружили выше. *«Давно сказано,»* говоритъ онъ *«что нѣтъ у насъ главнаго достоинства: мыслить и заставлятъ мыслить другихъ.»* Только явленіи этой безмысленности приписываемъ мы съ Авторомъ причинамъ различнымъ. Онъ полагаетъ, что писатели наши притворяются и сжимаются, *«то они, столицѣ выше народа своего, не простираютъ*

полета своего за пределами которой посредствомности, чтобы не казаться нескромными и даже непопулярными. Мы съ своей стороны не подозреваемъ ихъ въ лукавствѣ и признаемъ въ нихъ болѣе откровенности. Писатели наши, за исключеніемъ весьма, весьма немногихъ, не выше народа своего, ибо не лзя опредѣлить высочу ихъ стѣнь, что они лучше болѣе части читателей своихъ знаютъ гдѣ поставитъ в или с и какъ удовлетворить прихотливымъ требованіямъ нашего письменнаго языка. У насъ есть государственные правители, полководцы, negociанты, художники, а нѣтъ ни по одной изъ частей ихъ, сочиненія полного, рукоподсыла надежнаго; слѣдовательно не народъ въ долгу у писателей, но писатели у народа.

Въ Литтературной половинѣ обзорѣна находимъ отчетъ о книгахъ, означеновавшихъ преимущественно письменное бытіе 1826 года: въ сужденіяхъ Автора отзывается вкусъ вѣрный и опытный, за исключеніемъ нѣкоторыхъ приговоровъ, подлежащихъ сомнѣнію (*). На примѣръ, мы согласны съ Авторомъ, что въ твореніяхъ Глинки (младшаго) видны прекрасный отпечатокъ его души, ума и дарованія, но находимъ неумѣстными слѣдующія слова: въ подражаніяхъ Корану Пушкинъ является стастивнымъ соперникомъ Глинки. О мастерѣ своего дѣла, о Подѣвъ, который, по словамъ самого Г-на Измайлова, готовъ, кажется, захватить одинъ

(*) Съ этимъ шрудно согласимся. Мнѣ кажется, напрощивъ, что за исключеніемъ весьма немногихъ, почти всѣ приговоры Г-на Измайлова неспѣры и недосмѣтчимы. И. П.

высоты Парнасса, не лъзя сказать, что онъ счастливый соперникъ чловѣка съ дарованіемъ, это правда, и съ дарованіемъ отличнѣмъ, но все не перенесившимъ. Вообще находимъ, что опредѣленія Автора во всей этой статьѣ слишкомъ безусловно похвалны. У насъ обыкновенно нѣтъ середины между панегирикомъ и сатирою. Боясь послѣднею раздражить самолюбіе ближнихъ, мы наспроиваемъ рѣчь свою на торжественный ладъ и похожи на жрецовъ, колѣно - преклоненныхъ передъ кумирами. Авторъ обзорнія позволяетъ себѣ общія укоризны, но въ частномъ примѣненіи онъ держится неосшупно похвалы неограниченной. Кажется, должно слѣдовать совершенно противному правилу. Въ общемъ объемъ есть всегда нѣчто хорошее и удовлетворительное; въ частныхъ отдѣленіяхъ должны неминуемо быть недостатки. Указывайте на нихъ смѣло и безъ лицепріятія, а не то въ вашихъ поголовныхъ мадригалахъ ничего не будетъ поучительнаго. Въ доказательство, что *раннему историку* трудно быть зрѣлымъ въ сужденіяхъ своихъ, замѣтимъ противорѣчіе, въ которое впалъ Авторъ какъ политикъ и литераторъ. Въ первой половинѣ обзорнія своего, на стр. 7, говоритъ онъ о Наполеонѣ: *онъ раздавшаяся по землѣ слава едва не умолкла на его гробѣ подъ стономъ вселенныя и укоризнъ намъ вѣка*. Въ другой половинѣ, упоминая о сочиненіи Пушкина, говоритъ онъ: *въ стихотвореніи: Наполеонъ, хотя и не столь обильномъ великими красотами (какъ стихотвореніе: къ Обидію), тѣмъ не искупать сіи мысли и стихи*.

Великолѣпная могила! . . .

Надъ урною, гдѣ швой прахъ лежитъ,

Народовъ ненависть почилъ,
И лучь безсмертія горить.

Если мы, по убѣжденію своему, не могли безусловно похвалить эту статью, которая впрочемъ отличается многими хорошими мыслями и благородными чувствами и вообще писана пріятнымъ авторскимъ слогомъ, то спѣшимъ съ удовольствіемъ похвалить безпрекословно и по всемъ частямъ другую статью Издателя: *Русскій наблюдатель въ 19-мъ вѣкѣ*. Тутъ мысли, мнѣнія и самое изложеніе оныя, все примѣчательно, все убѣдительно. Въ связанный послепоронними уваженіями, Авторъ говоритъ независимо и откровенно, все, что внушено ему умомъ просвѣщеннымъ, сердцемъ благороднымъ и патріотическою благонамѣренностію, и говоритъ языкомъ образованнаго литератора. Однимъ словомъ, *Русскій наблюдатель въ 19-мъ вѣкѣ* есть и Европейскій писатель 19-го вѣка.

Рѣчь, въ память Исторіографу Россійской Имперіи, произнесенная въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, Членомъ онаго, Н. Иванчинымъ - Писаревымъ и напечатанная въ Литтературномъ Музеумѣ, содержитъ въ себѣ много хорошаго. Должно сперва похвалить Автора за его намѣреніе, которое въ этомъ случаѣ уже похвальное дѣйствіе. Онъ убѣдился въ неприличіи молчанія нашихъ литераторовъ о Писателѣ, который болѣе или менѣе образовалъ все пишущее поколѣніе наше и воздвигнулъ на голой равнинѣ отечественной Литтературы зданіе великолѣпное и вѣковѣчное, памятникъ предкамъ отъ современниковъ потомству. И въ признательномъ благоговѣніи къ

знаменитому согражданину заплашилъ онъ ему по славамъ дань уваженія и преданности. Чѣмъ заслуги оказанныя народу писателемъ истинно - народнымъ важнѣе, тѣмъ свойственнѣе почувствовать имъ цѣну челоуѣку благомыслящему и образованному, но тѣмъ труднѣе показати ихъ въ удовлетворительномъ свѣтѣ и оцѣнить ихъ достойнымъ образомъ. Не боясь оскорбить Автора *Рѣчи*, скажемъ откровенно, что и послѣ его творенія, заслуживающаго уваженіе, Карамзинъ еще ожидаетъ панегириста себя равнаго. Но повторимъ, все не менѣе, и побужденіе и самое исполненіе во многихъ частяхъ приносятъ честь чувствамъ Автора. Жаль, что Панегиристъ въ *Рѣчи* своей руководствовался нѣкоторыми ошибками журнальных некрологовъ Карамзина. Онъ скончался не на 61 году своей жизни, а 59 лѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что смерть ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА поразила глубокою скорбью сердце его, любви и признательности исполненное, но не лзя сказать, чтобы она была причиною и его смерти. И слова Панегириста: *онъ не могъ пережить Александра*, не имѣютъ исторической достовѣрности. Твердый, хотя и чувствительный, проникнутый неограниченною довѣренностію къ Провидѣнію, онъ оплакивалъ Государя, котораго зналъ и любилъ, не подъ однимъ величіемъ Царскимъ, а и въ прѣстолѣ частныхъ сношеній; но между тѣмъ какъ семьянину, гражданину и писателю, Карамзину предсвоили еще на вунн жизни и высокой обязанности и свѣтлымъ предности. Предположенія Автора о сѣшваніи Карамзина, что сограждане и собранія его не отдавали ему должной справедливости, что завистливые, жалкіе

кизмен, некушая душу великаго Писателя, не рѣдко и его заставляли имѣть нужду въ стоицеской твердости, убѣдительно и прекрасно опровергающія словами Карамзина изъ письма его, напечатаннаго въ Литтературномъ Музеумъ. Языкъ Панегириста довольно хорошъ: видно, что онъ изучалъ творенія Писателя, котораго хвалишь. Въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаемъ черты истиннаго краснорѣчія сердечнаго; въ другихъ можно-бы требовать болѣе спокойствія и менѣе восклицаній. Обращеніе Автора въ послѣднемъ періодѣ Рѣчи, кажется, совершенно неумѣстно и отзывается семинаристскимъ витійствомъ. — *Приказъ съ того сѣда*, повѣсть Г-на Сомова, шутка, свободно и весело рассказанная. Въ числѣ поэтовъ, участвовавшихъ стихотвореніями въ составленіи Литтературнаго Музеума, находимъ имена Пушкина (А. С.), Пушкина В. А., Гнѣдича, Ф. Глинки, Баратынскаго, Кн. Вяземскаго, Рача и другихъ. Читатели могутъ судить о пріятномъ разнообразіи стихотворнаго отдѣленія Музеума, по одному списку названныхъ поэтовъ. Не лзя безъ сердечнаго умиленія прочесть прекрасныя стихи, написанныя къ Издателю Поэтомъ, коего имя угадается безъ подписи каждымъ читателемъ, свѣдущимъ въ Русской Поэзіи. Ошвѣтъ Издателя ошлкнулся также поэтически на поэтическій голосъ знаменитаго Писноупѣца.

Ас.

69. *Краткая Священная Исторія*, въ пользу благородныхъ воспитанницъ Женскаго Патріотическаго Общества, изданная Андреевскаго Собора Священникомъ Василіемъ Полянскимъ. Спб. 1827 г. въ тип. Ак. Наукъ, in 8, 90 стр.

Въ сей книжкѣ, раздѣленной на семь періодовъ, чрезвычайно кратко описана Исторія Израильскаго народа, до начала ученія Св. Апостоль. Продолженіи Исторіи до нашихъ временъ нѣтъ.

70. *Собраніе Шарадъ*, 2 Части. М. въ Ун. Тип. 1827 г., въ 16, 112 и 80 стр.

Лѣтъ за десять, Шарады были въ большой модѣ у Русскихъ читателей. Журналы: Вѣстникъ Европы, Благонамѣренный, Инвалидъ и проч., десятками представляли ихъ публикѣ, такъ что я думаю, Издателю *Собранія Шарадъ* надобно будетъ издать еще десять книжекъ, если онъ вздумаетъ *истощить свой предметъ*. Въ старыхъ Журналахъ поле для него обширное.

О литературномъ достоинствѣ сего *Собранія* говорить нѣчего, попому что очень немногія изъ помѣщенныхъ въ ономъ Шарадъ, Анаграммъ и проч. имѣютъ какое-либо достоинство; многія очень, очень плохи; на примѣръ (изъ множества указываемъ на одну) послѣдняя шарада (292-я) 1-й Части, оканчивающаяся стихомъ:

Не дай Богъ никому имѣть такую мать!

Жаль, что СобираТЕЛЬ не помѣстилъ многихъ истинно хорошихъ произведеній сего рода; какова на примѣръ известная острою загадочностью своею Шарада: *Каракалпакъ*, напечатанная въ 17 Но *Дамскаго Журнала* на 1824 годъ. Издатель Д. Ж. до сихъ поръ угощаетъ своихъ читателей Шарадами; тогда какъ всѣ другіе Русскіе Журналисты забыли думать о Шарадахъ. Въ настоящемъ *Собраніи* помѣщено 292 Шарады, 49 Анаграммъ, 44 Логогрифа, 18 Омонимовъ, 8 Шарадъ-Анаграммъ, 6 Шарадъ-Омонимовъ, 2 Логогрифа-Анаграммы, 1 Логогрифъ-

Омонимъ, 7 Омонимовъ-Анаграммъ и 3 Шарадо-Омонимно-Анаграммы. — Какой запасъ для охотниковъ разгадывать пустиакъ!

71. *Семида*, или начертаніе правъ, преимуществъ и обязанностей женскаго пола въ Россіи, на основаніи существующихъ законовъ. Соч. Иларіона Васильева. М. 1827 г. въ Унив. Тип. id 18, 96 стръ.

Заглавіе сей книги даетъ понятіе о ея содержаніи. Но права женскаго пола въ Россіи нераздѣльны съ правами мужскаго пола, такъ, что трудно дать точное понятіе о правахъ женщинъ, не говоря о правахъ мужчинъ. Впрочемъ, Авторъ изложилъ предметъ свой, сколько могъ лучше. Мы не думаемъ однакожъ, чтобы онъ заслужилъ благосклонную улыбку прекраснаго пола, особенно за страницы 18-ю, 19, 35, 72, 73, 74, 75-ю.

Руководство къ познанію Всобщей Политической Исторіи, сочиненное Професс. Имп. Царскаго Лицея, С.Пбургскаго Общ. Люб. Сл., Наукъ и Худ. Дѣйств. Членомъ, Колл. Сов. и Кавалеромъ Иваномъ Кайдановымъ. Третіе изданіе, исправленное и дополненное. Ч. III. Исторія новая или трехъ послѣднихъ вѣковъ, продолженная до 1818 года. СПб. 1827 г. въ шп. Деп. Нар. Просв. VIII и 392 стр., съ хронологическою таблицей (*). (Къ No 106 Библ. М. Т. 1826 г.)

Извѣщая о двухъ первыхъ томахъ сей книги (Моск. Тол. X., 247, 1-го отд.), Рецензентъ справедливо назвалъ ее лучшею изъ краткихъ Всеобщихъ Исторій, издававшихся на Русскомъ языкѣ. Теперь,

(*) Продается въ С.Пбургѣ, у книгопродавца И. В. Сленина. Цѣна за всѣ 3 тома 12, съ пересылкою 13 рублей.

видитъ съ 3-мъ тономъ составляя полный курсъ Восточной Истории, книга Г. Кайданова получаетъ новое достоинство какъ трудъ окончанный. Въ приводимомъ нами библиографическомъ извѣстїи, Рецензентъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній справедливыхъ о недоспашкахъ, найденныхъ имъ въ сочиненїи Г. Кайданова. Во всемъ соглашась съ нимъ, мы осмѣливаемся думать, что Авторъ не могъ воспользоваться ими замѣчанїями при печатанїи 3-й части, потому, что онъ долженъ былъ слѣдовать принятому въ первыхъ двухъ частяхъ плану: оцѣ того и здѣсь не встрѣчаемъ железнаго *всеобщаго* взгляда. Дѣло идетъ почти все о Европѣ. Не потому-ли, встрѣчая прекрасныя, даже краснорѣчивыя мѣста, каково, на примѣръ, описанїе 30-ти лѣтней войны, находимъ и погрѣшности въ обзорѣ и взглядѣ. На примѣръ оубуюющія слова: *«Со времени открытїа Америки и морскаго пути въ Восточную Индію, Европейцы начали заводить свои колонїи во всѣхъ частяхъ свѣта.»* Могли-ли они заводить колонїи *во всѣхъ* частяхъ свѣта, когда половина свѣта не была еще открыта? *«Син колонїи имѣютъ имѣли величайшее заглавіе на Европу: вся Европейская торговля тѣсно соединена съ ними; онѣ часто дають направленїе политикѣ и многія государства основываютъ на нихъ свои виды и надежды и въ нихъ полагаютъ источникъ своего богатства.»* Дѣло было такъ; но нынѣ отношенїя Европейскихъ государствъ къ колонїямъ совершенно переизмѣнились. Назовите намъ государство Европейское, на колонїяхъ основывающее свои виды, надежды и богатство? Сама Англія, при тщательнѣйшемъ изслѣдованїи, окажется противъ сего мнѣнїя,

Можно-бы также замѣтить почтенному Автору кой-какія *описки* и несправедливыя извѣстїи; на примѣръ о пожарѣ Москвы въ 1812 году «Сей пожаръ Московскій до сего времени оставшяся еще загадкою,» говоритъ Авторъ. Напротивъ, это давно рѣшенный вопросъ и неоспоримая опгадка о немъ находится въ печатныхъ сочиненїяхъ Гг. Бутурлина и Шамбре, въ подлинныхъ документахъ и въ устахъ многихъ остававшихся во время пожара въ древней нашей столицѣ. Вообще Авторъ не безпристрастенъ въ описанїи близкихъ къ намъ событїй. Но сіи маленькіе недостатки, высканые нашимъ желанїемъ показать Автору, какъ внимательно читали мы его книгу, не уменьшаютъ настоящаго ея достоинства, и мы рекомендуемъ ее всѣмъ родителемъ и наставникамъ, какъ лучшее въ ономъ родѣ произведенїе на Русскомъ языкѣ.

Кс.

72 и 73. *Руская Математическая Энциклопедїя*. Книжка III. *Алгебра*. Книжка IV, *Приложенїе Алгебры къ Геометрїи*. М. 1827 г. въ Универс. Тип. въ 16, 297 и 206 стр., съ однимъ чертежемъ.

При появленїи первой книжки сей Энциклопедїи, мы помѣстили подробный разборъ вообще плана сего предпрїятїя и Ариометики, тогда уже издавшею (М. Т. Ч. IX. с. 114. I отд.). Въ прошедшемъ-же году издава была книжка вторая, заключающая въ себѣ основанїя *Геометрїи* (М. Т. Ч. X, с. 335 I-го Отд.). Нынѣ выдана и еще двѣ книжки. Въ нихъ изложены: *Алгебра и Приложенїе Алгебры къ Геометрїи*. Многія части изложены здѣсь совершенно новымъ образомъ, вѣрнѣе и ближе ведущимъ къ рѣшенїю вопросовъ математическихъ. Можно утвердительно сказать, что

на Русскомъ языкѣ еще не было столь превосходнаго курса Математики, какъ издаваемый Г-мъ Перевощиковымъ. Въмѣстѣ съ высшимъ ученымъ достоинствомъ онъ соединяетъ въ себѣ и важное удобство: дешевизну, такъ, что теперь люди недостаточные не имѣютъ нужды прибѣгать къ Арифметикѣ Меморскаго и подобнымъ имъ ошибочнымъ, затруднительнымъ въ учении, но дешевымъ математическимъ книгамъ (*). Въ слѣдующихъ книжкахъ Моск. Телеграфа мы посвятимъ подробный разборъ важному труду Г-на Перевощикова.

§ IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Изображеніе нынѣшняго состоянія Греціи (продолженіе). Румелиоты и Суліоты: востъ прекраснѣйшее и сильнѣйшее поколѣніе людей вѣдѣнныхъ мною. Тѣло ихъ, всегда подверженное вліянію солнца, совершенно бронзоваго цвѣта, грудь широка, какъ панцырь; голова покрыта густыми, развѣвающимися по плечамъ волосами, кошорые придавали-бы имъ много красоты, если-бы они не приняли обыкновенія подбривать себѣ виски. Греки всегда любили носить густые, длинные волосы. Гомеръ, между прочими эпитетами, придаваемыми имъ своимъ соотечественникамъ, называетъ

(*) I-я книжка Математической Энциклопедіи или *Арифметика* стоить въ руб., II-я кв.; *Основанія Геометріи*, 3 р., III-я кв., *Алгебра*, 3 р., IV-я кв., *Приложеніе Алгебры къ Геометріи*, 2 рубл.

ихъ: »Красовласыми Греками.« Румелиоты и Суліоты съ самаго младенчества своего носятъ пистолеты и саблю и никогда не расстаются съ ними. Подобно всѣмъ другимъ воинамъ Греціи, они обязаны имѣть свое оружіе и платье. Жалованье ихъ состоитъ изъ найка хлѣба, двѣнадцать парасъ въ день на пищу и двадцати пяти піастровъ въ мѣсяць на другія издержки. У нихъ нѣтъ ни палатокъ, ни поспелей и никакого крова. Постелею служатъ имъ плащъ, изголовьемъ камень, а пологомъ — ясное небо. Пока продолжаются военныя дѣйствія, они вовсе не раздѣваются и не переменяютъ рубашекъ; разумѣется, опрятность жестоко страдаетъ отъ этого, но за то оружіе сихъ воиновъ всегда вычищено и высвѣтлено. Первая мысль ихъ по пробужденіи, вычистить и приготовить свое оружіе. Они страстно любятъ оружіе красивое и богатое, которое, блистая серебромъ и золотомъ, составляетъ странную противоположность съ запачканными рубашками владѣтелей онаго. Для поклажи у нихъ нѣтъ равдовъ. Эти прекрасные и спройные мужчины сильны какъ львы и быстры какъ козы. Я видѣлъ добродныхъ гренадеровъ Наполеона, знаю горделивую Англійскую гвардію; но Суліоты, какъ мнѣ кажется, всѣхъ превосходятъ. Осанка ихъ и поступь имѣютъ что-то совершенно величественное, Они сражаются вразсыпную: каждый самъ себя избираетъ мѣсто. Въ сраженіи они обыкновенно не подвергають тѣла своего опасности. Какъ древніе закрывались щитами, такъ они становятся за камень, который ихъ защищаетъ, и если между ними и непріятелемъ находится хотя часть утеса, тогда не лзя ихъ ранить: столь искусно умѣютъ

они укрывающа и ксташи заряжатъ свои ружья и стрѣляютъ изъ нихъ. Чтобы обманушь Турокъ, они, находясь въ известномъ разстояніи, обыкновенно спавяютъ въ виду шапку свѣтло-краснаго цвѣща, нѣскольکو впереди того мѣста, гдѣ сами дкрываются. Окоповъ они не дѣлають никакихъ. Когда хотящъ сражаться всѣ вмѣстѣ и удержашъ за собою какое-либо мѣсто, то дѣлають *барабанъ*: такъ называютъ они пространство, обнесенное небольшоимъ каменнымъ парапетомъ; укрывшись за ашимъ укрѣпленіемъ, они производящъ почти всегда убойствениую стрѣльбу, ибо вообще стрѣдлюють оченъ мѣлко. Генераль Каратаццо, находившійся въ одномъ изъ шаковыхъ барабановъ, убилъ нѣскольکو сотъ Египтянъ, хотѣвшихъ сбить его съ мѣста. Сказываютъ, яцо Суліоты никогда не стрѣляютъ болѣе трехъ разъ изъ своихъ мушкетонновъ, даже и въ весьма близкомъ разстояніи; пошомъ, бросивши на землю ружья и свои плащи, они обнажаютъ сабли и бросаются на непріятеля. Они употребляютъ саблю вмѣсто *атагана*, который пріянають вообще воѣми Морейскими солдатами. Если нападенію ихъ бываешъ неудачно, тогда они теряють свои плащи и ружья. Румеліоты, а еще болѣе Суліоты, почитаютъ великимъ несчасіемъ лишиться своего Капитана, какимъ-бы по ни было образомъ, такъ что иногда въ сраженіяхъ они не позволяютъ ему смшкомъ отваживащъ себя и удерживаютъ его отъ опасной близости. Они слѣдуютъ за своимъ начальникомъ или оставляють его по собственному произволу. Нѣтъ ни стыда, ни наказанія за побѣгъ, ибо нѣтъ настоящихъ побѣговъ, и солдатъ оставлешъ одно знамя для того, чтобы служишь подъ

другимъ. Кто будетъ сравнивать сихъ воиновъ съ шайками Италіанскихъ *Кондотіери* или Испанскихъ *Гверильясозъ*, тотъ не имѣетъ вѣрнаго о нихъ понятія: они походятъ болѣе на жителей древнихъ Шотландскихъ *клямовъ*, ибо крѣпкіе члены сихъ воиновъ и самая одежда ихъ, напоминаютъ Шотландскихъ *ворцовъ* и они могутъ быть взаимно сравниваемы. Въ Румелии, начальствованіе сохраняется обыкновенно въ нѣколнорыхъ семействахъ, заслужившихъ оное своею храбростію, и право сіе передаетъ отецъ сыну. Суліоты покаралъ бытъ вѣчными врагами Турковъ и сдержали клятву свою лучше нежели Мальтійскіе рыцари. Бойте она пятидесяти сихъ храбрыхъ воиновъ погибдо въ сраженіи 19-го Апрѣля. Тутъ пролита драгоценная кровь, ибо съ того времени, какъ Суліоты потерли свое опеченство, ихъ остается не болѣе тысячи, разбѣянныхъ по всей Греціи и на островахъ Іонійскихъ. Однакожь корпусъ ихъ все еще многочисленъ, ибо многіе Румелиоты, привлеченные военною славою Суліотовъ, любящъ воевать соединенно съ ними и въ семь училищъ дѣлаются превосходными воинами. Какъ за древними Спартанцами, и за ними въ военное время слѣдуетъ множество Грековъ, сражающихся подъ ихъ начальствомъ.

Разсержшись съ Суліотами, я обратилъ вниманіе Генерала Роша на неповиновеніе сего войска Начальнику Правительства, давая замѣтить, что это пагубно въ военное время, и что отпаденіе двухъ тысячъ сихъ храбрыхъ непременно должно ускорить паденіе Наварина. Для воспрепятствованія сему я совѣтовалъ Генералу частно снестись съ Константиномъ Боццари, который, казалося, имѣлъ болѣе вліянія и былъ окровавленъ прочихъ; Генераль

могъ предложить ему свое посрадническое у Президента, для примиренія обѣихъ сторонъ: это было-бы благородно и вмѣстѣ важно для блага общества. Генераль былъ совершенно убѣжденъ, какъ выгодно было заставить начальствующихъ перемѣнить первое ихъ намѣреніе. Онъ пригласилъ Константина Бодцари на другой день придти въ наше жилище для частнаго совѣщанія. Бодцари пришелъ одинъ, а Генеральскій слуга былъ переводчикомъ.

Но совѣщаніе это осталось безуспѣшно. Бодцари сказалъ, что онъ оставилъ лаверъ безъ согласія Президента и даже противъ воли его, но былъ принужденъ къ этому опасностію Миссолунги, угрожаемой, подобно всей Западной Греціи, вторженіемъ непріятеля. Онъ прибавилъ, что одинъ, лично, не много поможетъ, а солдаты ушли-бы и безъ него. Впрочемъ, онъ обѣщавъ навсегда остаться другомъ и приверженцомъ Президента въ общемъ дѣлѣ.

Однакожъ, не смотря на благовидныя причины, которыми оправдывался Бодцари, впоследствии ясно доказано, что отступленіе его войскъ было одною изъ главныхъ причинъ взятія Наварина.

Въ Триполидѣ есть Грамматическая школа, въ которой обучаютъ древнему Греческому языку, заставляя читать и изъяснять Геродота, Фукидиду и Ксенофонта.

Мая 8-го открыта была школа взаимнаго обученія, въ одной мечети, преобразованной для сего предмета. Она довольно обширна, такъ, что въ ней можешь помѣщаться до четырехъ сотъ учениковъ. Учителемъ въ сей школѣ Георгій Константинопольскій, уроженецъ Кадрокій, обучавшійся мекать

важливого обученія въ большой Боругъ-Родской шко-
лѣ; въ Лондонѣ. Многіе изъ знатнѣйшихъ жителей над-
зирають надъ мною; Князь Иполанги принимаетъ въ
ней особенное участіе. Познакомившись съ однимъ
изъ надзирателей общественаго ученія, Г-мъ Григо-
рію Константасъ, я просилъ его начертать для меня
обозрѣніе успѣховъ ученія въ Греціи. Сей почтенный
и ученый священно - служитель былъ столь добръ,
что написалъ ко мнѣ письмо, наполненное любо-
пытными срдѣтіями. Въ 1825 году умеръ въ Три-
полицѣ инокъ Кава ди Димитцана, прозванный *Са-
банако*; онъ былъ безобразенъ и горбатъ, спереди
и сзади, но природа надѣлила его удивительнымъ
даромъ импровизаціи. Не умѣя ни читать, ни пи-
сать, онъ воспѣвалъ въ стихахъ всю Греческую
революцію. Я усилъ собрать около двухъ трети
импровизированныхъ имъ пѣсень. Въ нихъ довольно
гармоніи и встрѣчаются мѣста счастливыя; одна-
кожь, подобно большей части импровизированныхъ
Италіянскихъ стихотвореній, онѣ не выдерживаютъ
внимательнаго чтенія. За всеъ тѣмъ это достой-
но уваженія, и служитъ доказательствомъ, что
новый Греческій языкъ и нынѣшніе Греки столь-же
способны къ импровизаціи, какъ древній Греческій
языкъ и древніе Греки.

По выступленіи Румелійскаго войска Прези-
дентъ отправился изъ Салы въ Каламату, и оп-
тудя писалъ къ Генералу Рошу, что ему было бы не-
пріятно заставить Генерала совершить столь труд-
ное путешествіе, а потому онъ просилъ его ос-
таться въ Триполицѣ. Генераль почелъ за луч-
шее соображаться съ желаніемъ Президента. И
такъ, къ большому сожалѣнію моему, я распался

съвшимъ почтеннымъ мужемъ, котораго съ каждымъ днемъ уважалъ болѣе и болѣе. На другой день, 30 го Апрѣля, въ полдень, я отправился въ Каламашу.

Въ первый день я проѣхалъ только пять миль и вечеромъ остановился въ домѣ, находящемся за одну милю отъ Леондари, въ предѣстной долинѣ; во крайней мѣрѣ споль же пѣвнической; какъ долины описанныя Аріостомъ. Свѣтлые, никогда не высыхающіе источники, чистый и свѣжій воздухъ, нѣжныя нивы, вѣчно зеленые масляные перелѣски украшаютъ сіе мѣсто, гдѣ усталый путешественникъ находитъ отдохновеніе послѣ дневнаго жара и утомительной ѣзды на дурномъ мулѣ или на дурной лошади. Въ лѣсахъ обитаетъ множество соловьевъ: въ ихъ мелодическимъ концертамъ сова присоединяетъ свой неприятный, пронзительный крикъ, подобный крику ребенка.

Тотчасъ по припадѣ нашемъ, два вѣрные паликара, наши провожатые, которые дѣйствительно и усоминиѣ Небанскихъ солдатъ, ошали приготовивши для насъ ужинъ. Обыкновенно ягненокъ бываетъ привлекательнымъ кушаньемъ на такихъ жертвоприношеніяхъ. Въ одну минуту его убили, очистили и внутри натерли солью и перцомъ. Потомъ, вѣсто вертела воткнули его на палку и стали жарить на большомъ огнѣ.

Во время ужина я замѣтилъ, что паликаръ разсматриваетъ одну изъ костей ягненка (лопатку) съ такимъ же вниманіемъ, какъ древніе разсматривали внутренность животныхъ, принесенныхъ въ жертву. Я спросилъ, что значитъ это разсматриванье. Одинъ изъ паликаровъ, говорившій по Итальянски, ошвѣчалъ мнѣ, что товарищъ его узнаетъ будущее.

Онъ прибавилъ, ошчастн важнымъ, ошчастн шушливымъ шномъ, что по знакамъ, находимымъ на сей кости, можно предсказывать будущее, и что наканунѣ сраженія 19-го Апрѣля, одинъ изъ его товарищей предсказалъ гибельное окончаніе сего дня. Теперь кость сія въ Греціи называется *Газета палмаровъ*. Сначала, я улыбнулся причудливому суевѣрію; но оно-же возбудило во мнѣ печальныя размышленія: суевѣріе естѣ неизлечимая болѣзнь всѣхъ народовъ; даже самые образованные не избѣгли отъ него, ибо, кромѣ этого гаданія, я думаю, новѣйшіе Греки еще не такъ суевѣрны, какъ современники Сократа, у которыхъ вездѣ были бракулы, храмы, проризанія, Сивиллы. Какъ ни привлзаны новѣйшіе Греки къ своей религіи, но они не такъ охотно отдаютъ свое имѣніе и деньги священникамъ, какъ древніе, которые, кромѣ подарковъ, коими обогащали храмы, имѣли обыкновеніе поручать свои богатства въ руки жрецовъ. Нынѣшніе бездомовные Греки посятъ свои деньги въ поясъ или даже зарывають ихъ въ землю, и не хотять отдавать священникамъ. Въ Греціи народъ бѣденъ, духовенство также, церкви еще болѣе. Здѣсь не такъ какъ въ Японіи: тамъ жилища бѣдны до крайности, а монахи ихъ и капища завалены серебромъ и золотомъ. Въ Триполицѣ нынѣ даже колоколовъ для созыванія православныхъ на молитву. И послѣ четырехъ лѣтъ свободы, для возвѣщенія божественной службы, въ семь городъ употребляютъ еще желѣзную доску, привѣшенную къ воротамъ (Турецкій деспотизмъ запрещалъ употребленіе колоколовъ): въ нее ударяють камнемъ, и при семь звукѣ христіане сѣдѣащъ въ ближайшую церковь.

Другое прелестное мѣсто, оставившее во мнѣ пріятныя впечатлѣнія, есть источникъ Памизи, гдѣ мы останавливались и умѣренно пообедали маслинами, съ недавно собраннымъ чеснокомъ, и сыромъ изъ козьего молока. Желая лучше узнать страну, я всегда слѣдую мѣстнымъ обычаямъ. Древніе почитали воздухъ вокругъ источника Памизи цѣлительнымъ, особенно въ дѣтскихъ болѣзняхъ.

Въ Греціи путешественники обыкновенно останавливаются обѣдать въ мѣстахъ пріятныхъ своимъ положеніемъ. Ручьевъ здѣсь множество, а фонтаны, уважаемые даже самыми дикими солдатами, распространяють пріятную свѣжесть въ здѣшнемъ климатѣ, гдѣ въ теченіе многихъ мѣсяцовъ солнце слишкомъ пламенно. Сколько потоковъ, долинъ, деревьевъ могъ-бы я назвать, надъ которыми въ продолженіе четырехъ вѣковъ царствовала гений умнѣніа! Намъ болѣе ни дворцовъ, ни затринцовъ, ни увеселительныхъ домовъ; Турецкая шираниа оставила Греціи только ея землю и ея солище.

Каламата, область, составляющая часть древней Мессеніи, хорошо воздѣлана, изобильна фидами, виномъ, шелкомъ и всякаго рода плодами; но она всегда имѣла невыгодное сосѣдство. Нѣсколько вѣковъ Спартанцы опустошали сію землю и жителей оставляли на выборъ войну или ссылку, смерть или рабство; теперь Майноны (наслѣдники, если не помпомки Спартанцовъ) часто возмущаютъ сію провинцію своими набѣгами. Они отъ времени до времени сходятъ съ горъ своихъ и производятъ грабительства въ оныхъ прелестныхъ равнинахъ, устьяныхъ холмами и ручьями.

Вечеромъ прибылъ я въ Каламату и отпра-
 вился къ Президенту. Передъ домою его увидѣлъ я
 множество народа: здѣсь тѣснились точно какъ око-
 ло того мѣста, гдѣ даются для народа представле-
 ния безъ платы за входъ. Я подвигался впередъ,
 вмѣстѣ съ народомъ, до самаго мѣста присутствія
 Кнзя Маврокордапо, который привѣтствовала меня
 очень учтиво. Я увидѣлъ, что физиогномія его гораз-
 до лучше и выразишельнѣе въ натурѣ, чѣмъ на пор-
 шретахъ его, выставленныхъ въ Лондонѣ. Онъ
 одѣвается какъ Французъ. Когда увидѣлъ его въ
 первый разъ въ Каламатѣ, платье на немъ было из-
 ношенное и изодранное; это мнѣ показалось болѣе
 жеманствомъ нежели необходимостію. Онъ изъясняет-
 ся по-Французски свободно и пріятно; разговоръ
 его живъ, пріятенъ и исполненъ ума. У него на все
 готовы скорые отвѣты. Однажды Генераль Рошъ
 сказалъ ему: «Не странно-ли, что въ Парижѣ гово-
 рять гораздо болѣе о дѣлахъ Греціи, нежели въ са-
 мой Греціи.» — Что-жъ тутъ страннаго? возра-
 зилъ Маврокордапо: говорить гораздо легче нежели
 дѣйствовать. — «А я думаю,» отвѣчалъ Генераль,
 «что мы говоримъ о Греціи, какъ любовники говорятъ
 безпрестанно о той, которую любятъ.» — Очень
 жаль, сказалъ Маврокордапо, что до сего времени
 любовь ваша была совершенно платоническая. —
 Онъ одаренъ всеми талантами, нужными для госу-
 дарственнаго чиновника, знаетъ хорошо дѣла и ис-
 правляетъ ихъ быстро. Поэтому-то непріят-
 ели его, не смѣя сказать, что у него нѣтъ талан-
 товъ, говорятъ, что Маврокордапо гораздо лучше
 владѣть перомъ, нежели саблею. На соотечествен-
 никовъ своихъ онъ не имѣетъ такого вліянія,

На какое даютъ ему право его достоинства и патриотизмъ. Этому причиною то, что онъ Фанариотъ, не имѣетъ въ Греціи ни связей, ни богатства и одинъ долженъ бороться съ умыслами и заговорами. По той-же самой причинѣ, онъ часто принужденъ употреблять въ свою пользу оружіе непріятелей, и ему трудно будетъ достигнуть до верховной власти въ Греціи. Хотя онъ искусился уже въ тайнахъ Европейской политики, но первымъ стремленіемъ его всегда остается независимость отечества. Впрочемъ, если-бы когда нибудь оно должно было избрать себѣ покровителя въ Европѣ, то я увѣренъ, что Маврокордато предпочтетъ націю самую сильнѣйшую и безкорыстнѣйшую — Великобританцовъ (?).

Маврокордато представилъ меня Президенту Кондуріотти. Щегольски одѣтый по обычаю своего острова, онъ сидѣлъ на софѣ, по-Турецки, и перебиралъ четки. Онъ не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ, и потому всѣ наши разговоры были кратки и незначительны. Фамилія Кондуріотти конечно богатѣйшая на Идрѣ: имѣніе ея, какъ говорятъ, стоитъ около милліона.

При началѣ революціи, фамилія его давала большія суммы для поддержанія морскихъ силъ; сія пожертвованія, вмѣстѣ съ славою отличнаго гражданина, возвели Кондуріотти на первыя степени правленія. Но съ того времени слава его безпрестанно упадала. Прежде уважали въ немъ человека твердаго; но опытъ доказалъ, что въ немъ болѣе упрямства, нежели истинной твердости. Честность его не имѣетъ на себѣ пятна: его обвиняютъ въ томъ, что онъ пристрастенъ къ своимъ друзьямъ

и къ жителямъ острова Идры, своимъ соотечественникамъ. Гибельное окончаніе экспедиціи, предпринятой имъ противъ Египтянъ, весьма много уменьшило довѣренности къ нему. Впрочемъ, какъ-бы строго ни разсматривали его распоряженія, но онъ будетъ примѣрнымъ гражданиномъ во всѣхъ перетворотахъ. Онъ показалъ, что люди богатые не должны отказываться отъ общественныхъ обязанностей и оставаться на берегу зрителями бури, но обязаны бросаться въ самую величайшую опасность и, если такъ суждено, погибнуть вмѣстѣ съ своимъ отечествомъ.

Греческій станъ не только не получалъ подкрѣпленій, но поспешенно ослабѣвалъ отъ побѣговъ многихъ солдатъ, которые въ Греціи оставляють знамена по своей волѣ. Тщетно старался Президентъ вооружить сильный и воинственный народъ Аркадіи. Сначала нѣсколько тысячъ жителей собралось на помощь Наварину; но мало по малу они всѣ разошлись. Прочіе жители Пелопоннеза, раздраженные грабительствомъ и притѣсненіями Румелиотовъ въ Моревъ, не хотѣли вооружаться, а если и соглашались, то только съ тѣмъ, чтобы имъ дали предводителемъ Колокопрони, подъ начальствомъ котораго они уже два раза побѣждали Турковъ. Въ поже время Наваринъ, потерявъ надежду на помощь съ сухаго пути, только моремъ имѣлъ свободное сообщеніе. Президентъ возвратился въ Каламану заключивъ договоръ съ Майнотами и заславивъ ихъ идти на помощь осажденнаго города.

Президентъ хотѣлъ вѣхать моремъ въ Старый Наваринъ, оживить храбрость гарнизона Неокаспиронскаго и ошшуда распоряжаясь военными дѣйствіями.

Мы съѣли на корабль въ Армиросъ, во владѣніяхъ Спартанскихъ и только ожидали перемены вѣтра, какъ вдругъ узнали что Египетскій флотъ сплывъ передъ Модономъ.

Я провель три дня на берегахъ Лаконіи, и хотя вообще мало восхищаюсь древностями, но, признаюсь, ходилъ по берегу съ удивленіемъ и почтениемъ. Въ это время Генераль Мурзина (Muzina), одинъ изъ трехъ военныхъ министровъ и могущественнѣйшій изъ начальниковъ Майношскихъ, приплыль въ Армиросъ со ста шестидесятью человѣками солдатъ, для совѣщаній съ Президентомъ. Майношы, какъ извѣстно, никогда не покорялись Туркамъ; защищенные неприслупными горами и чрезвычайною бѣдностію, они всегда сохраняли свою независимость. Физиогномія ихъ не столь красива и гораздо суровѣе и угрюмѣе въ сравненіи съ другими Греками; они отличаются также длинными, густыми волосами, развѣвающимися по плечамъ, и широкими шароварами, которыя сходящяся складками около пояса.

Генераль Мурзина отличался отъ своихъ солдатъ не столько блескомъ оружія, сколько высокимъ ростомъ, мужественными формами и огромными усами, подъ тѣнію которыхъ никогда не можешь показываться улыбка, гошовъ я сказать. Онъ съѣль подлѣ Президента, на берегу моря, гдѣ назначено было мѣсто совѣщаній. Передъ ними, на землѣ лежала прокламація: ее хотѣли обнародовать въ области Майнѣ, дабы побудить народъ къ вооруженію. Прокламація была прочишана вслухъ, въ присутствіи солдатъ, сопровождавшихъ начальника, но она не произвела въ нихъ никакого движенія (по крайней

мѣръ мнѣ шакъ показалось). Немного болѣе сдѣлала Она впечатлѣнія, появившись у нихъ въ горахъ. Майнопы не проливаютъ крови своей за слова. Къ нимъ можно примѣнить пословицу: *нѣтъ денегъ, нѣтъ и Майнотовъ*. Такъ исчезла сія надежда на помощь Наварину.

Предметъ моего путешествія былъ исполненъ. Я простился съ Президентомъ и поѣхалъ назадъ, въ Наполи-ди-Романію. Въ городъ не встрѣшилъ я никакого неприятнаго происшествія, хотя я не взялъ провожатыхъ и шѣмъ имѣлъ случай удостовѣриться, что путешественникъ сподольже безопасенъ въ Пелопоннезѣ, какъ въ Италіи, Испаніи или въ Португаліи.

Каждый житель вооруженъ мушкетомъ, пистолетами и ятаганомъ, который имъ запрещено было носить во время Турецкаго владычества. Теперь они съ щеславіемъ показываютъ оружія, вырванныя ими у своихъ притѣснителей. Вооруженіе народное, болѣе общее, въ Моретѣ могло-бы доставить пятьдесятъ тысячъ воиновъ. Народъ здѣшній красивъ и силенъ. Во время посѣщеній, которыя дѣлалъ я бывши въ Триполицѣ и Каламатѣ, мнѣ удалось наконецъ увидѣть нѣсколько женщинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ показались мнѣ достойными поэтическихъ похвалъ, еще и нынѣ расшочаемыхъ имъ сплѣхворцами.

Я осматривалъ четыре *епархіи* или префектуры; но не должно воображать себѣ, что онѣ чѣмъ нибудь похожи на Европейскія учрежденія такого же рода. Здѣсь, до сего времени нѣтъ еще никакого гражданскаго правленія, и суды еще не

устроены. *Елархъ* одинъ исполняетъ нѣсколько должностей, которыя должны-быть быть отдѣлены отъ его званія. Совѣтъ префектуры состоитъ изъ одного чиновника, который обыкновенно спитъ и ѣстъ въ той же самой комнатѣ, гдѣ даетъ аудіенціи. Въ Моретѣ нѣтъ ночтоваго учрежденія для писемъ: правительство производитъ сношенія свои посредствомъ нарочныхъ, а частные люди принуждены посылать свои письма съ курьерами. Газеты *Идрскія*, *Аѣинскія*, *Миссолунгскія* не распространены еще въ народѣ, но ихъ съ жадностію читаютъ люди высшихъ сословій. *Миссолунгскія* вѣдомости поддерживаются большимъ расходомъ оныхъ на островахъ *Іонійскихъ*. На *Идрскія* вѣдомости только двѣсти подписчиковъ, а на *Аѣинскія* и того менѣе.

(*Продолж. впрѣдъ.*)

НЕКРОЛОГІЯ. Францискъ Карпинскій,

одинъ изъ лучшихъ Польскихъ Поэтовъ XVIII столѣтія, родился въ Литвѣ въ 1745 году. Родители его были небогатые дворяне. Они отдали своего сына въ общій воспитательный заведеніи Литвы, и Карпинскій еще во время обученія своего показалъ рѣдкій поэтический талантъ. Когда, по окончаніи курса наукъ, онъ приѣхалъ въ Варшаву, могущественный домъ Князей Чарторыскихъ принялъ его въ особенное свое покровительство. Въ это время Дворъ Станислава Августа былъ также пріибжищемъ всѣхъ людей съ дарованіями и благородное стремленіе, поощрялъ возникающія дарованія, сдѣлалось предметомъ соперничества между просвѣщенными Поляками. Король пожаловалъ Карпинскаго званіемъ Каммергера, а впослѣдствіи далъ ему двѣ деревни въ арендное содержаніе на пятьдесятъ лѣтъ. Кажется однакожь, что нашъ Поэтъ, по своему характеру, не былъ способенъ къ придворной жизни и не годился бытъ гражданиномъ большаго свѣта. Сначала находился онъ учителемъ въ нѣкоторыхъ знатныхъ домахъ; послѣ являлся какъ поэтъ, но никогда не умѣлъ заслужить такой блестящей значительности въ обществѣ и не пользовался такими милостями вельможъ, какъ многіе другіе ученые и артисты, его современники. Наскутивъ большимъ свѣтомъ и обществомъ, къ тому же перзаемый несчастною любовью и неисполнившимися надеждами, Карпинскій удалился въ деревню и остальныя дни жизни своей провелъ въ уединеніи.

Поэтическія заслуги Карпинскаго значительны. Въ блестящую эпоху Литтературы Польской, въ

Польшѣ было нѣсколько оригинальныхъ поэтовъ, но еще болѣе поэтовъ - подражателей и переводчиковъ. Даже въ сочиненіяхъ первыхъ явно вліяніе Французской Литтературы XVIII вѣка; послѣдніе-же, въ самомъ изображеніи предметовъ и формъ, слѣпо подражали твореніямъ Французской школы, надолго остававшимся образцами для Польскихъ литтераторовъ. Карпинскій, на поприщѣ Поэзіи явилъ сильный, неподверженный чуждому вліянію характеръ и дарованіе оригинальное. Онъ былъ исполненъ нравственности и въ религіозныхъ понятіяхъ своихъ навсегда остался христіаниномъ, непоколебимымъ, неизмѣннымъ среди господствовавшей тогда моды на легкомысліе, сбывавшееся иногда въ цинизмъ. Въ Поэзіи, не подражая никому слѣпо, онъ проложилъ собственную свою дорогу, и сочиненія его, называемыя *Селянками*, хотя принадлежашъ вообще въ Сельской Поэзіи, но составляютъ новый, особый родъ стихотвореній, самымъ Карпинскимъ созданный. Древніе, оставившіе намъ образцы въ Сельской Поэзіи, Теокрытъ, Вיוвъ, Мосхъ, переносили вымыслы свои въ златой вѣкъ. Воспоминаніе о семь вѣкѣ было уже принадлежностію Мифологіи, было многократно воспѣваемо поэтами, но жило еще въ народныхъ преданіяхъ. Поэтому-то картины Сиракузскаго Поэта, хотя и не находились уже передъ глазами его современниковъ, сильно еще дѣйствовали на воображеніе, возбуждая въ немъ множество древнихъ, религіозныхъ, поэтическихъ воспоминаній. Напротивъ, когда Виргилій повторялъ Римлянамъ Греческія пѣснопѣнія, они уже потеряли всю прелесть свою для народа, были понятны только ученымъ и поэты напрасно хотѣли

оживить интересъ оныхъ, смѣшивая съ происшедшими современными холодныя аллегоріи и сельскія сцены, не имѣющія никакого отношенія къ Риму, къ положенію и духу Римлянъ. Въ средніе вѣки, нѣкоторыя пѣсни Трубадуровъ имѣли характеръ Сельской Поэзіи, но совершенно отличный отъ Греческаго. Усилія, подражанъ древнимъ были поводомъ къ смѣшнымъ прошиворѣчіямъ. Мифологическіе пастухи златаго вѣка говорили языкомъ влюбленныхъ рыцарей и въ сельскихъ хижинахъ повсюду интриги, бывшія принадлежностію готическихъ замковъ феодальныхъ Бароновъ. Таковы Французскія эклоги Д'Юрфе, Испанскія Монтемайора и многихъ другихъ, остроумно осмѣянныхъ Сервантесомъ. Сельская Поэзія начинала терять всю свою прелесть, не смотря на усилія нѣкоторыхъ Французскихъ писателей. Геснеръ рѣшился обратиться опять къ Грекамъ и его идилліи, впрочемъ не имѣющія никакого отношенія къ современному міру, навсегда останутся, какъ произведенія искусства, счастливымъ подражаніемъ. Онъ умѣлъ сохранять въ своихъ произведеніяхъ соотвѣтственный тонъ и цвѣтъ, умѣлъ всегда оставаться въ одной сферѣ, тогда, какъ всѣ другіе сельскіе поэты увлекались внѣшнимъ вліяніемъ и форма ихъ произведеній принимала противныя ещности образы. Вообще въ эклогахъ Французскихъ и Испанскихъ господствуетъ форма рыцарскихъ романовъ; Госпожа Дезульеръ иногда сбивается на пѣсенный ладъ, иногда идиллія ея превращаются въ элегію; Фонтенель, Французскій остроумецъ, вытягиваетъ свои эклоги подъ современную форму дидактическихъ посланій, изъ комъ нѣрѣдко проглядываютъ эпиграммы.

Таковы были образцы Карпинскаго. Онъ не подражалъ ни одному изъ нихъ, счастливо угадавъ, что хотя сущность родовъ Поэзіи всегда одна, но предметъ и формы должны не повторяться, а развиваться всегда новымъ образомъ. Вопиѣ отъ чего Карпинскій сдѣлался поэтомъ своего народа и своего времени. Въ его пѣсняхъ отразился характеръ и духъ соотечественниковъ. Дѣйствіе происходитъ у него совсѣмъ не въ златомъ вѣкѣ: сцена въ деревнѣ, дѣйствующія лица люди обыкновенные, сходные съ нами духомъ и характеромъ, но поэтъ списалъ ихъ жизнь съ одной стороны, въ домашнемъ мирномъ быту ихъ. Небольшія заботы, тихія страсти, невинныя сельскія увеселенія суть черты Польскихъ *Селянокъ*. Все это облечено усовершенствованною версификаціею народныхъ пѣсень и отъ того-то Поэзія Карпинскаго есть самая народная, любимая всѣми его соотечественниками, ибо каждый Полякъ, читая стихотворенія Карпинскаго, оживляетъ въ памяти своей сцены когда-то видѣнныя, вспоминаетъ голосъ и риѣмъ, знакомые его слуху, родные ему, но являющіеся въ новой краѣ. Однимъ словомъ: *Селянки*, сложенные изъ столь многихъ народныхъ элементаровъ, одушевленные высокимъ талантомъ, сдѣлались народными пѣснями. Правда, иногда Карпинскій оставлялъ сію общую начертанную нами идею Поэзіи, иногда слишкомъ вдавался въ вымышленную сферу златаго вѣка и, часто безъ надобности, давалъ своимъ лицамъ освященныя обыкновеніемъ, но нынѣ почти смѣшныя имена Меналковъ и Филоновъ. Все это убѣждаетъ насъ, что общій характеръ своей Поэзіи Карпинскій начерталъ себѣ не въ слѣдствіе.

какихъ-либо умозаключеній, не вывелъ а priori, а угадалъ счастливымъ инстинктомъ. Мы почти осмѣливаемся сказать, что онъ спалъ-бы еще болѣе оригинальнымъ, болѣе великимъ Поэтомъ, если-бы древніе образцы Сельской Поэзіи были ему вовсе неизвѣстны, или, если-бы онъ умѣлъ забыть о нихъ совершенно. Доказательствомъ-же, какъ много Карпинскій изучалъ пѣсни просонародныя (*) и до какой высокой степени постигъ онъ характеръ оныхъ, можетъ служить одно изъ лучшихъ его произведеній, историческая *Дума о Людгардѣ*. Для этого рода Поэзіи, Польскіе писатели должны учиться изъ нея слогу и гармоническому печенію языка. Столь-же превосходны его Духовныя пѣсни, до сихъ поръ воспѣваемые народомъ въ церквахъ. Гармонія стиховъ Карпинскаго была понятна даже иностранцамъ, и ученый Каульфусъ, въ Разсужденіи о Польскомъ языкѣ, особенно ссылается на его *Селянки*, когда дѣло идетъ о римѣ и гармоніи. Карпинскій испытывалъ свои силы въ Трагедіи и Комедіи, но жалкія драматическія произведенія его могутъ служить свидѣтельствомъ, какъ падаетъ, великій даже, талантъ пускаясь въ несвойственную ему сферу. Лучше успѣлъ онъ въ переводѣ Псалмовъ Давида, ибо здѣсь могъ развернуть свой лирический та-

(*) Простой народъ въ Литвѣ говоритъ Русскимъ нарѣчіемъ, смѣшаннымъ съ Польскимъ языкомъ, или языкомъ Литовскимъ, совершенно отличнымъ отъ Славянскихъ нарѣчій. Подъ именемъ пѣсенъ народныхъ, мы разумѣемъ здѣсь пѣсни Польскія; Баллады жъ Селянки, повсюдья между мѣлкою шляхскою и классомъ людей служащихъ, которые говорятъ по-Польски. Нѣкоторыя изъ сихъ пѣсенъ носятъ на себѣ признаки древности; но когда онѣ сочинены, въ Литвѣ-ли, такъ перенесены изъ Польши; до сихъ поръ никакъ неясно изслѣдовать.

лантъ. Конечно, въ смѣлости и силѣ выраженій онъ не превзошелъ древняго перелажателя, Кохановскаго, но искуснымъ сложеніемъ строфы и чистотою, легкостью версификаціи, сдѣлалъ переводъ свой болѣе приятнымъ публикѣ и болѣе удобнымъ для пѣнія. Всѣ сіи произведенія Карпинскій написалъ въ Польшѣ. Удалившись въ Гродненскую деревню; подаренную ему Королемъ Станиславомъ; онъ поздравилъ давно невидѣнный домъ свой прекраснѣйшею элегіею; которая есть послѣднее извѣстное намъ его стихотвореніе. Въ остальные годы свои Карпинскій сдѣлался наспоющимъ ребенкомъ, въ образѣ жизни и въ понятіяхъ. Онъ умеръ 16 Сентября (н. с.), 1825 года, будучи около 80-ти лѣтъ отъ роду, любимымъ и уважаемымъ всѣми. Карпинскій оставилъ много оригинальныхъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ, но мы не будемъ разбирать ихъ. Полное Собраніе Сочиненій его издано въ Варшавѣ, въ 1804 году, 4 Т. in 8, и вновь въ Бреславлѣ, у Корна.

(Сообщено):

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

І. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Къ портрету Гёте.

Свободу смѣлую принявъ себя въ законъ,
Всезрацей мыслию надъ міромъ оны возлеся
И въ міръ все постигнуть оны
И ничему не покорился.

Жуковскій.

С о н ъ.

(Сочиненіе Байрона.)

І.

Въ насъ жизнь двояка: сонъ имѣеть міръ свой,
Предѣлъ двухъ царствъ, здѣсь бышіемъ и смершью
Зовомыхъ ложно; сонъ имѣеть міръ свой,
И дикой сущности пространнѣй край;
Въ видѣньяхъ сна свое есть бышіе:
Свои мученья, радости и слезы:
Ихъ слѣдъ тягчишь намъ мысли на яву,
Намъ облегчаешь бремя бѣдъ, они
Частъ времени сей жизни, частъ самикъ насъ,
Глашаннаи безсмертья; появляясь

Ч. XIV. No 12.

10

Какъ призраки прошекшаго , вѣщая
 О будущемъ , они имѣють власть ,
 Тиранство мукъ и наслажденій ; шо ,
 Чѣмъ не бывали мы , изъ насъ шворяшь ,
 Колеблюшь духъ мгновенной тѣню , спрахомъ
 Пустой мечшы . Не тѣнь-ли и они ?
 Не тѣнь-ли все , что было ? Чшо-жъ они ?
 Творенія души ? Душа властна
 Дать бышіе мірамъ и населишь ихъ
 Свѣтлѣйшими вѣхъ знаемыхъ существъ
 И даровать безсмертье существамъ симъ .
 Мнѣ памяшно видѣнье , можешь быть ,
 Мечтанье сна : мысль наша и во снѣ
 Объять способна годы , сократишь
 Въ единый часъ дѣянья долгой жизни .

II.

Я видѣлъ : два младыя существа
 Стояли вмѣстѣ на холмѣ прекрасномъ ;
 Холмъ зеленъ былъ , съ ошлогимъ , гладкимъ ска-
 шомъ ,
 Какъ мысь послѣдній длинной цѣпи горъ ;
 Лишь водъ не зрѣлось у его подошвы ,
 Но жизни полная картина : рощи ,
 Поля , златыя жатвы и мѣстами
 Людей жилища , и кудрявый дымъ
 Вставалъ надъ сельскою ихъ кровлей ; холмъ
 Увѣнчанъ былъ древами , какъ короной ,
 Кругообразной рощей , насажденной
 Рукой людей , а не игрой природы .
 Ихъ двое , юноша и дѣва , шамъ
 Смошрѣли , стоя , дѣва на окрестный ,
 Какъ и сама она , прекрасный видъ ,

А юноша на дѣву ; въ обѣихъ
 Блещала юность , въ дѣвѣ краса ;
 Но въ юности они не равной были,
 Какъ полная , всходящая луна ,
 Уже вступала дѣва въ зрѣлый возрастъ ,
 И юноша моложе былъ лѣтами ,
 Но сердце годы упрядило въ немъ ;
 Ему одинъ былъ въ мѣрѣ милый образъ ,
 Начертанный въ душѣ его глубоко ,
 И образъ сей тогда ему сіялъ :
 Въ ея дыханьи , въ бышн ея ,
 И въ голосѣ , и въ зрѣньи , онъ имѣлъ
 Дыханье , голосъ , зрѣнье , бышнє .
 Онъ трепещалъ , безмолвно ей внимая ,
 И лишь ея очами видѣлъ мѣръ ;
 Въ себѣ самомъ ужь не жилъ онъ : ему
 Она лишь стала жизнью , океаномъ
 Для помышленія его пошеровъ :
 При каждомъ звукѣ словъ ея , при каждомъ
 Ея движенн , въ немъ кипѣла кровь ,
 Пылали щеки и блѣднѣли ; сердце-жъ
 Не вѣдало причины бури сей ;
 Но дѣва съ нимъ сихъ чувствъ не раздѣляла
 И не къ нему ея лепѣли вздохи :
 Онъ былъ какъ братъ ей , но не болѣ ; брашомъ
 Отъ дѣшскихъ лѣтъ звала его она ,
 Ни племени , ни рода не имѣя ,
 Последняя могучихъ предковъ отрасль .
 И имя брата было для него
 И сладостно и вмѣстѣ ненавистно .
 Зачѣмъ ? На это отвѣчало время ,
 Когда другимъ ея дышало сердце ;
 Но и тогда уже любила шайно

Она другаго , и съ холма смотрѣла ,
 Не мчишь-ли друга къ ней послѣдний конь.

III.

Мое видѣнъ измѣнилось. Мнѣ
 Мечтался древній замокъ , и стоялъ
 У вратъ его привязанъ конь , и въ залѣ
 Я юношу увидѣлъ моего.
 Онъ былъ одинъ , былъ блѣденъ и ходилъ
 Впередъ и взадъ поспѣшными шагами ;
 Потомъ онъ сѣлъ и взявъ перо , слова
 Неизвестныя для меня писалъ ;
 Потомъ склонился на руку главою ,
 И въ судорожномъ вздрогнувъ изступленьи ,
 Вскочилъ и съ дикимъ скрежепномъ зубомъ
 Терзалъ въ куски начертанныя строки ,
 И вдругъ , безъ слезъ , утихнулъ и разгладилъ
 Чело свое насильственнымъ покоемъ.
 Когда ушлѣ онъ , появилась дѣва ;
 Улыбкою цвѣли ея уста ,
 Но ей любовь его была не тайна :
 Она ужъ знала , скрыть сего не мзя ,
 Что тѣнь ея его брочила сердце ,
 Что онъ страдалъ ; всего-жъ она не знала.
 Онъ всмалъ , и тихо за руку взялъ дѣву ;
 Въ чертахъ его видна была скрижалъ
 Незьясныхъ мыслей , и чрезъ мигъ
 Она исчезла , также какъ возникла.
 Покинувъ руку , тихою стопой
 Пошелъ онъ , будто не прощаясь съ дѣвой :
 Они распалась , улыбаясь оба ,
 И вышедши изъ крѣпкихъ замка вратъ ,

Онъ на конѣ пустился въ даль, и боль
Нога его въ шомъ замкѣ не бывала.

IV.

Мое видѣнье снова измѣнилось.

Ужь юноша доспигнулъ зрѣлыхъ лѣтъ;
Онъ по пустынѣ знойныхъ странъ скитался,
И тамъ жила душа его свѣтъ солнца.

Онъ окруженъ былъ мрачными мечтами,
И былъ не то, что прежде: на водахъ
И на землѣ онъ спалъ бездомный странникъ!

Вокругъ меня, какъ волны океана,
Носилися толпою привидѣнья,
И съ ними онъ; и наконецъ, я видѣлъ:

Онъ спалъ, полдневнымъ зноемъ ушомленный,
Межъ надшиши колоннами, въ тѣни

Развалинъ, стѣнъ разбитыхъ, пережигшихъ
Спроишелей, жильцовъ ихъ имена;

И близъ него, на берегу ручья,
Паслись верблюды, кони, и на ешражѣ

Стоялъ въ широкомъ плащѣ человекъ,
И многіе другіе тамъ-же спали,

И надъ глазами ихъ свѣтлѣло небо,
Столь ясное и чисто-голубое,

Что только Богъ единый зрѣлся въ немъ.

V.

Мое видѣнье снова измѣнилось.

Супругой стала дѣва, и супругъ

Любилъ ее не болѣе, какъ онъ;

Въ своемъ дому, далеко отъ него,

Она жила въ кругу дѣшей прекрасныхъ;

Но на челѣ ея была видна

Ошѣнка грусти, внутренней борьбы
 Непреходящій слѣдъ; въ яв очахъ
 Улыбѣ и не покой, какъ будто
 Тягчили ихъ непролитыя слезы.
 Какая - жь грусть ея? Съ ней было все,
 Что мило ей, и шопъ далеко былъ,
 Кто могъ шоской, надеждой иль желаньемъ
 Невинныя ея превожить мысли.
 Какая - жь грусть ея? Не бывъ имъ спрашна,
 Она ему не льстила и надеждой,
 И онъ не могъ быть часть того, что душу
 Свѣдало ей: льшь прошлыхъ привидѣнья.

VI.

Мое видѣнье снова измѣнилось,
 Мой странникъ возвратился; я его
 Предъ алтаремъ съ невѣсною увидѣлъ,
 Съ прекрасной дѣвой, но не съ той, что солнцемъ
 Для вешнихъ дней его была; когда онъ
 У алшара стоялъ, его чело
 Одѣлось страшнымъ мракомъ, и опять,
 Какъ прежде, въ древнемъ замкѣ, грудь его
 Потрясъ внезапный судорожный трепещъ
 И на лицѣ видна была скрижалъ
 Нензяснимыхъ мыслей, и чрезъ мигъ
 Она исчезла, также, какъ возникла,
 И онъ стоялъ спокоенъ, и обшъ,
 Самъ словъ своихъ не слыша, произнесъ;
 И все смѣшалось вокругъ него: онъ видѣлъ,
 Не то, что было, бытъ долженствовало,
 Но древній замокъ, памяшную залу
 И незабвенное прощанья мѣсто,
 И день, и часъ, и мрачность, и сѣнь.

Все, что ко времени тому и мѣсту,
 Что относилось къ дѣвѣ роковой,
 Повергнулось межъ нимъ и свѣтомъ днѣ,
 Зачѣмъ оно пришло въ такую пору?

VII.

Мое видѣнїе снова измѣнилось.
 Ее, владычицу его души,
 Едва узналъ я: такъ ее помялъ
 Недугъ душевный! Умъ ей блуждалъ,
 Глаза утратили природный блескъ; она
 Смотрѣла взоромъ не земнымъ, казалась
 Царицею мечшательнаго міра,
 Безсвязныя соединяла вещи
 Въ бродящихъ мысляхъ, умственно обыкла
 Незримое другими созерцать —
 И это свѣтъ безумствомъ называетъ!
 Но мудрость мудрыхъ большее безумство;
 Такое зрѣнїе — страшный Неба даръ:
 Сей истины волшебный педескоцъ
 Сокрышю мечшаній далью жизнь
 Къ намъ приближаетъ въ полной нагашѣ,
 И хладную шворитъ хладнѣ сущность.

VIII.

Мое видѣнїе снова измѣнилось.
 Опять, какъ прежде, странникъ одинокъ;
 Всѣ существа съ нимъ бывшія, исчезли,
 Или возстали на него; онъ спалъ,
 Раздорами, враждою окруженный,
 Погибели и разрушенія мѣшой;
 Мученїе было яствъ его приправой,
 Пока, какъ древній Цюша властелинъ,

Обыкъ пишашся ядомъ онъ — и ядъ
 Не оправлялъ, но былъ ему родъ пици,
 Обыкъ жить шѣмъ, что многимъ было смертью.
 Людей чуждаясь, спалъ онъ другомъ горъ;
 Съ звѣздами, съ духомъ бдишельнымъ вселенной
 Держалъ бесѣду, и они его .
 Своимъ волшебнымъ шайнамъ научили;
 Ему была открыта книга ночи
 И гласъ изъ бездны возвѣстилъ ему
 Чудесное и шайное: Да будешь!

IX.

Мое видѣнїе исчезло; въ немъ
 Ужь не было дальнѣйшей перемѣны.
 Видѣнїе странное: какъ на яву
 Видна въ немъ доля сихъ существъ: погибнушь
 Одной въ безумствѣ, въ горъ обоемъ.

М. В.

Къ родной сторонѣ ().*

О Скалба родная!
 Теки и красуйся по родшимъ полямъ,
 Волнами плеская
 По свѣжимъ, высокимъ, крупнымъ берегамъ.
 Лѣсь мирный, печальный!
 По прежнему свѣдлымъ небесъ достигай
 И сладостной, шайной,
 Ты пушника душу мечтой наполняй.

(*) Сочиненїе тринадцати-лѣтней дѣвушки.

Сводъ неба яснѣ
 Въ родимыхъ краяхъ,
 Лучъ солнца свѣплѣ

Играеть въ сребристыхъ и шонкихъ зыбяхъ.

Дубравы густыя,

И дубъ величавый въ родной сторонѣ,

И сосны большія!

По прежнему молча манише къ себѣ!

Ахъ! дѣтскіе годы

Мои протекли

На лонѣ природы;

Но бурные вѣтры меня унесли. . . .

Цвѣши, украшайся,

Родная страна!

Гордись, величайся;

Ты щедрой природы красою полна!

Надежда Теплова.

Пале-Рояль,
или
похождения Г-на Перрона.
(Сказка.)

Важнѣйшій предметъ ученія для чело-
вѣка есть человекъ, и пусть онъ непре-
станно посвящаетъ свое время для его из-
ученія, посвятивъ цѣлую жизнь, хотя-
бы столѣтнюю, все это будетъ недоспа-
точно для совершеннаго познанія неис-
пощимаго предмета.

Не смотря на всѣ парадоксы софистовъ,
всякій очевидно чувствуетъ, когда раз-
мышляетъ о самомъ себѣ, что человекъ
есть двойное существо, душа и тѣло, ра-
зумъ и вещественность, полу-богъ и
пварь, невольникъ, подчиненный двумъ
господамъ: *чувствамъ* и *уму*.

Къ несчастію, эти двое господъ худо
понимаютъ другъ друга: одинъ летитъ въ
небо, другой ползетъ по землѣ; одинъ
спрается заключиться въ настоящее,
другой стремится въ будущее.

Такъ! все двойко въ насъ; и человекъ,
который справедливо видитъ въ себѣ ма-
лый міръ, видитъ себя, также какъ и
міръ, котораго онъ изображеніе, без-
престанно подверженнаго борьбѣ свѣта и
тмы, добра и зла, созиданія и разрушенія,

тепла и холода, припятженія и оппшолкно-
венія, движенія и покоя.

Намѣреніе мое теперъ состоить не въ
изслѣдованіи подробномъ споль важнаго
предмета; мнѣ болѣе хотѣлось-бы бро-
сить на человѣческой родъ насмѣшливый
взглядъ Демокрита, нежели плаксивый Гера-
клипа и я ограничусь изслѣдованіемъ двухъ
прошивныхъ наклонностей, полкающихъ
насъ безпресшанно опъ покоя къ дви-
женію.

Думаю, что другіе люди созданы так-
же какъ я, и должно, полагаю, судить
о нихъ также, какъ сужу я о себѣ самомъ.
Признаюсь, что всю жизнь мою я колебал-
ся между любопытствомъ и лѣнью, жела-
ніемъ знать и какимъ-то оппращеніемъ
учиться. *Far niente* (ничего не дѣлать) такъ
хорошо; спрудъ такъ тяжель: для него
надобны усилія; для *ничего не дѣлать* до-
вольно не дѣлать ничего. Безъ лозы нуждь,
бѣднякъ провель-бы весь вѣкъ ни за что
не принимаясь, а безъ болѣзней, происходя-
щихъ опъ скуки, жизнь богача была-бы
всегдашній сонъ.

Кажется, что въ такой борьбѣ лѣнь
одолѣваетъ чаще, и не смотря на нѣко-
порыя рѣдкія исключенія, я увѣренъ, что
если-бы человекъ самый дѣяшельный, са-
мый спрудолюбивый, Вольперъ, на при-
мѣрь, переначалъ свою жизнь, и въ семь
споричномъ существованіи перевернулъ
на выворотъ свое первое существованіе,

употреблялъ на дѣятельность все въ праздности потерянное имъ время, а жерялъ все время, употребленное на труды, онъ почти усохерилъ-бы свои произведенія.

Видя во всѣхъ насъ одинакіе зародыши слабостей и свойствъ, всего яснѣе понимаемъ, что мы всѣ одного бапюшки дѣтки; общія семейственныя черты во всѣхъ насъ замѣтны болѣе или менѣе, и всѣ мы участники въ тяжеломъ наслѣдствѣ семи грѣховъ и небольшомъ родительскомъ завѣщаніи чепырехъ главныхъ добродѣтелей.

Впрочемъ, по этому отношенію, намъ, какъ законнымъ наслѣдникамъ, взаимно не чѣмъ гордиться и не за что жаловаться. Раздѣлъ совсѣмъ не такъ неравенъ, какъ иногда кажется нашему тщеславію, и мы сдѣлались-бы гораздо снисходительнѣе, если-бы, мѣрля себя вѣрнѣе, узнавали, какъ мало между нами разницы, относительна къ нашему нравственному богатству или бѣдности.

Разница кажется намъ опятъ того большою, что мы сами очень невелики. Жители долины называютъ горами, что горцу кажется холмикомъ; соломенка для муравья бревно. Въ очахъ вѣчной мудрости наши дураки и наши мудрецы различаются весьма немногимъ. Люди, которыхъ зовемъ мы *тудаками*, такіе-же люди, какъ мы, и только черны у нихъковырышительнѣе. Между шѣмъ, *тудакъ*, встрѣчаясь съ

нами, изумляешь насъ, поражаетъ, сердитъ или смѣшитъ; мы думаемъ, что между имъ и нами нѣтъ ничего общаго; намъ кажется даже, что намъ показываютъ какое нибудь выдуманное лицо, въ то время какъ это можетъ быть изображеніе самихъ насъ, которое мы видимъ только въ увеличительномъ зеркаль.

Такъ разсуждалъ я однажды, въ то самое время, когда, подспрекаемый живымъ любопытствомъ, хотѣлъ идти изъ дому, и удерживаемый томительною лѣнностью, оспавался передъ моимъ каминомъ, не могъ рѣшиться ни на покой, ни на дѣятельность.

Одинъ изъ друзей моихъ, вошедшій тогда ко мнѣ, былъ свидѣтелемъ моей нерѣшительности, смѣялся, и желая показать мнѣ, до какой степени чудачества нѣкоторыя собратія наши могутъ довести такое противорѣчіе любопытствующей дѣятельности и непреодолимой лѣнности, разсказалъ мнѣ слѣдующую повѣсть:

«Я зналъ (говорилъ онъ мнѣ) молодаго Англичанина, гораздо болѣе себя тревожимаго любопытствомъ и лѣнностью. Ты хочешь учиться и знаешь: у него это было наспоющею спрасью; ты чувствуешь небольшое ополкновеніе отъ работы: у него было совершенное отвращеніе; наконецъ, ты читаешь, учишься иногда, даже пишешь часто, и въ то время, какъ ты жалуешься на свою лѣнность, кришика

очень можешъ пожаловаться на свою плодородную дѣшельность. Мой Англичанинъ былъ совсѣмъ не по: онъ не читалъ ничего, съ пѣхъ поръ, какъ ферула не принуждала его; не только чтобы писать для забавы, онъ не рѣшался отвѣчать даже на самыя надобныя письма, и дѣла его терпѣли отъ этого столько, что при огромномъ имѣннн онъ иногда бывалъ въ затруднительной безденежности, подобно нашему Принцу Конши, которому, послѣ долгаго терпѣнн, управители переспали, какъ сказываютъ, присылають даже и столько доходовъ, сколько надобно было для необходимаго содержанн дома; богатый и великодушный, съ нѣсколькихъ лѣтъ Принцъ такъ измѣнился, что лѣнился даже подписать имя свое на какомъ нибудь коншрактѣ или какой нибудь росписѣ.

Молодой Англичанинъ, о которомъ говорю тебѣ, назывался Лордъ Липшльгетъ. Онъ былъ молодецъ, хорошъ собою, оспроумень, осыпанъ дарами природы и счастья, которые обыкновенно раздаются такъ скупо. Но какъ природа и счастье, такъ и отецъ и мать испопворовали его, по системѣ, оставляя ему въ дѣшество свободу удовлетворять всѣ малѣйшня своелольства и молодыя его прихоти; изъ этого вышла, когда онъ возмужалъ, невозможность на чемъ нибудъ удержаться и

покоряты свои склонности какимъ нибудь ушановленнымъ правиламъ.

По счастію, склонности его, которыя могли-бъ бытъ порочны или злы, были только неопредѣленны и прошиворѣцащи. Молодой Лордъ, добрый и челоѡрколюбий, зналъ только два сильныя чувства: *желаніе все знать и удовольствіе нитего не дѣлать*. Угадаешь слѣдствія: сдѣлавшись совершенно свободнымъ по смерти родителей, онъ не зналъ на что рѣшиться: не хошѣлъ бытъ ни холоснымъ, ни женатымъ, провелъ много лѣтъ, переворачивая въ головѣ кучу плановъ неисполняемыхъ, я никогда не умѣлъ рѣшительно сказать себѣ: бытъ-ли невѣждой или учисься.

Наконецъ, старый родственикъ, которому онъ вѣрилъ свои затрудненія, вдругъ извлекъ его изъ нерѣшимости по этому отношенію. »Вы хошите знать (сказалъ онъ ему) и не хошите читать: вижу одно средство удовольствоваться любопытствомъ ума вашего, не прошиворѣцая лѣности: вамъ не угодно изучать книги, изучайте людей, путешествуйте.»

Лучъ свѣта поразилъ нашего Лорда; онъ похвалъ. Но неизлечимая лѣность его, путешествуя съ нимъ вмѣстѣ, находила средства сражаться съего любопытствомъ, останавливала его на всякомъ шагу и часто удерживала цѣлыми недѣлями въ шакхъ мѣстахъ, гдѣ всего менѣе могло бытъ возбуждаемо вниманіе, шакъ, что круглый

годъ употребленъ былъ Лордомъ на переездъ изъ Лондона въ Бриссель и изъ Брисселя въ Парижъ.

Безплодный опытъ легко показалъ Лорду, что никакой прибыли не будешь ему, хотя онъ и слѣдуетъ мудрому совету своего родственника. Онъ началъ размышлять снова: явно, что я не могу ни учиться, ни путешествовать; между тѣмъ я не хочу опоздать отъ ученія и вижу еще одно средство: я люблю разговаривать; Парижъ есть средоточіе, гдѣ соединяются люди умные, ученые, путешественники изъ всѣхъ странъ свѣта: стану говорить съ ними, особливо съ путешественниками, стану собирать, какъ пчела, возму себѣ знанія другихъ. Кто много видалъ, радъ рассказывать многое; слушанье не упоминаетъ и обогащаетъ не обѣднивъ никого. Такъ! рѣшено: самъ ничего не буду я дѣлать, а знанія другихъ перейду къ мнѣ легко и удобно.

Лордъ рѣшился и велѣлъ позвать парикмахера той ошени гдѣ жилъ, рассуждая очень справедливо, что люди этого ремесла, по необходимости бѣгая болѣе другихъ, больше видятъ свѣта и больше знаютъ, что дѣлается и говорится въ Парижѣ. Онъ могъ узнать отъ своего парикмахера: гдѣ всего легче найдти въ Парижѣ собраніе людей и предметовъ, копорые возбуждали-бы его любопытство.

Парикмахеръ не заикнулся. «Милордъ, сказалъ онъ, «есть такое мѣсто, гдѣ вдругъ найдете вы все, что въ Парижѣ и въ цѣломъ свѣтѣ есть лучшаго и худшаго, рѣдкаго и обыкновеннаго, важнаго и смѣшнаго, здѣшняго и иностраннаго, словомъ : панораму вселенной. Поселитесь тамъ, милордъ, обѣдайте тамъ, ужинайте тамъ, покупайте больше, и только, если вы играете, то запаситесь хладнокровіемъ и скромностію. Если вы любопытны, тамъ найдете людей еще болѣе васъ любопытныхъ. Тамъ такое мѣсто, гдѣ всего пріятнѣе раскрыть глаза и уши и всего необходимѣе осторожно закрыть ротъ и карманы.»

— А какъ называется это единствен-
ное мѣсто? вскричалъ Лордъ. — *Пале-Рояль!* отвѣчалъ веселый парикмахеръ. «Постойте: вотъ я спою вамъ пѣсенку: вы его лучше узнаете,» и онъ запѣлъ, на голось: *A pied comme à cheval —*

Tout autour d'un jardin

C'est un grand magasin

Où sont restaurateurs,

Agioteurs ;

Frac, pantalons, gilets, spencers,

Polichinelle, ombres, concerts,

Meubles, bonbons, bonnets, cheveux,

Bourse à coulans, bourses à noeuds,

Et frippons tout prêts à s'y glisser

Pour vous en débarrasser.

Grands cafés
Bien chauffés ;
Bals très-bien étoffés ;
Animaux différens et vivans ,
Les uns laids , furieux ,
Les autres gracieux ,
Et d'autant plus à mon goût
Qu'ils ne sont pas cruels du tout.
On y trafique pour sa part
Des effets du tiers et du quart ;
On y sait quand les bons
Ne sont pas bons.
Enfin , sans s'en apercevoir ,
On y perd plus que son avoir ;
On y parle sans rien savoir ,
On y regarde sans rien voir :
Rien au monde enfin n'est égal
A ce fameux Palais-Royal.

Лордъ, восхищенный парикмахеромъ и его пѣсенкой, послѣдовалъ мудрому совѣту, переехалъ въ Пале-Рояль и занялъ обширныя и спокойныя комнаты.

Безконечное разнообразіе людей и предметовъ, безпрестанно предсавлявшихся глазамъ его, такъ, что онъ и не спудился искашь ихъ, заняло его легко и пріятно, и мѣсяца на при позабылъ онъ совершенно, что хотѣлъ все знать и ничего еще не зналъ.

Наконецъ, когда опохопило его опъ удовольствія ходишь по магазинамъ всякаго рода; пробѣгаешь глазами журналы

всѣхъ цвѣтовъ ; бывать у рестораторовъ всѣхъ этажей и всѣхъ цвѣтъ ; удивляться подъ всѣми возможными образами , красотами , крестьянками , гражданками и нимфами разгуливающимъ въ этомъ Европейскомъ гаремѣ ; когда наскучило ему проводить время послѣ обѣда рыдая съ дѣвицею Дюшенуа , шрепеща съ Тальмою , испытывая съ дѣвицею Марсъ опущенія самыя живыя и разнообразныя , смѣясь съ Полишинелемъ , и послѣ всего , вечеромъ пить чай въ богатой залѣ и ѣсть мороженое въ прекрасномъ саду , Лордъ самъ себя опдалъ опчетъ и увидѣлъ , что точно онъ , какъ будто выслушалъ нѣсколько уроковъ Географіи въ косморавѣ , Философіи въ газетахъ , Древней Исторіи въ театрѣ , Новой въ журналахъ , Литтературѣ въ листочкахъ прибавленій и Полишиники въ кофейныхъ домахъ . Но все это было такъ смѣшано и перемѣшано , что въ головѣ его , послѣднимъ выводомъ остался хаосъ нестройный . Основная цѣль была имъ потеряна : путешественники встречались ему рѣдко , появлялись и исчезали въ глазахъ его будто Китайскія тѣни , такъ , что онъ не успѣвалъ ни завести съ ними связнаго разговора , ни заключить какихъ нибудь тѣсныхъ связей .

Уже скука и безнадежность начинали одолевать его , когда завтракая въ рощицѣ , онъ вдругъ увидѣлъ своего парикмахера : не замѣчая Лорда , аршистъ бѣжалъ

въ кофейную Слѣпыихъ. Лордъ кликнулъ его и спросилъ: не знаешь-ли онъ мѣста, гдѣ навѣрное можно-бы найдши собраніе иностранныхъ путешественниковъ позначить шельфе?

«Могу отвѣчать вамъ, милордъ (сказалъ парикмахеръ), «словами писателя, котораго имя дѣлаешь много шума въ Пале-Рояльскихъ галлерейхъ: *вездѣ и нигдѣ*. По всѣмъ мѣстамъ встрѣтите вы путешественниковъ и ни въ какомъ мѣстѣ они не усѣживаются.

«Между тѣмъ, я могу показать вамъ хорошій пансіонъ, гдѣ обѣдаютъ самые опытные знатоки винъ и гдѣ послѣдній скажетъ вамъ: «Я не знатокъ въ винахъ, но по виду отличу Шато-Марго отъ Шато-Лафитъ и Пети-Бургонъ отъ Шамбертенъ;» могу показать вамъ игорный домъ, гдѣ богачу легко раззориться и мирный клубъ шахматной игры, гдѣ умнѣйшіе люди, обходявъ днемъ всѣ музеи и всѣ библіотеки Парижскія, забавляются вечеромъ, молчаливо заспавляя сражаться шаховъ, ферзей, флоты, слоновъ и солдатъ, не распочая ни крови, ни денегъ народа.»

Лордъ записалъ на бумажкѣ нумера мѣстъ, означенныхъ парикмахеромъ. Въ потѣ-же день отправился онъ въ пансіонъ, въ игорный домъ, въ кофейную, и къ величайшему удовольствію нашель наконецъ то, чего шакъ давно искалъ и не находилъ.

и взаимное влеченіе сбдижало ихъ болѣе и болѣе.

Вскорѣ Лордъ, ободренный довѣренностію, какую показывалъ и внушалъ ему новый другъ его, открылся въ своихъ слабостяхъ, въ своихъ противорѣчащихъ наклонностяхъ, нерѣшимости и особенно, въ желаніи, какое было у него прежде и теперь еще иногда есть: путешествовать для наученія.

«Хорошо сдѣлаете,» сказалъ старикъ. «*Кто много видалъ, говоритъ Лафонтенъ, тотъ долженъ многое приобрести.*» Право, сожалѣю, что мои дѣла и привычки не позволяютъ мнѣ вамъ сопутствовать; но мы можемъ испытать, по крайней мѣрѣ хотя мысленно, такую прогулку по свѣту, коюрой въ дѣйствительности я не въ силахъ предпринять съ вами. Немного споронъ на свѣтѣ, которыхъ-бы я не зналъ; всѣ глубоко врѣзаны въ моей старой памяти, и я могу, можетъ быть лучше всякаго другаго, въ путешествіи вашемъ быть вамъ путеводителемъ. Посмотримъ: съ чего начать намъ, съ котораго полушарія? Съверомъ, Востокомъ, Югомъ, или лучше переведемъ сначала въ Америку.»

— Начнемъ государствами Съверной Европы, сказалъ Англичанинъ.

«Скандинавіею? хорошо: это страна, которую Готтъ Юрнандъ называлъ *разсадникомъ теловѣческаго рода.* Здѣсь кузницы, гдѣ выковали молнію, низвергнуто Имъ»

перію Цезарей; отсюда, наконецъ, изъ здѣшнихъ льдовъ вышли всѣ побѣдители Запада и основатели всѣхъ государствъ новой Европы.»

Мы не Исторію теперь пишемъ или какое нибудь путешествіе, и я не буду пересказывать тебѣ подробно всѣхъ длинныхъ, поучительныхъ и любопытныхъ разговоровъ старика, котораго Лордъ Липпльгедъ взялъ въ путешественники своихъ мысленныхъ путешественій. Ты получишь объ нихъ настоящее понятіе, если я скажу тебѣ, что почтенный наставникъ его говорилъ обо всемъ, происшествіяхъ, мѣстахъ, людяхъ, съ такимъ совершеннымъ познаніемъ, какъ будто все было передъ его глазами. Разказы его были картинны, и слушая ихъ не возможно было распознать: самъ-ли онъ видѣлъ все то, о чемъ говорилъ, или это были только плоды его чтенія и разговоровъ съ другими.

Несчастія Королевы Маргериты были первою драмою его повѣствованія; онъ разсказывалъ подробно о покойномъ Королѣ Датскомъ, и даже, описывая его поступки на одномъ балѣ, онъ предрекъ, что эпошъ Король нѣкогда помѣшается въ умѣ.

Волненія Шведскія пришли въ разказѣ къ своему череду. Описавъ всѣ подробности о Королѣ Густавѣ III, и переходя къ другимъ обстоятельствамъ, онъ, какъ будто тѣсно знакомый съ извѣстнымъ Рибингомъ, однимъ изъ заговорщиковъ, разска-

заль Англичанину всѣ анекдоты объ ужасномъ дѣлѣ Рябинга и его товарищей; даже и о той ворожѣ, которая за много лѣтъ прежде просила Густава остерегаться перваго, кто попадетъ ему на встрѣчу въ Стокгольмѣ, одѣтый въ красное платье. Старикъ вспоминалъ, какъ Густавъ встрѣтилъ этого Рябинга, тогда еще молодого придворнаго, вѣтреннаго и безпечнаго, и смѣялся надъ предвѣщаніемъ, по несчастію, такъ вѣрно сбывшимся.

Россію старикъ зналъ также очень хорошо. Можно было сказать, что онъ какъ очевидецъ говоритъ о всѣхъ чудесахъ, произведенныхъ Императрицею Екатериною, и что онъ соупотствовалъ ей въ романическомъ путешествіи ея въ Крымъ; что Княгиня Дашкова показывала ему планъ Академіи, Андрей Шуваловъ читалъ свои Французскіе стихи, а Графъ Строгановъ перелисталъ передъ нимъ всѣ свои рѣдкости.

Безъ упоменія слѣдовало Лордъ за своимъ путеводителемъ въ Камчатку и Сибирь. Ему казалось, что онъ видитъ юнаго Лессепа, въ санкахъ, скачущаго по льду на собакахъ, и какъ собаки его бросаются далеко въ сторону, не смотря на усилія сѣдока, увидѣвши въ споронѣ отъ дороги добычу.

Негостепріимный Китай не избѣжалъ любопытства старика. Пекинъ зналъ онъ, какъ Парижъ, и сохранилъ прекрасный

планъ сей столицы, подаренный ему Графомъ Бушурлинымъ.

Два путешественника наши не замѣщали переправиться на Индійскій полуостровъ. Лордъ узналъ отъ своего путе­водителя всѣ обычаи народа, самаго древняго и самаго миролюбиваго на свѣтѣ.

Старикъ, бывший въ дружбѣ съ двумя Набобами двора Типпо - Саибова, восхищалъ своего ученика, рассказывая ему о религіи Браминовъ и раздѣленіи Индійскихъ кастъ; далъ ему изображеніе, какъ на картинѣ, огромнаго Ягренапскаго пагода, великолѣпныхъ жертвоприношеній, когда Индійцы толпами бросающся и гибнутъ подъ колесами колесницы, на которой возятъ ихъ идоловъ, и шѣхъ погребальныхъ обрядовъ, при коихъ жены, гоповья измѣняютъ мужьямъ при жизни ихъ, сжигаются на кострѣ такихъ людей, которыхъ при жизни и не думали любить.

Ты повѣришь, что Египеть не былъ забытъ. Старикъ утѣшался, рассказывая подвиги Французовъ и трагическую смерть Клебера. Повѣствованіе его было такъ живо, что Англичанинъ невольно хлопалъ отъ восхищенія, когда старикъ показавъ ему Французское войско, остановившееся, восклицающее съ удивленіемъ, при взглядѣ на древнія Фивы, и солдакъ, поднимающихъ на своемъ оружіи, какъ на носилкахъ, ученаго Денона, чтобы онъ могъ удобнѣе срисовать развалины великолѣпнаго города.

Старикъ былъ друженъ съ нѣкоторыми Мамелюками, даже зналъ дочь Розеттскаго банщика, на которой женился Французскій генераль, и онъ умѣлъ рассказать своему ученику все, что касается до Египетскихъ нравовъ.

Персія привлекла потомъ ихъ взоры. Англичанинъ узналъ тамъ феодальную систему, почти забытую на Западѣ. Старикъ хорошо зналъ Асперь - Хана, одного изъ любимцовъ Персидскаго Шаха, отъ котораго ясно понялъ, что если Персія просвѣпится и устроитъ свои войска, она вскорѣ приобрететъ блистательную поверхность надъ Турцією.

Неутомимые въ своихъ мысленныхъ путешествіяхъ, наши друзья вступили въ Турцію и увидѣли въ ней всѣ признаки разрушенія и паденія государства. Старикъ зналъ очень хорошо одного изъ Султанскихъ чиновниковъ, почтеннаго многими знаками довѣренности Султана. Это былъ человекъ мудрый, судя по времени, въ которомъ, и по землѣ, въ которой жилъ. Противъ обычая Музульмановъ, онъ держалъ одну жену и любилъ ее спрочно, также какъ и дочь свою. Музульманинъ эпопъ, къ удивленію старика, доказалъ ему, что Турція не деспотическое государство, какъ обыкновенно думаютъ, но анархическая республика, управляемая улемами, спраннымъ собраніемъ имановъ, кадилескеровъ и агъ, готовыхъ напасть

на Султана, если-бы онъ самъ захопѣлъ взять въ руки Турецкій скиптръ свой, п. е. саблю, или хотя немного разогнашь невѣжесство и фанатизмъ свѣпомъ ума и знаній.

Разговоръ нашихъ друзей о Греціи, сей древней опчизнѣ славы и Музъ, продолжался нѣсколько дней. Лордъ Липпльгедъ, опечаленный зрѣлищемъ тамошнихъ повсюдныхъ развалинъ, съ радостью услышалъ отъ своего почтеннаго пупеводителя всѣ подробности новѣйшихъ подвиговъ Грековъ нашего времени, которые сами, безъ всякой чужой помощи, отбили отъ головъ своихъ кривую саблю Музульмановъ и ушвердили свою независимость.

Желая подтвердить свой рассказъ, спарикъ призывалъ въ свидѣтели Грека, находившагося въ одной съ ними комнапѣ, и случайно эта комнапа была богато убранная зала, въ которой предсѣдательствовала женщина, одѣтая какъ Минерва, съ шлемомъ на головѣ, съ эгидою на рукѣ, съ копьемъ подлѣ кресель, отдававшая горделиво приказъ юнымъ, прелесипнымъ Гречанкамъ, которыя подносили присутствующимъ кофе и шербеть.

Не будемъ слѣдовать за двумя друзьями въ Италію: и что тамъ слушапъ, чего смотрѣть? Пѣніе Доминикановъ, Августиновъ, Феапиновъ, прерываемое изрѣдка гармоническою музыкою, единственнымъ изящнымъ искусствомъ, уцѣлѣв-

шимъ еще въ Ишаліи, раздаешся между развалинами.

Путеводитель Лорда хорошо зналъ Папу и съ почтеніемъ берегъ четки, подаренныя ему симъ первосвященникомъ.

Германія сдѣлалась послѣ того предметомъ ихъ наблюдений, и слѣдуя за своимъ путеводителемъ, Англичанинъ съ досадою долженъ былъ выслушать рассказы о побѣдахъ Французовъ. Впрочемъ, старикъ зналъ Императора Юсифа, Принца Генриха Прусскаго и всѣхъ знаменитыхъ особъ нынѣшняго и прошедшаго вѣка. Знакомый съ многими генералами Французскими и иностранными, старикъ рассказывалъ много такого, о чемъ не говоритъ еще Исторія, но что всѣ знаютъ.

Самъ догадаешься, что послѣ Германіи посѣтили Польшу; прошли по Липовскимъ лѣсамъ; говорили о Станиславѣ Понятовскомъ, котораго старикъ знавалъ въ молодости, и проч. и проч.

Съ удивленіемъ замѣтилъ Лордъ, что всѣ мѣста и долины Швейцаріи извѣстны были старику такъ, что нѣсколько разъ онъ поправлялъ ошибки самихъ Швейцаровъ, рассказывавшихъ о своей родинѣ.

Еще болѣе удивило Лорда познаніе Англіи. Старикъ видалъ Питта и Фокса, говорилъ съ горными Шотландцами объ ихъ нравахъ, пѣсняхъ, кланахъ.

Океанъ не остановилъ путешественниковъ, и старикъ подробно пересказалъ

всю новѣйшую Исторію Соединенныхъ Штатовъ и Южной Америки. Онъ учился съ Франклиномъ, видалъ Монрое и Джефферсона, служилъ съ Лафазпомъ, опъ самого Кондамина слышалъ описаніе Амазонской рѣки, также какъ самъ Бугенвиль разсказывалъ ему объ островахъ Южнаго моря. Наконецъ старикъ самъ видѣлъ то, о чемъ не писалъ ни одинъ путешественникъ: дикарей, съ природною чешуею.

Возвращаясь изъ Америки, двое друзей проплыли мимо печальной скалы, на которой Провидѣніе осудило сына побѣды на казнь Прометееву, и старикъ со вздохомъ описалъ островъ Св. Елены такъ подробно, какъ будто самъ жилъ на немъ. Повернувъ къ Африкѣ, они осмогрѣли дворъ Марокккаго Императора, и познакомились съ Португаліей и Испаніей, узнавъ подробно отъ Секретаря Инквизиціи пайны сего страшнаго судилища, кончили путешествіе Франціею и — очутились спокойно въ залъ кофейной *Тысячи колоннъ*, очень похожей на волшебную залу Тысячи одной ночи. Въ восторгъ Лордъ Липшльгедъ обнялъ своего путешественника и благодарилъ его за путешествіе, столь непродолжительное, легкое и поучительное.

Всѣ разговоры оставляли однакожь въ любопытствующемъ умѣ Лорда какую-то пустоту, которую онъ старался поскорѣе наполнить. «Любезный наставникъ мой» (сказалъ онъ старому товарищу своихъ

путешествій)! множество предметовъ узналъ я . оцъ васъ ; не знаю еще одного , и вы оставляете меня въ этомъ случаѣ сущимъ невѣждою . Вы рассказали мнѣ исторію безчисленнаго множества людей и земель ; но я до сихъ поръ не знаю еще ни исторіи вашей , ни даже имени вашего . Сдѣлайте одолженіе , расскажите мнѣ все то , что касается до васъ лично . Слушая рассказы ваши , много разъ хотѣлъ я почестъ васъ , не Минервой , потому что Телемакъ вашъ не стоилъ бы такой чести , но бродящимъ Жидомъ , или къмъ нибудь изъ его семейства .»

— Бродящимъ Жидомъ ! сказалъ смѣясь старикъ . Вы тотчасъ увидите , что между имъ и мною нѣтъ ничего общаго . Жизнь моя , правда , была чрезвычайно разнообразна , безпокойна , исполнена приключеній всѣхъ родовъ ; но какъ она не имѣетъ ничего таинственнаго , я говорю , потому что вы этого хотите , расскажите вамъ ее въ короткихъ словахъ . Изъ нее узнаете вы только , что въ ограниченномъ кругѣ моего существованія испыталъ я всѣ превращенія счастія , и непрерывно тревожимый судьбою , видѣлъ себя , можетъ быть болѣе нежели кто нибудь другой , игрушкою и жертвою страстей , собственныхъ и чужихъ .

Предки мои , Милордъ , всегда жили въ Парижѣ , въ пикой безвѣспности , изъ которой , кажется , и не нужно извлекать

ихъ, чтобы не надѣдать вамъ безъ всякой надобности. Мой отецъ былъ, можетъ быть, первый изъ нихъ, заставившій другихъ говорить о себѣ. Прихотливое счастье улыбнулось ему, и въ то время, когда чужеземецъ, Шотландецъ Ла, явился во Франціи съ волшебнымъ прутникомъ своимъ, обращать бѣдныхъ въ богачей и богачей въ бѣдныхъ, отецъ мой, небогатый купецъ Парижскій, вымѣнялъ множество банковыхъ билетовъ, торговалъ ими ловко, и играя, то повышеніемъ, то пониженіемъ ассигнацій, въ короткое время сдѣлался значительнымъ богачомъ.

Онъ перемѣнилъ званіе и обычаи, перемѣнилъ и имя Лона въ Дюперрона, купилъ большой домъ подлѣ Пале-Рояльскаго сада, а мое рожденіе умножило его счастье. О дѣйствіи моемъ сказать вамъ нѣчего; развѣ то можетъ быть занимательно для васъ, что между всѣми моими сверстниками не было ни одного, который-бы показывалъ въ одно время болѣе моего живости, любопытства и — лѣности.

Разница между мной и вами, что вашъ отецъ, черезъ-чуръ снисходительный, поощрявалъ вашей лѣности, а мой, напротивъ, слишкомъ строгій, принуждалъ меня постоянно и вполне заучивать всѣ мои уроки.

Латинскій и Греческій языки, Исторія, Философія, Θεологія, Литтературы древнія и новыя, Математика, Физика, все,

по неволѣ, долженъ былъ я приглашать, и по странному жребію, мнѣ, какъ нарочно, попадались учителя, которыми не довольно было получить билетъ, но непременно хотѣлось успокоить и совѣсть свою.

Надававши мнѣ всѣхъ необходимыхъ уроковъ въ панцованьѣ, музыкѣ, фехтованьѣ, искусствахъ пріятныхъ и полезныхъ, которыя, мимоходомъ сказать, часто разспроиваютъ все что важныя науки устроили, меня заставили прослушать полный курсъ Химіи у аптекаря Ключезя, Анатоміи въ кабинетѣ Бертрана и провесъ цѣлый годъ изучая антикварски разныя медали въ кабинетѣ одного Князя, и списывая нѣкоторыя картины его богатой галлерей.

Видите, какъ гнали мою бѣдняжку лѣдность; мнѣ позволяли, къ сожалѣнію моему, только одно: небольшія прогулки. Времени у меня не было и прогулка часто ограничивалась бѣганьемъ съ лекціи на лекціи, куда прилежно гоняла меня нѣжность родительская.

Семнадцать лѣтъ было мнѣ, когда мать моя скончалась; отецъ мой промедлилъ послѣ нее немного и я остался такимъ образомъ, въ возрастѣ самомъ опасномъ для человѣческой мудрости, совершеннымъ господиномъ моего времени и имѣнія.

Вы легко поймете, что начало моей вольности было окончаніемъ моего ученія. Я проходилъ еще и послѣ того курсы, но признаюсь, что это были курсы забавъ, любви, игры, распочительности и шалостей. Превращеніе состоянія отца моего не произошло встарину такъ быспро, какъ теперь превращеніе моего состоянія. Тотчасъ, профессоровъ смѣнили у меня респорашёры, банкомёшы, училили Эпикуровыхъ наслажденій и прелестныя нимфы, отъ копорыхъ скорѣ могъ я надѣяться благосклоннаго привѣта, нежели отъ угрюмыхъ Музъ.

Новыя упражненія не были шягоспны моей лѣвности. Кто молодъ и богатъ, къ тому забавы сами бѣгупъ полною на вспрѣчу, не оставляя ему заботы даже и пожеласть ихъ. Къ несчастію, начиная новую жизнь свою, я взялъ въ пушеводилели челоуѣка столь-же извѣстнаго умомъ, сколько и приключеніями своей жизни, словомъ: знаменишаго Сень-Фуа. Благодаря его примѣрамъ и совѣтамъ, скоро прибавилъ я къ врожденнымъ слабостямъ моимъ еще новыя: сдѣлался забіякой, шалуномъ, закулиснымъ героемъ. Самыя смѣшныя приключенія вспрѣчались съ нами при нашихъ тогдашнихъ шалостяхъ. Расскажу вамъ два изъ нихъ.

Однажды, мы оба, я и наспавникъ мой, сидѣли въ кофейной и онъ далъ мнѣ замѣшпиль недалеко отъ насъ сидѣвшаго

незнакомца, высокаго, сухощаваго, хладнокровнаго, который мало, по видимому, занимался своею чашкою кофе, бывшею передъ нимъ на столикъ, а только со вниманіемъ оглядывалъ всѣхъ присутствовавшихъ. Можно было видѣть, что его уши столько-же были заняты прислушиваніемъ, сколько глаза смотрѣніемъ. Разглядѣвши чудака, я не могъ не засмѣяться; но вдругъ увидѣлъ на столикъ газету. Она отвлекла мое вниманіе; беру ее и читаю вслухъ, что какой-то огромный великанъ и съ нимъ карло, необыкновенно малаго роста, приѣхали въ Парижъ.

Едва произнесъ я слово: *приѣхали*, незнакомый чудакъ, съ важнымъ видомъ началъ повторять: *я приѣхалъ, ты приѣхалъ, онъ приѣхалъ, мы приѣхали, вы приѣхали, они приѣхали.*

Изумленный сими словами, приближаюсь къ его столу и спрашиваю: не мнѣ-ли *говоритъ* онъ? Чудакъ, съ прежнею важностію, начинаетъ: *я говорю, ты говоришь, онъ говоритъ, мы говорили, вы говорите, они говорятъ.*

Развѣ вы думаете, вскричалъ я, что можете такъ дерзко смѣяться надо мною? *Я смѣюсь*, отвѣчалъ неподвижный чудакъ, *ты смѣешься, онъ смѣется, мы смѣемся, вы смѣетесь, они смѣются.*

Это слишкомъ! вскричалъ я. Немедленно пойдемъ-те со мною! Чудакъ хладнокровно вспаешъ и отвѣчаешъ: *я пойду, ты*

пойдешь, онъ пойдетъ, мы пойдёмъ, вы пойдете, они пойдутъ.

Ничего не говори болѣе; мы идемъ вонъ; Сень-Фуа слѣдуетъ за нами и смѣется. Въ неперпѣннѣ, и не хотѣвъ идти далеко и въ первой уединенной аллеѣ остановивъ моего страннаго соперника; сказалъ ему: — Вернитесь за вашу шпагу; вы должны драться! — Спокойно вытащилъ онъ изъ ноженъ длинную шпагу свою, повторяя: *Я дерусь, ты дерешься, онъ дерется, мы деремся, вы деретесь, они дерутся.*

Сраженіе было неравно. Чудакъ бился искусно и хладнокровно; онъ ранилъ меня въ руку; Сень-Фуа старался развеселить насъ; я не простывился. Довольны-ли вы, М. Г.? спросилъ я чудака. *Я доволенъ, ты доволенъ, онъ доволенъ, мы довольны, вы довольны, они довольны,* проговорилъ онъ, вбавляя свою шпагу въ ножны. Потомъ съ важною учинивостью онъ предложилъ проводить меня до моего жилища.

Очень радъ, сказалъ я съ досадою, если только вамъ угодно будетъ прекратить скучную шутку вашу и оказать, что васъ понудило такъ спраннымъ смѣяться надо мною.

Охотно, отвѣчалъ незнакомецъ дурнымъ Французскимъ языкомъ. Я Голландецъ, хочу узнать получше вашъ языкъ и боюсь грамматикки. Чшобы въ мою грубую память впереть насильно вокабулы, учишель совѣщавалъ мнѣ склонять и спра-

гать все тѣ слова, которыя встрѣшались мнѣ въ разговорѣ.

Вы повѣрите, что гнѣвъ мой прошелъ и замѣнился стыдомъ, что единственно отъ моей въпренности началъ я споръ съ этимъ чудакомъ и награжденъ былъ отъ него порядочною ранюю.

Въ другой разъ, прогуливаясь по садовой аллеѣ, я увидѣлъ молодого щеголя. Онъ прошелъ мимо меня, присвистывалъ и, казалось, гордился своими преимуществами. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, съ нимъ встрѣчается пожилой человекъ, съ сердцемъ глядитъ на него и даетъ ему пощечину. Молодой человекъ, нисколько не оскорбляясь, погладилъ свою щеку и спокойно продолжалъ прогулку.

Трусость его оскорбила меня. Бѣгу за нимъ и поравнявшись съ нимъ, говорю громко: — Вашъ молодой человекъ удивительно миролюбивый! — Онъ взглянулъ на меня съ пренебреженіемъ и не отвѣчалъ ни слова. Въ другой разъ нарочно встрѣчаюсь съ нимъ и упорно настаю въ моемъ преслѣдованіи, говорю еще громче: у этого человека долженъ быть снѣгъ вмѣстѣ крови.

Вдругъ мнимый трусъ этотъ останавливается, смотритъ на меня горделиво и даетъ знакъ слѣдовать за нимъ. Случайно мы приходимъ въ ту же аллею, гдѣ получилъ я урокъ отъ спрягателя глаголовъ. Новый учитель мой не шерлеетъ времени на

разговоры и обнажаетъ шпагу ; я слышу его примѣру, мы бьемся, и я былъ опять жестоко раненъ.

Видя меня раненымъ, противникъ мой великодушно проситъ меня прекратить битву. Готовъ, отвѣчаю я, но съдѣлайте одолженіе, изъясните мнѣ, какимъ образомъ вы такъ горячо вступились за вздорную шутку мою и такъ терпѣливо перенесли нестерпимую обиду отъ сшарика.

М. Г.! сказала мой противникъ съ усмѣшкою, человекъ, давшій мнѣ пощечину — *отецъ мой!* — Я оспался приспыженнымъ и кое-какъ пошацился домой, клянясь, что впередъ такъ безразсудно не буду вмѣшиваться въ дѣла чужія.

Исправленный и опущенный такимъ образомъ нѣсколькими ударами шпаги, я вдругъ перешелъ въ другія общества и къ другимъ наклонностямъ. Любимица одной знаменитой Принцессы, нѣкогда знавшая моего отца, позвала меня къ себѣ, чрезвычайно обласкала меня, и вдругъ въ душѣ моей вспыхнули двѣ страсти, отъ коихъ всего легче повернуться головѣ молодого человека: любовь и слава!

Новой путеводитель мой, женщина почтенная, достигнувшая среднихъ лѣтъ между юностью и зрѣлостью, счастливаго времени жизни, въ которое женщина бываетъ любезнѣе всѣхъ другихъ возрастовъ, еще сохраняя средства нравиться

и присоединяя къ прелестямъ юнаго возраста прелесть ума опытнаго и просвѣщеннаго.

У нее былъ я въ мѣрѣ совершенно для меня новомъ. Къ ней собирался лучшій свѣтъ придворный, самое щегольское юношество и самыя ученые люди. Я узналъ обычаи, обращеніе и вѣжливость этого отборнаго общества, которое, можетъ быть, слишкомъ горделиво, но не совсемъ безъ причины, называло себя *хорошимъ кругомъ*.

Тань, какъ въ волшебной картинѣ, мелькало здѣсь предо мною, одинъ за другимъ, множество людей самыхъ замѣчательныхъ изъ Парижа, Франціи и всей Европы. Ласковость моею покровительницы заставила Принца обласкать меня и я получилъ мѣсто въ его канцеляріи.

Мало такихъ людей, которые не дурбюютъ, когда счастье слишкомъ скоро ихъ возвышаетъ. Не умѣе другихъ, я не долго ждалъ времени заблужденія и одурѣлъ съ первыхъ шаговъ по скользкой дорогѣ честолюбія.

Приписывая моимъ достоинствамъ то, чѣмъ одолженъ былъ я случаю, горделиво подумалъ я, что заставилъ влюбиться въ себя женщину, открывшую мнѣ дорогу къ значности, и дерзко осмѣлился объявить любовь мою; это безъ сомнѣнія показалось ей смѣшно. Холодное презрѣніе весьма неприятнымъ образомъ дало мнѣ знать, что

некспати принята мною роль любовника, легко лишишь меня роли покровительства; но изъ всѣхъ справедливостей самая рѣдкая та, которую отдають самому себѣ; я удалился съ досадою, и моя признательность обратилась въ неблагодарность.

Молодая женщина, характера совсѣмъ противоположнаго характеру моей благодѣтельницы, завидующая мнѣ достоинствомъ, которой принуждена была уважать, замѣтила мою досаду, заманила меня въ свои сѣти и увлекла въ свои умыслы. Она была красива, въпрена, прихотлива, честолюбива, и не безъ причины не нравилась Принцессѣ, потому что слишкомъ нравилась Принцу.

Опутанный цвѣточными цѣпями, я легко допустилъ вести себя куда угодно. Должность, какую новая побѣдительница назначила мнѣ, болѣе была дѣятельна, нежели почетна: мнѣ приказано было все видѣть, все слышать, все переносить ей и мнѣ давать средства забавлять Принца на счетъ другихъ тысячами анекдотовъ, болѣе или менѣ колкихъ и соблазнительныхъ.

Мои услуги скоро получили награду, какой онѣ стоили. Нѣсколько почтенныхъ особъ, справедливо оскорбленныхъ моими сплетнями, пожаловались Принцу. Жаркая сцена съ молодою инприганкою была свидѣтельствомъ жалобы. Ей угодно было все сва-

лить на меня; меня выгнали изъ службы и запретили мнѣ являться ко двору Принца.

И такъ, при самомъ началѣ, я придворный въ немилости, взбѣшенъ, какъ описавной министръ и — съ досады философъ: участь многихъ мужчинъ, такъ какъ участь многихъ кокетокъ, подь спароспъ бысть лицемѣрками.

Я говорилъ-бы вамъ о перебитыхъ предметахъ, если бы рассказывалъ о великомъ множествѣ друзей, которыхъ мои успѣхи привлекли ко мнѣ, а немилость Принца опогнала совершенно. Въ это время новыя связи были мною сдѣланы. Я бросился въ общество молодыхъ литераторовъ того времени и вступилъ въ ряды горячихъ головъ, сражавшихся за правила ума противъ предрасудковъ, за дѣйствительныя права противъ привилегій и проч. и проч. Я имѣлъ честь видѣть, какъ аплодировали моимъ куплетамъ и моимъ памфлетамъ въ клубахъ, въ театрахъ, въ кофейныхъ.

Мѣлкія переспрѣлки наши исчезли въ бурѣ революціи. Я перемѣнился снова: началъ писать *патріотическія* пѣсни, одѣлся въ мундиръ, взялъ ружье и водилъ народныя толпы къ дверямъ тѣхъ самыхъ домовъ, внутри коихъ прежде изгибался, мечтая о славѣ и почестяхъ и гдѣ послѣ видѣлъ всѣ мечты свои исчезнувшими, какъ сонъ.

Мнѣ хотѣлось поспупать на поприщѣ революціи *благоразумнѣе*, нежели какъ

поступалъ я прежде въ извѣстныхъ и темныхъ переходахъ придворной жизни. Меня наградили званіемъ офицера; но видно жребій мой былъ таковъ, что новыя связи всегда увлекали меня въ бѣду. Я попалъ въ друзья двухъ шалуновъ особаго рода. Одинъ изъ нихъ, послѣ одѣлавшійся извѣстнымъ по своему революціонному неистовству, заставилъ меня участвовать въ своемъ Журналь; другой ввелъ меня въ клубъ равенства, гдѣ все кричали, сами себя не понимая.

По ихъ слѣдамъ я рѣшился быть издателемъ журнала: *Желѣзный ротъ* было его названіе; но за правила и за статьи, въ немъ помѣщенные, лучше-бы было назвать его *Адскимъ ротомъ*. И что скажете вамъ? Мы столько кричали, что наконецъ и революціонное правительство рѣшилось заставить насъ молчать. Мы бѣжали, спрятались; не буду описывать вамъ, какимъ образомъ, при возстановленіи порядка, едва могъ я избавиться отъ путешествія въ Кайенну.

Все это опучило меня отъ политическаго честолюбія. Мнѣ оставалось думать только объ одномъ: о литературныхъ пальмахъ. Увы! напрасно думалъ я срывать ихъ! Два паденія на театрѣ разрушили все мои надежды, и я долженъ былъ отказать отъ литературы, хотя и утѣшалъ себя, что паденія мои были

дѣйствию не недоспапка моихъ дарованій, но жестокаго заговора.

Я забылъ сказать вамъ, что во время революціи я женился на молодой прелестной дѣвушкѣ; но революціонная женитьба моя была мнѣ несчастливѣе политики, Обобранный моею милою подругою, обманутый мужчинами, осмѣянный женщинами, жертва всѣхъ партій, я надѣялся за жарточнымъ столомъ быть счастливѣе, нежели въ политикѣ и любви. Связи мои начались и здѣсь очень счастливо, но прекрасный опцовскій домъ, деньги мои, вещи, все распаяло на зеленомъ сукнѣ, гдѣ столько богатствъ перешапливается въ слезы и преступленія. Счастливый тѣмъ, что сберегъ свою честь и совѣсть, я нашелъ за дверьми игорнаго дома свой разсудокъ, и сдѣлавшись бѣденъ, сдѣлался уменъ и опытенъ. Богъ знаетъ, лучше ли было-бы, когда-бы игра обогатила меня!

Объднявши совершенно, я философствовалъ нѣсколько времени на чердакѣ. Вдругъ старая тетка моя умерла въ это время и оставила мнѣ тысячу экю дохода. Живо почувствовалъ я свое счастье, достигнувъ этой *златой посредственности*, какъ говаривали древніе. Я рѣшился болѣе не испытывать бурь жизни, споялъ на лкорѣ въ тихой гавани моей, и поселился въ смиренномъ убѣжищѣ, гдѣ вы не одинъ разъ меня посѣщали. Съ тѣхъ поръ дни мои текутъ пошухоньку; я ограничиваю

ревъ мой неинтересныя забавы прогулкою въ прекрасномъ саду, чтеніемъ журналовъ и новыхъ книгъ, какія нахожу въ кабинетахъ чтенія, не скучаю бесѣдою за общимъ столомъ гостиницы, гдѣ обѣдаю, и кончаю дни въ невинныхъ сраженіяхъ шахматами, при чемъ мы проигрываемъ только время, а не деньги и не душевное спокойствіе. И такъ, въроятно, кончу я, любезный Милордъ, жизнь, которая всегда покура была на безсвязный сонъ.

Уфъ! мой милый другъ (вскричала Лордъ Липшльгедъ)! Эта исторія, или лучше сказать, это сновидѣніе упомянуто меня, напугало, точно такъ, какъ будто самъ я перенесъ все, что съ вами случилось: бѣдная лѣнь моя спускала. Ни слова объ опасностяхъ: ихъ перенесъ-бы я; но, Боже мой! сколько путешествій, сколько поѣздокъ надобно было вамъ сдѣлать! Душа, всегда обуреваемая спрастями, не давала ни минуты спокойствія вашему плъму и я устала слѣдуя за вами, даже въ мысляхъ.

О какихъ поѣздкахъ и путешествіяхъ вы говорите? ошлвчалъ спарикъ. Или вы думаете, что я еще васъ лѣннвѣе?

Трудно доказать это, сказала Лордъ Липшльгедъ.

Очень легко, возразилъ спарикъ, и вотъ самое очевидное доказательство: какъ вы тихо перемѣняете вы мѣста своего пребыванія, но успѣли уже изъ

Лондона переѣхать въ Парижъ, а я во всю жизнь мою ни однажды не вышелъ изъ Пале - Рояля.

Год-деми! вскричалъ Лордъ съ изумленіемъ, развѣ шупишь вздумалось вамъ надо мною, и развѣ забыли вы, какое ученое путешествіе съ вами ездаль я по всему свѣту ?

Я, вѣжешся, говорилъ уже вамъ, Милордъ, что опцу моему удалось на нѣсколько времени переупрямить мою лѣзность, и что я принужденъ былъ порядочно учиться. Не выходя изъ Пале Рояля, довольно найдемъ книжныхъ лавокъ и библиотекъ и можемъ узнать въ нихъ все, что дѣлалось отъ сотворенія міра до нашихъ временъ, въ каждой сторонѣ свѣта.

Согласенъ; но не своими-ли глазами видѣли вы прелестныя долины Швейцаріи, пагодъ Ягренапскій и островъ Св. Елены, видѣли. . .

Въ косморамѣ, Милордъ, а Швейцарію въ превосходной рельефной модели. Если угодно, вы можете сами наглядѣться на все это.

Прекрасно! вскричалъ Лордъ. Но всѣ эти знаменитые люди, изъ всѣхъ частей свѣта, съ которыми вы разговаривали, не уже-ли они приходили посѣщать васъ въ Пале-Рояль ?

О! нѣтъ, Милордъ! не меня, но я легко все вамъ располкую. Въ Пале - Рояльскомъ дворцѣ Орлеанскаго Герцога видѣлъ я Короля Датскаго, а у моей благодѣтель-

лицы, почешной дамы Герцогининой, я слышала как Густавъ III разсказывала всѣ подробности Шведскихъ смятеній; тамъ-же видѣла я Княгиню Дашкову, Графа Шувалова, Барона Спрогонова и говорилъ съ ними; тамъ-же я Лессепсъ разсказывала мнѣ о своемъ путешествіи по Сибири. Теперь не нужно вамъ говорить и вы легко сами поймете, что въ разное время, въ Пале-Рояль-же, я видѣла по слову Типпо-Саиба, ученаго Денона, Египтянку, супругу Генерала Мену, посланниковъ Турціи, Персіи и Марокко, Папу и всѣхъ знаменитыхъ людей, о которыхъ говорилъ я вамъ. Славные Американцы, Испанцы, Португальцы бывали въ Парижѣ, следовательно и въ Пале-Рояль. Если вамъ угодно, я покажу вамъ хоть сей часъ Секретаря святой Инквизиціи, Лоренста, и онъ самъ разскажетъ вамъ все, что говорилъ я о шайнахъ сего страшнаго судилища.

А дикіе, покрытые чешуею ?

О! за нѣсколько лѣтъ, заплачивъ одинъ эю, вы увидѣли-бы сами здѣсь это произведеніе природы или шарлапанства !

Но если всѣ чудеса, все что слышала я ошъ васъ удивительнаго о всѣхъ справахъ свѣща, если все это видѣли, слышали или читали вы въ Пале-Рояль, какъ могли случиться съ вами всѣ происшествія вашей жизни, когда вы изъ него не выходили ?

Очень естественно и легко. Вошь память была домъ моего отца; здѣсь была школа, гдѣ я учился; вонъ гдѣ въ саду гулялъ я ребенкомъ. Въ Пале-Рояль жилъ Принцъ Орлеанскій; здѣсь были потомъ казармы гвардіи народной, трибуналы, суды, клубы, собранія, и все безчисленное множество учреждений и заведеній всѣхъ родовъ были, суть и будутъ въ стѣнахъ Пале-Рояля. Живите только здѣсь, и каждый день вы болѣе и болѣе будете утверждаться, что самое жадное любопытство тщетно искало-бы повсюду въ другомъ мѣстѣ того, что здѣсь можетъ встрѣтиться ему на каждомъ шагу. Не удивляйтесь: Европа есть столица міра, Франція Европы, Парижъ Франція, а Пале-Рояль Парижа.

Тутъ восхищенный Лордъ Липшльгедъ убѣдился наконецъ, что онъ можетъ помирить лѣнь свою съ желаніемъ все знать, не читая и не путешествуя. Онъ обнялъ своего друга, поклялся никогда не выѣзжать изъ Пале-Рояля и, вѣроятно, и теперь еще живетъ тамъ.

(Сог. Сегюра.)

II. С М Ъ С Ъ.

Журналистика.

Нѣтъ счастья ни литературѣ нашей, ни литераторамъ нашимъ, за границею. То молчатъ о нихъ, какъ о мертвыхъ, или и того хуже клеплютъ на нихъ, какъ на мертвыхъ. Въ переводахъ съ Русскаго не узнаешь подлинника; въ біографическихъ и бібліографическихъ извѣстіяхъ о Рускихъ переверкайы имена и содержаніе. Во *Всеобщемъ Журналѣ Литтературы иностранной* (*Journal général de la littérature étrangère*), въ Февраль мѣсяцѣ, 1827 года, о *Наукѣ стихотворства*, Поэмъ Дидактической Депрео, переведенной Графомъ Хвостовымъ, объявлено — гдѣ-бы вы думали? въ отдѣленіи романовъ!! Надобно быть журнальнымъ сыщикомъ, чтобы отыскать такую диковинку. На вѣсть Переводчика, я отомстил-бы Французскому въпрямую, напечатавъ другое изданіе перевода подъ названіемъ: *Депрео вывороченный на изнанку*. Тогда пускай помѣшиль-бы онъ *l'Art poétique* въ отдѣленіе: *poèmes burlesques*.

Кормтій (*le Pilote, journal politique et militaire*) объя на мѣль, 14 Іюня, 1827 года, и объявляетъ подписчикамъ своимъ, что онъ прекращается, обѣщая возвратитъ деньги, за нимъ оставшіяся. Хорошо подписчикамъ Французскимъ, но, кажется, намъ заграничнымъ пиши пропало. Впрочемъ, и съ полученіемъ газетны деньги все были пропадія. Для

Французскаго періодическаго листа, Кормчій былъ замѣчательно пощъ и ничтоженъ. Сперва былъ онъ издаваемъ *Тиссотомъ и Кассано* (Tissot et Cassano) и тогда былъ онъ однимъ изъ лучшихъ журналовъ: Тиссопъ, Липперашоръ доспойный уваженія, извѣстный переводами своими классическихъ поэшовъ и образомъ мыслей просвѣщеннымъ и благороднымъ, одинъ изъ основателей Французской Минервы и Газеты *Конституціонный*, давалъ Кормчему направление хорошее; но когда министерство начало покупать журналы независимые, товарищъ Тиссопа согласился на сдѣлку и остался одинъ редакторомъ. Въ первые дни по совершеніи купчей выходило два Кормчихъ: *Кормчій*, Кассано, и *Кормчій*, Тиссопъ. Но полиція вмѣшалась въ эпопъ журнальный дуализмъ и проданный выжилъ неподкупнаго. Во время журнальных сдѣлокъ, въ 1824 году, вышла въ Парижъ довольно забавная книжка: *Чрезвычайное собраніе журналовъ или разговоръ мертвыхъ и умирающихъ*. Тутъ содержится исповѣдь всѣхъ періодическихъ изданій Французскихъ. Мало въ нихъ совершенно безгрѣшныхъ. Во Франціи министерство почитаетъ журналы державами: заключаетъ съ ними договоры, плашитъ имъ *субсиды* за вспомогательство, и проч. Видно Кормчій былъ плохой союзникъ и не стоилъ жалованья. Впрочемъ, возстановленіе цензуры для періодическихъ изданій во Франціи, прекратило на время потребностей въ подобныхъ иверджахъ.

Постановленіе 24 Іюня нынѣшняго года о возстановленіи во Франціи цензуры на періодическія изданія, раздалось въ Журналъ Преній, какъ труба

полуночная, которая въ публичныхъ маскарадахъ объявляетъ о послѣднемъ издыханіи масляницы. Люди еще ходятъ по залѣ, но уже не оживлены они громомъ оркестра потѣшнаго; Журналы еще движущаяся, но уже нѣтъ музыки, которая была такъ потѣшна для чувствительныхъ ушей. Шумный міръ живыхъ смѣненъ тихимъ міромъ тѣней. Это постановленіе, въ силу законовъ 31 Марта 1820 г. и 25 Іюля 1821 г. можетъ быти двѣснительно только въ промежутки времени, между закрытіемъ и открытіемъ Палаты, и мѣсяць спустя послѣ начала засѣданій, если въ теченіи этого мѣсяца не обратится оно въ законъ согласіемъ обѣихъ Палатъ.

Въ выдержкахъ изъ записной книжки (Телеграфъ No 6, 1827), напрасно обиженъ Французскій Спихотворецъ Лебланъ и обогащенъ, ему въ вкладъ, спихомъ его:

Crois tu d'un tel forfait Manco-Caras sarable.

Лемьеръ, и такъ уже богатый подобными спихами. Ксшаши о выдержкахъ! Сколько уже было намековъ въ разныхъ журналахъ на выдержки. Это слово обратилось въ поживку нѣкоторымъ безсловнымъ словесникамъ нашимъ. Томимые голодомъ мыслей и словъ, они кидаются на каждое новое выраженіе, брошенное передъ ними, перебьютъ его и обгрызаютъ съ алчностью: наздоровье!

Журнальный сыщикъ.

*Мыслия Англійскихъ рецензентовъ
объ Исторіи Наполеона, сочиненной
В. Скоттомъ.*

Едва-ли когда нибудь ждали такъ повсемѣстно и съ такимъ любопытствомъ появленія книги, какъ ожидали болѣе года Исторіи Наполеона, сочиняемой В. Скоштомъ. Всесвѣтная слава Сочинителя, его дарованія, предметъ сочиненія, все возбуждало великія надежды, и вѣроятно, отъ Лондова до Москвы и отъ Эдмбургга до Колумбіи, изъ десяти литературныхъ разговоровъ одинъ посвящаемъ былъ разсужденіямъ о томъ, что и каково напишетъ В. Скоштъ. Теперь, только намъ Рускимъ оспались еще ожиданіе и нерѣшительность. Исторія Наполеона напечатана и продается въ Лондонѣ; во Франціи и Германіи, вѣроятно, успѣли уже ее перепечатать и перевести. Лондонская публика такъ жадно раскупала книгу, что въ одинъ день продано ее — 5000 экземпляровъ.

Трудъ Сочинителя *вещественно* награжденъ. Не знаемъ, и не можемъ сказать, не читавши его книги, какова будетъ *не-вещественная* награда. Излишнимъ почитаемъ предупреждать нашихъ читателей догадками, и передаемъ только извѣстные уже намъ ошзывы соотечественниковъ В. Скошта. Трудно повѣришь, что-бы кто нибудь изъ Англійскихъ журналистовъ, не смотря на прилежность ихъ, успѣлъ уже прочитать внимательно и обсудить на досугъ огромное твореніе В. Скошта, и всѣ сіи ошзывы, вѣроятно, есть слѣдствіе перваго впечатлѣнія.

Намъ кажется, что *первое впечатлѣніе* невыгодно для В. Скопша. The Courier говоритъ, что новое сочиненіе не увеличиваетъ славы Сочинителя, ничего не прибавляетъ къ историческимъ свидѣніямъ объ эпохѣ, имъ описываемой, и что В. Скопшъ не умѣлъ изложить хорошо и того, что было уже извѣстно. Мы нашли болѣе подробное Библиографическое извѣстіе въ другой Англійской газетѣ, The Englishman (Лондонъ, Іюля 1827 г. No 1257) и переводимъ его для нашихъ читателей.

Сирь Валшеръ Скопшъ наконецъ издалъ давно обѣщанное имъ Жизнеописаніе Императора Наполеона, въ *девяти* томахъ, которые составляютъ всего 3940 стр. in 8. Величіе предмета и слава В. Скопша, возбудили надежды, споль живыя, что при первомъ появленіи своемъ новое сочиненіе В. Скопша не можетъ бытъ хладнокровно критиковано и почто обсужено. Наши надежды удовлетворены имъ вполне, ибо онъ не просширался далеко. Смѣшно было предпологать, что-бы человекъ, подобно В. Скопшу, имѣющій сполько частныхъ предубѣжденій и политическихъ предрасудковъ, могъ безпристрастно взвѣсить на своихъ вѣсахъ могущественный геній Наполеона, или чшобы писатель, котораго преимущественная способность есть воображеніе, а слогъ отличаетъя чрезвычайною растяжимельностію, могъ бытъ историкомъ періода исполненнаго событіями и достопамятнѣйшаго, какой только представляетъ Исторія. Два первые тома книги В. Скопша можно назватъ болѣе изображеніемъ Французской революціи, соспавленнымъ (шакъ какъ жизнь Писша, изданная Епископомъ Томлиномъ) изъ листовъ *Утренняяго временника* (The Morning Chronicle) и

другихъ повременныхъ извѣстій. Гдѣ разсужденія В. Скопша справедливы, тамъ, по нашему мнѣнію, они не весьма глубокомысленны, а гдѣ хочешь онъ бытъ ученымъ, тамъ мы находимъ мало основательности и оригинальности. Очерки или изображенія характеровъ оставляють чашателя въ недоумѣніи: какъ такіе люди, какими В. Скопшъ представляетъ вождей революціи, могли произвести столь великія послѣдствія. Исторія юности Наполеоновой извлечена Авторомъ изъ Записокъ военнаго чиновника, бывшаго любимымъ адъютантомъ у одного изъ Наполеоновыхъ братьевъ, но почти все, кромѣ немногихъ анекдотовъ, давно уже было извѣстно публикѣ. Девятый томъ содержитъ въ себѣ започеніе Наполеона на островѣ Св. Елены, и въ описаніи сего започенія нѣкоторыя эпизоды и замѣчанія В. Скопша могутъ возбудить улыбку. Мы предполагаемъ въ слѣдующихъ листахъ нашей газеты представить чашателямъ *критическій разборъ сочиненія*, а между тѣмъ боимся, что едва-ли оно не есть новое доказательство справедливости старинной пословицы: *Non omnia rosa sunt omnes.* —

Разборъ, который обѣщаетъ Англійскій Журналистъ, будетъ немедленно по полученіи его въ Москвѣ переведенъ и помѣщенъ въ Телеграфъ.

F. —

П а р и ж с к і я м о д ы (*).

On ne porte presque plus de croix à la *Jeanette*. Nos merveilleuses suspendent un coeur en or à une grosse chaîne d'or.

Les robes de promenade sont tout aussi écourtées que les robes de bal de l'hiver dernier ; et l'on ne peut rien imaginer de plus ample que le haut des manches, soit de robes, soit de canezous.

Il est rare qu'un chapeau ait une bride non coupée. Les merveilleuses laissent flotter les deux bouts de ce ruban sur les épaules.

On ne saurait imaginer quelle quantité énorme de rubans est nécessaire pour garnir un chapeau. Chaque boucle en prend une demi aune.

On commence à doubler la passe des chapeaux de paille de riz. Cette doublure est du crêpe crêpé, rose, jaune, ou cerise, selon les plumes ou les fleurs qui composent leur garniture.

Les cot-palis les plus nouveaux, les plus recherchés sont ceux dont une des deux raies est en soie écrue. Toujours une des raies tranche: on voit, par exemple, rose-vif et gris-acier, écru et lilas, jaune-safran et rouge-brun, jaune-jonquille et bleu-haïti, vert-saule et bleu-grec, paille et brun-solitaire, vert-myrtle et blanc, bleu-foncé et gros-rouge.

La mode des broderies est revenue; on brode quantité de robes et de canezous.

Une nuance écrue, fauve clair, porte le nom de *girafe*. Les tailles qui avaient paru, il y a quelques semaines, tendre à se raccourcir, ont repris leur longueur.

Les redingotes habillées, en mousseline claire ou en organdi, avec transparent rose, jaune ou bleu, et

(*) До 15 Июля (н. с.) 1827 г.

noeuds de mousseline ou de ruban , sont portées par des femmes de la plus grande élégance.

Habit bleu-flore , ou marron à large collet de ve-
lours ; gilet de piqué blanc ou jaune ; cravate blanche ;
pantalon de fil anglais bien souple et bien tombant ; bas
de soie à côtes, légèrement chinés en bleu ; souliers à
bout pointu , et à cordons très-courts ; chapeau gris ;
voilà le costume d'un élégant , à la campagne , pour le
dîner et le bal du soir.

Les jeunes gens à la mode mettent le matin des
pantalons à guêtres , en étoffe fil et coton , à petites
raies bleues ou lilas. Les guêtres ont, sur le coté, trois
ou quatre boutons.

Plus d'épingle , ni à la chemise ni à la cravate.
La cravate a un simple noeud ; et l'on met à la chemise
un bouton en or.

Почти все носятъ болѣе крестовъ *à la Jean-
nette*. Щеголихи надѣвають нынѣ золотое сердце на
шолстой золотой цѣпочкѣ.

Платья для прогулокъ также коротки , какъ
бальные платья прошедшей зимы ; верхняя часть ру-
кавовъ у платьевъ и канзю чрезвычайно широкая.

Рѣдко увидѣшь можно шляпку съ неразрѣзанною
завязкою. Оба конца сей ленты должны развѣваться
по плечамъ. Трудно вообразить , какъ много идеть
лентъ на уборку одной шляпки. На каждый бантъ
(boucle) надобно ихъ полъ-аршина. Шляпки изъ со-
ломы сарачинскаго пшена начинаютъ носить съ под-
кладкой, коѣторая бываетъ изъ крепъ -крепе , цвѣта
розоваго , желтаго или вишневаго, смотря потому,
какія перья или цвѣты служатъ уборкою шляпы.

Самыя новыя и модныя костюмы пѣ, у которыхъ изъ двухъ полосокъ одна сырцового шелка. Всегда одна полоска рѣзко отличаетъ цвѣтомъ; напримеръ, видите цвѣта: ярко-розовый и спальной, сырцовый и лиловый, шафранный и темно-красный, желто-жонкилевый и голубой Гаитскій, зеленый ивовый и голубой Греческій, соломенный и темный солишеръ, зеленый миртовый и бѣлый, темно-синій и густо-красный.

Опять начинаютъ вышивать множество плащевъ и канезу.

Рыжеватый отпѣнокъ сырцового цвѣта называется *камеопардовымъ* (*).

За нѣсколько недѣль талии начали было дѣлать короче обыкновеннаго; теперь длина ихъ прежняя.

Самыя модныя дамы носятъ нынѣ нарядные рендеготы изъ прозрачной кисеи или изъ органди, на розовомъ, желтомъ или голубомъ, и банты изъ кисеи или леншъ.

Фракъ голубаго съ лоскомъ или кашпановаго цвѣта, съ широкимъ бархатнымъ воротникомъ; жилетъ изъ бѣлаго или желтаго пике; бѣлый галесухъ; панталоны изъ Англійской ткани, узкія и безъ всякихъ завязокъ и пуговокъ внизу; шелковые чулки со спрѣлками и тонкимъ голубымъ узоромъ;

(*) *Камелопардъ* или *Камелеопардъ* (la girafe), присланный Пашею Египетскимъ въ подарокъ Королю Французскому, составляешь теперь предметъ дневныхъ разговоровъ въ Парижѣ. Газеты наполнены анекдотами объ этомъ четвероногомъ пришлецѣ; ученые люди описываютъ его въ журналахъ или въ отдѣльныхъ брошюркахъ — являясь и модный цвѣтъ въ честь этой новости.

башмаки остроносые, съ корешенькими шнурками; сѣраго цвѣта шляпа: вошѣ нарядъ щеголя въ дѣревнѣ, на обѣдѣ и на балѣ вечеромъ.

Молодые модные люди надѣваюшъ, *утромъ*, панталоны изъ бумажной или холщевой матеріи, съ узенькими голубыми или лиловыми полосками и шпигельсы, у которыхъ по бокамъ по три или по четыре пуговики.

Булавокъ совсѣмъ не носяшъ, ни на рубашкѣ, ни на галстухѣ. Галстухъ просто съ узломъ, а на рубашкѣ золотая пуговка.

На приложенныхъ картинкахъ :

1. (Дама) Капоть-шляпка, убранная зрѣлымъ овсомъ и краснымъ макомъ. Кисейное платье. Воданы обшишые лизере. Канезу органдивная.

2. (Мужчина) Шелковая шляпа. Суконный сюртукъ съ бархатнымъ ворошникомъ и металлическими пуговицами. Панталоны изъ шерстяной матеріи.

О Г Л А В Л Е Н І Е
ПЯТНАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

I. НАУКИ и ИСКУСТВА.

	Стр.
<i>Исторія Амттер. Германской.</i>	
Гёте и Шиллеръ (съ Нѣм.). - - -	5 ✓
<i>Теорія Изящныхъ Искусствъ.</i>	
Мысли объ Изящныхъ Искусствахъ (И. Я. Кронеберга). - - - - -	17 ✓
<i>Исторія.</i>	
Историческое обозрѣніе Мнѳологіи Сѣверныхъ народовъ Европы (соч. Моне — <i>оконт.</i>).	25 ✓
Отрывокъ изъ жизнеописанія А. А. Барбье.	96
<i>Нумизматика.</i>	
О кабинетъ Восточныхъ монетъ Г-на Шпревица. - - - - -	93
<i>Изш. Художества.</i>	
О медали, приложенной къ Описанію Египта (съ рисункомъ). - - - - -	104
<i>Путешествія.</i>	
Письма изъ Сибири (продолженіе). 181 и 285	✓

II. КРИТИКА.

Начальныя основанія Х имін, Александра Іовскаго. Ч. I. изд. второе. М. 1827 г.	35
Цыганы. М. 1827 г. - - - - -	111
Ошвъшъ на кришму Г-на —хова. - - - - -	122
<i>Six mois en Russie</i> , etc. <i>Шестъ мѣсяцовъ въ Россіи.</i> Письма писанныя Г-мъ Ансело въ 1826 г. Парижъ, 1827 г. in 8. - - -	216

Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon, précédée d'un tableau politique et militaire de puissances belligérentes, etc. (Исторія войны на Испанскомъ полуостровѣ, во время Наполеона). Соч. Генерала Фуа, Парижъ, 1827 г. in 8, XV и 403 стр. - - - 309

III. БИБЛИОГРАФІЯ.

Русская Литтература: 1826 и 1827 годовъ. 44, 135, 233 и 324

IV. СОВРЕМЕННЫЯ ЛѢТОПИСИ.

Иностранная переписка. Письмо изъ Дрездена — Извѣщенія изъ другихъ писемъ. 67
 Рѣчь, произнесенная Английскимъ Министромъ Каннингемъ, въ засѣданіи Нижняго Парламента (окончаніе). - - - 73
 Изображеніе нынѣшняго состоянія Греціи. - - - 157 и 352
 Состояніе Наукъ и Словесности въ Италіи въ 1826 году (соч. Ф. Сальфи). 264
 Некрологія: Августъ Фридрихъ I, Король Саксонскій — Петръ Симонъ, Маркизъ Лалласъ — Іосифъ Пиацци — Францискъ Кардинскій. - - - 87, 173, 280 и 367

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихи и проза.

В. . . М. — Сонъ (изъ сочиненій Байрона). - - - 3
 Вяземскаго Князя П. А. — Къ Илличевскому. 3
 Жуковскаго В. А. — Къ портрету Гёте. 129
 Муравьёва А. . . — Италія (Сонетъ). 60
 — — — Смерть Данша. 106
 Телловой Надежды. . . — Къ родной сторонѣ. 136

Къ N. N. - - -	3
На кончину *** (изъ Жанъ-Поля). -	105
Хоръ духовъ (изъ Бай- ронова Манфреда; съ Англійскаго). - -	57
Отрывокъ изъ путеше- ствія въ стихахъ. 61	
Наборщику моихъ сти- ховъ. - - - -	4
Журналистъ Фигла- ринъ и истина. -	5

Проза.

Мысли Наполеона о военномъ искусствѣ (Т.).	6	✓
Дядюшка, или въ наше время все было лучше.	18	✓
Полиметры Жанъ - Поль Рихтера. -	29	
Персидскій Шахъ и его дворъ (отрывокъ).	65	
Лохъ - Ломонъ (М.). - - - -	111	
Необходимость переписки между родными. (И. Н. —).	115	
Пале-Рояль, или похождения Г-на Перрона (сказка). - - - -	138	

II. С М Ъ С Ъ.

О портретъ А. С. Пушкина. - - -	33
Письмо къ Издателью. - - - -	85
Журналистика. - - - 34, 92, 122 и 175	
Мнѣнія Англійскихъ рецензентовъ объ Исто- рии Наполеона, сочиненной В. Скотшомъ. 178	
Парижскія моды (на Французскомъ и Рус- скомъ языкахъ). - - 52, 100, 125 и 181	
Къ сей части принадлежатъ: <i>шесть картинокъ</i> Парижскихъ дамскихъ и мужскихъ модъ и <i>изображеніе</i> <i>медали.</i>	

al
pl

APR 21 1931

